СТИВЕН

КИНГ

КУДЖО

Куджо
Стивен Кинг

Аннотация
Стивен Кинг. Куджо

Аннотация

Один из обитателей тихого провинциального городка Касл-Рок – добродушный сенбернар Куджо. Однажды, преследуя кролика, он загоняет его в маленькую пещеру, где получает укус летучей мыши. На первый взгляд безобидное происшествие оборачивается настоящей трагедией. И возвращается Куджо к хозяевам уже совсем другим – чудовищем, сеющим смерть.

Счет его жертв постоянно увеличивается.

Справиться с ним кажется невозможным.

И невольно возникает мысль: какая в действительности болезнь может превратить животное в настоящего монстра?

И можно ли это Зло искоренить раз и навсегда?..

Стивен Кинг
Куджо

© Stephen King, 1981
© Перевод. Т. Покидаева, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Эта книга посвящается моему брату Дэвиду, который переводил меня за руку через Уэст-Брод-стрит и научил делать балансирующие игрушки из старых вешалок. Это было так круто, что я никак не мог остановиться.
Я люблю тебя, Дэвид.

На страданья у них был наметанный глаз.

Старые мастера, как точно они замечали,

Где у человека болит, как это в нас,

Когда кто-то ест, отворяет окно или бродит

в печали[1].

Уистен Хью Оден. В музее изящных искусств

Мой старый пес тяжело умирал,

Так умирал, что весь двор дро-

---

[1] Примечания: 1
Перевод П. Грушко.

жал.

Могилу ему серебром я копал,

На золотой цепи в яму спускал,

Все глядел на него, приговаривал:

«Кто хороший пес, кто хороший»[2].

Народная песня

Да, тут все хорошо.

Профессор Шарп, знаток сухих хлопьев

---

[2] Примечания: 2
Перевод П. Кузнецовой.

Когда-то, не так чтобы очень давно, в маленьком городке Касл-Рок в штате Мэн появилось чудовище. В 1970 году оно убило официантку Альму Фрешетт; в 1971-м — женщину по имени Полин Тутэкер и старшеклассницу Шерил Моди; в 1974-м — симпатичную девушку Кэрол Данбаджер; осенью 1975-го — учительницу Этту Рингголд; и, наконец, в декабре того же года — ученицу начальной школы Мэри Кейт Хендрасен.

Это был не вампир, не волк-оборотень, не безымянная тварь из зачарованных лесов или заснеженных пустошей; это был всего-навсего полицейский по имени Фрэнк Додд, страдавший психическим и сексуальным расстройством. Хороший парень Джон Смит разоблачил его с помощью своего рода магии, но Фрэнк Додд не стал дожидаться ареста и покончил с собой. Может быть, оно и к лучшему.

Конечно, у жителей Касл-Рока был шок, но все-таки радости было больше — радости, что чудовища, державшего в страхе их маленький городок, больше нет. Оно мертво, наконец-то мертво. Кошмар упокоился в могиле Фрэнка Додда.

Но даже в наш просвещенный век, когда ро-

дители в основном понимают, что детей надо беречь, чтобы ненароком не ранить их неокрепшую психику, где-то в Касл-Роке наверняка были мамы — или, может быть, бабушки, — пугавшие малышей, что если те будут капризничать и не слушаться старших, их заберет страшный Фрэнк Додд. И наверняка где-то были притихшие дети, в страхе глядевшие на темные окна с мыслями о Фрэнке Додде в черном блестящем дождевике, о Фрэнке Додде, который душил своих жертв… и душил… и душил…

Он где-то рядом, я прямо слышу бабушкин шепот под завывание ветра в каминной трубе и дребезжание старой крышки от кастрюли, приспособленной в качестве печной заслонки. *Он где-то рядом, и если ты будешь вести себя плохо, он заглянет в окно твоей спальни совсем поздно ночью, когда в доме все спят — все, кроме тебя, — или, может быть, высунется из шкафа, с улыбочкой на губах, в одной руке — знак «СТОП», с которым он переводил детей через дорогу, в другой руке — бритва, которой он перерезал себе горло… так что тише, малыш… тише… тише.*

Однако для большинства горожан все закончилось. Да, кому-то по-прежнему снились кошмары, и дети подолгу не могли уснуть, и опустевший

дом Додда (его мать умерла от сердечного приступа вскоре после разоблачения сына) сразу же стали называть проклятым домом, к которому старались не подходить; но это были временные явления, неизбежные издержки цепи бессмысленных убийств.

Время шло. Миновало пять лет.

Чудовище умерло, сгинуло без следа. Фрэнк Додд разлагался в своем гробу.

Вот только чудовище не умирает. Оборотень, вампир, безымянная тварь с диких пустошей. Чудовище не умирает.

Летом 1980-го оно снова пришло в Касл-Рок.

* * *

В одну из майских ночей того года четырехлетний Тэд Трентон проснулся сразу после полуночи, потому что ему захотелось в туалет. Он встал с кровати и побрел, полусонный, к полоске белого света, что лился из ванной сквозь приоткрытую дверь. Он заранее, еще на ходу, приспустил пижамные штанишки, потом долго-долго мочился, спустил воду в унитазе и вернулся в постель. Забираясь под одеяло, Тэд увидел в шкафу чудовище.

Оно сидело, припав низко к полу, его мощные

плечи вздымались над склоненной набок головой, глаза горели янтарным огнем. Странное, жуткое существо, получеловек-полуволк. Его янтарные глаза следили за Тэдом, когда тот сел на постели — в паху что-то сжалось в тугой комок, волосы на голове встали дыбом, дыхание вырывалось из горла тоненьким ледяным свистом. Эти глаза хищно смеялись, глаза обещали страшную смерть и музыку криков, которых никто не услышит. Глаза чудовища, поселившегося в шкафу.

Тэд слышал его рокочущее рычание; чувствовал запах его дыхания, сладковатый душок мертвечины.

Тэд Трентон закрыл руками глаза, судорожно вдохнул и закричал.

Приглушенный возглас в соседней комнате — это папа.

Испуганный вскрик: «Что такое?» — в той же комнате — это мама.

Топот бегущих ног. Когда родители ворвались в детскую, Тэд выглянул в щелочку между пальцами и увидел, что чудовище никуда не исчезло: глядит на него, скалит зубы и как бы грозится, что да, мама с папой пришли, но они скоро уйдут, и тогда…

Зажегся свет. Вик и Донна Трентон бросились

к кровати сына, встревоженно переглянулись поверх его белого как мел лица и застывших, широко распахнутых глаз, и мама сказала… нет, скорее рявкнула:

— Я же говорила, Вик, что три хот-дога ему многовато!

Папа сел на кровать, обнял Тэда за плечи и спросил, что случилось.

Тэд решился еще раз взглянуть на приоткрытую дверцу шкафа.

Чудовища не было. Вместо голодного зверя Тэд увидел две неровные стопки теплых одеял, которые Донна так и не удосужилась отнести в кладовую на третьем этаже. Они лежали на стуле, куда Тэд забирался, когда ему надо было взять что-нибудь с верхней полки в шкафу. Вместо лохматой треугольной головы, хищно и настороженно склоненной набок, он увидел своего плюшевого медвежонка, сидящего на одеялах. Вместо злых глаз, горящих янтарным огнем, — дружелюбные шарики из коричневого стекла, которыми его медвежонок смотрел на мир.

— Что случилось, Тэдди? — вновь спросил папа.

— Там, в шкафу, было чудовище! — крикнул Тэд и расплакался.

Мама тоже присела к нему на кровать, и они с папой принялись утешать его вместе. Привычный родительский ритуал. Они объяснили, что не было никакого чудовища, потому что чудовища есть только в сказках, а в жизни их нет; ему просто приснился страшный сон. Мама сказала, что иногда тени складываются в фигуры, похожие на злых персонажей из фильмов и комиксов, а папа уверил, что все хорошо и в их добром доме с Тэдом не может случиться ничего плохого. Тэд кивнул, соглашаясь, хотя знал, что это не так.

Папа ему объяснил, что в темноте все не такое, как при свете дня: две стопки из одеял запросто можно принять за сгорбленные плечи, плюшевого медвежонка — за склоненную голову, а свет из ванной, отразившийся в стеклянных игрушечных глазах, придал им сходство с глазами настоящего, живого зверя.

— Теперь смотри, — сказал папа. — Смотри внимательно, Тэдди.

Тэд стал смотреть.

Папа сгреб одеяла в охапку и запихал их подальше вглубь шкафа. Тэд услышал, как звякнули вешалки. Наверное, они говорили о папе на своем вешалочном языке. Это было смешно, и Тэд чуть улыбнулся. Мама заметила эту улыбку и с

облегчением улыбнулась в ответ.

Папа взял медвежонка и вручил его Тэду.

— И последнее, самое главное. — Папа изобразил церемонный поклон, рассмешив Тэда и маму. — Стул.

Он плотно закрыл дверцу шкафа и подпер ее стулом. Возвращаясь к кровати Тэда, папа по-прежнему улыбался, но его глаза были серьезны.

— Все в порядке, Тэд?

— Да, — ответил Тэд и все же заставил себя добавить: — Но там было чудовище, пап. Я его видел. Честное слово.

— Тебе *показалось*, что ты что-то видел. — Папа погладил Тэда по голове большой теплой рукой. — На самом деле никакого чудовища не было и быть не могло. Все чудовища — выдумки. Они бывают только в сказках или в фантазиях у тебя в голове.

Тэд посмотрел на папу, потом на маму и снова на папу — на их большие, любимые лица.

— Правда?

— Правда, — сказала мама. — А сейчас большой мальчик пойдет в туалет и пописает.

— Я уже сходил. Я поэтому и проснулся.

— Тогда сходи еще раз, — сказала мама, ведь родители никогда не верят ребенку. — Сделай

мне одолжение.

И он пошел в туалет, и мама пошла вместе с ним и улыбнулась, когда он вытряхнул из себя пару капель.

— Вот видишь? Все-таки *надо было* сходить.

Тэд послушно кивнул. Вернулся в постель. Его укрыли. Поцеловали.

Но когда мама с папой собрались уходить, ему опять стало страшно. Страх накрыл его, как холодное покрывало, сотканное из тумана. Как саван, пропахший безнадежной смертью. *Ну пожалуйста*, подумал он, только эти два слова, и ничего больше: *Ну пожалуйста, ну пожалуйста, ну пожалуйста.*

Наверное, папа уловил его мысли. Он обернулся, держа руку на выключателе, и повторил:

— На самом деле чудовищ не существует, Тэд.

— Да, папа, — отозвался Тэд, потому что в это мгновение папин взгляд сделался сумрачным и далеким, словно ему самому нужен был кто-то, кто его убедит. — Чудовищ не существует.

Кроме чудовища в моем шкафу.

Свет погас.

— Спокойной ночи, Тэд. — Мамин голос донесся из темноты, как дуновение тихого, ласкового ветерка, и Тэд мысленно закричал: *Осторожнее,*

мама, они едят женщин! Во всех фильмах чудовища хватают женщин, уносят их далеко-далеко и едят! Ну пожалуйста, ну пожалуйста, ну пожалуйста…

Но родители уже ушли.

Четырехлетний Тэд Трентон остался один в темноте, весь напряженный, как перекрученные провода и детали металлического конструктора. Он лежал, натянув одеяло до самого подбородка, и со всей силы прижимал к груди своего плюшевого медвежонка. На стенах висели плакаты. Люк Скайуокер; щекастый улыбчивый бурундучок, стоящий на крышке блендера (ЕСЛИ ЖИЗНЬ ПРЕПОДНОСИТ ТЕБЕ ЛИМОНЫ, ДЕЛАЙ ИЗ НИХ ЛИМОНАД! — радостно призывал он); вся веселая братия из «Улицы Сезам»: Большая Птица, Берт и Эрни, Оскар и Гровер. Добрые домашние тотемы, добрая магия. Но снаружи выл ветер, с визгом носился по крышам, скользил по черным водосточным трубам. В эту ночь Тэд уже не уснет.

И все-таки провода потихонечку раскрутились, напряженные мышцы расслабились. Он почти задремал…

Его разбудил новый звук — не ночной ветер за окном, а ближе.

Петли на дверце шкафа.

Кри-и-и-и-и-и-и-и-и-и…

Этот скрип, такой тоненький и высокий, что его могли бы расслышать, наверное, только собаки и маленькие мальчики, не спящие поздно ночью. Дверца шкафа медленно приоткрывалась сама по себе, словно мертвая пасть, разверзавшаяся в темноту — дюйм за дюймом, фут за футом.

И там, в темноте, снова было чудовище. Сидело, припав низко к полу, на том же месте, где раньше. Оно ухмылялось, глядя на Тэда, его мощные плечи все так же вздымались над склоненной набок головой, глаза горели все тем же янтарным огнем, пронизанным хищным, звериным коварством. *Они ушли, Тэд, как я тебе и говорил*, шептало оно. *Так всегда и бывает: они уходят. И тогда я возвращаюсь. Мне* нравится *возвращаться. Ты тоже мне нравишься, Тэд. Пожалуй, я буду теперь приходить к тебе каждую ночь, с каждым разом все ближе и ближе к твоей кроватке… все ближе и ближе… пока однажды ты не услышишь мой рык* совсем рядом. *Ты не успеешь позвать маму с папой, я схвачу тебя раньше, чем ты закричишь, и я тебя съем, и ты будешь во мне навсегда.*

Завороженный липким тягучим ужасом, Тэд смотрел на чудовище в темном шкафу. В нем было что-то… почти знакомое. Что-то, что он почти

знал. И это *почти узнавание* было страшнее всего. Потому что…

Потому что мной движет безумие, Тэд. Я уже здесь. И все время был здесь. Когда-то меня звали Фрэнк Додд, я убивал женщин и, может быть, даже их ел. Я всегда где-то рядом, и я знаю, как взять свое. Я чудовище, Тэд, древний ужас, и скоро я тебя заполучу. Смотри, как я подбираюсь все ближе… и ближе…

Может быть, это и вправду был голос чудовища, свистящий шепот из шкафа. Может быть, это был голос ветра, завывавшего за окном. Только это не важно, совсем не важно. Тэд все равно различал каждое слово, слушал, парализованный ужасом, чуть ли не в полуобмороке (но в ясном сознании), и не мог отвести взгляд от скрытого в сумраке оскаленного лица, которое почти знал. Этой ночью он точно уже не уснет. Может быть, он вообще никогда не уснет.

Но чуть позже, где-то между половиной первого и часом ночи — может быть, потому, что Тэд был еще маленьким, — он опять задремал. Сначала ему приснилось, что за ним гонятся большие лохматые звери с белыми зубами, а потом он погрузился в глубокий сон без сновидений.

За окном по-прежнему завывал ветер, вел ноч-

ные беседы с водосточными трубами. На небо взошел тонкий серп белой весенней луны. Где-то очень далеко, на тихом спящем лугу или в чаще соснового леса, истошно залаяла собака, но быстро умолкла.

А в шкафу Тэда Трентона нечто с янтарными глазами несло свою неусыпную вахту.

* * *

— Это ты переложил одеяла? — спросила Донна у мужа следующим утром. Она стояла у плиты и жарила бекон. Тэд в гостиной смотрел по телевизору детское шоу и ел «Звездочки». «Звездочки», как и все прочие хлопья от компании «Шарп», Трентоны получали бесплатно.

— Что? — спросил Вик, сосредоточенно изучавший спортивный раздел в газете. Как человек, родившийся и выросший в Нью-Йорке, он до сих пор не поддался лихорадке «Ред сокс», но уже получал мазохистское удовольствие от очередного неудачного выступления «Нью-Йорк метс» на старте сезона.

— Одеяла. В шкафу у Тэда. Они снова лежали на стуле. Стул опять был внутри, дверца снова была нараспашку. — Донна поставила на стол тарелку с горячим, еще шкварчащим беконом. — Это ты

переложил одеяла обратно на стул?

— Нет, не я, — сказал Вик, переворачивая страницу. — Я, как моль, не терплю запаха нафталина и не бываю в шкафу.

— Очень смешно. Наверное, *он сам* их переложил.

Вик отложил газету и посмотрел на жену:

— Ты о чем, Донна?

— Помнишь, как он кричал ночью…

— Как такое забудешь! Я думал, он умирает. Думал, у него приступ.

Она кивнула.

— Ему показалось, что одеяла на стуле — это какое-то… — Она пожала плечами.

— Злое страшилище, — улыбнулся Вик.

— Да, вроде того. И ты дал ему медвежонка и убрал одеяла подальше в шкаф. Но сегодня, когда я зашла к нему в комнату, они снова лежали на стуле. — Она рассмеялась. — Я заглянула вглубь шкафа, и на секунду мне показалось…

– *Теперь* понятно, от кого он набрался таких фантазий. — Вик снова взял в руки газету и пристально посмотрел на жену. — Три хот-дога, ну-ну.

Позже, когда Вик уехал на работу, Донна спросила у Тэда, зачем он снова поставил стул в шкаф

и навалил на него одеяла, если ночью они так его напугали.

Тэд посмотрел на нее, и его обычно живое, по-детски подвижное лицо показалось ей бледным, и строгим, и каким-то уж слишком взрослым. Перед ним на столе лежала раскрытая книжка-раскраска со «Звездными войнами». Он раскрашивал сценку в межзвездной кантине и как раз взял зеленый восковой мелок для Гридо.

— Это не я, — ответил он.

— Но, Тэд, если это не ты, и не папа, и *уж точно* не я…

— Это чудовище, — сказал Тэд. — Чудовище из моего шкафа.

Он снова склонился над своей раскраской.

Донна смотрела на сына, встревоженная и немного напуганная. Тэд — мальчик умный, смышленый, одаренный богатым воображением. Может быть, *слишком* богатым воображением, что далеко не всегда хорошо. Надо будет поговорить с Виком, сегодня же вечером. Надо будет серьезно поговорить.

— Тэд, ты же помнишь, что сказал папа? Чудовищ нет, их не бывает.

— Днем — да, не бывает. — Тэд улыбнулся так искренне и открыто, что эта улыбка прогнала все

страхи Донны. Она ласково потрепала сына по волосам и поцеловала его в щеку.

Она собиралась поговорить с Виком, но когда Тэд был в детском саду, к ней приехал Стив Кемп, и она забыла, а ночью Тэд снова кричал и плакал, потому что оно там, в шкафу. Чудовище, чудовище!

Дверца шкафа была приоткрыта, одеяла лежали на стуле. На этот раз Вик отнес их на третий этаж и оставил в кладовке.

— Все, Тэдди, они наверху под замком, — сказал он, целуя сына. — Теперь все в порядке. Можешь спать спокойно.

Но Тэд еще долго не мог уснуть, и пока лежал, съежившись под одеялом, дверца шкафа опять приоткрылась с тихим щелчком, мертвая пасть распахнулась в мертвую темноту, где притаилось нечто лохматое и зубастое, источавшее запах запекшейся крови и черной погибели.

Здравствуй, Тэд, прошептало чудовище своим гнилостным голосом, и луна заглянула в окно, как прищуренный белесый глаз мертвеца.

* * *

Весной того года старейшей жительницей Касл-Рока была Эвелин Чалмерс, которую местные

старики называли тетушкой Эвви, а почтальон Джордж Мира — «болтливой старой калошей». Джордж доставлял ей почту: в основном торговые каталоги, рекламные буклеты от «Ридерз дайджест» и молитвенные брошюрки Крестоносцев Предвечного Христа — и почти ежедневно выслушивал ее бесконечные монологи. «Если к чему-то и стоит прислушаться в болтовне этой старой калоши, так только к ее предсказаниям погоды», — говаривал он, пропустив несколько стаканчиков в компании друзей, собиравшихся в «Поддатом тигре». Идиотское название для бара, но раз уж в Касл-Роке нет других баров, приходилось довольствоваться тем, что есть.

В целом весь городок разделял мнение Джорджа. Титул старейшей жительницы Касл-Рока вкупе с почетной тростью от «Бостон пост» перешел к тетушке Эвви два года назад, когда стооднолетний Арнольд Хиберт — под конец впавший в глубокий маразм, так что беседовать с ним было столь же бессмысленно, как с пустой банкой из-под кошачьих консервов, — навернулся с террасы дома престарелых в Касл-Эйкерсе и сломал себе шею ровно через двадцать пять минут после того, как в последний раз в жизни напрудил в штаны.

Тетушка Эвви была далеко не такой маразматичной, как Арни Хиберт, и не такой старой. В свои девяносто три года она еще не настолько выжила из ума, чтобы лишиться собственного дома, как его лишился Хиберт, и могла не отказывать себе в удовольствии донимать громогласной беседой безропотного (и частенько похмельного) Джорджа Миру, когда тот привозил почту.

Но погоду она и вправду предсказывала лучше всяких синоптиков. Среди горожан — старшего поколения горожан, которых заботят подобные вещи, — бытовало единодушное мнение, что тетушка Эвви никогда не ошибается по трем вопросам: в какую неделю произойдет первый летний сенокос, как хорошо (или плохо) уродится черника и какая будет погода.

Как-то в начале июня тетушка Эвви приковыляла к почтовому ящику у калитки, тяжело опираясь на трость «Бостон пост» (которая, размышлял Джордж Мира, перейдет к Вину Маршану, когда болтливая старая калоша сыграет в ящик, и, как говорится, скатертью дорожка, Эвви) и попыхивая сигаретой. Она поздоровалась с Мирой, крича во весь голос — когда тетушка Эвви оглохла, она, очевидно, решила, что весь мир тоже оглох за компанию с ней, — и сообщила,

что лето обещает быть жарким. Самым жарким за тридцать лет. Жарища в начале, жарища в конце, прогремел в сонной утренней тишине зычный голос тетушки Эвви, и посередке все так же жарища.

— Вот как? — сказал Джордж.

— *Что?*

— *Я говорю: «Вот как?»*

Вот еще одно малоприятное свойство тетушки Эвви: когда она начинала орать, ты волей-неволей орал вместе с ней, рискуя порвать себе связки.

— *Да чтоб мне провалиться, если не так!* — выкрикнула тетушка Эвви. Пепел ее сигареты упал на плечо Джорджа Миры, на его форменную рубашку, свеженькую, только что из химчистки. Джордж безропотно стряхнул пепел рукой. Тетушка Эвви наклонилась к окошку машины, чтобы ей было удобнее кричать ему в ухо. У нее изо рта пахло прокисшими огурцами.

— *Полевки уже выбрались из подвалов! Томми Недоу видел оленей у озера Мусантик, они чесали рога. Раньше первой малиновки! Под снегом, когда он растаял, была трава! Зеленая трава, Мира!*

— Вот как, Эвви? — отозвался Джордж, поскольку тут явно предполагался какой-то отклик. У

него уже начинала болеть голова.

— *Что?*

— *ВОТ КАК, ЭВВИ?* — заорал Джордж Мира, брызжа слюной.

– *О да!* — Вид у тетушки Эвви был крайне довольный. — *И вчера ночью я видела, как полыхнула зарница! Дурной знак, Мира! Ночные зарницы — всегда дурной знак! Многие люди помрут от жары этим летом, помяни мое слово!*

— *Мне пора, тетушка Эвви!* — крикнул Джордж. — *У меня заказное письмо для Стрингера Болье!*

Тетушка Эвви Чалмерс запрокинула голову к небу и расхохоталась, почти задыхаясь от смеха и роняя пепел себе на халат. В конце концов она выплюнула недокуренную сигарету, и та упала, дымясь, рядом с ее туфлей — черной, как печная сажа, и тесной, что твой корсет, туфлей на все времена.

– *Заказное письмо для французика Болье? Да он не прочтет даже имени на своей собственной могильной плите!*

— *Мне пора, тетушка Эвви!* — поспешно проговорил Джордж и включил передачу.

— *Французик Болье — недоумок с рождения! Дурачина, каких поискать!* — крикнула тетушка

Эвви, но теперь она обращалась к облаку пыли, поднятому машиной Джорджа Миры; ему все же удалось сбежать.

Она еще пару минут постояла у почтового ящика, глядя вслед почтальону. Для нее писем не было; теперь ей редко приходили письма. Большинство ее знакомых, умевших писать, уже отошли в мир иной. И ей что-то подсказывало, что она скоро последует за ними. Грядущее лето вызывало у нее дурные предчувствия. Она могла запросто говорить о рано вышедших из подвалов мышах и о сполохах ночных зарниц, но она никому не рассказывала о своих смутных страхах, о притаившейся где-то за горизонтом жаре, припавшей к земле, как отощавший, но все еще сильный зверь, весь покрытый коростой, с глазами красными, будто тлеющие угли; о своих снах, где жарило солнце и не было тени, а были лишь жажда и зной; о беспричинных слезах по утрам — горьких слезах, что не дают облегчения, а разъедают глаза, как горячий августовский пот. Она чуяла запах безумия в ветре, который еще не поднялся.

— Джордж Мира, старый ты пердун, — произнесла тетушка Эвви с сочным мэнским акцентом, что придает каждому слову одновременно и гроз-

ное, и нелепое звучание.

Она заковыляла обратно к дому, опираясь на трость «Бостон пост», которую ей вручили на торжественной церемонии в мэрии за сомнительное достижение — благополучно дожить до старости. Неудивительно, размышляла она, что эта паршивая газетенка оказалась на грани банкротства.

Тетушка Эвви помедлила на крыльце, глядя на небо, все еще по-весеннему нежное и прозрачное. Но она явственно ощущала: что-то грядет. Что-то жаркое, что-то злое.

* * *

Прошлым летом, когда левое заднее колесо старенького «ягуара» Вика Трентона начало как-то странно стучать, именно Джордж Мира посоветовал Вику обратиться в мастерскую Джо Камбера на окраине Касл-Рока.

— Он вообще странный малый, и у него странный подход к работе, — сказал Мира Вику в тот день, когда Вик вышел к почтовому ящику. — Говорит, сколько оно будет стоить, потом делает свою работу и берет ровно столько, сколько сказал. Ни цента больше. Странный способ ведения бизнеса, да? — Мира поехал дальше, а Вик еще долго стоял, размышляя, говорил ли почтальон

всерьез или это была какая-то малопонятная мэнская шутка.

Но он все-таки позвонил Камберу, и однажды в июле (не таком жарком, каким будет июль на следующий год) они с Донной и Тэдом все вместе поехали в мастерскую. Путь действительно был неблизкий, Вику пришлось дважды остановиться, чтобы спросить дорогу, и именно с того дня он стал называть эту дальнюю окраину Касл-Рока Восточной Задницей Мира.

Когда он въезжал во двор Камбера, заднее колесо застучало еще сильнее. Тэд, тогда трехлетний малыш, сидел на коленях у Донны и звонко смеялся; ему всегда нравилось кататься на папиной машине «без крыши». Сама Донна тоже была в замечательном настроении.

Во дворе им встретился парнишка лет восьми-девяти, лупивший по старому бейсбольному мячу совсем уже древней битой. Мяч летел, ударялся о стену сарая — где, видимо, и размещался гараж мистера Камбера, подумал Вик, — и катился обратно.

— Привет, — сказал мальчик. — Вы мистер Трентон?

— Да, это я, — сказал Вик.

— Я позову папу.

Мальчик пошел в сарай.

Трентоны выбрались из машины, и Вик присел на корточки рядом с испорченным колесом. Наверное, все-таки стоило съездить в Портленд. Здешняя мастерская как-то не вызывала доверия; у Камбера даже не было вывески.

Его размышления прервал нервный голос жены:

— *О боже*, Вик…

Он быстро поднялся и увидел огромного пса, выходившего из сарая. Поначалу он даже не понял, точно ли это собака или какой-то лохматый уродливый пони неизвестной породы. Но как только пес вышел на свет, Вик увидел его печальные глаза и узнал сенбернара.

Донна порывисто подхватила Тэда на руки и отступила к машине, но Тэд принялся возмущенно вырываться, пытаясь спуститься обратно на землю.

— Хочу к собачке, мам… хочу *к собачке*!

Донна нервно взглянула на Вика, который молча пожал плечами, тоже встревоженный. Но тут из сарая вышел парнишка и на ходу потрепал пса по голове. Пес завилял великанским хвостом, и Тэд принялся вырываться с удвоенной силой.

— Можете отпустить малыша, мэм, — вежливо

сказал мальчик. — Куджо любит детей. Он его не обидит. — Он обратился к Вику: — Папа сейчас подойдет. Только вымоет руки.

— Хорошо, — сказал Вик. — Крупный у тебя песик, сынок. Ты уверен, что он не опасен?

— Он совсем не опасен, — уверил его парнишка, но Вик все равно невольно шагнул и встал рядом с женой, в то время как их сынишка, такой немыслимо маленький, направился прямо к Куджо. Пес склонил голову набок и медленно вильнул хвостом.

— Вик… — начала было Донна.

— Все в порядке, — сказал ей Вик и мысленно добавил: *Я очень надеюсь*. Такому громадному зверю ничего не стоило бы проглотить малыша Тэдди одним махом.

Тэд на мгновение замер, явно засомневавшись. Они с псом глядели друг на друга.

— Собачка? — сказал Тэд.

— Куджо. — Парнишка Камбера встал рядом с Тэдом. — Его зовут Куджо.

— Куджо, — повторил Тэд. Пес подошел ближе и принялся добродушно облизывать ему лицо своим огромным слюнявым языком. Тэд захихикал и попытался его оттолкнуть. Потом обернулся к родителям и рассмеялся, как смеялся всегда,

когда они его щекотали. Он шагнул к ним, но запутался в собственных ногах и упал. Внезапно пес оказался прямо над ним, и Вик, обнимавший жену за талию, скорее почувствовал, чем услышал, как у нее перехватило дыхание. Он рванулся вперед… но тут же остановился.

Зубы Куджо сомкнулись сзади на футболке с Человеком-пауком. Пес поднял мальчика — в эту секунду Тэд был как котенок в зубах мамы-кошки — и осторожно поставил на ноги.

Тэд подбежал к маме и папе.

— Собачка хорошая! Мама! Папа! Собачка хорошая!

Парнишка Камбера наблюдал за ним с доброй усмешкой, засунув руки в карманы джинсов.

— Да, замечательный пес, — сказал Вик. Он уже не боялся, но сердце все еще билось как сумасшедшее. На мгновение ему действительно показалось, что сейчас пес откусит Тэду голову, как леденец на палочке. — Это сенбернар, Тэд.

— Сен… беринар! — крикнул Тэд и помчался обратно к Куджо, который уселся у входа в сарай, как небольшая гора. — Куджо! *Ку-у-у-у-джо!*

Донна вновь напряглась.

— Вик, ты думаешь…

Но Тэд уже подбежал к Куджо, крепко его обнял,

а затем чуть отстранился и пристально посмотрел на него. Теперь, когда Куджо сидел (хвост глухо стучит по гравию, розовый язык вывален изо рта), Тэд, встав на цыпочки, почти мог заглянуть псу в глаза.

— Я думаю, что у них все хорошо, — сказал Вик.

Тэд сунул в пасть Куджо крошечную ручонку и заглянул ему в рот, как самый маленький в мире дантист. Вик снова встревожился, но Тэд уже бежал обратно к родителям.

— У собачки есть зубы, — сообщил он Вику.

— Да, — сказал Вик. — Много зубов.

Он обернулся к парнишке, намереваясь спросить, кто придумал собаке такое необычное имя, но тут из сарая вышел Джо Камбер, на ходу вытирая ладони о кусок ветоши, чтобы пожать Вику руку.

Вик был приятно удивлен, обнаружив, что Камбер свое дело знает. Они с Виком проехались до подножия холма и обратно, и всю дорогу Джо внимательно слушал стук в колесе.

— Подшипник, — заключил он. — Вам повезло, что машина еще на ходу.

— Сможете починить? — спросил Вик.

— Ну да. Могу прямо сейчас, если вы согласи-

тесь пару часиков подождать.

— Да, мы подождем, — сказал Вик, глядя на Тэда и пса. Тэд завладел бейсбольным мячом сына Камбера и теперь бросал его как можно дальше (на самом деле не так уж и далеко), а Куджо послушно приносил уже изрядно обслюнявленный мяч обратно. — Ваш пес прекрасно играет с моим сынишкой.

— Куджо любит детей, — кивнул Камбер. — Стало быть, заводите машину в гараж, мистер Трентон.

Доктор сейчас вас осмотрит, подумал Вик и загнал «ягуар» в сарай. Камбер справился даже быстрее, всего за полтора часа, и цена оказалась вполне разумной.

Все это время Тэд как заведенный носился по двору и непрестанно звал пса:

– Куджо… Ку-у-у-у-джо… ко мне, Куджо…

А перед самым отъездом парнишка Камбера, которого звали Бретт, посадил Тэда верхом на Куджо и поддерживал его, пока большой пес послушно обходил двор по кругу. Когда Куджо шагал мимо Вика, тот поймал его взгляд… и мог бы поклясться, что пес смеется.

* * *

Буквально через три дня после громкого разговора Джорджа Миры с тетушкой Эвви Чалмерс четырехлетняя девочка, ровесница Тэда Трентона, сидела за завтраком на чистой кухоньке в аккуратном маленьком домике в Айова-Сити, штат Айова, и вдруг резко поднялась из-за стола и объявила:

— Мама, мне плохо. Меня тошнит.

Мама обернулась к ней без особого удивления. За два дня до того старший брат Марси пришел из школы с желудочным гриппом. Сейчас Брок уже полностью выздоровел, но в первые сутки ему было по-настоящему плохо, его постоянно несло и тошнило.

— Ты уверена, солнышко? — спросила мама.

— Ой, я… — Марси громко застонала и выскочила в коридор, держась за живот. Мама пошла следом за ней, увидела, как малышка заходит в ванную, и подумала: *Ну вот, опять все сначала. Главное, мне самой не свалиться.*

Она услышала звуки рвоты и вошла в ванную следом за дочерью. В голове уже складывался план действий: обильное питье, постельный режим, ночной горшок у кровати, книжки для

развлечения; когда Брок вернется из школы, пусть отдаст Марси на время свой переносной телевизор, и…

Она глянула на унитаз, куда стошнило ее четырехлетнюю дочь, и все мысли вылетели из головы, словно по ней ударили кулаком.

Унитаз был полон крови; кровь забрызгала края фаянсовой чаши и кафельный пол вокруг.

— Мама, мне плохо…

Дочь обернулась, ее дочь обернулась, и весь ее рот был в крови, кровь стекала по подбородку, капала на синее матросское платьице, кровь, Господи Иисусе, Мария и Иосиф, так много *крови*…

— Мама…

Ее дочку снова стошнило, красное месиво полилось у нее изо рта, кровь забрызгала все вокруг, будто зловещий погибельный дождь. Мать подхватила Марси на руки, помчалась в кухню, где стоял телефон, и вызвала «Скорую».

* * *

Куджо знал, что он уже староват, чтобы гоняться за кроликами.

Он был вовсе не *старым*, даже по собачьим меркам. Но в свои пять лет Куджо давно вышел из щенячьего возраста, когда неутомимо носился

по лесам и полям за какой-нибудь бабочкой. В свои пять лет, если переводить на человеческие года, он достиг ранней стадии среднего возраста.

Но в тот день, шестнадцатого июня, выдалось чудесное утро, и роса еще не высохла на траве. Жара, предсказанная тетушкой Эвви Джорджу Мире, уже наступила — это был самый жаркий июнь за много лет, — и к двум часам дня Куджо будет лежать на запыленном дворе (или в сарае, если ХОЗЯИН его позовет; иногда он впускал Куджо в сарай, когда напивался, что в последнее время случалось почти постоянно), тяжело дыша под палящим солнцем. Но это будет позже.

Кролик — большой, упитанный, с бурой шерсткой — даже не подозревал о присутствии Куджо на краю северного поля в миле от дома. Ветер дул в неудачную сторону для Братца Кролика.

Куджо подобрался поближе к нему, не ради мяса, а больше ради забавы. Кролик радостно угощался свежим клевером, который уже через месяц пожухнет под безжалостным жарким солнцем. Если бы кролик заметил пса хотя бы на половине того расстояния, что разделяло их изначально, Куджо дал бы ему убежать. Но кролик вскинулся только тогда, когда до него оставалось ярдов пятнадцать, не больше. На мгновение он

замер, превратившись в застывшую скульптуру со смешно вытаращенными косыми глазами. А потом бросился наутек.

Залившись яростным лаем, Куджо пустился в погоню. Кролик был очень маленьким, Куджо — очень большим, но сама *вероятность* удачного исхода охоты придавала Куджо сил. Он почти догнал кролика и даже задел его лапой. Кролик начал петлять. Не такому проворному Куджо было трудно выдерживать темп, бросаясь из стороны в сторону. Взрывая когтями мягкую землю, он слегка отстал, но потом снова нагнал добычу. Птицы испуганно взмыли в небо, потревоженные его громким надсадным лаем; если собаки умели бы улыбаться, то сейчас Куджо улыбался бы. Кролик бросил петлять и побежал напрямик через поле. Куджо мчался следом, уже начиная подозревать, что в этой гонке ему не победить.

Но он очень старался и почти догнал кролика, когда тот юркнул в нору на склоне небольшого холма. Вход в нору зарос высокой травой, но Куджо не раздумывал ни секунды. Склонив голову низко к земле, он с разбегу влетел в узкий лаз… где и застрял, как пробка в бутылке.

Джо Камбер семнадцать лет владел фермой «Семь дубов» в конце городского шоссе номер

3, но даже не подозревал о существовании этой норы. Он бы наверняка обнаружил ее, если бы занимался фермерским хозяйством, но у него было другое занятие. В большом красном сарае располагался не хлев для скота, а авторемонтная мастерская. Его сын Бретт часто бродил по полям и лесам возле дома, но тоже не замечал этой норы, хотя несколько раз чуть не провалился в нее ногой и мог бы запросто сломать лодыжку. В ясные дни вход в нору мог сойти за пятно тени; в пасмурные дни его скрывала высокая трава.

Джон Мозам, предыдущий владелец фермы, знал о норе, но ему даже в голову не пришло рассказать о ней Джо Камберу, когда тот купил ферму в 1963-м. Возможно, он предупредил бы о ней, когда в 1970-м у Джо и его жены Черити родился сынишка, но к тому времени рак уже свел старого Джона в могилу.

Кстати, и хорошо, что Бретт не обнаружил эту нору. Нет ничего интереснее для мальчишки, чем дыра в земле, особенно если она ведет в маленькую известняковую пещеру. Ее глубина доходила до двадцати футов, и худенький маленький мальчик вполне мог забраться туда, а потом не выбраться. Такое случалось уже не раз с мелкими животными. Ведущий в пещеру лаз шел

под уклон — легко съехать вниз, как по горке, и гораздо труднее вскарабкаться вверх, — и весь пол внутри был усыпан костями. Сурок, скунс, пара бурундуков, пара белок и домашний кот. Кота звали Мистер Пропер. Камберы потеряли его два года назад и решили, что кота сбила машина или он просто сбежал. Но он лежал здесь, вместе с костями упитанной полевой мыши, за которой однажды погнался.

Кролик Куджо съехал вниз и теперь мелко дрожал ушами и носом, вибрировавшим, как камертон, в ответ на яростный лай Куджо, который заполнил собой всю пещеру. Из-за эха казалось, что наверху собралась целая стая собак.

Маленькая пещера привлекала и летучих мышей. Места здесь было немного, но неровные своды служили отличным насестом для дневного сна ночных тварей. Так что Бретту Камберу действительно повезло, что он не нашел эту пещеру с мышами, и особенно в этом году. В этом году среди бурых летучих мышей, обитавших в пещере, распространился особо опасный штамм вируса бешенства.

Куджо застрял в плечах. Он яростно скреб лапами, но без толку. Он мог бы выбраться наружу задним ходом, но ему было жалко бросать добы-

чу. Он чувствовал, что кролик попался в ловушку и теперь никуда от него не уйдет. У него было не очень хорошее зрение, к тому же его крупное тело перекрыло почти весь проникавший снаружи свет, и он не видел, что лаз резко идет под уклон прямо перед тем местом, куда он мог дотянуться передними лапами. Он чуял запах сырости и помета летучих мышей, старого и совсем свежего… но самое главное, он чуял запах кролика. Горячий и вкусный. Кушать подано.

Его лай разбудил летучих мышей. Они испугались спросонья. Кто-то вторгся в их обиталище. Они встревоженно запищали и всем скопом рванулись к выходу. Но тут их эхолокаторы засекли загадочный и тревожный факт: выхода не было. Его загородил собой хищник.

Они кружили в темноте, их кожистые перепончатые крылья хлопали, как белье на ветру. Кролик под ними испуганно сжался в комок и замер, надеясь на лучшее.

Куджо почувствовал взмахи крыльев нескольких летучих мышей совсем рядом с ним, и ему стало страшно. Ему не нравился их запах и писк; не нравился исходивший от них странный жар. Он залаял еще громче и щелкнул зубами в сторону летучих тварей, круживших у него над

головой. Его челюсти сомкнулись на буро-черном крыле. Хрустнули тонкие косточки, тоньше, чем пальчики у младенца. Мышь резко дернулась и укусила его прямо в нос, оставив на чувствительной собачьей морде длинную изогнутую царапину, похожую на вопросительный знак. Всего через секунду тельце умирающей летучей мыши кубарем покатилось вниз по известняковому склону. Но самое страшное уже случилось; укус бешеного животного особенно опасен в области головы, потому что бешенство поражает центральную нервную систему. Собаки более восприимчивы к вирусу, чем люди, и даже вакцина не защищает их от заражения на сто процентов. А Куджо ни разу в жизни не делали прививку от бешенства.

Куджо, конечно, об этом не знал, но знал, что укусил что-то очень невкусное и противное, и решил, что пора выбираться из этого мрачного места. Он резко рванулся назад и выскочил из норы, обрушив маленькую лавину комочков земли. Отряхнулся, и во все стороны полетело еще больше комочков земли и известняковой крошки. Из раны на носу текла кровь. Куджо сел, поднял голову к небу и тихонько завыл.

Летучие мыши вырвались из пещерки неболь-

шим бурым облаком, растерянно заметались под ярким июньским солнцем и тут же вернулись обратно в укрытие. Глупые существа, уже через пару минут они напрочь забыли о лающем госте, потревожившем их покой, и снова уснули, уснули, повиснув вниз головой и завернувшись в свои плотные крылья, как в старушечьи шали.

Куджо побрел прочь. Снова встряхнулся. Беспомощно потрогал нос лапой. Кровь уже запеклась в корку, но рана болела. У собак очень развито чувство стыда — несоразмерно с их умственными способностями, — и Куджо был недоволен собой. Он не хотел возвращаться домой. Если вернуться домой, кто-то из его троицы — ХОЗЯИН, ХОЗЯЙКА или МАЛЬЧИК — непременно заметит, что с ним что-то не так. Может быть, кто-то из них даже скажет, что он ПЛОХОЙПЕС. В эти минуты он и сам себя чувствовал ПЛОХИМПСОМ.

Вот почему Куджо не пошел домой, а спустился к ручью, отделявшему землю Камберов от участка Гэри Первье, их ближайшего соседа. Он вошел прямо в воду и принялся жадно пить; а потом еще долго плескался в ручье, пытаясь избавиться от противного вкуса во рту, смыть с себя грязь, и мутно-зеленую известняковую вонь, и это пакостное ощущение ПЛОХОГОПСА.

Мало-помалу ему стало лучше. Он вышел из ручья и отряхнулся; на мгновение брызги воды создали радугу в тихом, безветренном воздухе.

Ощущение ПЛОХОГОПСА потихоньку сходило на нет, боль в носу тоже унялась. Он пошел к дому — поглядеть, там ли МАЛЬЧИК. Куджо уже привык, что каждое утро МАЛЬЧИКА забирает большой желтый школьный автобус и привозит обратно во второй половине дня, но на этой неделе школьный автобус — с его горящими глазами-фарами и шумным грузом из галдящих детишек — не приехал ни разу. МАЛЬЧИК все время был дома. Обычно он целыми днями пропадал в сарае, делал всякое-разное вместе с ХОЗЯИНОМ. Может быть, желтый автобус снова приехал сегодня. Может быть, нет. Сейчас будет видно. Куджо уже позабыл о норе и противном вкусе во рту. Нос почти не болел.

Куджо шел по полю, легко раздвигая грудью высокую траву, распугивал по дороге немногочисленных птиц, но не пытался за ними погнаться. Сегодня он уже нагонялся вдоволь — его тело помнило о погоне, пусть даже разум не помнил. Он был сенбернаром в самом расцвете сил, пяти лет от роду, весом почти двести фунтов, и нынешним утром, 16 июня 1980 года, он заразился

бешенством.

* * *

Спустя неделю, за тридцать миль от фермы «Семь дубов» в Касл-Роке, в портлендском ресторанчике «Желтая подводная лодка» встретились двое мужчин. В «Лодке» был большой выбор сэндвичей, пицц и рулетов в ливанском лаваше. В дальнем углу зала стоял пинбольный автомат. Над стойкой висело объявление, что если кто сможет съесть сразу два «Желтых подводных кошмара», за них не нужно будет платить. Ниже кто-то приписал в скобках: «КОГО СТОШНИТ, ТОТ ЗАПЛАТИТ».

Вику Трентону нравилось это место, он всегда с удовольствием брал большой сэндвич с фрикадельками. Но сегодняшний любимый сэндвич вызывал у него только мысли о неизбежной изжоге.

— Похоже, все очень хреново, — сказал Вик своему собеседнику, который без всякого энтузиазма разглядывал сэндвич с ветчиной у себя на тарелке. Это был Роджер Брекстон, и если уж Роджер глядел на еду безо всякого энтузиазма, это значило только одно: надвигается катастрофа. Роджер весил двести семьдесят фунтов, и когда

он сидел, под его животом не было видно коленей. Однажды ночью в постели Вика с Донной пробило на дурацкий смех, и Донна сказала, что думала, будто Роджеру отстрелили колени во Вьетнаме.

— Это да, — согласился Роджер. — Ты даже не представляешь, дружище, насколько хреново.

— Ты правда думаешь, что эта поездка что-то решит?

— Может, и нет, — сказал Роджер. — Но если не ехать, то Шарп уже точно расторгнет контракт. А так, может, и удастся хоть что-то спасти. И там, глядишь, потихонечку выплывем. — Он все-таки откусил кусок от своего сэндвича.

— Если мы закроемся на десять дней, нам придется туго.

— А сейчас, по-твоему, не туго?

— Конечно, туго. Но у нас съемки для «Бук фолкс» в Кеннебанк-Бич…

— Лайза справится и без нас.

— Лайза не справится даже с собственной личной жизнью, а уж тем более с роликами для «Бук фолкс», — сказал Вик. — Но даже если бы она и *справилась*, у нас горят сроки по серии для «Отборной черники»… и для банка «Каско»… и ты еще должен встретиться с этим важным началь-

ником Ассоциации риелторов Мэна…

— Нет, это *ты* должен с ним встретиться.

— Ни хрена подобного, — сказал Вик. — Я как вижу его красные штаны и белые туфли, меня прямо трясет. Сразу хочется выдать ему рекламный щит-сэндвич.

— Это все ерунда, и ты сам это понимаешь. Никто из них не приносит агентству и десятой доли того, что приносит старина Шарп. Что еще можно сказать? Ты знаешь, что Шарп и сынуля хотят встретиться с нами обоими. Так что, я заказываю билеты?

При одной только мысли о десятидневной поездке — пять дней в Бостоне и пять дней в Нью-Йорке — Вика бросило в холодный пот. Они с Роджером шесть лет проработали в нью-йоркском рекламном агентстве «Эллисон». Теперь Вик жил в Касл-Роке, а Роджер и Алтия Брекстон — в соседнем Бриджтоне, примерно в пятнадцати милях.

Вик никогда не жалел об отъезде из большого города. Ему казалось, что он никогда и не жил полной жизнью, никогда по-настоящему не понимал, для чего он живет, пока они с Донной не переехали в Мэн. И теперь у него было мрачное ощущение, что все последние три года Нью-

Йорк только и ждал, когда можно будет снова вцепиться в него когтями. Самолет загорится при приземлении. На мосту Трайборо случится авария, и их такси сложится в желтую окровавленную гармошку. Грабитель, грозящий ему пистолетом, все-таки выстрелит. Где-то взорвется газопровод, и ему снесет голову крышкой канализационного люка, летящей по воздуху, как смертоносное фрисби весом под сотню фунтов. Да что угодно. Если Вик вернется в Нью-Йорк, город его убьет.

— Родж, — сказал он, вернув на тарелку едва надкушенный сэндвич, — а ты не думал, что мир не рухнет, если Шарп *действительно* разорвет с нами контракт?

— Мир-то не рухнет, — ответил Роджер, наливая себе пиво в большой бокал, — но что будет с нами? У меня ипотека на двадцать лет, из которых осталось еще семнадцать, и девчонки-двойняшки, мечтающие поступить в Бриджтонскую академию. У тебя своя ипотека и свой ребенок. И плюс еще старый «ягуар», тоже удовольствие не из дешевых.

— Да, но местная экономика…

— Местная экономика *в глубокой заднице*! — яростно выкрикнул Роджер, грохнув бокалом

о стол.

Компания за соседним столом — трое парней в теннисках и один в линялой футболке с надписью «ДАРТ ВЕЙДЕР — ГЕЙ» — отозвалась бурными аплодисментами.

Роджер раздраженно махнул им рукой и наклонился поближе к Вику:

— Ты сам понимаешь, что мы не потянем всю эту роскошь на одной только «Отборной черники» и Ассоциации риелторов Мэна. Если мы потеряем такого клиента, как Шарп, то пойдем ко дну быстро, как два топора. С другой стороны, если мы сохраним даже малую часть заказов от Шарпа еще хотя бы на пару лет, то уже выйдем на уровень, когда к нам обратится министерство туризма или, может быть, лотерея штата, если она к тому времени не накроется медным тазом. Вполне себе лакомые кусочки, Вик. Вот тогда можно будет распрощаться с Шарпом и его тухлыми хлопьями и зажить долго и счастливо. Злому и страшному серому волку придется искать себе другой обед; этих маленьких поросяток ему уже не достать.

— Наши шансы остаться при Шарпе примерно такие же, как шансы «Кливленд индианс» победить в Мировой серии этого года, — сказал Вик.

— Но попробовать стоит, дружище.

Вик надолго задумался, глядя на свой почти нетронутый сэндвич. Все это очень несправедливо, но жизнь в принципе штука несправедливая. А вот что и вправду обидно, так это какой-то безумный абсурд всей ситуации. Беда грянула как гром среди ясного неба. Как убийственный торнадо, сметающий все на своем пути. Они с Роджером и само их агентство «Эд уоркс» вполне могли оказаться в числе виноватых, хотя были вообще ни при чем. Судя по лицу Роджера, тот сейчас думал примерно о том же. Вик не видел друга таким серьезным и бледным с тех самых пор, как они с Алтией потеряли своего сынишку Тимоти, когда малышу было всего девять дней. Три недели Роджер держался, а потом все же сорвался и зарыдал, закрывая руками свое пухлое лицо, в такой страшной и безнадежной печали, что сердце у Вика встало комом в горле. Это было ужасно. Но теперешняя тихая паника в глазах Роджера была не лучше.

Внезапные торнадо — не редкость в рекламном бизнесе. Крупные агентства вроде «Эллисона», где ворочаются миллионы, выстоят в бурю. Мелкие вроде «Эд уоркс» — нет. У них две корзины, в одной — много мелких яиц, в другой — одно

крупное, контракт с Шарпом. И теперь надо понять, получится ли сохранить это большое яйцо, а если нет, то можно ли сделать из него яичницу. Они-то уж точно ни в чем не виноваты, но из рекламных агентств получаются славные мальчики для битья.

Вик с Роджером отлично сработались еще на первых совместных проектах в агентстве «Эллисон», шесть лет назад. Вик, высокий, худой и тихий, стал идеальным «инь» для «ян» Роджера Брекстона, толстого, шумного, жизнерадостного экстраверта. Они сошлись и в личном, и в профессиональном плане. Их первый проект был совсем небольшим. Журнальное объявление для Объединенного фонда помощи детям с церебральным параличом.

Они предложили такой вариант: строгая черно-белая фотография мальчика с огромными, жуткого вида скобами на ногах, стоящего у линии первой базы на поле Малой бейсбольной лиги. Он был в бейсболке с эмблемой клуба «Нью-Йорк метс», его лицо — Роджер всегда утверждал, что именно выражение лица парнишки решило дело, — было вовсе не грустным, а скорее мечтательным. Почти счастливым на самом деле. Надпись первой строкой: «БИЛЛИ БЕЛЛАМИ

НИКОГДА НЕ ОТОБЬЕТ МЯЧ». Под ней: «У БИЛЛИ ЦЕРЕБРАЛЬНЫЙ ПАРАЛИЧ». Еще ниже, шрифтом помельче: *«Поможете?»*

Приток пожертвований ощутимо возрос. Прекрасно для фонда, прекрасно для Вика и Роджера. Команда Трентона и Брекстона стартовала отлично. За первым проектом последовало еще полдюжины столь же успешных. Вик в основном генерировал идеи, Роджер занимался практическим их воплощением.

Для корпорации «Сони»: фотография мужчины в деловом костюме, который с блаженной улыбкой сидит по-турецки на разделительной полосе шестнадцатиполосной скоростной автострады, держа на коленях большой радиоприемник «Сони». Подпись к картинке: «ПОЛИЦЕЙСКАЯ ВОЛНА, *THE ROLLING STONES*, ВИВАЛЬДИ, МАЙК УОЛЛЕС, *THE KINGSTON TRIO*, ПОЛ ХАРВИ, ПАТТИ СМИТ, ДЖЕРРИ ФОЛУЭЛЛ». И в самом низу, отдельной строкой: «ПРИВЕТ, ЛОС-АНДЖЕЛЕС!»

Для компании «Войт», производящей снаряжение для плавания: снимок мужчины, полной противоположности пляжным мальчикам из Майами. Он стоял с гордым видом в модельной позе на золотом пляже в хрестоматийном тропическом раю, татуированный пятидесяти-

летний мужик с пивным брюшком, руками и ногами с обвисшей мускулатурой и сморщенным шрамом высоко на бедре. В руках этот потрепанный солдат удачи держал пару ласт от «Войта». Надпись под фотографией крупным шрифтом: «МИСТЕР, Я ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ НЫРЯЛЬЩИК. У МЕНЯ ВСЕ СЕРЬЕЗНО». Ниже было еще много текста шрифтом помельче — рекламная бодяга, как ее называл Роджер, — но успех обеспечила именно фраза большими буквами. Вик с Роджером предлагали как вариант: «Я НЕ СТРАДАЮ ХЕРНЕЙ», — но заказчик его не принял. Жаль, любил говорить Вик за стаканчиком чего-нибудь крепкого. Могли бы продать больше ласт.

А потом появился Шарп.

Кливлендская компания «Шарп» занимала двенадцатое место в рейтинге предприятий пищевой промышленности США, когда старик Шарп скрепя сердце обратился в нью-йоркское агентство «Эллисон» после более двадцати лет сотрудничества с рекламным агентством в родном Кливленде. Старик любил подчеркнуть, что его компания даже крупнее, чем «Набиско» до Второй мировой войны. На что его сын неизменно отвечал, что война закончилась тридцать лет назад.

Был заключен договор — поначалу на полугодичный испытательный срок, — и Вик Трентон и Роджер Брекстон взялись за работу. К концу испытательного периода компания «Шарп», производящая печенье, торты и сухие завтраки, поднялась с двенадцатого места на девятое. Еще через год, когда Вик и Роджер переехали в Мэн и открыли свое собственное агентство, она была уже на седьмом.

Их кампания получилась масштабной. Для телевизионной рекламы печенья «Шарп» Вик с Роджером придумали Стрелка Шарпа, шерифа-недотепу с Дикого Запада, чьи шестизарядные револьверы стреляли не пулями, а печеньем: шоколадным, имбирным или овсяным — ребята из команды спецэффектов постарались на славу. Все сюжеты заканчивались одинаково. Стрелок Шарп стоял с револьверами на отлете, печально глядя на гору настрелянного им печенья, и сообщал миллионам телезрителей: «Вот незадача, бандиты сбежали. Но осталось печенье. Лучшее печенье на Западе… и не только на Западе, я полагаю». Потом брал печенье, откусывал и, судя по выражению лица, испытывал гастрономическое блаженство, сравнимое с первым оргазмом. Затемнение. Конец сюжета.

Для тортов — шестнадцать наименований в ассортименте, на любой вкус — они представили ролик с Джорджем и Грейси, как их окрестил Вик. В самом начале мы видим, как Джордж и Грейси уходят с роскошного банкета, где столы ломятся от всевозможных деликатесов. Они приходят домой, в свою крошечную квартирку, где наверняка нет горячего водоснабжения. В ярко освещенной кухне Джордж садится за стол, накрытый клетчатой скатертью. Грейси вынимает из старенького холодильника песочный торт «Шарп» (или чизкейк, или штройзелькухен) и ставит его на стол. Джордж и Грейси даже не стали переодеваться после банкета. Они улыбаются друг другу с теплотой, пониманием и любовью. Сразу видно, что эти двое живут в полной гармонии друг с другом. Дальше идет затемнение и надпись на черном фоне: «ИНОГДА ХОЧЕТСЯ ТОЛЬКО ТОРТА ОТ “ШАРПА”». Сами герои сюжета не произносят ни единого слова. Этот ролик получил премию «Клио».

Как и серия с участием профессора Шарпа, знатока сухих хлопьев, названная «самой ответственной рекламой для детских программ». Вик с Роджером считали профессора своим главным достижением… но именно он подложил им

свинью.

Реклама с профессором Шарпом, которого играл характерный актер средних лет, была подчеркнуто сдержанной и по-настоящему взрослой, что, собственно, и выделяло ее среди бессчетных слащавых мультяшных сюжетов, рекламирующих жвачку, игрушки, прочие детские товары… и сухие хлопья для завтрака от конкурирующих компаний.

Сюжет начинался в пустом школьном классе, в обстановке, знакомой всем юным зрителям утренних субботних программ вроде «Шоу Багса Банни» или «Компании Дракo». Профессор Шарп был одет в строгий костюм, свитер с V-образным вырезом и рубашку с расстегнутым воротничком. Его внешний вид и манера речи были умеренно авторитарными; Вик с Роджером опросили около сорока учителей и с полдюжины детских психологов и выяснили, что именно такая манера общения взрослых с детьми нравится большинству ребятишек и многим как раз не хватает подобного дома.

Профессор Шарп сидел за учительским столом в позе с намеком на некоторую небрежность — юные зрители могли бы предположить, что под этим строгим серым костюмом скрывается взрос-

лый, с которым можно дружить, — но говорил медленно и серьезно. Он не командовал. Не вещал свысока. Не подольщался к детской аудитории. Не расхваливал свой продукт. Он обращался к маленьким телезрителям, любителям субботних мультипликационных программ и сухих сладких хлопьев, так, как будто они *настоящие люди*.

«Доброе утро, ребята, — говорил профессор тихим, спокойным голосом. — Это реклама сухих хлопьев для завтрака. Пожалуйста, слушайте меня внимательно. Я хорошо разбираюсь в хлопьях, потому что я, профессор Шарп, посвятил много лет их изучению. И вот что я вам скажу. Сухие хлопья от компании «Шарп» — «Звездочки», «Шоколадные мишки», «Воздушные отруби» и «Смесь всех злаков» — самые вкусные хлопья в Америке. К тому же они очень полезные. — Тут он выдерживал паузу, а потом улыбался… и когда он улыбался, *сразу* становилось понятно, что с ним можно дружить. — Поверьте мне, потому что я знаю. Ваши мамы об этом знают. Я просто подумал, что вам тоже надо знать».

На этом месте к профессору подходил молодой человек и вручал ему миску с залитыми молоком «Звездочками», или «Шоколадными мишками», или любыми другими хлопьями «Шарп». Профес-

сор отправлял ложку в рот и говорил, глядя прямо в глаза юным зрителям в миллионах домов по всей стране: «Да, тут все хорошо».

Старик Шарп поначалу был против этой последней реплики. Зачем специально подчеркивать, что все хорошо? Это наводит на мысли, что *что-то* может быть плохо. Вику с Роджером все-таки удалось его убедить, и вовсе не с помощью рациональной аргументации. Рекламный бизнес по сути не рационален. Ты просто делаешь то, что по всем ощущениям кажется правильным, и сам толком не знаешь, *почему* это кажется правильным. И Вик, и Роджер были уверены, что последняя реплика профессора заключает в себе немалую силу, вроде простую, но неодолимую. В устах профессора Шарпа эти слова звучали надежной гарантией безопасности. «Я тебя не подведу, я тебя никогда не обижу» — вот что под ними подразумевалось. В мире, где разводятся родители, где старшие мальчишки бьют младших просто так, безо всякой причины, где твоя бейсбольная команда постоянно проигрывает, где хорошие парни далеко не всегда побеждают, как это бывает в кино, где тебя не приглашают на *хорошие* дни рождения — в мире, где *столько* плохого, — всегда будут «Звездочки», и «Шоко-

ладные мишки», и «Смесь всех злаков», и они всегда будут вкусными. «Да, тут все хорошо».

При вялом содействии Шарпа-младшего (впоследствии Роджер говорил, что можно подумать, будто сынуля сам все сочинил) профессор Шарп был одобрен и появился в утреннем субботнем эфире, а также в рекламных блоках еженедельных программ, таких как «Космические бойцы», «Соединенные штаты Арчи», «Герои Хогана» и «Остров Гиллигана». Продажи хлопьев от «Шарпа» заметно поднялись по сравнению со всей прочей продукцией компании, а сам профессор стал чуть ли не достоянием нации. Его коронную фразу: «Да, тут все хорошо» — знали и повторяли по всей Америке примерно в том же значении, что «без проблем» и «не парься».

Когда Вик и Роджер решили открыть свое дело, они соблюли все негласные правила и не стали обращаться к своим предыдущим клиентам, пока их связи с агентством «Эллисон» не оказались формально — и вполне мирно — разорваны. Первые полгода в Портленде прошли напряженно. Тэду был всего годик. Донна, ужасно скучавшая по Нью-Йорку, ходила угрюмая и раздраженная, а временами и вовсе испуганная. У Роджера открылась старая язва желудка — боевой шрам, остав-

шийся от многолетних рекламных сражений в Большом Яблоке; когда они с Алтией потеряли ребенка, язва вновь обострилась, и какое-то время он жил исключительно на таблетках. Алтия старалась держаться, и Вику казалось, что при сложившихся обстоятельствах она держится очень даже неплохо; но потом Донна заметила, что бокал слабенького коктейля, который Алтия обычно пила перед ужином, теперь превратился в два бокала до и три после. Их семьи не раз отдыхали в Мэне — и отдельно, и вместе, — но ни Вик, ни Роджер не могли себе даже представить, сколько здешних дверей изначально закрыты перед теми, кто приехал, как говорят коренные мэнцы, из «всяких других штатов».

Они и вправду пошли бы ко дну, будто два топора, как сказал Роджер, если бы Шарп не решил продолжить сотрудничество. Мнения сторон в кливлендской штаб-квартире разительно переменились. Теперь уже старик ратовал за то, чтобы остаться с Виком и Роджером, а сынуля (к тому времени сорокалетний) хотел прекратить с ними все отношения, вполне логично аргументируя свою позицию тем, что будет полным безумием заказывать крупные рекламные проекты в крошечном агентстве из двух человек, засевших в

какой-то провинции в шестистах милях к северу от Нью-Йорка. Тот факт, что «Эд уоркс» держало тесную связь с одной из ведущих нью-йоркских фирм по анализу рынка, не произвел впечатления на сынулю. Как и на представителей других компаний, с которыми Вик и Роджер работали последние несколько лет.

— Если бы лояльность была туалетной бумагой, — с горечью высказался тогда Роджер, — нам было бы нечем вытереть задницу, дружище.

Но старик Шарп уже принял решение и оказал им поддержку, в которой они так отчаянно нуждались.

— Мы сорок лет обходились здешним местным агентством, — сказал он. — Если ребята хотят переехать из этого безбожного города, можно только порадоваться, что у кого-то из молодых еще есть здравый смысл.

Так все и решилось. Старик сказал свое веское слово. Сынуля заткнулся. Все последние два с половиной года Стрелок Шарп продолжал стрелять печеньем, Джордж и Грейси продолжали вкушать торты от «Шарпа» на своей крохотной кухоньке, профессор Шарп продолжал говорить маленьким телезрителям, что все хорошо. Съемки сюжетов проходили на маленькой неза-

висимой студии в Бостоне, нью-йоркская фирма по анализу рынка компетентно справлялась со своей задачей, три-четыре раза в год либо Вик, либо Роджер летали в Кливленд на совещания с Кэрроллом Шарпом и его сыном, чьи виски уже тронула заметная седина. Все прочие переговоры велись по почте или по телефону. Возможно, это была странная процедура — и уж точно не самая удобная, — но все прекрасно работало.

А потом появились «Малиновые колючки».

Вик с Роджером, разумеется, знали об этом продукте, хотя он появился в широкой продаже буквально два месяца назад, в апреле 1980-го. Большинство хлопьев Шарпа были либо умеренно сладкими, либо вовсе не сладкими. «Смесь всех злаков», вклад компании в развитие производства «натуральных» продуктов питания, оказалась особенно успешной. Однако «Малиновые колючки» предназначались для тех покупателей, кто обычно берет на завтрак такие сладкие хлопья, что их уже можно условно считать рассыпчатыми конфетами.

В конце лета и начале осени 1979-го в трех городах прошли успешные тестовые продажи «Колючек»: в Бойсе, штат Айдахо, Скрантоне, штат Пенсильвания, и на новой родине Роджера,

в Бриджтоне, штат Мэн. Театрально передернув плечами, Роджер заявил Вику, что не подпустит своих дочерей и на пушечный выстрел к этой красной жути (хотя он был доволен, когда Алтия сказала ему, что девчонки просили купить эти хлопья, увидев их в магазине).

— Там больше сахара, чем самих хлопьев, и цвет у них как у пожарной машины.

Вик согласно кивнул и сказал, даже не подозревая, что выступает пророком:

— Когда я в первый раз заглянул в эту пачку, мне показалось, что там все в крови.

* * *

— Ну так что? — повторил Роджер. Он прикончил уже половину своего сэндвича, пока Вик мрачно прокручивал в голове ход событий. Он все больше и больше склонялся к мысли, что старый Шарп и его стареющий сын собирались устроить расправу над гонцами, принесшими дурную весть.

— Да, наверное, попробовать стоит.

Роджер хлопнул его по плечу.

— Наш человек, — сказал он. — А теперь ешь.

Но Вику совсем не хотелось есть.

Их с Роджером пригласили в Кливленд на

«чрезвычайное совещание», которое должно было состояться через три недели после Четвертого июля. Многие руководящие сотрудники компании разъехались в отпуска, и, чтобы их всех собрать, требовалось время. Одним из пунктов повестки будет сотрудничество с «Эд уоркс». «Для оценки перспективы дальнейшего взаимодействия», — так было сказано в письме. Как понял Вик, это означало, что сынуля решил воспользоваться ситуацией с «Колючками» и все-таки сделать им ручкой.

Примерно через три недели после того, как «Малиновые колючки» появились в широкой продаже при активном — хоть и сдержанно строгом — содействии профессора Шарпа («Да, тут все хорошо»), был зафиксирован первый случай госпитализации. Бьющаяся в истерике мать привезла четырехлетнюю дочку в больницу, уверенная, что у ее девочки внутреннее кровотечение. Малышку, у которой не обнаружилось ничего, кроме легкой формы гриппа, сильно вырвало чем-то красным, и мать с перепугу решила, что это кровь.

Да, тут все хорошо.

Это произошло в Айова-Сити, штат Айова. На следующий день было зарегистрировано

еще семь подобных случаев. Еще через день — двадцать четыре. Во всех случаях у детей был понос или рвота, и родители срочно везли их в больницу, опасаясь внутренних кровотечений. Количество детских госпитализаций нарастало стремительно: сначала счет шел на сотни, потом — на тысячи. Ни в одном из этих случаев рвота и/или понос не были вызваны непосредственно хлопьями, но на волне нарастающей паники этот факт упустили из виду.

Да нет же, тут все хорошо.

«Эпидемия» распространилась по всей стране. Как оказалось, проблема — в пищевом красителе, придающем «Колючкам» насыщенный красный цвет. Сам по себе он совершенно безвредный, но этот факт тоже по большей части упустили из виду. Что-то пошло не так, и красная краска, которая обычно усваивалась организмом, теперь не усваивалась, а выводилась как есть. Испорченный краситель попал лишь в одну партию хлопьев, но это была очень большая партия. Один врач сказал Вику, что если бы какой-то ребенок умер сразу после того, как съел миску «Малиновых колючек», и ему сделали бы вскрытие, то его пищевод был бы красным, как стоп-сигнал. Эффект был временным, но и об этом никто не думал.

Роджер был настроен решительно. Если уж умирать, то с музыкой. Паля из всех имеющихся в арсенале стволов. Он уже составил план действий. Встретиться с ребятами из бостонской студии, где снимались рекламные ролики. Затем поговорить с актером, который играет профессора Шарпа и так вжился в роль, что этот случай с «Колючками» стал для него настоящим ударом. Кроме того, обсудить ситуацию с маркетологами в Нью-Йорке. И самое главное, почти две недели в Бостоне и Нью-Йорке Роджер с Виком проведут практически не расставаясь, и у них будет время все хорошенько обсудить и устроить мозговой штурм, как в старые добрые времена. Роджер надеялся, что им удастся придумать какой-нибудь феерический ход, что сразит наповал старика Шарпа и сына. Они приедут в Кливленд не с выбритыми затылками, готовые лечь на плаху, а с планом битвы за восстановление доброго имени компании после прокола с «Колючками». Так было в теории. На практике они оба знали, что их шансы и вправду примерно такие же, как шансы уже упомянутых «Кливленд индианс» победить в Мировой серии.

У Вика были и другие проблемы. В последние месяцев восемь он стал замечать, что они с же-

ной потихонечку отдаляются друг от друга. Он по-прежнему ее любил, а Тэда и вовсе чуть ли не боготворил, но что-то у них в семье было неладно, и Вика не покидало тревожное ощущение, что дальше будет еще хуже. Причем уже очень скоро. Эта поездка — гран-тур из Бостона в Нью-Йорк, а затем в Кливленд — была совершенно некстати. Лучше бы провести эти десять дней дома, с семьей. Понять, что происходит. Иногда Вик смотрел на жену и видел кого-то другого, словно из-под знакомых черт проступали черты незнакомки.

И его мучил вопрос. Вопрос, непрестанно вертевшийся в голове по ночам, когда Вику не удавалось заснуть, а в последнее время такие ночи случались все чаще. У нее есть любовник? Они с Донной почти перестали заниматься любовью. У нее кто-то есть? Он надеялся, что нет. Но что он думал на самом деле? Говорите как на духу, мистер Трентон, иначе будут последствия.

Он не был уверен. И не хотел быть уверенным. Он боялся, что если его опасения подтвердятся, то их с Донной браку наступит конец. Он по-прежнему был влюблен в нее до безумия, с тех пор как они поженились, ему даже в голову не приходило завести интрижку на стороне, и он мог многое ей

простить. Но не измену. Никому неохота ходить с рогами; они растут из ушей, и детишки на улице смеются над странным дяденькой. Он…

— Что? — спросил Вик, выходя из задумчивости. — Извини, Родж, я прослушал.

— Я сказал: «Эти чертовы красные хлопья».

— Да, — кивнул Вик. — За это и выпьем.

Роджер поднял бокал.

— Ну, так пей, — сказал он.

Вик выпил.

* * *

Примерно через неделю после того, как Вик с Роджером встретились за невеселым обедом в «Желтой подводной лодке», Гэри Первье сидел на заросшей бурьяном лужайке у своего дома у подножия холма Семи дубов в конце городского шоссе номер 3 и пил «Отвертку», состоявшую на четверть из апельсинового сока и на три четверти из водки «Попов». Он сидел в тени старого вяза — пораженного голландской грибковой болезнью в последней необратимой стадии, — на раздолбанном древнем шезлонге, давно отслужившем свой век. Гэри пил водку «Попов», потому что она была самой дешевой. Во время последнего алкорейда он хорошо заку-

пился спиртным в Нью-Хэмпшире, где оно стоит сущие гроши. «Попов» даже в Мэне достаточно дешев, но в Нью-Хэмпшире *еще дешевле*. Штат Нью-Хэмпшир — отличное место, где есть все, что нужно для красивой жизни: богатенькая лотерея, дешевая выпивка, дешевые сигареты, всевозможное туристическое развлекалово вроде «Деревни Санта-Клауса» или «Города шести стволов». Да, прекрасное место. Старый шезлонг Гэри врос глубоко в землю на запущенной лужайке у дома. Сам дом тоже пришел в запустение: серая развалюха с облупившейся краской и просевшей крышей. Ставни держались на честном слове. Покосившаяся труба напоминала пьянчужку, пытающегося подняться на ноги после очередного падения. Черепица, слетевшая с крыши во время последней снежной бури прошлой зимой, так и висела на ветках умиравшего вяза. Да, это явно не Тадж-Махал, частенько говаривал Гэри, но кого это долбит?

В этот жаркий июньский денек Гэри был в стельку пьян. В общем-то это было его нормальное состояние. Он знать не знал Роджера Брекстона. Знать не знал Вика Трентона. Знать не знал Донну Трентон, но если бы он ее знал, ему было бы абсолютно насрать, пусть хоть целая

команда на выезде отбивает мячи прямиком в ее кэтчерскую перчатку. Он знал семейство Камбер и их пса Куджо; Камберы жили на вершине холма, в самом конце городского шоссе номер 3. Они с Джо Камбером не раз выпивали на пару, и Гэри смутно осознавал, что Джо Камбер изрядно продвинулся на пути к алкоголизму. Сам Гэри прошел этот путь до конца.

— Да, я никчемный алкаш, и хрен с ним! — объявил Гэри птицам и черепице на ветках больного вяза. Сделал глоток. Зычно перднул. Прихлопнул какую-то мушку. У него на лице лежал пятнистый узор из света и тени. Остовы нескольких распотрошенных машин за домом почти утонули в высоких зарослях сорняков. Западная стена дома сплошь заросла плющом. В этой густой растительности еле-еле проглядывало окно, которое в солнечную погоду сверкало, как грязный бриллиант. Два года назад, в приступе пьяного буйства, Гэри зачем-то вышвырнул в это окно небольшой комод. Окно пришлось застеклить заново, чтобы не замерзнуть зимой, но комод так и остался в том месте, куда упал. Один ящик выдвинулся и торчал, словно высунутый язык.

В 1944-м двадцатилетний Гэри Первье в одиночку захватил немецкий дот во Франции, после

чего повел в атаку ребят из своего поредевшего отряда. Они продвинулись на десять миль, и только потом он свалился с шестью пулевыми ранениями, полученными при штурме пулеметной огневой точки. За проявленный героизм его представили к высшей награде армии США, кресту «За выдающиеся заслуги». В 1968-м Гэри привез медаль Бадди Торгесону из Касл-Фоллза и попросил переплавить ее в пепельницу. Бадди был в шо- ке. Гэри сказал, что лучше бы, конечно, сделать из креста унитаз, чтобы в него срать, но для такого он все-таки маловат. Бадди разнес эту новость по всей округе. Может быть, Гэри именно этого и хотел. Может быть, нет.

Как бы там ни было, местные хиппи пришли в восхищение. Летом шестьдесят восьмого многие из них проводили каникулы на Великих озерах вместе с богатенькими родителями — в ожидании сентября, когда можно будет вернуться в университеты и продолжить учебу в области протестов, психоделиков и перепихонов.

В общем, Бадди Торгесон, который работал на автозаправке «Эссо» в Касл-Фоллзе (теперь они все называются «Эксон», но Гэри Первье, понятно, на это насрать), а в свободное время подрабатывал кузнецом, переплавил медаль в

пепельницу, и эту историю потом напечатали в «Голосе Касл-Рока», причем автор статьи истолковал произошедшее как антивоенный протест. Вот тогда к дому Гэри на городском шоссе номер 3 и потянулись толпой восхищенные хиппи. Им хотелось сказать старику, что он «четкий чувак». Им хотелось сказать, что он «крут и неслаб». Им хотелось сказать, что он «вообще чумовой».

Гэри показывал всем пришельцам одно и то же — а именно свой «винчестер» калибра 30–06 — и велел убираться с его земли. С его точки зрения, все эти хиппи были шайкой немытых, завшивленных, длинноволосых, сексуально озабоченных кретинов с левацкими замашками. Он грозился, что будет стрелять, и ему глубоко до того самого места, если их потроха разлетятся от Касл-Рока до Фрейберга. Со временем хиппи оставили его в покое, на чем история с медалью благополучно закончилась.

Одна из тех шести немецких пуль, доставшихся Гэри Первье, снесла ему напрочь правое яичко; врач обнаружил его размазанным по казенным армейским трусам. Второе яичко сохранилось почти нетронутым и периодически обеспечивало ему вполне крепкий стояк. Впрочем, самому Гэри было на это насрать, как он не раз говорил Джо

Камберу. Благодарное отечество наградило его крестом «За выдающиеся заслуги». Благодарные медики выписали его в феврале 1945-го из парижского госпиталя с восьмидесятипроцентной пенсией по инвалидности и пристрастием к дорогим наркотическим веществам. Благодарные земляки устроили в городе парад в его честь 4 июля 1945 года (ему уже исполнился двадцать один год, он получил право голосовать, его волосы поседели на висках, и он чувствовал себя семисотлетним старцем, да уж, жизнь удалась). Благодарная городская администрация навсегда освободила Гэри Первье от уплаты налога на недвижимое имущество. Это было хорошо, потому что иначе он лишился бы дома с участком еще лет двадцать назад. Морфий, которого было уже не достать, пришлось заменить крепким спиртным, после чего Гэри занялся делом всей своей жизни, то есть медленно и по возможности не без приятности себя убивал.

Теперь, в 1980-м, в свои пятьдесят шесть он совсем поседел и стал злющим, как бык, которому плеснули под хвост скипидаром. Во всем мире было лишь три живых существа, кто его не бесил: Джо Камбер, его сынишка Бретт и сенбернар Бретта Куджо.

Он откинулся на спинку шезлонга, чуть его не опрокинув, и отпил еще «Отвертки» из большого бокала, которым бесплатно разжился в «Макдоналдсе». На бокале была нарисована какая-то фиолетовая животина. Нечто по имени Гримаска. Гэри частенько захаживал в «Макдоналдс», где еще можно поесть недорогих гамбургеров. Гамбургеры — хорошее дело. А что до Гримаски… и мэра Макчиза… и ублюдского Роналда Макдоналда… Гэри Первье было абсолютно насрать на всю братию.

Слева в высокой траве промелькнуло что-то большое и рыжевато-коричневое, и через пару секунд на заросшую лужайку у дома Гэри вышел Куджо. Увидев Гэри, он вежливо гавкнул и подошел ближе, виляя хвостом.

— Куджи, старый ты сукин сын, — ласково проговорил Гэри. Потом поставил бокал на землю и принялся сосредоточенно рыться в карманах в поисках собачьих галет. Он всегда держал под рукой угощение для Куджо, такого хорошего, славного пса.

Он нашел две галеты в кармане рубашки и показал их Куджо.

— Сидеть, парень. Сидеть.

Даже в самом плохом и озлобленном настро-

ении он всегда улыбался, когда видел, как этот огромный пес весом две сотни фунтов садится на задние лапы, как кролик.

Куджо сел, и Гэри заметил у него на носу небольшую, но скверную на вид подсохшую царапину. Он бросил псу галеты, сделанные в форме косточек, и Куджо легко поймал их на лету. Уронил одну между передними лапами и принялся с хрустом жевать вторую.

— Хороший пес, — сказал Гэри и протянул руку, чтобы потрепать Куджо по голове. — Хороший…

Куджо зарычал. Зарычал как-то странно. Глухо, утробно, почти задумчиво. Он посмотрел на Гэри, и его взгляд был таким пристальным и холодным, что Гэри пробрал озноб. Он быстро отдернул руку. С таким большим псом, как Куджо, шутки плохи. Иначе будешь до конца жизни вытирать задницу крюком вместо руки.

— Что с тобой, парень? — удивился Гэри. Он ни разу не слышал, чтобы Куджо рычал. Ни разу с тех пор, как Камберы взяли его щенком. Сказать по правде, Гэри даже не думал, что старина Куджо вообще умеет рычать.

Куджо легонько вильнул хвостом, словно устыдившись своего секундного срыва, и подошел к Гэри, чтобы тот его погладил.

— Ну вот, так-то лучше, — сказал Гэри, взъерошив шерсть на загривке у пса. Всю неделю стояла адская жара, а скоро будет еще жарче, по словам Джорджа Миры, который слышал прогноз от тетушки Эвви Чалмерс. Да, наверное, в этом все дело. Собаки переносят жару еще хуже, чем люди, и нет таких правил, запрещающих доброму псу время от времени злиться. Но Гэри все равно удивило, что Куджо рычал. Если бы ему кто сказал, что такое бывает, он бы не поверил.

— Ешь вторую галету, — сказал Гэри и указал пальцем.

Куджо подошел к лежавшей в траве галете, взял ее в зубы — изо рта потекла длинная струйка слюны — и опять уронил. Затем обернулся и виновато взглянул на Гэри.

— Ты не ешь угощение?! — поразился Гэри. — *Ты* не ешь?!

Куджо снова поднял галету и съел.

— Вот так-то лучше, — кивнул Гэри. — Жара тебя не убьет, парень. И меня не убьет, хотя моему геморрою будет хреновато. Ну, мне насрать, пусть растет хоть размером с мячи для гольфа. Понимаешь меня? — Он прихлопнул комара.

Куджо улегся рядом с шезлонгом, и Гэри снова поднял бокал. «Отвертки» осталось буквально на

донышке. Пора освежить, как говорят эти сучки в загородном клубе.

— Освежить мою задницу, — пробурчал Гэри и махнул в сторону крыши, пролив липкую смесь из водки и апельсинового сока на свою тощую, обгоревшую на солнце руку. — Видишь эту трубу, Куджи, дружище? Скоро обрушится на хрен. И знаешь что? Мне насрать. Пусть хоть все рухнет к чертям собачьим, мне уже перднуть с посвистом. Понимаешь меня?

Куджо снова вильнул хвостом. Он не понимал, о чем говорит ЧЕЛОВЕК, но интонации были знакомыми, ритм голоса успокаивал. Куджо слушал подобные речи по дюжине раз в неделю уже очень давно… кажется, целую вечность. Ему нравился этот ЧЕЛОВЕК, который всегда угощал его чем-нибудь вкусным. Просто в последнее время у Куджо совсем не было аппетита, но если ЧЕЛОВЕК хочет, чтобы он поел, значит, он будет есть. А потом можно лечь — собственно, он уже лег — и слушать успокаивающий разговор. Куджо весь день чувствовал себя плоховато. Он рыкнул на ЧЕЛОВЕКА не потому, что ему было жарко, а лишь потому, что ему было нехорошо. На мгновение — всего на мгновение — ему захотелось укусить ЧЕЛОВЕКА.

— Я гляжу, нос у тебя поцарапан, — сказал Гэри. — Небось залез в ежевику. За кем гнался? За кроликом? За сурком?

Куджо вяло вильнул хвостом. В кустах стрекотали сверчки. За домом, в буйно разросшейся жимолости, сонно гудели пчелы, разморенные жарким солнцем. В жизни Куджо все должно было быть хорошо, но почему-то ему было плохо. Если по правде, то очень плохо.

— Мне даже насрать, если у этого деревенщины из Джорджии разом выпадут зубы, а заодно и у Рей-га-на, — объявил Гэри, нетвердо поднявшись на ноги. Шезлонг опрокинулся и сложился. Но, как вы уже поняли, Гэри Первье было на это насрать. — Извини, парень.

Он пошел в дом и соорудил себе новый коктейль. В жутко запущенной кухне кружили мухи, повсюду валялись пакеты, набитые мусором, пустые жестянки и пустые бутылки из-под спиртного.

Когда Гэри вернулся во двор с полным бокалом, Куджо уже ушел.

* * *

В последний день июня Донна Трентон вернулась из делового центра Касл-Рока (местные

сказали бы «из деловой части», но Донна, слава богу, еще не нахваталась здешних мэнских словечек), где оставила Тэда в детском саду и зашла в магазин за продуктами. Ей было жарко, она страшно устала, и стоявший у дома старенький микроавтобус Стива Кемпа с расписанным яркими пустынными пейзажами кузовом внезапно привел ее в ярость.

Ярость копилась весь день. За завтраком Вик рассказал о предстоящей поездке, а когда Донна начала возмущаться, что он бросает ее одну с Тэдом на десять дней, если и вовсе не на две недели, очень доходчиво объяснил, что именно поставлено на карту. Он ее напугал, а Донна терпеть не могла бояться. До сегодняшнего утра вся история с «Малиновыми колючками» казалась ей чуть ли не шуткой, которая вряд ли затронет Вика с Роджером. Она даже не думала, что у такой ерунды могут быть столь серьезные последствия.

Потом Тэд раскапризничался и не хотел идти в садик, потому что в прошлую пятницу его толкнул большой мальчик. Большого мальчика звали Стэнли Добсон, и Тэд боялся, что сегодня он снова будет толкаться. Тэд плакал, когда она привезла его на стадион Американского легиона, где работал летний детский сад, и ей пришлось отрывать

пальчики сына от своей блузки, один за другим. При этом она ощущала себя не любящей матерью, а каким-то фашистом: *Ты пойдешь в садик, ja? Ja, mein Mamma!* Иногда Тэд казался таким *маленьким* и беззащитным для своих четырех лет. Вроде бы единственный ребенок в семье должен быть самостоятельным и вообще развитым не по годам? Его пальцы были испачканы шоколадом, и на ее блузке остались пятна, похожие на окровавленные отпечатки ладоней с иллюстраций в недорогих детективных журналах.

Вдобавок ко всем прочим радостям на обратном пути забарахлил мотор ее «пинто». Машину дергало и бросало вперед-назад, словно на нее напала икота. Вскоре все пришло в норму, но что случилось однажды, может случиться опять, и…

…и, как будто всего перечисленного было мало, к ней приехал Стив Кемп.

— Охренеть какой чудный денек, — пробормотала она, подхватила пакет с покупками и вышла из машины, красивая высокая женщина двадцати девяти лет, темноволосая и сероглазая. Даже в такую невыносимую жару она выглядела относительно свежей в своей испачканной шоколадом легкой блузке и липнущих к бедрам и заднице серых шортах.

Донна быстро поднялась на крыльцо и вошла в дом. Стив сидел в гостиной, в любимом кресле Вика. Пил пиво из запасов Вика. Курил сигарету — видимо, все-таки свою собственную. Телевизор был включен, там шел сериал «Главная больница».

— О, принцесса явилась. — Стив улыбнулся одним уголком рта. Когда-то эта улыбка казалась Донне очаровательной и интригующе опасной. — Я уж думал, ты никогда не…

— Убирайся из моего дома, сукин сын, — произнесла она ровным голосом и прошла в кухню. Поставила пакет с покупками на разделочный стол и начала вынимать продукты. Она даже не помнила, когда в последний раз злилась так сильно, что от злости сводило живот, словно там затянулся тугой ноющий узел. Наверное, еще в старших классах, во время бессчетных ссор с матерью. Пока она не поступила в университет и не сбежала из дома, подальше от этого вечного шоу ужасов. Когда Стив встал у нее за спиной и приобнял за талию, положив загорелые руки на ее голый живот, Донна отреагировала не раздумывая и залепила ему локтем в грудь. Ее гнев не остыл, даже наоборот. Стив, похоже, предвидел удар и напряг мышцы. Он много и часто играл в

теннис, и ее локоть как будто врезался в каменную стену, покрытую слоем твердой резины.

Она обернулась и посмотрела в его улыбающееся бородатое лицо. Ее рост составлял пять футов одиннадцать дюймов; когда она надевала туфли на каблуках, то становилась на дюйм выше Вика. Но Стив был заметно выше ее.

— Ты что, не слышишь? *Убирайся из моего дома!*

— Зачем? — сказал он. — Малыш в саду мастерит набедренную повязку из бусин или стреляет из детского лука по яблокам на головах воспитателей… или чем они там занимаются, я не знаю… муженек трудится в поте лица на работе… и сейчас самое время красивейшей *Hausfrau* Касл-Рока и заезжему поэту, бродяге и теннисисту слиться в едином и гармоничном сексуальном экстазе.

— Ты поставил машину у дома, — сказала Донна. — Ты бы еще вывесил на боку транспарант «Я ТРАХАЮ ДОННУ ТРЕНТОН» или еще что-нибудь остроумное в том же духе.

— У меня есть все основания поставить машину у дома, — сказал Стив, по-прежнему улыбаясь. — Я привез ваш комод. Снял всю краску, теперь он совсем голенький. А сейчас я бы с радостью оголил и тебя, детка.

— Поставь комод на веранде. Пока будешь его выгружать, я выпишу тебе чек.

Его улыбка слегка побледнела. Впервые с тех пор, как Донна застала его в гостиной, сквозь налет внешнего чарующего обаяния проступил настоящий Стив Кемп. Который ей очень не нравился. Ей было противно, что она с ним спала. Она лгала Вику и, по сути, его предала, чтобы лечь в постель с этим Кемпом. Ей было бы проще, если бы ее нынешнее прозрение происходило как выздоровление после тяжелой болезни, как будто она вдруг очнулась от бреда и поняла, что ей нужен только Вик, и больше никто. Но если содрать всю кору, оставалась простая и неприглядная правда: человек, с которым она изменила мужу — неотразимый Стив Кемп, публикующийся поэт, странствующий реставратор мебели, неплохой теннисист-любитель и прекрасный любовник, — был настоящим подонком.

— Ты серьезно? — спросил он.

— Да уж, никто не откажет чувственному красавчику Стивену Кемпу, — сказала она. — Это вроде как шутка. Но я не шучу. Так что давай-ка, красавчик Стивен, выгружай на веранду комод, забирай чек и уматывай.

— Не говори со мной в таком тоне, Донна. — Он

схватил ее за грудь и сжал со всей силы. Было больно. Теперь к ее злости прибавился легкий страх. (Но разве ей не было всегда чуточку страшно? Разве страх не был пикантной приправой к их грязной связи?)

Она отбросила его руку.

— Не зли меня, Донна. — Он больше не улыбался. — Иначе я за себя не ручаюсь.

— Еще кто кого злит, вот вопрос. Ты сам сюда заявился. Я тебя не звала.

Он ее напугал, и поэтому она разозлилась еще сильнее. Его густая черная борода закрывала почти все лицо до самых скул, и Донне вдруг подумалось, что хотя она неоднократно видела вблизи его член — и брала его в рот, — она, в сущности, даже не знает, какое у него лицо.

— Я понял, в чем дело, — сказал он. — У тебя был легкий зуд в одном месте, я его почесал и могу идти на фиг. Так? А на мои чувства всем наплевать?

— Не дыши на меня, — сказала она и оттолкнула его, чтобы убрать молоко в холодильник.

Такого Стив не ожидал. Ее толчок застал его врасплох, он потерял равновесие и отшатнулся назад. Его лоб внезапно прорезали складки, на скулах вспыхнули красные пятна. Донна

уже видела его таким. На теннисных кортах за Бриджтонской академией. Когда он запарывал легкие мячи. Она несколько раз наблюдала, как он играет — включая тот матч, когда Стив разгромил ее мужа в двух сетах, причем в отличие от Вика даже не запыхался, — и в тех редких случаях, когда он проигрывал, его реакция на поражение тревожила Донну и наводила на мысли, что она зря с ним связалась. Его стихи публиковались в более чем двух дюжинах мелких журналов, его книга «Догоняя закат» вышла в маленьком независимом издательстве «Гаражная типография» в Батон-Руж. Он окончил частный Университет Дрю в Нью-Джерси, имел четкое мнение относительно современного искусства, фильмов Энди Уорхола и предстоящего референдума по атомной энергетике в Мэне и относился к двойным ошибкам на собственной подаче примерно так же, как Тэд относился к известию, что пора спать.

Он шагнул к ней, схватил за плечо и развернул лицом к себе. Пакет молока выскользнул у нее из рук, упал на пол и порвался.

— Смотри, что ты наделал, — сказала Донна.

— Слушай, я не из тех, кем можно помыкать. Ты…

— *Убирайся из моего дома!* — выкрикнула

она ему прямо в лицо, забрызгав слюной его лоб и щеки. — *Что мне сделать, чтобы ты понял? Нарисовать картинку? Тебе здесь не рады! Осчастливь своим неотразимым присутствием кого-то другого!*

— Дешевая сучка, — пробормотал он сквозь зубы. Его голос был хмурым, лицо сделалось злым. Он по- прежнему держал ее за плечо.

— Комод можешь оставить себе. Или выкинуть на помойку.

Она все-таки вырвалась и подошла к раковине, чтобы взять тряпку. Ее руки тряслись, в желудке бурлило, голова начинала болеть. Донна даже подумала, что ее сейчас вырвет.

Она встала на четвереньки и принялась вытирать пролившееся молоко.

— Кем ты себя возомнила? — усмехнулся он. — С каких это пор твоя дырка вдруг сделалась золотой? Тебе же нравилось. Ты кричала и просила еще.

— Ты очень верно употребил время. Прошедшее, — сказала она, не поднимая взгляда. Волосы упали ей на лицо, и она не стала их убирать. Так даже лучше. Ей не хотелось, чтобы он заметил, как она побледнела и как ей дурно. Ей казалось, что это какой-то кошмарный сон. Наверное, ес-

ли бы она сейчас глянула на себя в зеркало, то увидела бы страшную ведьму с перекошенным лицом. — Уходи, Стив. Сколько можно тебе повторять?

— А что будет, если я не уйду? Ты позвонишь шерифу Баннерману? И что ты ему скажешь? «Привет, Джордж, это жена мистера Бизнесмена. Парень, с которым я трахаюсь за спиной мужа, не желает уходить. Вы не могли бы приехать и забрать его в участок?» Так вот прямо и скажешь?

Ее страх нарастал. До замужества Донна работала библиотекарем в школьной системе Уэстчестера, и у нее был свой собственный личный кошмар, связанный с этой работой. Когда дети слишком шумели, ей приходилось их урезонивать и говорить — очень строгим и громким голосом, — чтобы они *немедленно* замолчали. Обычно с третьего раза они понимали и слушались — по крайней мере, шумели уже не так сильно, как прежде, — но что, если бы они не послушались? Вот где был настоящий кошмар. Что, если бы дети ее не послушались? И что тогда делать? Ее пугал этот вопрос. Ее пугало, что такой вопрос вообще может возникнуть — даже наедине со своими мыслями под покровом ночи. Она боялась повышать голос и прибегала к этому

средству лишь в крайних случаях. Потому что за этой границей кончается цивилизованный мир. За этой границей асфальтовое шоссе превращается в грязную грунтовку. Если тебя не слушают, когда ты говоришь громким голосом, остается только кричать.

И теперь этот кошмар вернулся. Если Стив не уйдет, если он вновь попытается к ней прикоснуться, она наверняка закричит. И что дальше?

— Уходи, — тихо проговорила она. — Пожалуйста. Между нами все кончено.

— А если я все-таки не уйду? Если я изнасилую тебя прямо здесь, на полу, в этой чертовой луже молока?

Она взглянула на него сквозь пряди упавших на глаза волос. Ее бледность еще не прошла, и глаза казались невероятно огромными на белом лице.

— Тогда готовься к тому, что я буду сопротивляться. И если у меня будет возможность оторвать тебе яйца или выцарапать глаза, я ею воспользуюсь.

Его лицо стало жестким и замкнутым, но ей показалось, что в его взгляде промелькнула некоторая неуверенность. Он знал, какая она проворная. Знал, что она в неплохой форме. Да, он обыгрывал ее в теннис, но она заставляла его

попотеть. Вряд ли что-то грозит его яйцам или глазам, но расцарапать ему лицо она очень даже способна. Вопрос в том, как далеко он намерен зайти. Донна ощутила какой-то густой скверный запах, словно в кухне повеяло дикими джунглями, и с ужасом поняла, что этот запах исходит от них со Стивом. Смесь ее страха и его злости.

— Комод отвезу обратно в мастерскую, — сказал Стив. — Почему бы тебе не прислать за ним своего распрекрасного муженька, Донна? У нас с ним есть о чем поговорить. Кто чего ободрал, кто кого отодрал.

С тем он и ушел, хлопнув дверью так сильно, что стекло зазвенело и чуть не разбилось. Спустя пару секунд взревел двигатель микроавтобуса, сначала на холостых оборотах, а потом под нагрузкой, когда Стив резко переключил передачу. Его поспешный отъезд сопровождался пронзительным визгом шин.

Донна закончила вытирать пол, периодически поднимаясь, чтобы отжать тряпку в раковину. Она смотрела, как белые струйки молока утекают в сливное отверстие. Ее всю трясло, отчасти из-за нервной реакции, отчасти от облегчения. Угроза Стива рассказать обо всем Вику как-то не отложилась у нее в голове. Сейчас Донна думала

лишь об одном: о цепи событий, приведших к сегодняшней безобразной сцене.

Она искренне верила, что ее интрижка со Стивом Кемпом случилась почти нечаянно. Непредвиденно, как прорыв канализационной трубы. Такие трубы, как ей представлялось, проходят под аккуратно подстриженными лужайками почти каждого брака в Америке.

Она не хотела переезжать в Мэн и пришла в ужас, когда Вик впервые об этом заговорил. Несмотря на то что они часто ездили туда в отпуск (а может быть, именно из-за того, что они часто ездили туда в отпуск), Мэн представлялся ей этакой лесной пустошью, где зимой наметает сугробов высотой в двадцать футов и люди оказываются отрезанными от мира. Ее пугала мысль о переезде в такое место с маленьким ребенком. В воображении она рисовала картины — и про себя, и вслух для Вика, — как случится внезапная снежная буря, Вик застрянет в Портленде, а она — в Касл-Роке. И что ей делать в такой ситуации, если Тэд заберется в аптечку и наестся таблеток, или обожжется о плиту, или еще бог знает что? Хотя, возможно, ее страх переезда объяснялся простым нежеланием покидать суматошный Нью-Йорк, где вовсю кипит жизнь.

Но если по правде, это были не самые худшие страхи. Больше всего Донну пугало свербящее предчувствие, что затея с «Эд уоркс» прогорит и им придется ползти обратно, поджав хвосты. Этого не случилось, потому что Вик с Роджером работали на износ. Однако это означало, что Донна целыми днями сидела одна с ребенком, и у нее неожиданно образовалось слишком много свободного времени.

Своих близких подруг она могла бы пересчитать по пальцам одной руки. Она знала их тысячу лет и была в них уверена — что бы ни произошло, их дружба останется нерушимой на веки вечные, — но вообще-то она нелегко заводила друзей. Она подумывала пройти аттестацию в Мэне и устроиться на работу. Поскольку нью-йоркские сертификаты о квалификации действуют в Мэне, ей даже не пришлось бы ничего делать — только заполнить бумажки, пройти собеседование в департаменте среднего образования и ждать, когда в старшей школе Касл-Рока появится подходящая вакансия. Но она отказалась от этой дурацкой идеи, произведя простой подсчет на калькуляторе. Расходы на няню и на бензин сожрут почти всю вероятную зарплату, поскольку Донна вряд ли могла бы рассчитывать на что-то большее,

чем двадцать восемь долларов в день.

Я превратилась в хрестоматийную американскую домохозяйку, с ужасом размышляла она в один из пасмурных дней прошлой зимой, глядя на хлопья мокрого снега за окном. Сижу дома, кормлю Тэда сосисками с бобами, горячими сэндвичами с сыром и кэмпбелловскими супами, вижу жизнь только по телевизору, в мыльных операх «Как вращается мир» и «Молодые и дерзкие». В качестве дополнительного развлечения можно еще посмотреть «Колесо Фортуны». Или сходить в гости к Джоани Уэлш, у которой есть дочка, ровесница Тэда, но общение с Джоани давалось Донне непросто. Она была на три года старше и на десять фунтов полнее Донны. Эти лишние десять фунтов нисколько ее не смущали. Она говорила, что муж любит ее и такой. Джоани была счастлива и довольна жизнью в Касл-Роке.

Мало-помалу в трубе копился засор. Донна начала ссориться с Виком по пустякам, чтобы не заводить разговоры о более серьезных вещах, которые сложно осмыслить и еще сложнее высказать вслух. О потерях, о страхе, о неминуемом старении. Об одиночестве и боязни одиночества. О том, как ты слышишь по радио песню, которую помнишь еще со школы, и тебя ни с того ни с сего

пробивает на слезы. Как ты жутко завидуешь мужу, чья жизнь наполнена смыслом, потому что он занят делом — странствующий рыцарь с фамильным гербом на щите, он сражается в ежедневной борьбе, чтобы обеспечить семью, — а в твоей жизни есть только дом и ребенок, требующий постоянного внимания, и надо как-то справляться с его капризами, слушать его непрестанную болтовню, готовить ему еду. Живешь, как в окопе. Только и делаешь, что ждешь и прислушиваешься.

Она всегда думала, что ей станет легче, когда Тэд подрастет; и вот он подрос, но легче не стало. Даже наоборот. Весь прошлый год он три раза в неделю ходил на полдня в детский сад «Джек и Джилл»; этим летом он посещал игровой детский лагерь — пять дней в неделю. Когда его не было дома, дом становился пугающе пустым. В отсутствие Тэда дверные проемы зияли, словно разверстые пасти; лестничные пролеты казались провалами пустоты, когда Тэд не сидел на ступеньках в пижаме, сонно листая книжку с картинками перед дневным сном.

Двери были как пасти, лестницы — как голодные глотки. Пустые комнаты превращались в ловушки.

Поэтому она мыла полы, не нуждавшиеся в мытье. Смотрела мыльные оперы по телевизору. Думала о Стиве Кемпе, с которым затеяла легкий флирт еще прошлой осенью, когда он приехал в Касл-Рок на машине с номерами штата Виргиния и открыл здесь мастерскую по реставрации мебели. Донна нередко ловила себя на том, что сидит перед включенным телевизором и совершенно не понимает, что происходит на экране, потому что не следила за передачей, а размышляла о Стиве — как его темный загар контрастирует с белой теннисной формой или какие накачанные у него ягодицы, что особенно заметно, когда он бежит за мячом. В конце концов она сделала то, что сделала. А сегодня…

Желудок скрутило, тошнота подступила к горлу, и Донна бросилась в ванную, зажимая руками рот. Она еле успела склониться над унитазом, и ее сразу вырвало. Что-то все-таки пролилось на пол. Она посмотрела на учиненное ею самой безобразие, и ее вырвало снова.

Когда спазмы в желудке унялись (зато ноги снова дрожали; что-то теряешь, что-то находишь), она посмотрела на себя в зеркало. В резком свете люминесцентной лампы ее лицо превратилось в четко очерченную, рельефную маску. Очень

нелестную маску. Кожа бледная, практически белая. Глаза покраснели. Волосы намокли от пота и некрасиво прилипли к голове. Сейчас Донна видела себя такой, какой станет в старости, и что самое страшное: если бы в эту минуту рядом с ней появился Стив Кемп, она отдалась бы ему прямо здесь, на полу, лишь бы только он обнял ее, поцеловал и сказал, что не надо бояться, что время — миф, смерть — просто сон и все непременно будет хорошо.

Она издала странный звук — то ли крик, то ли стон, — который никак не мог вырваться из ее собственной груди. Это был крик сумасшедшей.

Потом опустила голову и расплакалась.

* * *

Черити Камбер сидела на краешке широкой кровати в их с мужем спальне и смотрела на то, что держала в руках. Она только что вернулась из магазина. Из того самого магазина, куда сегодня ходила и Донна Трентон. Руки, ноги и щеки Черити онемели, будто от холода. Словно она целый день прокаталась с Джо на мотосанях. Но завтра первое июля; мотосани уже давно зачехлены и стоят в гараже.

Не может быть. Это наверняка какая-то

ошибка.

Нет, не ошибка. Она проверила несколько раз. Все сходилось, ошибки не было.

В конце концов, с кем-то же подобное происходит. Разве нет?

Да, конечно. С *кем-то другим* происходит. Но с *ней самой*?

Ей было слышно, как Джо стучит молотком у себя в мастерской. Металлический звон от ударов разносился в жарком воздухе. Затем стук прекратился, и послышалось негромкое:

— Черт!

Еще один гулкий удар, и опять тишина. А потом муж заорал что есть мочи:

— Бретт!

Ее сердце испуганно сжалось, как сжималось всегда, когда Джо вот так повышал голос и звал к себе их сынишку. Бретт очень сильно любил отца, но Черити никогда не была твердо уверена, что Джо любит сына. Страшно признаться, но это правда. Однажды, примерно два года назад, ей приснился кошмар, который она не забудет, наверное, до конца своих дней. Ей приснилось, что ее муж воткнул вилы прямо в грудь Бретту. Зубья пробили детское тельце насквозь и вышли наружу, приподняв футболку на спине Бретта.

Кончики зубьев торчали, словно стойки палатки. *Этот мелкий говнюк не пришел, когда я его звал,* сказал муж в ее сне, и Черити резко проснулась и села в постели рядом с реальным мужем, который спал крепким сном, накачавшись пивом. Проникавший в окно лунный свет падал прямо на кровать — холодный, бесчувственный белый свет, — и она поняла, как силен страх в человеческом сердце. Страх — это чудовище с желтыми клыками, посланное в мир неким разгневанным Богом, чтобы пожирать людей опрометчивых и недостойных. Джо не раз поднимал на нее руку, и она быстро усвоила, что к чему. Может, она и не гений, но и не *дура*. Теперь она слушалась Джо и почти никогда ему не перечила. Похоже, Бретт поступал точно так же. Но иногда Черити боялась за сына.

Она подошла к окну и успела увидеть, как Бретт заходит в сарай. Следом за ним вяло плелся Куджо, разморенный жарой и унылый.

Еле слышно:

— Подержи эту хреновину, Бретт.

Еще тише:

— Да, папа.

Снова послышался стук молотка, беспощадный звон пестика для колки льда: *Дзынь! Дзынь! Дзынь!*

Она представила, как Бретт держит что-то — зубило у заклинившего подшипника или костыль у зажимного болта. Ее муж — в уголке тонкого рта зажата «Пэлл-Мэлл», рукава футболки закатаны до плеч — замахивается тяжеленным молотком. И если он пьян… если он промахнется…

Она явственно услышала в голове истошный крик Бретта, когда молоток раздробил ему ладонь в кровавую кашу, и скрестила руки на груди, отгораживаясь от кошмарного видения.

Она вновь посмотрела на то, что держала в руке. Наверное, его можно как-то использовать. Надо только сообразить, как именно. Больше всего на свете ей хотелось поехать в Коннектикут, повидаться с сестрой Холли. В последний раз они виделись шесть лет назад, летом 1974-го. Она это запомнила, потому что то лето выдалось для нее непростым. Кроме тех единственных замечательных выходных, весь год был тяжелым. В семьдесят четвертом у Бретта начались ночные проблемы: приступы беспокойства, кошмары и — все чаще и чаще — случаи хождения во сне. В том же году Джо начал пить по-черному. Ночные кошмары и лунатизм Бретта в конце концов прекратились. Пьянство Джо — нет.

Тогда Бретту было четыре; сейчас ему десять,

и он даже не помнит свою тетю Холли, которая шесть лет назад вышла замуж. Теперь у нее уже двое детей, сынишка, названный в честь отца, и дочка. Черити видела племянника и племянницу только на фотографиях, которые Холли изредка присылала по почте.

Она боялась заводить разговор с мужем. Ему уже надоело выслушивать ее слезные просьбы, и если она попросит еще раз, он может ее ударить. В последний раз она спрашивала, нельзя ли им съездить в Коннектикут хоть на несколько дней, почти полтора года назад. Джо Камбер не любил без толку мотаться туда-сюда. Ему было неплохо и в Касл-Роке. Каждый год они с Гэри Первье и еще несколькими корешами ездили на озеро Мусхед охотиться на оленей. В прошлый раз, в ноябре, Джо хотел взять с собой Бретта. Черити тогда уперлась, и ей *удалось* настоять на своем, невзирая на сердитое ворчание мужа и обиженные взгляды сына. Она не собиралась отпускать своего мальчика на две недели с этой веселой компанией, чтобы он слушал их пошлые разговоры и скабрезные анекдоты и наблюдал, в каких скотов превращаются мужики, когда пьют без просыху целыми днями. Причем у каждого — заряженное ружье. Лесная глушь, заряженные

ружья, мужики, накачавшиеся спиртным. Рано или поздно кто-то наверняка словит шальную пулю, несмотря на яркие оранжевые жилеты и шапки. Но пусть это будет не Бретт. Не ее сын.

Ровный, ритмичный стук молотка по металлу затих. Она немного расслабилась. Молоток застучал снова.

Конечно, рано или поздно Бретт все равно уйдет с ними, и она потеряет его навсегда. Он вступит в их мужской клуб, после чего мать превратится для него в домашнюю прислугу. Да, так и будет, она это знает и заранее скорбит. Но она все же сумела отложить неизбежное еще на год.

А что будет в этом году? Она не уверена, что у нее снова получится удержать его дома в нынешнем ноябре. Но в любом случае будет лучше — не совсем хорошо, а чуть лучше, — если ей удастся сначала свозить Бретта в Коннектикут. Пусть он увидит…

…увидит…

Да скажи уж как есть. Пусть только в мыслях.

(*как живут приличные люди*)

Если Джо их отпустит одних… нет, даже думать об этом нет смысла. Джо мог ездить куда угодно, в одиночку или с друзьями, а она не могла, даже с Бреттом. Такое у них в семье правило. И все же

как хорошо было бы съездить к сестре без него — чтобы он не сидел в кухне Холли, нажираясь пивом и презрительно поглядывая на Джима, мужа Холли. Да, без него будет лучше. Никто не станет бурчать, что пора ехать домой, пока Холли с Джимом не решат, что гости и вправду что-то засиделись…

Они с Бреттом.

Только вдвоем.

Они могли бы поехать на автобусе.

Она подумала: *В прошлом ноябре он хотел взять Бретта с собой на охоту.*

Она подумала: *Может, получится договориться?*

Ты — мне, я — тебе.

Ее пробрал колючий озноб, словно все тело наполнилось ледяной стекловатой. Она и вправду *согласна* на такой обмен? Пусть осенью Джо возьмет Бретта с собой на охоту, но при условии, что сейчас он отпустит их с Бреттом в Стратфорд…

Деньги есть — теперь есть, — но дело не только в деньгах. Деньги он заберет, и она больше их не увидит. Но если правильно разыграть свои карты… Если все сделать с умом…

Мысли завертелись быстрее. Стук молотка в мастерской стих. Она увидела, как Бретт выходит

из сарая, и возблагодарила небеса. Ей что-то подсказывало, что если с сыном случится беда, это произойдет именно в мастерской, в этом темном, мрачном месте, где засаленный дощатый пол усыпан опилками.

Способ есть. *Должен быть.*

Если она готова сыграть по-крупному.

Она держала в руке лотерейный билет. Вертела его так и этак, стоя у окна, и сосредоточенно размышляла.

* * *

Стив Кемп вернулся к себе в мастерскую в состоянии яростного исступления. Мастерская располагалась на западной окраине Касл-Рока, на шоссе номер 11. Стив снял дом у фермера, владевшего недвижимостью в Касл-Роке и в соседнем Бриджтоне. Фермер был не просто придурком, а Придурком с большой буквы.

В центре мастерской стояла емкость для снятия краски и лака, огромное гофрированное металлическое корыто, в котором можно было бы в один прием сварить целую делегацию миссионеров. Вокруг него, словно малые спутники планеты-гиганта, располагались предметы мебели, привезенные на реставрацию: комоды,

трюмо, серванты, книжные этажерки, столы и прочее. Все было пропитано запахом смывки, олифы и лака.

В старой дорожной сумке с эмблемой авиакомпании «Ти-дабл-ю-эй» лежала чистая смена одежды; Стив планировал переодеться после жаркого секса с хорошенькой сучкой. Теперь он швырнул сумку в стену. Отскочив от стены, она упала на ближайший комод. Стив подошел, сбил сумку с комода и пнул ее с такой силой, что она подлетела до потолка и грохнулась на пол, как дохлый сурок. Стив еще долго стоял, тяжело дыша. Вдыхал едкие запахи мастерской и невидящим взглядом смотрел на три кресла с плетеными спинками, которые обещал заново перетянуть к концу этой недели. Он засунул большие пальцы под ремень джинсов. Его руки сжались в кулаки. Нижняя губа обиженно оттопырилась. Он был похож на сердитого мальчишку, которого только что отругали.

— Дрянь и *дешевка*! — выдохнул он и пошел за сумкой. Хотел пнуть ее еще раз, но передумал, поднял сумку с пола и отправился в дом, примыкавший к рабочей пристройке. В маленьком трехкомнатном доме было еще жарче, чем в мастерской. Какое-то адское жаркое лето. Мозги

плавятся. В кухне громоздились горы немытой посуды. Мухи кружили над пакетом для мусора, набитым пустыми консервными банками из-под тунца и макарон с мясом в томатном соусе. В гостиной стоял старый большой черно-белый телевизор «Зенит», подобранный на помойке. На телевизоре спал мертвым сном огромный кастрированный полосатый котище по имени Берни Карбо.

Писательством Стив занимался в спальне. Вместо кровати у него была раскладушка; постель вечно не убрана, простыни задубели от засохшей спермы. Независимо от частоты секса (за последние две недели — ни разу) Стив часто мастурбировал. Он считал мастурбацию признаком творческой личности. Напротив кровати стоял письменный стол. На столе — пишущая машинка, старомодный «Ундервуд». С обеих сторон от машинки лежали стопки рукописей. Еще больше рукописей — либо в картонных коробках, либо в больших стопках, скрепленных канцелярскими резинками, — было свалено в кучу в углу. Стив много писал и часто переезжал с места на место. Его основным багажом были плоды творческого труда: стихи, рассказы, сюрреалистическая пьеса, где реплики всех персонажей составили в общей

сложности девять слов, и застопорившийся роман, к которому он пробовал подступиться уже с шести разных сторон. Последние пять лет Стив провел в постоянных разъездах, нигде не задерживался надолго и даже не успевал полностью распаковать свои вещи.

В прошлом декабре, бреясь перед зеркалом, он обнаружил у себя в бороде первую седину. Это открытие повергло его в затяжную депрессию. С тех пор он вообще перестал бриться, как будто седина появляется из-за бритья. Ему было тридцать восемь. Стиву претила мысль, что он уже такой старый. Он гнал ее прочь, но она возвращалась настойчиво и упорно. Неизбежная старость — еще семьсот дней, и ему стукнет сорок — его пугала. Он всегда думал, что сорок лет приключаются с кем-то другим, но уж точно не с ним.

Вот же сучка, снова подумал он. *Вот же сучка*.

Стив бросил уже не одну дюжину женщин с тех пор, как впервые познал радость плотских утех — в девятом классе, с симпатичной, стеснительной и нежно-беспомощной студенткой, заменявшей учительницу по французскому, — но его самого бросали всего два-три раза. Он всегда чувствовал, что дело идет к разрыву, и прекращал отношения первым. Лучше обезопасить себя заранее — как

сбросить пиковую даму при игре в червы. Превентивная мера защиты. Чтобы никакая ушлая сучка не задела твоего самолюбия. Чтобы не впадать в мрачные мысли о собственном возрасте. Он видел, что Донна охладевает к нему, но был уверен, что ею легко манипулировать — по крайней мере, какое-то время, — сочетая психологическое давление с сексуальным напором. Страх — тоже отличный рычаг, если захочется грубости. Но его расчет не сработал, и теперь в нем кипели обида и ярость, словно его высекли плеткой.

Он разделся, бросил бумажник и мелочь на стол и пошел в душ. Стоило освежиться, и ему стало легче. Он надел чистые джинсы и легкую хлопчатобумажную рубашку, которые вынул из сумки. Сгреб со стола мелочь, ссыпал в передний карман джинсов и помедлил, задумчиво глядя на свой бумажник. Из него выпало несколько визитных карточек. Они всегда выпадали, потому что их было много.

Бумажник Стива Кемпа буквально распирало от всевозможных визиток. Он таскал их отовсюду, при каждой возможности. Из них получались отличные закладки, а на обратной чистой стороне было удобно записывать адреса, номера телефонов или короткие памятки. При случае он

брал сразу две или три карточки в каком-нибудь магазине сантехники или у заезжих коммивояжеров, торгующих страховыми полисами. Стив неизменно просил визитку, расплываясь в фальшивой улыбке.

Однажды, когда еще пылали страсти, он заметил на телевизоре визитку ее муженька. И взял ее, пока Донна ходила в душ. Просто так. По привычке.

Теперь он открыл бумажник и принялся перебирать лежавшие там визитки: карточки страхового агентства в Виргинии, риелторской фирмы в Колорадо и еще дюжины разных компаний. Он уже было решил, что потерял карточку красавчика-муженька, но нет — она завалилась между долларовыми бумажками. Он выудил ее и рассмотрел. Синяя надпись на белом фоне, в модной нынче манере без прописных букв, что называется скромненько, но со вкусом. Без излишеств и вычурности.

роджер брекстон «эд уоркс» виктор трентон
1633 конгресс-стрит
телекс: ЭДУОРКС портленд, мэн 04001
тел (207) 799–8600

Стив взял листок из пачки дешевой писчей бумаги и расчистил место на столе. Мельком взглянул на машинку. Нет. Шрифт у каждой пишущей машинки уникален, как отпечатки пальцев. Кривоватая «а» в нижнем регистре с головой выдает негодяя, инспектор. Судейская коллегия удаляется на совещание.

Полиция не занимается такими делами, тут можно не волноваться, но осторожность все-таки не помешает. Дешевая бумага, которая продается в любой канцелярской лавке. Никаких пишущих машинок.

Он взял ручку из кофейной банки на краю стола и написал большими печатными буквами:

ПРИВЕТ, ВИК.
У ТЕБЯ ПРЕЛЕСТНАЯ ЖЕНА.
Я С БОЛЬШИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ ДРАЛ ЕЕ ВО ВСЕ ДЫРЫ.

Он помедлил, задумчиво постукивая по зубам кончиком ручки. Настроение стремительно улучшалось. Но чего-то явно не хватало. Разумеется, Донна — красивая женщина, и всегда есть вероятность, что Трентон не примет это письмо всерьез. Слова не стоят ни гроша, а письмо можно отправить по цене чашки кофе. Должно быть

что-то такое… весомое. Оно всегда есть. Надо только сообразить.

Внезапно он улыбнулся; когда он так улыбался, его лицо озарялось чарующим светом, и сразу было понятно, почему у него никогда не было особых проблем с женщинами, начиная с той симпатичной стеснительной студенточки.

Он написал:

ТЕБЕ ЧТО-НИБУДЬ НАПОМИНАЕТ ЕЕ РОДИНКА НА ЛОБКЕ?

МНЕ

ОНА НАПОМИНАЕТ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК.

А У ТЕБЯ ЕСТЬ ВОПРОСЫ?

Пожалуй, и хватит; хорошенького понемножку, как всегда говорила мама. Он нашел конверт и вложил в него записку. Секунду помедлил и сунул туда же визитную карточку. Написал на конверте рабочий адрес Вика, такими же крупными печатными буквами. Немного подумал, решил проявить капельку милосердия к незадачливому муженьку и добавил под адресом: ЛИЧНО В РУКИ.

Он положил письмо на подоконник и откинулся на спинку стула. У него вновь было отличное

настроение. Сегодня вечером он обязательно что-то напишет, он уже чувствовал прилив вдохновения.

Во двор мастерской заехала машина с номерами другого штата. Пикап с монументальным кухонным буфетом в кузове. Кто-то удачно зашел на гаражную распродажу. Везет же людям.

Стив вышел из дома. Он бы с радостью взялся за этот буфет — деньги никогда не бывают лишними, — но сомневался, что у него будет время закончить работу. Когда он отправит письмо, обстановка изменится. Не то чтобы прямо радикально, и уж точно не сразу. Можно позволить себе удовольствие чуть-чуть задержаться в Касл-Роке, чтобы нанести еще как минимум один визит маленькой мисс Задран-Нос… разумеется, предварительно убедившись, что красавчика-мужа нет дома. Стив играл с Виком в теннис и знал, какой он слабак — удар слева вялый, как разваренная лапша, сам в очочках и тощий, как жердь, — но никогда нельзя быть уверенным, что у красавчика-муженька не сорвет крышу и его не потянет на противоправные действия. У многих красавчиков-муженьков дома хранится оружие. Вот почему надо сначала проверить, все ли чисто на горизонте, а уж потом заявляться с кратким

дружественным визитом. Он позволит себе это маленькое удовольствие, а затем окончательно прикроет лавочку. Может быть, съездит в Огайо. Или в Пенсильванию. Или в Таос, штат Нью-Мексико. Но как всякому шутнику, подсунувшему человеку взрывающуюся сигарету, ему хотелось быть где-то поблизости (разумеется, на безопасном расстоянии), когда тот закурит.

Водитель пикапа и его жена уже выбрались из машины. Стив вышел им навстречу, держа руки в карманах джинсов и ослепительно улыбаясь. Женщина тут же заулыбалась в ответ.

— Добрый день. Чем могу быть полезен? — спросил он и подумал, что отправит письмо сразу, как только отделается от этой парочки.

* * *

В тот же вечер, когда красное жаркое солнце уже клонилось к западу, Вик Трентон — в рубашке, завязанной вокруг пояса, — разглядывал моторный отсек «пинто» Донны. Стоявшая рядом Донна выглядела юной и свежей в белых шортах и красной клетчатой блузке без рукавов. Она была босиком. Тэд в одних плавках гонял взад-вперед по подъездной дорожке на своем трехколесном велосипеде, играя в какую-то игру

собственного изобретения, в которой Понч и Джон из «Калифорнийского дорожного патруля» сражались с Дартом Вейдером.

— Пей лимонад, пока лед не растаял, — сказала Донна Вику.

— Угу. — Стакан стоял на краю моторного отсека. Вик сделал пару глотков и, не глядя, поставил стакан на место. Но чуть промахнулся, и стакан грохнулся вниз — прямо в руку жене.

— Ого! — сказал Вик. — Да ты крутой кэтчер.

Она улыбнулась:

— Просто я знаю, какой ты рассеянный, когда сосредоточен на чем-то другом. Смотри. Ни капли не пролилось.

Они улыбнулись друг другу, и на мгновение их взгляды встретились. *Прекрасное* мгновение, подумал Вик. Может быть, ему просто казалось или он выдавал желаемое за действительное, но в последнее время таких маленьких прекрасных мгновений стало больше. А резких слов — меньше. Меньше периодов холодного молчания или — что еще хуже — молчания равнодушного. Вик не знал, в чем причина, но был благодарен, что все вроде бы начинало налаживаться.

— Для резервной команды отлично, — сказал он. — Есть все шансы войти в основной состав.

— Так что там с машиной?

Вик уже снял воздушный фильтр и положил на дорожку.

— Ничего себе фрисби, — заметил Тэд пару секунд назад, объезжая фильтр на велосипеде.

Вик наклонился и ткнул отверткой в сторону карбюратора.

— Кажется, залипает игольчатый клапан.

— Это плохо?

— Не то чтобы очень, но если залипнет совсем, машина уже не поедет. Игольчатый клапан контролирует поступление бензина в карбюратор, а без бензина мотор не работает. Это прописано в федеральном законе, малышка.

— Пап, покачаешь меня на качелях?

— Да, через пару минут.

— Хорошо! Я тебя жду!

Тэд помчался на задний двор, где стоял игровой комплекс с качелями, который Вик прошлым летом собрал по готовым схемам. Подкрепляя себя джином с тоником, он работал по вечерам в будни и по выходным, слушая радиотрансляции матчей с участием «Бостон ред сокс». Трехлетний Тэд сидел с очень серьезным видом, подперев подбородок руками, на ступеньках крыльца или на крышке подвального люка. Иногда помогал

что-нибудь поднести, но обычно лишь молча смотрел. Прошлым летом. Это было хорошее лето, не такое жаркое, как нынешнее. Тогда Вику казалось, что Донна наконец освоилась на новом месте и поняла, чем для них хороши Мэн, Касл-Рок и «Эд уоркс».

А потом что-то переменилось, началась странная черная полоса, и хуже всего было назойливое, почти физическое ощущение, что все еще хуже, чем он опасался. Вещи в доме стояли как-то неуловимо не так, словно их трогали незнакомые руки. У него то и дело мелькала безумная мысль — точно ли безумная? — что Донна слишком часто меняет постельное белье. Простыни всегда были чистыми, словно только сегодня постеленными, и как-то ночью ему на ум пришел тот самый вопрос из сказки, отдавшийся в голове гадким эхом: *Кто спал на моей кровати?*

Но теперь все как будто наладилось. Если бы не эти несчастные «Малиновые колючки» и не проклятая поездка, от которой не отвертеться, Вик мог бы решить, что и в этом году лето будет прекрасным. Возможно, так и будет. Иногда ты побеждаешь. Не все надежды напрасны. Он в это верил, хотя его вера еще ни разу не подвергалась серьезным испытаниям.

— Тэд! — крикнула Донна вслед сыну, и тот резко остановился. — Поставь велосипед в гараж.

— Ну, *ма-а-а-ам*!

— Без разговоров, сеньор.

— Синёр, — сказал Тэд и рассмеялся в ладошки. — Ты тоже не ставишь машину в гараж, мам.

— Потому что папа ее чинит.

— Да, но…

— Слушайся маму, Тэдди, — сказал Вик, поднимая с земли воздушный фильтр. — Я скоро приду.

Тэд уселся на велосипед и поехал в гараж с громким воем, изображавшим сирену «Скорой помощи».

— Уже ставишь фильтр на место? — спросила Донна. — Ты не будешь чинить карбюратор?

— Это сложная работа, — сказал Вик. — У меня нет инструментов. И в любом случае мне туда лучше не лезть. А то еще сделаю только хуже.

— Черт, — сердито сказала она и пнула колесо. — Почему все вечно ломается тогда, когда заканчивается срок гарантии?

Пробег «пинто» составлял чуть больше 20 000 миль, и до конца полной выплаты кредита оставалось еще полгода.

— Это тоже прописано в федеральном законе, — сказал Вик, поставил фильтр на место и затянул гайку.

— Наверное, надо будет отогнать его в Саут-Пэрис, пока Тэд в саду. И раз ты уезжаешь, мне придется взять машину в прокате. Он доедет до Саут-Пэриса, Вик?

— Конечно. Но зачем ехать так далеко? Отвези его лучше Джо Камберу. Тут всего-то семь миль, и он отличный механик. Помнишь, на «ягуаре» полетел подшипник? Он его вытащил самодельной лебедкой и взял за работу всего десять долларов. А в Портленде меня ободрали бы как липку.

— Он меня напугал, — сказала Донна. — И к тому же он был навеселе.

— Чем он тебя напугал?

— Слишком пялился.

Вик рассмеялся.

— Каждый бы пялился на такую красотку.

— Спасибо, — сказала она. — Женщины в целом не против, когда на них *смотрят*. Но неприятно, когда тебя раздевают глазами. — Она замолчала (как-то странно замолчала, подумал он), глядя на зловещее красное небо на западе. Потом опять обернулась к нему. — Есть такие мужчины… Смотришь на них и прямо чувствуешь, что у

них в голове крутится порноверсия «Похищения сабинянок» с тобой… в главной роли.

У Вика возникло нехорошее ощущение, что она намекает на что-то другое. Но сегодня ему не хотелось с этим разбираться, только не в этот вечер, когда он вроде бы стал выбираться из-под кучи дерьма, навалившегося за прошлый месяц.

— Он наверняка безобидный. У него есть жена и ребенок…

— Может, и безобидный, — сказала она, но при этом скрестила руки на груди и обхватила ладонями локти, как делала всегда, когда нервничала.

— Смотри, — сказал он. — Я сам отгоню к нему «пинто» в субботу. Надо будет оставить — оставлю. Но, скорее всего, Камбер сразу же все и починит. А я выпью с ним пива и поглажу пса. Помнишь его сенбернара?

Донна улыбнулась:

— Я даже помню, как его зовут. Он так рьяно облизывал Тэда, что чуть не свалил его с ног. Помнишь?

Вик кивнул:

— И Тэд все время ходил за ним хвостиком и повторял: «*Ку-у-у-джо… ко мне, Ку-у-у-джо*».

Они рассмеялись.

— Иногда я себя чувствую такой дурой, — ска-

зала Донна. — Если бы я умела обращаться с механической коробкой передач, то могла бы взять твой «ягуар», пока ты будешь в отъезде.

— Нет, не могла бы. «Ягуар» — зверь норовистый. К нему нужен особый подход. — Вик выпрямился и захлопнул крышку капота.

— *Ну ты БАЛДА!* — простонала она. — Там же твой лимонад!

У него был такой уморительно изумленный вид, что она не выдержала и рассмеялась. Через минуту он тоже расхохотался. Захлебываясь от смеха, они повисли друг на друге, как двое пьяных. Тэд прибежал посмотреть, что происходит, и уставился на родителей округлившимися глазами. Убедившись, что все хорошо и мама с папой не сошли с ума, он и сам рассмеялся. Примерно в это же время, в двух милях от них, Стив Кемп опустил письмо в почтовый ящик.

* * *

Позже, когда стало смеркаться, жара слегка спала и в воздухе замелькали первые светлячки, Вик раскачал сына на качелях.

— Еще выше, пап! Еще выше!

— Еще выше не надо, а то перевернешься вниз головой.

— Тогда сделай пробежку, пап! Сделай пробежку!

Вик со всей силы толкнул качели прямо к небу, где уже зажигались первые звезды, а сам пробежал под перекладиной на другую сторону. Тэд радостно завизжал, запрокинув голову. Его волосы развевались на ветру.

– *Круто*, пап! Давай еще раз!

Вик еще раз толкнул качели, теперь уже спереди, и Тэд воспарил в тихую жаркую ночь. Тетушка Эвви Чалмерс жила неподалеку, и испуганно-восторженные крики Тэда стали последними звуками в ее жизни; она сидела на кухне, пила кофе, курила восьмую сигарету подряд, и ее сердце внезапно остановилось, одна из его тонких стенок почти безболезненно лопнула. Тетушка Эвви обмякла на стуле, в глазах потемнело. Где-то на улице кричал ребенок, и сперва ей подумалось, что это был радостный крик, но когда ее разум уже отключался, когда она падала в пустоту, словно кто-то толкнул ее в спину — со всей силы, но незлобиво, — ей показалось, что ребенок кричит от страха, от боли; потом она умерла, и Эбби, ее племянница, нашла остывшее тело на следующий день. Кофе тоже остыл, недокуренная сигарета превратилась в хрупкий столбик пепла,

нижняя вставная челюсть торчала из морщинистого рта, как выдвижной ящик с зубами.

* * *

Уже совсем вечером, перед сном, Тэд с Виком сидели на заднем крыльце. Вик пил пиво. Тэд пил молоко.

— Пап?

— Что?

— Я не хочу, чтобы ты уезжал.

— Я скоро вернусь.

— Да, но…

Тэд смотрел себе под ноги, изо всех сил стараясь не разреветься. Вик положил руку ему на затылок.

— Что «но», сынок?

— Кто тогда будет говорить слова, чтобы прогнать чудовище из шкафа? Мама их не знает! Только ты знаешь!

Слезы все-таки пролились и потекли по щекам малыша в три ручья.

— Ты поэтому плачешь? — спросил Вик.

Слова против чудовищ (сначала Вик назвал их Катехизисом против чудовищ, но Тэд не мог выговорить это слово, и название пришлось упростить) появились в конце весны, когда у

Тэда начались ночные кошмары и страхи. Он утверждал, что в шкафу в его комнате прячется кто-то страшный; иногда по ночам дверца шкафа открывалась сама собой, и оттуда выглядывало чудовище с желтыми глазами, которое хотело съесть Тэда. Донна считала, что это могло быть влияние книжки Мориса Сендака «Там, где живут чудовища». Вик поделился с Роджером (но не с Донной) предположением, что Тэд где-то услышал историю о серийных убийствах в Касл-Роке и решил, что убийца — уже превратившийся в городскую страшилку — теперь поселился у него в шкафу. Роджер сказал, что такое возможно; с детьми *все* возможно.

Через пару недель такой жизни Донна сама начала беспокоиться; однажды утром она с нервным смешком сообщила Вику, что иногда вещи в шкафу у Тэда лежат не на своих местах. Словно кто-то их перекладывает. «Сам Тэд», — сказал Вик. «Ты не понимаешь, — сказала Донна. — Теперь Тэд вообще не подходит к шкафу, Вик… вообще никогда. Он боится». И еще она добавила, что иногда после ночи, когда Тэду снятся кошмары, а потом чудятся всякие ужасы наяву, в шкафу действительно плохо пахнет. Будто в клетке у дикого зверя. Обеспокоенный, Вик заглянул в

шкаф и принюхался. У него появилась догадка, что, возможно, Тэд ходит во сне; во время этих хождений он вполне может забредать в шкаф и мочиться не просыпаясь. Но Вик не учуял ничего странного. Пахло лишь нафталином. Встроенный шкаф представлял собой узкий пенал глубиной около восьми футов. Никакого чудовища не было и в помине, и Вик уж точно не обнаружил дверь в Нарнию. У него в волосах запуталась паутина. Вот и все ужасы.

Для борьбы с ночными страхами сына Донна предлагала сначала «добрые мысли для настроя на добрые сны», потом — молитву. Тэд заявил, что чудовище из шкафа украло все его добрые мысли и добрые сны и что молитва ему не поможет, потому что Бог не верит в чудовищ. Она тогда разозлилась — может быть, потому, что ее тоже пугал этот шкаф. Однажды она прошла вглубь, чтобы развесить футболки Тэда, и дверца шкафа беззвучно закрылась у нее за спиной. Донна пережила очень неприятные сорок секунд, выбираясь наружу на ощупь. В тот раз она тоже почуяла запах — острый, горячий, свирепый. Опасный. Немного похожий на запах пота Стива Кемпа после любовных утех. В общем, она разозлилась и сердито заявила, что чудовищ *не существует* и

Тэду надо немедленно выбросить из головы эти глупости, обнять своего медвежонка и спать.

Вик то ли глядел глубже, то ли лучше помнил свои собственные детские страхи, когда по ночам дверца шкафа превращается в глупый раззявленный рот, а в самом шкафу что-то шуршит в темноте и одежда на вешалках иногда кажется повешенными мертвецами. Он смутно помнил о жутковатых тенях на стене, создаваемых отсветом уличного фонаря в бесконечные четыре часа до рассвета; помнил о странных скрипах, которые могли быть обычными звуками усадки дома, но были *очень похожи* на чьи-то крадущиеся шаги.

Поэтому он и придумал Катехизис против чудовищ, или просто Слова против чудовищ, если ты четырехлетний малыш и не можешь запомнить незнакомое сложное слово. По сути это было не более (но и не менее) чем простенькое заклинание на защиту от зла. Вик сочинил его в обеденный перерыв, и задумка сработала на ура, к радостному облегчению Донны, хотя ей было обидно, что ее собственные усилия — тут тебе и психология, и тренинг родительской эффективности, и, наконец, строгая дисциплина — не увенчались успехом. Вик каждый вечер проговаривал эти слова, как молитву, над кро-

ваткой Тэда, где тот лежал голышом под легкой простынкой, в душной жаркой темноте.

«Ты уверен, что в долговременной перспективе не будет хуже?» — однажды спросила Донна вроде бы с юмором, но и с плохо скрываемым раздражением. Это было в середине мая, когда уровень напряженности в их отношениях просто зашкаливал.

«Рекламщики не думают о долговременной перспективе, — ответил ей Вик. — Они думают о быстрых и эффективных решениях. А я хороший рекламщик».

— Да, когда ты уедешь, некому будет говорить Слова против чудовищ. В том-то и дело, — пробормотал теперь Тэд, сердито размазывая по щекам слезы. Ему было стыдно, что он разревелся.

— Слушай, — сказал ему Вик. — Они же записаны. Иначе как бы я смог в точности их повторять каждый день? Я их перепишу на листочек и повешу на стену у тебя в комнате. Мама будет читать их тебе каждый вечер, пока я не вернусь.

— Правда? Ты их напишешь?

— Конечно. Я же сказал.

— А ты не забудешь?

— Ни в коем случае. Напишу прямо сегодня.

Тэд обнял Вика, и тот крепко прижал сына к

груди.

* * *

В тот же вечер, когда Тэд уже спал, Вик тихо вошел в его комнату и прикрепил к стене канцелярской кнопкой листок бумаги. Рядом с календарем с «Могучими Мстителями Марвел», где малыш точно его заметит. На листке было написано большими четкими буквами:

СЛОВА ПРОТИВ ЧУДОВИЩ

Для Тэда

Чудовища, прочь из комнаты Тэда!
Вам здесь нечего делать.
Никаких чудищ под кроватью у Тэда!
Вы там не поместитесь.
Никаких чудищ у Тэда в шкафу!
Там для вас мало места.
Никаких чудищ у Тэда за окном!
Вам там не за что уцепиться.
Никаких оборотней и вампиров,
Никаких кусачих страшилищ.
Вам здесь нечего делать.

Никто не тронет Тэда всю ночь.
Никто не обидит Тэда всю ночь.
Вам здесь нечего делать.

Вик еще долго стоял и смотрел на листок. Он сделал мысленную пометку, что до отъезда надо будет как минимум дважды напомнить Донне, чтобы она читала Тэду слова каждый вечер. Надо, чтобы она понимала, как это важно для сына.

Перед тем как уйти, он заметил, что дверца шкафа слегка приоткрыта. Он закрыл ее поплотнее и вышел из комнаты.

Гораздо позже, уже совсем ночью, дверца вновь приоткрылась. Внутри полыхали зарницы, пронзая густую клубящуюся темноту.

Но Тэд не проснулся.

* * *

На следующий день, в четверть восьмого утра, микроавтобус Стива Кемпа выехал на шоссе номер 11. Стив направлялся к шоссе номер 302. Там он свернет налево и поедет на юго-восток, в Портленд. Он собирался какое-то время пожить в хостеле портлендского отделения Ассоциации молодых христиан.

На приборной панели лежала аккуратная стоп-

ка писем — на сей раз не написанных крупными буквами от руки, а отпечатанных на машинке. Сама машинка стояла в задней части микроавтобуса вместе с другими его вещами. На сборы ушло не больше полутора часов, и все земное имущество Стива уместилось в компактном микроавтобусе, включая Берни Карбо, который сейчас дрых в коробке у задних дверей. Они с Берни всегда путешествуют налегке.

Письма и адреса на конвертах были отпечатаны профессионально. Шестнадцать лет литературных трудов не прошли даром хотя бы в том смысле, что Стив мастерски освоил пишущую машинку. Он остановился у того же почтового ящика, куда вчера вечером бросил свою анонимку для Вика Трентона, и опустил туда письма. Если бы Стив собирался покинуть штат, он бы смылся, не заплатив за аренду дома и мастерской, но поскольку он ехал всего лишь в Портленд, было разумнее действовать в рамках закона. На этот раз можно позволить себе не экономить; в потайном углублении за бардачком припрятано более шестисот долларов наличными.

Вдобавок к чеку, покрывавшему задолженность по арендной плате, он разослал чеки некоторым крупным заказчикам, возвращая авансы. Каж-

дый чек сопровождался вежливой запиской, где говорилось, что Стив просит прощения за причиненные неудобства, но ему только что сообщили, что его мама внезапно и тяжело заболела (не существует такого американца, который не купится на историю о больной маме). Свою мебель заказчики могут забрать в мастерской — ключ лежит над входной дверью, справа на дверной раме, и будьте добры, не забудьте вернуть ключ на место, когда будете уходить. Спасибо за понимание, бла-бла-бла и прочая хрень. Да, у людей будут лишние хлопоты, но не то чтобы сильный напряг.

Стив опустил письма в почтовый ящик. Все же приятно осознавать, что ты надежно прикрыл свою задницу. Он поехал в Портленд, распевая «Шугари» вместе с «Grateful Dead». Он гнал на скорости пятьдесят пять миль в час и надеялся, что дороги будут свободны и он успеет сегодня сыграть пару партий на портлендских городских кортах. В общем и целом день начинался отлично. Если мистер Бизнесмен еще не получил его письмецо с бомбой, то сегодня уж точно получит. Вот и славно, подумал Стив и рассмеялся.

* * *

В половине восьмого, когда Стив Кемп думал о теннисе, а Вик Трентон напоминал себе, что сегодня надо бы позвонить Джо Камберу насчет «пинто» Донны, Черити Камбер готовила сыну завтрак. Джо уже полчаса как уехал в Льюистон, надеясь найти ветровое стекло для «камаро» 1972 года выпуска на городской автосвалке или в лавке подержанных запчастей. Его отъезд хорошо совпадал с планами Черити, которые она проработала тщательно и не спеша.

Она поставила перед Бреттом тарелку с яичницей и беконом, присела на стул рядом с ним. Бретт удивленно оторвался от книги, которую читал за столом. Обычно мама ставила завтрак на стол и сразу же шла заниматься своими домашними делами. Если слишком назойливо приставать к ней с разговорами до того, как она выпьет вторую за утро чашку кофе, можно было нарваться на грубость.

— Я хочу с тобой поговорить, Бретт.

На смену легкому удивлению пришло настоящее изумление. Бретт не узнавал свою вечно замкнутую, молчаливую мать. К тому же она явно нервничала. Он закрыл книгу и сказал:

— Да, мам.

— Ты хотел бы… — Она тихонько откашлялась и начала снова: — Как ты смотришь на то, чтобы съездить в Стратфорд, в Коннектикут, к тете Холли и дяде Джиму? И к твоим братику и сестричке?

Бретт улыбнулся. Он всего дважды в жизни выезжал за пределы Мэна, в последний раз — с папой, когда они ездили в Портсмут в Нью-Хэмпшире, на аукцион подержанных автомобилей, где Джо приобрел «форд» 1958 года с двигателем «Хеми».

— Было бы здорово! — сказал он. — А когда?

— Я думаю, в понедельник. Сразу после выходных на Четвертое июля. Можно будет поехать на всю неделю. Ты же сможешь?

– *Конечно!* Но, черт, у папы на той неделе полно работы. Ему надо…

— Я еще не говорила с твоим отцом.

Улыбка Бретта погасла. Он отправил в рот кусочек бекона и принялся жевать.

— Он обещал Ричи Симмсу перебрать мотор на его тракторе. И мистер Миллер, учитель, привезет «форд», чтобы починить трансмиссию. И…

— Мы с тобой можем поехать вдвоем, — сказала Черити. — На автобусе из Портленда.

Бретт явно засомневался. Снаружи, за сеткой веранды, выходящей на задний двор, Куджо медленно поднялся на крыльцо и, тихо рыкнув, улегся в тени под козырьком. Посмотрел на ХОЗЯЙКУ и МАЛЬЧИКА утомленными, покрасневшими глазами. Сегодня ему было плохо, очень-очень плохо.

— Черт, мам, я не знаю…

— Не говори «черт». Это нехорошее слово.

— Извини.

— Но ты *хочешь* поехать? Если твой папа не будет против?

— Да, конечно! Думаешь, он нас отпустит вдвоем?

— Может быть. — Она задумчиво посмотрела в окно над кухонной раковиной.

— А до Стратфорда далеко, мам?

— Примерно триста пятьдесят миль.

— Че… то есть да, далеко. А там…

— Бретт.

Он пристально посмотрел на нее. Ее голос вновь стал напряженным. Каким-то нервным.

— Что, мам?

— Ты, случайно, не знаешь, может быть, твоему папе что-то нужно для мастерской? Может быть, он хочет что-то купить?

Бретт слегка оживился.

— Ну, ему всегда нужны разводные ключи… и он говорил, что нужны новые шаровые опоры… и новая маска для сварки, потому что на старой треснул щиток…

— Нет, я имею в виду что-то большое. Дорогое.

Бретт ненадолго задумался и улыбнулся.

— Он очень хотел новый мини-кран «Йорген». Говорил, что с таким мини-краном он выдрал бы старый мотор из трактора Ричи Симмса, как нех… как нечего делать. — Бретт покраснел и быстро договорил: — Но ты не сможешь купить ему мини-кран, мам. Он неподъемный.

Неподъемный. Так Джо называл дорогие вещи. Черити ненавидела это словечко.

— Сколько он стоит?

— Ну, в каталоге — тысячу семьсот долларов, но, может быть, мистер Беласко из «Портлендской машинерии» сделает папе скидку. Папа говорит, что мистер Беласко его боится.

— И чего в этом хорошего? — резко спросила она.

Бретт слегка отшатнулся, испугавшись ее яростного напора. Он ни разу не видел, чтобы мама так сильно злилась. Даже Куджо на крыльце чуть навострил уши.

— Так чего в этом хорошего?

— Ничего, мам, — сказал Бретт, но Черити с отчаянием поняла, что он врет. Ему кажется, что это круто, когда люди боятся тебя настолько, что дают скидку. Она явственно слышала восхищение в голосе сына, пусть даже он сам его не уловил. *Хочет быть как отец. Думает, будто это великое геройство, когда тебя все боятся. О боже.*

— Нет ничего хорошего в том, чтобы люди тебя боялись, — сказала она. — Громкий голос и склочный нрав — не такие великие достижения. Тут уж точно большого ума не надо. — Она понизила голос и взмахнула рукой: — Давай ешь. Я не хотела на тебя кричать. Это все из-за жары.

Он ел молча и сосредоточенно, то и дело поглядывая на нее. Сегодняшний утренний разговор напоминал прогулку по минному полю.

— Интересно, сколько выйдет со скидкой? Тысяча триста? Тысяча?

— Не знаю, мам.

— У этого Беласко есть доставка? На большие заказы?

— Наверное, да. Но у нас все равно нет таких денег.

Ее рука потянулась к карману халата. Там лежал лотерейный билет. Номера на билете

— зеленый 76 и красный 434 — совпадали с выигрышными номерами, выпавшими в лотерее штата две недели назад. Она перепроверила дюжину раз, не в силах поверить в свою удачу. Эта лотерея стартовала в 1975-м, Черити каждую неделю покупала билет за пятьдесят центов, и на этот раз ей повезло. Она выиграла пять тысяч долларов. Она еще не обналичила выигрышный билет, но все время держала его при себе, ни на миг не упуская из виду.

— Деньги есть, — сказала она.

Бретт изумленно уставился на нее.

* * *

В четверть одиннадцатого Вик выскользнул из своего кабинета в офисе «Эд уоркс» и пошел в кафе «Бентли», чтобы выпить нормального кофе, а не того жуткого пойла, что считалось за кофе у них в конторе. Все утро он бился над рекламой яиц для птицефермы «Декостер». Это было непросто. Яйца он ненавидел с детства, когда мама чуть ли не силой заставляла его съедать по яйцу четыре раза в неделю. Пока что он не придумал ничего лучше, чем «ЯЙЦА — ЭТО… ЛЮБОВЬ БЕЗ ШВОВ». Совсем не ахти. «Без швов» почему-то навело Вика на мысль о яйце, застегнутом посе-

редине на молнию. Картинка хорошая, но к чему ее прилепить? Ничего умного в голову не приходило. Надо будет спросить у Тэдди, подумал он, когда официантка принесла ему кофе и маффин с черникой. Тэд любит яйца.

Конечно, его настроение было испорчено вовсе не из-за рекламы яиц, а из-за предстоящей двенадцатидневной поездки. Но поехать придется. Роджер его убедил. Надо ехать и стоять насмерть.

Славный словоохотливый Роджер, которого Вик любил почти как брата. Роджер с большим удовольствием пошел бы с ним в «Бентли», чтобы выпить кофе и поболтать вволю. Но сегодня Вику хотелось побыть одному. И спокойно подумать. С понедельника они с Роджером будут вместе почти две недели, и этого более чем достаточно даже для названых братьев.

Он снова задумался о фиаско с «Малиновыми колючками», позволив мыслям течь свободно. Иногда ненапряженная, почти ленивая ретроспектива неприятных событий дает свежий взгляд и приводит — по крайней мере, у Вика — к новому пониманию ситуации.

Ситуация более чем неприятная. «Колючки» спешно отозваны из продажи. Плохо, но не ка-

тастрофично. Уж точно лучше, чем та история с консервированными грибами; никто не умер, никто серьезно не пострадал, и даже самый взыскательный потребитель понимает, что у всякой компании бывают проколы. Вспомним «Макдоналдс». Года два-три назад там раздавали бесплатные стеклянные стаканы с рисунками. В краске для этих рисунков обнаружилось недопустимо высокое содержание свинца. Акцию быстро свернули, и стаканы канули в беспамятный лимб для рекламной продукции, населенный странными персонажами вроде Спиди Алка-Зельцера и личного фаворита Вика, жвачки по имени Большой Болт.

Для корпорации «Макдоналдс» это была неприятная ситуация, но никто не обвинял Роналда Макдоналда в умышленной попытке отравить подрастающее поколение. Собственно, и профессора Шарпа ни в чем таком не обвиняли, хотя комики — от Боба Хоупа до Стива Мартина — не преминули его подколоть, а Джонни Карсон выдал целый монолог — в тщательно продуманных двусмысленных выражениях — об истории с «Малиновыми колючками» в своем ток-шоу «Сегодня вечером». Нет нужды говорить, что рекламу с профессором Шарпом сняли с эфира. Также нет

нужды говорить, что игравший профессора актер был очень расстроен таким поворотом событий.

«Могло быть и хуже», — заметил Роджер, когда первые ударные волны слегка улеглись и телефонные переговоры между Портлендом и Кливлендом уже не проходили по три раза в день.

«Куда уж хуже?» — спросил Вик.

«Ну, — ответил Роджер с серьезным видом, — мы могли делать рекламу супа для “Бон Виван”».

— Еще кофе, сэр?

Вик взглянул на официантку. Хотел отказаться, но все же кивнул:

— Полчашки, пожалуйста.

Она налила ему кофе и отошла. Вик рассеянно помешал кофе ложкой, но пить не стал.

К счастью, паника из-за угрозы здоровью была недолгой. Многие авторитетные врачи выступили с заявлением на телевидении и в газетах, что красный краситель абсолютно безвреден. Что-то подобное случалось и раньше; у стюардесс одной коммерческой авиакомпании обнаружились какие-то странные оранжевые высыпания на коже, но потом оказалось, что это пятна оранжевой краски, стиравшейся со спасательных жилетов, которые бортпроводницы демонстрируют

пассажирам перед взлетом. Также был случай с пищевым красителем в сосисках определенной марки с точно таким же побочным эффектом, как у красителя в «Малиновых колючках».

Юристы старика Шарпа подали многомиллионный иск к производителю пищевых красителей с требованием компенсации за ущерб. Тяжба, скорее всего, будет тянуться три года, а потом разрешится во внесудебном порядке. Но это не главное; главное — донести до общественного сознания, что вина за негативные проявления — *кратковременные и абсолютно безвредные* для здоровья — лежит уж точно не на компании «Шарп».

Тем не менее акции «Шарпа» заметно упали. Правда, потом поднялись где-то наполовину от первоначального падения. Поначалу продажи хлопьев резко пошли на спад, но теперь почти полностью отвоевали позиции, потерянные с тех пор, как «Малиновые колючки» явили миру свой предательский красный лик. А «Смесь всех злаков» и вовсе побила рекорды продаж.

Значит, все хорошо?

Нет, не все. В том-то и дело.

С профессором Шарпом все плохо. Бедняга уже никогда не сумеет вернуться. Когда страх ухо-

дит, приходит смех, и профессора Шарпа с его серьезной профессорской миной в декорациях школьного класса в буквальном смысле засмеяли до смерти.

Джордж Карлин в своей вечерней программе: «Да, мы живем в совершенно безумном мире. Совершенно безумном. — Карлин на миг умолкает, склонившись над микрофоном, и вновь поднимает голову. — Ребята Рейгана вовсю агитируют на телеящике, так? Русские опережают нас в гонке вооружений. Русские наращивают производство крылатых ракет, так? Джимми тоже снимает сюжетец и обращается к уважаемым телезрителям: “Сограждане, русские обгонят нас в гонке вооружений только тогда, когда подрастающее поколение американцев будет срать красным”».

Громкий смех в зале.

«И Ронни такой звонит Джимми и говорит: “Господин президент, а что Эми ела на завтрак?”»

Гомерический хохот в зале. Карлин держит паузу. Сейчас будет кульминационный момент.

«Да… тут все хорошо».

Одобрительный рев, бурные аплодисменты. Карлин печально качает головой: «Наши дети срут красным. Есть о чем призадуматься».

Вот в чем проблема. Джордж Карлин — пробле-

ма. Боб Хоуп — проблема. Джонни Карсон. Стив Мартин. Каждый диванный остряк в Америке.

И вот еще информация к размышлению: акции «Шарпа» упали на девять процентов и выросли после падения всего на четыре с половиной процента. Акционеры требуют крови. Давайте посмотрим… чья голова полетит первой? Кто придумал профессора Шарпа? Вот с этих выдумщиков мы и спросим. И никого не колышет, что профессор появился в эфире за четыре года до катастрофы с «Колючками». Никого не колышет, что до профессора Шарпа (и его верных соратников Стрелка Шарпа, Джорджа и Грейси) акции «Шарпа» котировались на три с лишним процента ниже нынешней котировки.

Да, никого не колышет. Зато велика вероятность, что одно только *публичное объявление*, что компания «Шарп» прекратила сотрудничество с «Эд уоркс», уже может поднять котировку на полтора-два процента. А когда начнется новая рекламная кампания, инвесторы убедятся, что прежних вредителей больше нет, и акции, возможно, поднимутся еще на процент.

Конечно же, размышлял Вик, размешивая в кофе сахарозаменитель из пакетика, это только теория. Но даже если теория подтвердится на

практике, они с Роджером не сомневались, что сиюминутная выгода обернется для «Шарпа» большой головной болью, если новая рекламная кампания — наскоро состряпанная людьми, которые знают продукцию «Шарпа» и рынок сухих хлопьев в целом далеко не так хорошо, как их знают Вик с Роджером, — не окажется феерически успешной.

В голове промелькнула идея. Неожиданная и внезапная. Свежий взгляд, новая перспектива. Вик застыл с чашкой в руке, не донеся ее до рта. Его глаза широко распахнулись. Перед мысленным взором предстала картина: два человека — может быть, они с Роджером, может быть, старик Шарп и его уже не юный сынуля — закапывают могилу. Мелькают лопаты. Фонарь судорожно мерцает в темноте ветреной ночи. Моросит дождь. Могильщики то и дело украдкой оглядываются. Тайное погребение под покровом ночи. Они хоронят профессора Шарпа тайком, *и это нехорошо*.

— Нехорошо, — пробормотал он вслух.

Конечно, нехорошо. Если его похоронят втайне, он уже не сумеет сказать то, что должен сказать: что ему очень жаль.

Вик достал из кармана ручку и быстро записал

на салфетке:

Профессору Шарпу надо извиниться.

Он посмотрел на свою запись. Чернила впитывались в салфетку, буквы расплывались по краям. Ниже Вик приписал:

Достойное погребение.

И еще ниже:

ПРИ СВЕТЕ ДНЯ.

Он сам еще не был уверен, что это значит, это была скорее метафора, чем смысловая конструкция, но именно так и рождались его лучшие идеи. Определенно тут что-то есть. В этом он был уверен.

* * *

Куджо лежал на полу в гараже, в полумраке. Здесь было жарко, но снаружи еще жарче… и свет на улице слишком яркий. Раньше он таким не был; на самом деле Куджо никогда раньше не замечал яркости света. А теперь стал замечать. У него болела голова. Болели все мышцы. От яркого света болели глаза. Поцарапанный нос тоже болел.

Болел и гноился.

ХОЗЯИН куда-то ушел. Чуть погодя ХОЗЯЙКА и МАЛЬЧИК тоже куда-то ушли, бросив его одного.

МАЛЬЧИК вынес для Куджо большую миску с едой, и Куджо немного поел. От еды стало не лучше, а хуже, поэтому он не доел.

Послышался рокот мотора. Грузовик въехал на подъездную дорожку. Куджо поднялся и подошел к двери сарая, уже зная, что это кто-то чужой. Он знал звук мотора хозяйского пикапа и семейного легкового автомобиля. Он встал в дверях, высунув голову в ослепительный, режущий глаза свет. Грузовик въехал задом во двор и остановился. Из кабины выбрались двое мужчин и подошли к задней дверце. Один из них открыл дверцу, и металлический лязг больно ударил Куджо по ушам. Он заскулил и отступил вглубь сарая, в уютную темноту.

* * *

Грузовик прибыл с доставкой. Три часа назад Черити Камбер и ее все еще ошарашенный сын пришли в главный офис «Портлендской машинерии» на Брайтон-авеню, и Черити выписала чек на покупку новой тали «Йорген», которая со скидкой обошлась в 1241 доллар 71 цент, включая налоги. Прежде чем идти в «Портлендскую машинерию», Черити заглянула в винную лавку на Конгресс-стрит, чтобы заполнить бланк

заявления на выплату призовой суммы по выигрышному билету. Бретту было велено ждать на улице, где он и стоял, держа руки в карманах.

Продавец сказал Черити, что чек на выплату от Лотерейной комиссии штата придет ей по почте. Как скоро? В течение двух недель. Сразу вся сумма за вычетом налога, который составит около восьмисот долларов. Сумма налога рассчитана на основе ее декларации о годовом доходе Джо.

Вычет налога до момента фактического получения приза вовсе не возмутил Черити. Пока продавец сверял номер ее билета с таблицей выигрышей, она стояла, затаив дыхание, все еще не в силах поверить, что ей улыбнулась такая удача. Потом продавец кивнул и поздравил ее. Теперь она снова могла дышать, и можно было уже перестать беспокоиться о билете. Он возвращается в недра Лотерейной комиссии. Чек придет ей по почте — дивная, чудная, волшебная фраза.

И все-таки ее сердце болезненно сжалось, когда она наблюдала, как потрепанный лотерейный билет, размякший от ее нервной испарины, теперь подколотый скрепкой к бланку заявления, исчезает в ящике под прилавком. Госпожа Удача обратила свой взор и на нее тоже. В первый раз в ее жизни — и, возможно, единственный раз

— плотная тюлевая занавеска повседневности чуть приоткрылась, показав ей прекрасный, сияющий мир за окном. Черити была женщиной приземленной, практичной — и в глубине души знала, что ненавидит мужа и боится его до дрожи, но им все равно суждено вместе состариться, а потом он умрет и оставит ей кучу долгов и (ей не хотелось об этом думать, но она очень боялась, что так и будет!) сына, испорченного отцовским влиянием.

Если бы ей повезло выиграть суперприз, который разыгрывается дважды в год — пятьдесят тысяч долларов, в десять раз больше ее пяти тысяч, — она, может быть, и решилась бы раздвинуть эту унылую тюлевую занавеску, взять сына за руку и уйти вместе с ним в большой мир за пределами городского шоссе номер 3, гаража Камбера и Касл-Рока. Она увезла бы Бретта в Коннектикут, предварительно разузнав у сестры, сколько стоит снять маленькую квартирку в Стратфорде.

Но занавеска лишь чуть приоткрылась. Чтобы выглянуть одним глазком. Госпожа Удача показалась ей лишь на мгновение, невероятная, волшебная и прекрасная, как лучезарная фея, танцующая среди грибов в умытых росою лучах

рассвета… один раз увидишь, и больше такого не повторится. Вот почему сердце Черити болезненно сжалось, когда лотерейный билет исчез из ее поля зрения, хотя он ей стоил немало бессонных ночей. Она понимала, что теперь можно до конца жизни покупать по билету в неделю — и выиграть разве что пару долларов.

Ну что ж, нет так нет. Дареному коню в зубы не смотрят. Если ты не совсем дура.

Они с Бреттом зашли в «Портлендскую машинерию», и Черити выписала чек, напомнив себе, что на обратном пути надо будет заглянуть в банк и перевести деньги со сберегательного счета на расчетный, чтобы ее чек приняли к оплате. За пятнадцать лет совместной жизни они с Джо скопили чуть больше четырех тысяч долларов. Почти достаточно, чтобы покрыть три четверти всех невыплаченных долгов, не считая кредита на ферму. Разумеется, его нельзя не считать, но Черити старалась вообще не задумываться о кредите кроме как в дни обязательных платежей. Понятно, что деньги на сберегательном счете лучше не трогать, но она все возместит, когда придет чек с выигрышем в лотерею, и они с Джо потеряют только проценты за две недели.

Владелец «Портлендской машинерии» Льюис

Беласко сказал, что мини-кран доставят уже сегодня, и сдержал свое слово.

* * *

Джо Магрудер и Ронни Дюбей выгрузили мини-кран с помощью пневматического подъемника и осторожно опустили его на дорожку.

— Немалый заказец для старины Джо Камбера, — заметил Ронни.

Магрудер кивнул.

— Жена сказала поставить в сарай. У него там мастерская. Держи крепче, Ронни. Тяжеленная же дура.

Джо Магрудер взялся с одной стороны, Ронни — с другой, и, пыхтя и кряхтя, они затащили агрегат в сарай.

— Давай-ка поставим его на минутку, — выдохнул Ронни. — Пусть глаза попривыкнут, а то ни черта не видать. Не хотелось бы напороться на какую-нибудь железяку.

С глухим стуком они поставили мини-кран на пол. После яркого солнца снаружи Джо почти ослеп. Он различал только общие очертания предметов — автомобиль, поднятый на домкратах, верстак, массивные балки под потолком.

— Ему штуковину надо… — начал было Ронни

и осекся.

Из темноты за поднятой на домкратах машиной донесся низкий, гортанный рык. Ронни почувствовал, как пот у него на спине стал липким. Волосы на затылке зашевелились.

— Мать честная, ты слышишь? — прошептал Магрудер. Ронни уже различал в полумраке лицо приятеля. Вид у Джо был испуганный.

— Слышу.

Рык, доносившийся из темноты, напоминал рокот мощного мотора на холостых оборотах. Ронни знал, что такой рык издают только очень большие собаки. А если большая собака рычит, это значит, что псина настроена серьезно. Он не видел таблички «ОСТОРОЖНО! ЗЛАЯ СОБАКА!» на въезде во двор, но в таком захолустье мало кто заморачивается с табличками. Оставалось надеяться, что пес, издающий такой грозный рык, сидит на цепи.

— Джо? Ты бывал здесь раньше?

— Один раз. Это его сенбернар. Здоровенный, как лошадь. В прошлый раз он не рычал. — Джо нервно сглотнул. Ронни услышал, как что-то щелкнуло у него в горле. — Бог ты мой. Ты глянь, Ронни.

Глаза Ронни еще не совсем привыкли к темно-

те, и представшее перед ним существо показалось ему совершенно нездешним, почти сверхъестественным. Он знал, что нельзя показывать злой собаке свой страх — собаки чуют страх, — но его все равно била неудержимая дрожь. Он ничего не мог с этим поделать. Это был не пес, а какое-то чудовище. Он стоял в глубине мастерской, за машиной на домкратах. Да, это был сенбернар: широченные плечи, густая шерсть, даже в сумраке рыжевато-коричневая. Пес стоял, пригнув голову, и смотрел на них с пристальной злобой.

Он не сидел на цепи.

— Медленно отступаем, — сказал Джо. — Только не беги, бога ради.

Они начали пятиться к выходу, и пес медленно двинулся следом за ними. Он шел как-то странно, на негнущихся лапах. Даже не шел, а как будто *подкрадывался к добыче*, подумал Ронни. С этим псом шутки плохи. Его мотор завелся и готов ехать. Он шагал, пригнув голову. Продолжая глухо рычать. На каждый их шаг назад он делал один шаг вперед.

Хуже всего Джо Магрудеру стало, когда они вновь вышли на свет. Он на мгновение ослеп. Он не видел пса. Если зверюга набросится прямо сейчас…

Джо протянул руку за спину и нащупал кузов грузовика. Тут у него сдали нервы, и он пулей метнулся к кабине.

Ронни Дюбей тоже уже бежал к пассажирской дверце. Он схватился за ручку и возился с ней целую вечность. Сзади по-прежнему слышалось глухое рычание, напоминавшее рокот мощного мотора на холостом ходу. Дверь никак не открывалась. Он уже представлял, как пес вырвет у него из задницы кусок мяса. Наконец большой палец нащупал кнопку, дверца открылась, и Ронни ввалился в кабину, тяжело дыша.

Он глянул в боковое зеркало и увидел, что пес неподвижно стоит у распахнутой двери сарая. Ронни повернулся к Джо, который сидел за рулем. Джо смущенно ему улыбнулся. Ронни улыбнулся в ответ слегка дрожащей улыбкой и сказал:

— Просто пес.

— Ага. Больше лает, чем кусает.

— Ну да. Предлагаю вернуться в сарай, перетащить мини-кран в место получше.

— Драл я тебя вместе с сараем, — ответил Джо.

— Ты кобылу свою отдери.

Они рассмеялись. Ронни передал приятелю сигарету.

— А не пора ли нам ехать?

— Давно пора, — сказал Джо и завел двигатель.

* * *

На полпути к Портленду Ронни пробормотал себе под нос:

— Просто жуть, а не пес.

Джо вел грузовик, выставив локоть в окно. Он быстро взглянул на Ронни.

— Я перепугался и не стыжусь в этом признаться. Будь он поменьше, пнул бы его по яйцам, и все дела. Бесит, когда хозяев нет дома, а собака разгуливает где ни попадя. Если собака кусачая, так и сажай ее на цепь. А не посадил, так пеняй на себя, верно? Но *эта зверюга*… Ты ж его видел? Зуб даю, весит не меньше двух сотен фунтов.

— Наверное, надо бы позвонить Джо Камберу, — сказал Ронни. — Рассказать, что случилось. Может, спасем человека. А то еще отгрызут ему руку. Как думаешь?

— Чем тебе так угодил Джо Камбер? — спросил Джо Магрудер с улыбкой.

Ронни задумчиво покачал головой.

— Да, отсосать мне, как ты, у него не получится.

— В последний раз мне отсосала твоя жена. Кстати, очень неплохо.

— Иди в задницу.

Они опять рассмеялись. Никто не стал звонить Джо Камберу. Они вернулись в «Портлендскую машинерию» уже под самый конец рабочего дня. Делать было особенно нечего. Они пятнадцать минут заполняли путевой лист. Пришел Беласко, спросил, был ли Камбер на месте, чтобы принять заказ. Ронни Дюбей сказал, что да. Беласко, мерзавец каких поискать, ушел. Джо Магрудер пожелал Ронни хороших выходных и веселого праздничка. Ронни сказал, что планирует забухать до вечера воскресенья. Они отправились по домам.

Оба напрочь забыли о Куджо и вспомнили только, когда прочитали о нем в газете.

* * *

Почти всю вторую половину дня накануне длинных выходных Вик обсуждал с Роджером подробности предстоящей поездки. Роджер всегда прорабатывал подробности чуть ли не с маниакальной дотошностью. Билеты на самолет и номер в гостинице он забронировал через агентство. Они вылетали в Бостон из Портленда в понедельник в 07:10 утра. Вик сказал, что заедет за Роджером на «ягуаре» в 05:30. Для него самого

это было неоправданно рано, но он хорошо знал Роджера. Они говорили в основном о поездке, сознательно избегая рабочих моментов. Вик не рассказывал о своем озарении за чашкой кофе, салфетка с записями тихо лежала в кармане его спортивного пиджака. Вдали от дома Роджер будет более восприимчив к новым идеям.

Вик собирался уйти с работы пораньше, но решил сначала проверить дневную почту. Лайза, их секретарша, уже умчалась домой, горя нетерпением скорее начать праздничные выходные. В нынешние времена секретарш нипочем не заставишь сидеть на работе ровно до пяти, и не только в предпраздничный день. С точки зрения Вика, это был очередной верный признак неуклонного упадка западной цивилизации. Возможно, в эти самые минуты Лайза — двадцатиоднолетняя красотка при почти полном отсутствии груди, — одетая в джинсы в обтяжку и микроскопический топик, уже вливается в бесконечный поток машин на федеральной трассе и берет курс на юг к Олд-Орчарду или пляжам Лонг-Айленда. Зажигай, Лайза, подумал Вик и улыбнулся.

На столе у него в кабинете лежало одно-единственное невскрытое письмо.

Вик с любопытством взял конверт и сначала

заметил приписку под адресом, «ЛИЧНО В РУКИ», а потом — что сам адрес написан большими печатными буквами.

Он вертел конверт в руках, чувствуя, как внутри нарастает смутное беспокойство, грозя разрушить привычное под конец рабочего дня настроение приятной усталости. Где-то в самых глубинах сознания мелькнула почти неуловимая мысль, что лучше бы порвать это письмо на мелкие кусочки и выбросить в мусорную корзину.

Но он все-таки вскрыл конверт и вынул единственный листок бумаги.

Все те же печатные буквы.

Простенькое сообщение — всего шесть предложений — сразило его наповал, как выстрел в сердце. Он скорее рухнул, чем сел на стул. Из горла вырвался сдавленный хрип, словно ему стало нечем дышать. В голове вместо мыслей стоял белый шум — ничего не понять, ничего не осмыслить. Если бы сейчас в кабинет вошел Роджер, он бы, наверное, решил, что у Вика сердечный приступ. В каком-то смысле так и было. Его лицо побелело. Рот приоткрылся. Под глазами залегли синеватые тени.

Он перечитал письмо еще раз.

И еще раз.

Взгляд застыл на первом вопросительном предложении:

ТЕБЕ ЧТО-НИБУДЬ НАПОМИНАЕТ ЕЕ РОДИНКА НА ЛОБКЕ?

Это какая-то ошибка, растерянно думал он. *Об этой родинке никто не знает. Только я знаю… и ее мать. И отец.* И тут грянул первый, болезненный приступ ревности: *Она не видна даже из-под бикини… из-под ее крошечного бикини.*

Он провел рукой по волосам. Положил письмо на стол и провел по волосам двумя руками. Ему по-прежнему было нечем дышать. В груди поселилось странное ощущение, будто сердце качает не кровь, а воздух. Страх, боль и смятение слились воедино. Но страха все-таки было больше, гораздо больше.

Письмо настойчиво лезло в глаза и кричало:

Я С БОЛЬШИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ ДРАЛ ЕЕ ВО ВСЕ ДЫРЫ.

Теперь его взгляд прилип к этой строчке и никак не хотел отлипать. Ему было слышно, как в небе над городом пролетел самолет, рейсом в неведомые края. Он подумал: Я С БОЛЬШИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ ДРАЛ ЕЕ ВО ВСЕ ДЫРЫ. *Как грубо*. Да, сэр, да, мэм. Все так и есть. Удар тупым

ножом. ДРАЛ ЕЕ ВО ВСЕ ДЫРЫ, картина маслом. Режет глаза. Как будто в них плеснули аккумуляторной кислотой.

Он попытался собраться с мыслями и
(Я С БОЛЬШИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ)
не смог
(ДРАЛ ЕЕ ВО ВСЕ ДЫРЫ)
просто не смог.

Теперь взгляд уперся в последнюю строчку, и Вик перечитывал ее вновь и вновь, словно от многочисленных повторений в ней появился бы смысл. Но нарастающий страх мешал сосредоточиться.

А *У ТЕБЯ* ЕСТЬ ВОПРОСЫ?

Да. У него вдруг возникло немало вопросов. Проблема в том, что он, кажется, не хотел знать ответы.

В голову пришла еще одна мысль. Что, если Роджер еще не уехал домой? Он частенько заглядывал перед уходом в кабинет к Вику, чтобы попрощаться. А сегодня — в свете предстоящей поездки — уж точно должен был заглянуть. От этой мысли Вик запаниковал и почему-то вдруг вспомнил, как подростком мастурбировал в ванной, не в силах сдержаться, и при этом ужасно

боялся, что все в доме знали, чем он там занимался. Если Роджер придет, он сразу заметит, что с Виком творится неладное. Чего Вику очень бы не хотелось. Он поднялся и подошел к окну, выходящему на стоянку у здания. Ярко-желтой «хонды» Роджера на месте не было. Он уехал домой.

Борясь со смятением, Вик прислушался. В кабинетах «Эд уоркс» было тихо. Такая гулкая тишина всегда воцаряется в офисных зданиях по окончании рабочего дня. Не слышно даже шагов старого мистера Стегмейера, коменданта. Ему еще надо будет отметиться об уходе с работы. Ему надо будет…

Теперь он *услышал* какой-то звук. Поначалу даже не понял, что это такое. Но потом все-таки сообразил. Жалобный всхлип. Так скулит раненый зверь. Он по-прежнему смотрел в окно, и машины на стоянке внизу раздвоились, а затем растроились сквозь пелену слез.

Почему он не мог разозлиться? Почему ему было так *страшно*?

На ум пришло глупое старомодное слово. *Рогоносец*, подумал он. *Теперь я рогоносец.*

Всхлипы не умолкали. Он пытался их сдерживать, но без толку. Он опустил голову и вцепился в решетку радиатора отопления, проходившую под

подоконником. Сжимал ее, пока пальцы не свело от боли. Пока металл протестующе не заскрипел.

Когда он в последний раз плакал? Он плакал в тот вечер, когда родился Тэд, но это были слезы радости. Он плакал, когда его отец умер, проиграв в отчаянной трехдневной борьбе за жизнь после тяжелого сердечного приступа, и те слезы в семнадцать лет были похожи на эти — горячие, обжигающие глаза, но никак не желающие пролиться; словно это не слезы, а кровь. Но в семнадцать лет легче плакать, легче истекать кровью. В семнадцать лет ты понимаешь, что с тобой это случится еще не раз.

Он прекратил всхлипывать. Он думал, что справился. Но тут из груди вырвался хриплый, сдавленный стон, и Вик подумал: *Это я? Господи, это я сам так стонал?*

Слезы все-таки пролились и потекли по щекам. Из груди снова вырвался стон. И еще раз, и еще… Вцепившись в решетку радиатора, Вик плакал навзрыд.

* * *

Сорок минут спустя он сидел в парке Диринг-Оукс. Он позвонил домой и сказал Донне, что задержится на работе. Она спросила, что случи-

лось и почему у него такой странный голос. Он сказал, что вернется до темноты. Сказал, чтобы они с Тэдом ужинали без него. И бросил трубку прежде, чем Донна успела произнести что-то еще.

Теперь он сидел в парке.

Слезы выжгли почти весь страх. Остался только уродливый пласт чистой ярости. Следующий уровень в геологическом профиле знания. Хотя даже «ярость» — не совсем верное слово. Он был взбешен. Он буквально кипел от гнева. Он понимал, что в таком состоянии ему опасно идти домой… опасно для всех троих.

Приятно было бы спрятать обломки, учинив еще большее разрушение; невероятно приятно (уж если начистоту) было бы врезать изменнице по лицу.

Он сидел у пруда, где жили утки. На другом берегу шла увлеченная игра во фрисби. Вик заметил, что все четыре девчонки, участвовавшие в игре — и двое мальчишек, — были на роликах. Нынешним летом все помешались на роликовых коньках. Девушка в коротком топике без бретелек толкала тележку с солеными крендельками, арахисом и газированными напитками в банках. Ее лицо было нежным, свежим и невинным.

Один из мальчишек бросил ей фрисби; она ловко поймала тарелку и запустила обратно. Вик подумал, что в шестидесятые годы она жила бы в какой-нибудь сельской общине и усердно стряхивала бы жуков с грядок с помидорами. А сейчас у нее свое дело и, возможно, дотации от Управления по делам малого бизнеса.

Иногда они с Роджером приходили сюда пообедать на свежем воздухе. В их первый год в Портленде. Потом Роджер заметил, что от воды слабо, но ощутимо тянет гнильцой… а крошечный домик на каменном островке в центре пруда выбелен вовсе не краской, а птичьим пометом. Через пару недель Вик увидел у берега дохлую крысу, качавшуюся на воде среди фантиков от жвачки и использованных презервативов. С тех пор они с Роджером не ходили сюда с едой.

Ярко-красное фрисби парило в небе.

Картина, подогревавшая его ярость, вновь всплыла в голове. От нее было не скрыться. Картина, такая же грубая, как омерзительные слова, выбранные анонимным корреспондентом. Он представлял, как они трахаются в его с Донной спальне. На его с Донной кровати. Это были уже не картинки, а полноценный порнографический фильм категории Х. Она стонала от наслаждения,

ее кожа блестела от пота. Такая красивая. Каждая мышца натянута, как струна. Ее глаза потемнели, в них появился тот самый голодный блеск, который всегда появлялся во время хорошего секса. Он знал этот блеск, знал эти стоны, знал это тело. Он думал — *думал*, — что был единственным, кто это знает. Не знают даже ее родители.

Ему представилось, как какой-то посторонний мужик пихает в нее свой член. *Оседлал, как лошадку*; идиотская фраза пришла на ум, и от нее было никак не отделаться. Ему представилось, как они трахаются под Джина Отри: *Вот я снова в седле, возвращаюсь туда, где друг — это друг…*

От этой картины ему стало жутко. Ярость вспыхнула с новой силой.

Фрисби взлетело к небу и пошло на снижение. Вик проследил за ним взглядом.

Да, он что-то подозревал. Но одно дело — подозревать, и совсем другое — знать наверняка; теперь он это понял. Он мог бы написать большую аналитическую статью о различиях между знанием и подозрением. И что вдвойне мерзко: ведь он уже почти поверил, что его подозрения безосновательны. А даже если и нет, он же мог ничего не узнать. Меньше знаешь — крепче спишь, верно? Если идешь через темную комнату, где в

центре зияет глубокая дыра, и проходишь буквально в двух дюймах от края, ты не знаешь, что чуть не упал. Тебе не надо бояться. Пока выключен свет, страха нет.

Он бы и не упал в эту дыру. Если бы его не *столкнули*. И вот вопрос: что теперь с этим делать? Та часть его существа, что болела, страдала и выла от бессильной злости, не желала быть «взрослой» и признать горькую правду, что супружеские измены случаются постоянно и все с этим как-то живут. К чертям «Пентхаус форум», или «Пентхаус вэриэйшен», или как он теперь называется. Речь идет о моей собственной жене, которая мне изменяет с каким-то хреном

(где друг — это друг)

за моей спиной, когда Тэда нет дома…

Перед глазами опять завертелись живые картины. Смятые простыни, напряженные тела, тихие стоны. В голову лезли мерзкие фразочки и словечки, толпились, как жадные до зрелищ зеваки вокруг места аварии: *порево, взъерошенный лобок, засадил ей по самые гланды, весь обкончался, вбил болт, я-имел-твою-мамашу-так-кобыла-и-то-краше, мой дружок в твой пирожок, заправил с разбегу…*

Моей жене! — подумал он, в ярости сжав кула-

ки. *Моей жене!*

Но эта страдающая, разъяренная часть его существа все-таки признавала — с большой неохотой, — что нельзя просто прийти домой и избить Донну до полусмерти. Однако можно взять Тэда и уйти. Без объяснений. И пусть Донна только попробует ему помешать, если ей хватит наглости. Впрочем, он сомневался, что хватит. Забрать Тэда, поселиться в мотеле, найти адвоката. Обрубить все концы и не оглядываться назад.

Но если он заберет Тэда из дома, мальчик наверняка испугается. И потребует объяснений. Ему только четыре года, но в этом возрасте дети уже понимают, когда происходит что-то нехорошее, что-то страшное. И нельзя забывать о рабочей поездке: Бостон, Нью-Йорк, Кливленд. Сейчас Вику уж точно не до разъездов; будь он один, он бы послал старика Шарпа и его сынулю ко всем чертям. Но он не один. У него есть партнер. У партнера — жена и двое детей. Даже в своем теперешнем состоянии Вик понимал, что у него есть определенные обязательства и он должен хотя бы попробовать спасти контракт с Шарпом — что означало спасти «Эд уоркс».

Был еще один важный вопрос, хотя Вику совсем не хотелось об этом думать. Почему он

хотел забрать Тэда у Донны, даже не выслушав ее объяснений? Потому что ее поведение как-то подрывало его моральные устои? Нет, совсем не поэтому. Просто он понимал, что вернее и больнее всего ее можно задеть (пусть тоже помучается, как сейчас мучается он сам) именно через Тэда. Но готов ли он превратить сына в пыточный инструмент? Нет, не готов.

И другие вопросы.

Записка. Давай на минутку задумаемся о записке. Не о ее содержании, не об этих поганых шести предложениях, а о *самом факте* ее появления. Человек, написавший записку, по сути, своими руками прирезал курочку, несущую золотые яички, прошу прощения за каламбур. Зачем любовник Донны все это затеял?

Видимо, курочка перестала нестись. Да, скорее всего, так и есть. Человек, написавший записку, был зол как черт.

Получается, Донна сама его бросила?

Других причин вроде бы нет. Если не принимать во внимание убойное воздействие этого Я С БОЛЬШИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ ДРАЛ ЕЕ ВО ВСЕ ДЫРЫ, в чистом остатке мы имеем классический случай собаки на сене. Раз не съесть самому, обоссу все запасы, чтобы никто другой тоже не

захотел. Логика нулевая, зато я доволен. Новая, легкая атмосфера, царившая в доме в последние дни, лишь подтверждала эту догадку. Исходившие от Донны почти ощутимые токи облегчения. Она бросила этого парня, и тот решил ей отомстить анонимной запиской, адресованной мужу.

И последний вопрос: *Это что-то меняет?*

Он достал из кармана записку и принялся вертеть в руках, не разворачивая листок. Он наблюдал за перелетами фрисби и думал, что ему делать.

* * *

— Что это такое? — спросил Джо Камбер.

Он произнес каждое слово отдельно, ровным, бесцветным голосом. Он стоял в дверях, глядя на жену. Черити накрывала на стол. Они с Бреттом уже поели. Джо вернулся с полным грузовиком всякой всячины, заехал в гараж и увидел поджидавший его сюрприз.

— Мини-кран, — сказала Черити. Она отправила Бретта в гости к его другу Дейву Бержерону и разрешила вернуться попозже. Ей не хотелось, чтобы сын присутствовал при разговоре, если все обернется плохо. — Бретт сказал, ты хотел

мини-кран. Фирмы «Йорген», так он сказал.

Джо прошел через кухню. Он был худощавым, но крепким мужчиной, с большим острым носом и легкой бесшумной походкой. Сейчас его зеленая шляпа была сдвинута на затылок и не скрывала залысин. На лбу темнело пятно от смазки. У него изо рта пахло пивом. Маленькие голубые глаза смотрели сурово. Джо Камбер не любил внезапных сюрпризов.

— Давай рассказывай, Черити, — сказал он.

— Садись ешь. А то ужин остынет.

Он резко выбросил руку вперед. Его пальцы впились ей в предплечье.

— Что за хрень ты затеяла? Давай рассказывай, я сказал.

— Не ругайся при мне, Джо Камбер. — Он сжимал ее руку до боли, но она твердо решила, что не доставит ему удовольствия и не покажет, как сильно ей больно. Во многих смыслах он был диким зверем, и если в юности это ее возбуждало, то теперь уже не возбуждает. За годы семейной жизни Черити поняла, что иногда ей удается одержать верх в спорах с мужем, если получится сделать вид, что она совершенно его не боится. Не всегда, но иногда.

— Я жду объяснений, что за хрень ты затеяла,

Черити!

— Садись ешь, — тихо проговорила она. — И я все расскажу.

Он сел за стол и уставился в свою тарелку. На стейк из говяжьего филе.

— С каких это пор мы едим, как Рокфеллеры? — спросил он. — И я все еще жду объяснений.

Она подала ему кофе и печеный картофель.

— Тебе что, не нужен мини-кран?

— Я не говорил, что не нужен. Но у меня, черт возьми, нет таких денег. — Он начал есть, не сводя с нее глаз. Уже было понятно, что сейчас он ее не ударит. Надо пользоваться возможностью, пока он еще относительно трезвый. Если он и соберется ее ударить, то уже ближе к ночи, когда вернется от Гэри Первье, полный водки и уязвленного мужского самолюбия.

Черити села напротив него и сказала:

— Я выиграла в лотерею.

Он на секунду перестал жевать, но тут же продолжил. Отправил в рот вилку с куском мяса.

— Ага, ну конечно, — сказал он. — А завтра старина Куджо станет гадить золотыми монетами. — Он указал вилкой на пса, который беспокойно расхаживал вверх-вниз по ступенькам крыльца. Бретт не взял его к Бержеронам,

потому что у них были кролики и Куджо всегда рвался в вольер, как безумный.

Черити вынула из кармана передника копию заявления на выплату призовой суммы и передала ее Джо через стол.

Он разгладил листок и принялся читать. Его взгляд задержался на цифрах.

— Пять… — начал он и резко захлопнул рот.

Черити молча наблюдала за ним. Он не улыбнулся. Не выскочил из-за стола, чтобы ее поцеловать. Для людей с таким складом ума, с горечью подумала она, любая удача означает, что впереди обязательно поджидает какая-то гадость.

Наконец он поднял взгляд.

— Ты выиграла в лотерею пять тысяч долларов?

— Минус налоги.

— И давно ты играешь?

— Я покупаю билет за пятьдесят центов каждую неделю… и не смей ничего говорить, Джо Камбер. Никто не считает, сколько ты тратишь на пиво.

— Следи за своим языком, Черити. — Он смотрел на нее немигающими, пронзительно-голубыми глазами. — Следи за своим языком, а то как бы чего не вышло. — Он опять начал есть, и под маской напускного спокойствия Черити

немного расслабилась. Она первый раз ткнула ножками табурета прямо тигру в морду, и он ее не укусил. Пока не укусил. — Эти деньги. Когда мы их получим?

— Мне сказали, в течение двух недель. Я сняла деньги со счета, чтобы расплатиться за миникран. Этот бланк заявления — практически живые деньги. Мне так сказали.

— Ты что, просто пошла и купила эту хреновину?

— Я спросила у Бретта, что тебе нужно для мастерской. Это подарок.

— Спасибо. — Он продолжал есть.

— Я сделала тебе подарок, — сказала она. — И ты тоже сделай мне подарок. Хорошо?

Он продолжал есть, по-прежнему глядя на нее в упор. Он ничего не сказал. Его взгляд был абсолютно пустым. Он сел за стол прямо в шляпе, все так же сдвинутой на затылок.

— Я хочу на недельку уехать. — Черити старалась говорить медленно и спокойно, зная, что торопиться нельзя. — Вместе с Бреттом. Хочу навестить Холли и Джима в Коннектикуте.

— Нет, — сказал Джо, продолжая жевать.

— Мы поедем на автобусе. Будем жить у сестры. Выйдет дешево. Останется еще много денег. Этих

денег, свалившихся с неба. Вся поездка на двоих обойдется в треть твоей тали. Я уже позвонила на автовокзал и спросила, сколько стоит билет в два конца.

— Нет. Бретт нужен мне в мастерской.

Она в ярости стиснула руки, спрятанные под столом, но ее лицо оставалось спокойным и сдержанным.

— Ты обходишься без него, когда он в школе.

— Я сказал нет, Черити.

Со злой, горькой уверенностью она поняла, что ему это нравится. Он видел, как сильно ей хочется поехать. Она уже строила планы, уже предвкушала поездку. Ему нравилось причинять ей боль.

Она встала и подошла к раковине. Не для того, чтобы что-то сделать, а чтобы дать себе время собраться с мыслями. В окошко глядела первая вечерняя звезда, яркая и далекая. Черити включила воду. Раковину покрывал желтоватый налет. Вода у них была жесткой. Как Джо.

Видимо, недовольный, что она так быстро сдалась, Камбер пояснил:

— Парню пора привыкать к ответственности. Пусть проведет лето с пользой и поможет мне в гараже вместо того, чтобы целыми днями пропадать у Дейви Бержерона.

Она закрыла кран.

— Это я отправила его к Дейву.

— Ты? Зачем?

— Потому что боялась, что именно так все и будет. — Она обернулась к нему. — Но я уже сказала Бретту, что ты согласишься, раз у тебя будут деньги и мини-кран.

— Только зря заморочила парню голову, теперь он еще и обидится, — сказал Джо. — В следующий раз будешь думать, прежде чем молоть языком. — Он улыбнулся с набитым ртом и потянулся за хлебом.

— Если хочешь, поезжай с нами.

— Ага. Только скажу Ричи Симмсу: «Забудь, дружище, о первой жатве». И потом, чего мне к ним ехать? Из того, что я видел и что ты про них говоришь, сразу ясно, что это парочка первостатейных снобов. Они тебе нравятся лишь потому, что ты сама хочешь быть точно такой же. — Он постепенно повышал голос. У него изо рта полетела слюна и кусочки еды. Обычно это пугало Черити и она сразу сдавалась. Но сегодня она не собиралась сдаваться. — И тебе хочется, чтобы наш сын стал таким же снобом. Вот что я думаю. Ты пытаешься настроить его против меня. Я неправ?

— Почему ты почти никогда не называешь его по имени?

— Закрой свой поганый рот, Черити, — сказал он, глядя на нее в упор. Его щеки и лоб покраснели. — А то как бы чего не вышло.

— Нет, — возразила она. — Я еще не закончила.

Он так изумился, что выронил вилку.

— *Что?* Что ты сказала?

Она подошла к нему, впервые за годы замужества позволив себе роскошь поддаться ярости. Но ярость бурлила только внутри, жгучая и едкая, как кислота. Черити буквально физически ощущала, как гнев разъедает нутро. Она не решилась повысить голос. Если сорваться на крик, это уж точно будет конец. Надо говорить тихо.

— Да, именно так ты относишься к моей сестре и ее мужу. А как же иначе? Посмотри на себя. Сидишь за столом, не сняв шляпу. Ешь с немытыми руками. Тебе не хочется, чтобы он видел, как можно жить по- людски. Точно так же, как мне не хочется, чтобы он видел, что происходит с тобой и твоими дружками, когда вы пускаетесь во все тяжкие. Поэтому я не отпустила его с тобой на охоту в прошлом ноябре.

Она на секунду умолкла. Он так и сидел за столом с недоеденным куском хлеба в руке. С

подбородком, испачканным мясным соком. Она подумала, что он не бросается на нее с кулаками только от изумления, что она вообще решилась заговорить о подобных вещах.

— Поэтому я предлагаю тебе сделку, — продолжала она. — Я купила тебе мини-кран и готова отдать тебе деньги. Все, что остались от выигрыша. Но если ты такой неблагодарный, давай сделаем так: ты отпустишь его со мной в Коннектикут, а я отпущу его с тобой на охоту на Мусхед. — Ее бил колючий озноб, словно она только что предложила заключить сделку с дьяволом.

— Кажется, кто-то просит ремня, — в его голосе слышалось удивление. Он говорил с ней как с неразумным ребенком, не понимающим элементарных вещей. — Он поедет со мной на охоту, если я захочу и когда захочу. Ты что, не понимаешь? Он мой *сын*. Бог ты мой. *Если* я захочу и *когда* захочу. — Он улыбнулся, довольный своим выступлением. — Тебе ясно?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет. Никуда он с тобой не поедет.

Он резко вскочил. Его стул грохнулся на пол.

— Я сделаю все, чтобы он не поехал, — сказала она. Ей хотелось попятиться, но на этом все бы

и закончилось. Одно неверное движение, один проблеск слабости, и он точно набросится на нее с кулаками.

Джо расстегнул свой ремень.

— Я тебя отлуплю, Черити, — сказал он чуть ли не с сожалением в голосе.

— Я сделаю все, что смогу, чтобы он не поехал. Я пойду в школу и скажу, что ты заставляешь его прогуливать уроки. Пойду к шерифу Баннерману и заявлю о похищении ребенка. И самое главное… я сделаю так, что Бретт сам не захочет поехать.

Он уже вынул ремень из штанов и держал его в руке. Пряжка покачивалась над полом, как маятник.

— Пока ему не исполнится пятнадцать, он может поехать с тобой на охоту в вашей компании пьяных скотов лишь с моего разрешения, — сказала она. — Если хочешь избить меня, бей, Джо Камбер. Все равно ничего не изменится.

— Даже так?

— Я тебе говорю.

Но он как будто о ней позабыл. Его взгляд стал задумчивым и далеким. С ним такое случалось и раньше. У него появлялась какая-то новая, внезапная мысль, и надо было понять, как добавить ее в уравнение. Черити молила Бога, чтобы ны-

нешняя его мысль оказалась с ее стороны знака равенства. Она никогда не вела себя так вызывающе с мужем, и ей было страшно.

Камбер неожиданно улыбнулся.

— А ты горячая злючка, как я погляжу.

Она ничего не сказала.

Он принялся вдевать ремень обратно в штаны. Он по-прежнему улыбался, все так же глядя куда-то вдаль.

— Я вот думаю, хватит ли твоего пыла на койку? Чтобы вся аж дымилась, как эти злющие мексиканки?

Она настороженно молчала.

— Если я разрешу вам поехать вдвоем, ты меня ублажишь?

— В каком смысле?

— В смысле, ладно, — сказал он. — Можете ехать.

Он подошел к ней вплотную, стремительно сократив расстояние между ними. Черити похолодела от мысли, что еще минуту назад он мог так же стремительно броситься на нее и пустить в ход ремень. И кто бы сумел его остановить? Муж волен делать с женой что угодно. И что она сделает? Да ничего. И уж точно никому не расскажет. Из-за Бретта. Из-за собственной гордости.

Он положил руку ей на плечо. Опустил ниже, на грудь. Сдавил со всей силы.

— Пойдем, — сказал он. — Я завелся.

— Бретт…

— Вернется не раньше девяти. Пойдем. Я же сказал, поезжайте. Могу я рассчитывать хоть на какую-то благодарность?

Ей на ум вдруг пришла совершенно абсурдная фраза, и она брякнула вслух, не сумев удержаться:

— Сними шляпу.

Он небрежно отшвырнул шляпу в сторону. Он улыбался. У него были желтые зубы. Два верхних передних — уже не свои, а искусственные.

— Были бы деньги уже сейчас, можно было бы потрахаться на рассыпанных долларах, — сказал он. — Однажды видел такое в кино.

Он отвел ее в спальню, и она думала, что сегодня он будет особенно жестоким, но нет. Он, как обычно, любил ее быстро и грубо, но без всякой жестокости. Он не стремился нарочно сделать ей больно, и сегодня — наверное, в десятый или одиннадцатый раз за все время их брака — у нее был оргазм. Она закрыла глаза и всецело отдалась мужу, чувствуя, как его подбородок давит ей на макушку. Она удержала крик наслаждения, го-

товый сорваться с губ. Если она закричит, его это насторожит. Она не была уверена, что он вообще знает, что у женщин тоже бывают оргазмы.

Чуть позже (но все равно за час до того, как Бретт вернулся от Бержеронов) Джо ушел и не сказал ей куда. Наверняка к Гэри Первье, на очередную попойку. Черити лежала в постели и размышляла, не слишком ли она поторопилась со своим подарком и обещаниями. Может, оно того вовсе не стоит. На глаза навернулись слезы, но она их удержала. Она лежала, вытянувшись в струнку, невыплаканные слезы жгли ей глаза, и буквально за пару минут до возвращения Бретта — о чем возвестил лай Куджо и стук захлопнувшейся задней двери — в небе поднялась луна во всей своей серебристой, равнодушной красе. *Луне все равно*, подумала Черити, и эта мысль не принесла ей утешения.

* * *

— Что случилось? — спросила Донна.

Ее голос был тусклым, почти неживым. Они с Виком сидели в гостиной. Вик вернулся домой совсем поздно, когда Тэд уже как полчаса спал у себя в детской. Слова против чудовищ висели на стене рядом с кроваткой, дверца шкафа была

плотно закрыта.

Вик поднялся и подошел к окну, за которым виднелась лишь темнота. Она знает, угрюмо подумал он. Может быть, без подробностей, но в целом картина ясна. Всю дорогу домой он пытался решить, что ему делать: устроить Донне допрос с пристрастием, вскрыть нарыв, выпустить гной и надеяться, что все еще заживет… или притвориться, будто ничего не было. Письмо он порвал на мелкие кусочки, когда сел в машину, и выкинул их в окно на шоссе номер 302. Нехорошо мусорить в общественном месте, мистер Трентон, подумал он. А теперь уже можно ничего не решать. Ему, кажется, не оставили выбора. Он видел ее бледное отражение в темном оконном стекле, лицо — белый круг в желтом свете лампы.

Вик обернулся к жене, совершенно не представляя, что он ей скажет.

* * *

Он знает, подумала Донна.

Мысль была совершенно не новой, теперь уже нет, потому что последние три часа показались ей самыми долгими в ее жизни. Она услышала это знание в его голосе, когда он позвонил и сказал, что будет поздно. Сначала была паника

— беспомощная, слепая паника птицы, залетевшей в гараж. Мысль выделялась курсивом и обязательно с восклицательным знаком: *Он знает! Он знает! Он ЗНАЕТ!!!* Вечер прошел как в тумане. Она накормила Тэда ужином, пытаясь представить, что будет дальше. Ничего путного в голову не приходило. Дальше я вымою посуду, размышляла она. Потом вытру посуду. Поставлю в шкаф. Почитаю Тэду книжку. А потом уплыву вдаль и свалюсь за край света.

Паника сменилась острым чувством вины. За чувством вины пришел страх. Вслед за страхом — какая-то безнадежная апатия, словно все схемы эмоций потихонечку перегорели. Эта апатия даже сопровождалась некоторым облегчением. Секрет был раскрыт. Интересно, это Стив постарался или Вик догадался сам? Наверное, все-таки Стив, но это не важно на самом деле. Она была рада, что Тэд уже спит. Но что ждет его утром, когда он проснется? От этой мысли она опять впала в панику, круг замкнулся. Она чувствовала себя абсолютно потерянной.

Вик обернулся к ней от окна и сказал:

— Сегодня я получил письмо. Анонимное письмо.

Он не смог договорить. Вновь беспокойно про-

шелся по комнате, и она вдруг поймала себя на мысли, что у нее очень красивый муж, и жаль, что он так рано начал седеть. Некоторым мужчинам идет ранняя седина. А вот Вику совсем не идет, будет казаться, будто он постарел раньше времени, и…

…о чем она думает? Ей сейчас надо переживать вовсе не о его волосах.

Очень тихим, дрожащим голосом она высказала самое основное. Выплюнула, точно горькое лекарство, такое противное, что его невозможно глотать.

— Стив Кемп. Он реставрировал твой письменный стол. Пять раз. Никогда в нашей постели, Вик. Никогда.

Он потянулся за пачкой «Уинстон», лежавшей на столике у дивана, и сбил ее на пол. Поднял, вытащил сигарету и закурил. У него очень сильно дрожали руки. Они с Донной не смотрели друг на друга. *Это плохо*, подумала она. *Нам надо смотреть друг на друга.* Но она не могла первой поднять взгляд. Ей было страшно и стыдно. Ему — только страшно.

— Почему?

— Это важно?

— Для меня важно. Действительно важно. Если

ты не хочешь, чтобы мы развелись. Если хочешь, тогда, наверное, не важно. Я зол как черт, Донна. Я пытаюсь держаться, потому что… если у нас больше не будет возможности поговорить начистоту, надо поговорить прямо сейчас. Ты хочешь, чтобы мы развелись?

— Посмотри на меня, Вик.

С огромным трудом он заставил себя поднять взгляд. Может быть, он и вправду был зол как черт, но у него на лице отражался лишь горестный страх. Внезапно, словно ей с размаху заехали кулаком по зубам, она поняла, как ему тяжело. Его агентство разваливалось, что само по себе было плохо, а теперь в довершение ко всем прочим радостям — этаким гадким десертом после протухшего главного блюда — его брак тоже грозил развалиться. Ее накрыло волной нежности к этому человеку, которого она иногда ненавидела, а последние три часа так и вовсе боялась. У нее словно открылись глаза. Больше всего ей хотелось надеяться, что он всегда будет думать, что сегодня злился, а не… испытывал то, что сейчас отражалось у него на лице.

— Я не хочу разводиться, — сказала она. — Я тебя люблю. Кажется, я теперь поняла это заново.

На секунду в его глазах промелькнуло облегче-

ние. Он опять подошел к окну, потом вернулся к дивану. Уселся и посмотрел на нее.

— Тогда почему?

Нежность тут же исчезла, уступив место сдержанной злости. *Почему* — это очень мужской вопрос. Уходящий корнями в концепцию мужественности, как ее себе представляют образованные западные мужчины конца двадцатого века. *Мне надо знать, почему ты так сделала.* Как будто она карбюратор с неисправным игольчатым клапаном или кухонный робот, у которого сбилась программа, и теперь он готовит на завтрак мясной рулет, а на ужин — яичницу. Ей вдруг подумалось, что женщин бесит не столько мужской шовинизм, сколько это мужское стремление к продуктивности в чем бы то ни было.

— Не знаю, сумею ли объяснить. Боюсь, прозвучит глупо, банально и мелко.

— А ты попробуй. Может быть… — Он прочистил горло, кажется, мысленно поплевал на ладони (снова эта проклятая *продуктивность*) и с ощутимым усилием выдавил из себя: — Я тебя больше не удовлетворяю? В этом все дело?

— Нет, — сказала она.

— Тогда в чем? — беспомощно проговорил он. — Черт возьми, *в чем*?

Ладно… ты сам напросился.

— Наверное, в страхе, — сказала она. — По большей части все дело в страхе.

— В страхе?

— Когда Тэд в саду, ничто не спасает меня от страха. Тэд… даже не знаю… он как белый шум. Как в телевизоре, когда тот не настроен на нужный канал.

— Тэд не так много времени проводит в саду, — быстро проговорил Вик, и было видно, что он готов рассердиться, готов обвинить ее в том, что она прикрывается Тэдом, чуть ли не сваливает на него всю вину. И когда он рассердится, они наверняка наговорят друг другу много такого, чего не следует говорить. По крайней мере, сегодня уж точно не надо. Донна знала, что не сумеет сдержаться. И все станет гораздо хуже, чем есть. Сейчас они словно передавали друг другу что-то очень и очень хрупкое. Что-то, что очень легко сломать.

— В том-то и дело, — сказала она. — Пока что он чаще со мной, чем в саду, но когда его нет… сразу чувствуется контраст. — Она посмотрела на Вика. — Тишина кажется очень громкой, когда его нет. Поэтому мне стало страшно. Сейчас он в саду по полдня три раза в неделю. На следующий

год будет уже по полдня пять раз в неделю. Еще через год — пять полных дней. Я представила все это время, которое надо куда-то девать, и мне стало страшно.

— И ты решила потратить часть времени, трахаясь на стороне? — с горечью спросил он.

Ее больно задели его слова, но она продолжила, стараясь не повышать голоса. Стараясь выразить свои мысли как можно четче. Он спросил. Она отвечает.

— Я не хочу вступать в библиотечный комитет или в больничный комитет. Не хочу организовывать ярмарки выпечки или субботние благотворительные обеды и следить, чтобы все, кто участвует в готовке, не принесли одинаковые запеканки из одинаковой готовой смеси. Не хочу постоянно смотреть на одни и те же унылые лица и слушать сплетни об общих знакомых. Не хочу перемывать людям кости.

Теперь слова лились неудержимо. Она уже не смогла бы остановиться, даже если бы захотела.

— Я не хочу продавать кухонные принадлежности, или косметику, или средства для уборки. И мне не надо вступать в клуб желающих похудеть. Ты… — Она умолкла на долю секунды, ухватив мысль и прочувствовав всю ее тяжесть. — Ты не

знаешь о пустоте, Вик. Даже не думай, что знаешь. Ты мужчина, мужчины *сражаются*. Мужчины сражаются, а женщины вытирают пыль. И вот ты вытираешь пыль в пустых комнатах и слушаешь, как за окном шумит ветер. Но иногда начинает казаться, что этот ветер у тебя внутри, понимаешь? Ты ставишь музыку… Боба Сигера, Джей Джей Кейла, кого угодно… и *все равно* слышишь ветер. В голову лезут всякие мысли. Нехорошие мысли, но от них никуда не деться. И ты чистишь до блеска оба унитаза, драишь раковину по десятому разу, а однажды заходишь в антикварную лавку, смотришь на всякую керамическую дребедень и думаешь, что у твоей матери были целые полки такой дребедени, и у твоих *тетушек*, и у *бабушки* тоже.

Он смотрел на нее с таким искренним недоумением, что ее охватило отчаяние.

— Я говорю о своих *чувствах*. Не о фактах.

— Да, но почему…

— Я как раз и *рассказываю* почему! У меня было время как следует рассмотреть себя в зеркале. Я видела, как меняется мое лицо. Меня уже точно не примут за школьницу, не попросят показать права, когда я заказываю в баре выпивку. Мне стало страшно, потому что я все-таки повзрос-

лела. Тэд ходит в садик и скоро пойдет в *школу*, потом станет *старшеклассником*…

— Ты хочешь сказать, что завела любовника, потому что почувствовала себя *старой*? — Он изумленно смотрел на нее, и ей было приятно его изумление, потому что мысли о возрасте *наверняка* послужили одной из причин; Стив Кемп считал ее привлекательной женщиной, и, конечно же, это ей льстило, и, возможно, поэтому было так весело с ним флиртовать. Но это была далеко не основная причина.

Она взяла его за руки и заговорила очень серьезно, думая — *зная*, — что ей, быть может, никогда больше не доведется говорить так серьезно (и так откровенно) ни с кем из мужчин.

— Все гораздо сложнее. Однажды ты понимаешь, что ты уже взрослая, все уже состоялось и тебе надо как-то смириться с тем, что имеешь. Выбор сужается с каждым днем. Для женщины — нет, для *меня* — это очень жестокая тема для размышлений. Хочется понимать, кто я такая. Жена, хорошо. Но ты почти каждый день на работе — и даже дома думаешь о работе. Еще мать, это тоже прекрасно. Но с каждым годом от матери остается все меньше, потому что мир потихонечку отбирает у меня ребенка. Мужчи-

ны… Мужчины знают, кто они такие. У них есть устойчивое представление о себе. Может быть, идеальное представление. До идеала никто недотягивает, это их угнетает, и, наверное, поэтому многие умирают несчастными и раньше срока, но они *знают*, что значит быть взрослым. У них есть какая-то точка опоры и в тридцать, и в сорок, и в пятьдесят лет. Они не слышат этот ветер, а если и слышат, то хватают копье и бросаются на него сломя голову, полагая, что это ветряная мельница или какое-то злобное чудище, которое надо скорее завалить. Женщинам свойственно убегать от того, что их пугает. Так было со мной. Когда Тэда нет дома, мне страшно. Дом как будто даже звучит по-другому. Знаешь, однажды — понимаю, это бред — я перестилала постель в комнате Тэда и задумалась о своих школьных подругах. Где они, что с ними стало. Я была словно в трансе. И тут дверца шкафа открылась сама по себе… я закричала и выбежала из комнаты. Не знаю почему… Хотя, наверное, знаю. Мне на секунду подумалось, что из шкафа сейчас выйдет Джоан Брэйди, вся в крови и с оторванной головой. Выйдет и скажет: «В девятнадцать лет я разбилась насмерть на машине, когда возвращалась из пиццерии. И мне глубоко наплевать».

— Господи, Донна, — сказал Вик.

— Мне стало страшно, вот и все. Мне стало страшно, когда я начала разглядывать керамику в магазинах. Когда у меня появились мысли, что надо бы записаться в гончарный кружок, или на йогу, или на еще какие-нибудь занятия для скучающих домохозяек. Куда можно сбежать от будущего? Только в прошлое. Поэтому… поэтому я начала с ним заигрывать.

Она опустила взгляд и внезапно закрыла лицо руками. Теперь ее голос звучал приглушенно, но по- прежнему внятно.

— Было весело. Как будто я снова студентка. Как будто мне снится сон. Глупый сон. Как будто он — белый шум. Он заглушал этот ветер. Пока он ухаживал, было весело. Секс… не был хорошим. У меня были оргазмы, но мне не было хорошо. Не могу объяснить почему. Разве что, пока все продолжалось, я по-прежнему любила только тебя и понимала, что это лишь способ бегства… — Она отняла руки от лица, и он увидел, что она плачет. — Он тоже беглец. Можно сказать, профессиональный беглец. Он поэт… по крайней мере, он так говорит. Он мне показывал свои стихи, но я не поняла в них ни строчки. Он такой… вечный скиталец. Воображает, что все еще

учится в колледже и протестует против войны во Вьетнаме. Наверное, поэтому все и случилось именно с ним. Теперь ты знаешь все. История мерзкая, но другой у меня нет.

— Хочется дать ему в морду, — сказал Вик. — Если бы я ему врезал, мне стало бы легче.

Она улыбнулась бледной улыбкой.

— Он уехал. После ужина мы с Тэдом пошли за мороженым в «Дейри куин». Тебя все еще не было дома, и мы решили сходить прогуляться. В окне его мастерской стоит табличка «СДАЕТСЯ». Я говорила, что он беглец.

— В его письме не было ничего поэтичного, — сказал Вик. Он быстро взглянул на нее и сразу отвел глаза. Она прикоснулась к его лицу, он чуть поморщился и отстранился. Это было больнее всего. Она даже не думала, что бывает *так* больно. Страх и чувство вины вновь обрушились на нее очередной сокрушительной волной. Но она больше не плакала. Наверное, она еще долго не сможет заплакать. От такой шоковой травмы быстро не отойти.

— Вик, — сказала она. — Мне очень жаль. Тебе больно, и мне очень жаль.

— Когда ты с ним рассталась?

Она рассказала ему о том дне, когда Стив за-

явился к ним домой. Рассказала практически все, умолчав только о собственном страхе, что Стив действительно может ее изнасиловать.

— Значит, этой запиской он тебе отомстил.

Она убрала волосы со лба и кивнула. Ее лицо было бледным и тусклым. Под глазами залегли синеватые круги.

— Да, наверное.

— Пойдем спать. Уже поздно. Мы оба устали.

— Займемся любовью?

Он медленно покачал головой:

— Не сегодня.

— Хорошо.

Они подошли к лестнице вместе. Поставив ногу на первую ступеньку, Донна спросила:

— И что теперь, Вик?

Он опять покачал головой:

— Я не знаю.

— Я напишу пятьсот раз «Даю слово, что больше не буду» и все каникулы просижу дома? Мы разведемся? Никогда больше об этом не вспомним? Что? — Она не впадала в истерику, просто очень устала, и ей самой не понравилось, как прозвучал ее голос. Она совсем не хотела его повышать. Стыд был страшнее всего; стыд за то, что муж узнал об измене, и для него это был настоящий удар. Она

ненавидела себя. Она ненавидела Вика, потому что он заставил ее испытать этот мучительный стыд. Потому что она не считала себя виноватой в создании тех факторов, что привели к окончательному решению — если это действительно было решение.

— Мы как-нибудь справимся, — сказал он, но она не обманывалась. Она знала, что он сейчас говорит вовсе не с ней. — А этот твой… — Он умоляюще посмотрел на нее. — Он был единственным, да?

Это был недопустимый вопрос. Вик не имел права его задавать. Она поспешила наверх, оставив его позади, потому что боялась, что если скажет хоть слово, то начнутся взаимные глупые обвинения и упреки, которые ничего не решат, а только испортят ту хрупкую честность, которую им удалось удержать.

В ту ночь они оба почти не спали. И конечно, Вик даже не вспомнил о своем обещании позвонить Джо Камберу насчет захворавшего «пинто» Донны.

* * *

Что касается самого Джо Камбера, тот сидел с Гэри Первье на одном из прогнивших шезлонгов

посреди заросшей бурьяном лужайки. Они сидели под звездным небом и пили водку с вермутом из бокалов, добытых в «Макдоналдсе». В темноте поблескивали светлячки, заросли жимолости у забора наполняли душную ночь тяжелым, густым ароматом.

Куджо обычно гонялся за светлячками, иногда лаял и без конца подбегал к ним обоим, чтобы его потрепали по голове. Но сегодня он тихо лежал между ними, положив морду на лапы. Они думали, что он спит, но Куджо не спал. Просто лежал, чувствуя боль, пробирающую до костей и звенящую в голове. Ему стало трудно обдумывать свою простую собачью жизнь; что-то мешало его природным инстинктам. Ему снились необычайно живые, неприятно яркие сны. В одном из них он растерзал МАЛЬЧИКА, перегрыз ему горло и вытащил из разорванного живота горячие, дымящиеся кишки. После этого сна Куджо проснулся, дрожа и поскуливая.

Ему постоянно хотелось пить, но его почему-то пугала миска с водой, а когда он все-таки пил, вода отдавала на вкус стальной стружкой. От воды ныли зубы. Вспышки боли пронзали глаза. И теперь он лежал на траве, не интересуясь ни светлячками, ни чем-то другим. Голоса ЛЮДЕЙ

были как неразборчивый гул, доносившийся откуда-то сверху. Они не значили ничего по сравнению с его собственной нарастающей мукой.

* * *

— Бостон! — сказал Гэри Первье и хохотнул. — *Бостон!* Что тебе делать в Бостоне, и с чего ты решил, что у меня есть бабло на разъезды? У меня полный голяк, пока не придет чек.

— А то у тебя ни хрена не припрятано, — сказал Джо, уже изрядно поддатый. — Ты потряси свой матрас, глядишь, чего и найдется.

— Ничего кроме клопов. — Гэри опять хохотнул. — Вот их-то точно с избытком. Но мне, как ты понимаешь, насрать. Ну что, еще по одной?

Джо протянул ему свой бокал. Бутылки стояли рядом с шезлонгом Гэри. Он смешал два напитка, почти не глядя, натренированной твердой рукой хронического алкаша.

— Бостон! — вновь повторил он и прищурился. — Решил малость гульнуть, да, Джой? — Гэри был единственным человеком в Касл-Роке — может быть, во всем мире, — кто мог безнаказанно называть Джо Камбера Джоем. — Типа гулять — так гулять. А я-то думал, ты нигде не бывал дальше Портсмута.

— Я бывал в Бостоне пару раз, — сказал Джо. — А ты, Пердюк, сильно не выступай, а то спущу на тебя пса.

— Этого пса не натравишь даже на черномазого психа с ножами в обеих клешнях. — Гэри протянул руку и потрепал Куджо по голове. — А твоя жена что говорит?

— Она не знает, что мы уезжаем. Да и не надо ей знать.

— Это как?

— Она везет парня в Коннектикут, к своей сестре и этому чудиле, ее муженьку. Их не будет неделю. Она выиграла в лотерею. Лучше скажу тебе сразу. Все равно имена победителей объявляют по радио. Так вроде положено. Там, когда заполняешь заявку на выигрыш, надо писать свое имя.

— И что, много выиграла?

— Пять тысяч долларов.

Гэри присвистнул. Куджо недовольно дернул ушами.

Джо пересказал Гэри свой сегодняшний разговор с Черити, умолчав об их споре и представив все так, будто это была его собственная идея с обменом: летом сын едет с матерью в Коннектикут, а осенью — на охоту с отцом.

— И ты нацелился рвануть в Бостон и потратить часть денежек на себя, старый кобель. — Гэри рассмеялся и хлопнул Джо по плечу. — Уж признавайся, дружище.

— А что бы и не рвануть? Знаешь, когда у меня в последний раз был выходной? Я вот не знаю. Не помню. У меня не так много работы на той неделе. Думал, что провожусь полтора дня, выковыривая старый мотор из трактора Ричи, но с этим новеньким мини-краном управлюсь часа за четыре. Скажу ему, пусть пригоняет свою развалюху уже завтра утром, а после обеда все будет готово. Еще надо чинить трансмиссию, но это для школьного учителя. Подождет — ничего не случится. И другая работа по мелочи тоже пока не горит. Позвоню всем и скажу, что у меня небольшой отпуск.

— Чем займешься в Бостоне?

— Может, схожу на бейсбол. Загляну на Вашингтон-стрит…

— Зона боевых действий! Я так и знал! — Гэри расхохотался, хлопнув себя по ноге. — Сперва порнушка на большом экране, а потом по девкам!

— Вдвоем было бы веселее.

— Ну, может быть, я и сяду тебе на хвост, если ты одолжишь мне деньжат, пока не придет пенсия.

— Одолжу, — сказал Джо. Гэри хоть и алкаш, но долги возвращает исправно.

— У меня не было бабы уже года четыре, — задумчиво проговорил Гэри. — Моя спермоферма осталась во Франции. А что уцелело, иногда работает, иногда нет. Было бы интересно проверить, ходит ли еще поршенек.

— Ага, — сказал Джо. У него уже заплетался язык, в ушах звенело. — И не забудь про бейсбол. Знаешь, когда я в последний раз смотрел матч на стадионе?

— Нет.

— В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом, — произнес Джо по слогам, наклонившись вперед и стуча пальцем по руке Гэри для пущей выразительности. При этом он пролил значительную часть своего нового коктейля. — Еще до рождения сына. Наши играли с «Тиграми» и просрали шесть-четыре, козлы. Норм Кэш засадил хоум-ран в восьмом иннинге.

— Когда думаешь ехать?

— В понедельник, около трех. Утречком жена с парнем уже уезжают. Отвезу их на автовокзал в Портленде. У меня будет полдня, чтобы закончить всю срочную работу.

— Поедешь на грузовике или на легковушке?

— На легковушке.

В темноте глаза Гэри сделались мягкими и мечтательными.

— Бабы, бухло и бейсбол, — сказал он и сел попрямее. — Вообще-то заманчиво.

— Так ты едешь?

— Ага.

Джо радостно гикнул, и они рассмеялись. Никто из них не заметил, что Куджо приподнял голову и еле слышно зарычал.

* * *

Утром в понедельник все окутала перламутрово-серая пелена; туман был настолько густым, что Бретт Камбер не смог разглядеть из окна большой дуб во дворе, хотя до него было не больше тридцати ярдов.

В доме все еще спали, но самому Бретту спать не хотелось. Сегодня они отправляются в путешествие, и он уже весь трепетал в предвкушении. Они вдвоем с мамой. Это будет хорошее путешествие, он это предчувствовал и в глубине души, за пределами осознанного понимания, был рад, что отец с ними не едет. Можно будет хотя бы недолго побыть собой, не стараясь стремиться к некоему загадочному идеалу настоящего мужчины — иде-

алу, которому наверняка соответствует его отец и который он сам еще даже не начал осознавать. Настроение было прекрасное — он себя чувствовал невероятно везучим и невероятно живым. Он жалел всех, кто не может отправиться в путешествие этим дивным туманным утром, которое превратится в очередной знойный день, как только солнце сожжет весь туман. В автобусе Бретт планировал сесть у окна, чтобы не пропустить ни одной мили дороги от автовокзала на Спринг-стрит и до самого Стратфорда. Вчера вечером он очень долго не мог уснуть, а сегодня вскочил в пять утра. Но если бы он остался в постели чуть дольше, то, наверное, просто взорвался бы.

Стараясь не шуметь, он натянул джинсы, футболку с эмблемой «Касл-Рокских пум», белые спортивные носки и кеды. Спустился в кухню, насыпал в миску «Шоколадных мишек» и залил их молоком. Он старался есть тихо, но был уверен, что отдававшийся у него в голове хруст сладких хлопьев разносится по всему дому. Ему было слышно, как отец закряхтел и заворочался на их с мамой широкой кровати. Заскрипели пружины. Бретт замер и даже прекратил жевать. Секунду подумав, он насыпал себе еще порцию «Мишек» и вышел с миской на заднее крыльцо, осторожно

прикрыв за собой дверь.

Все запахи лета сделались четче в густом тумане, и на улице было уже тепло. На востоке, над верхушками едва различимого в сером мареве соснового леса за дальним пастбищем, вставало солнце. Маленькое, яркое и серебристое, как полная луна высоко в небе. Даже сейчас влажный воздух был густым, плотным и тихим. Туман рассеется часам к восьми-девяти, однако душная влажность останется.

Но сейчас Бретт видел белесый, потайной мир и вбирал в себя его тайные радости: сочный запах травы в ожидании первого сенокоса уже на следующей неделе, запах навоза и маминых роз. Он различал даже запах жимолости, что уже почти погребла под собою забор на границе участка Гэри Первье — оплела цепкими, удушающе-ароматными лозами.

Бретт поставил миску с хлопьями на крыльцо и пошел в сторону сарая, скрытого туманом. На полпути оглянулся и увидел, что дом превратился в едва различимый, смутный силуэт. Еще два-три шага — и дом исчез. Он остался один посреди белизны, и только крошечное серебристое солнце глядело на него с неба. Пахло пылью и сыростью, жимолостью и розами.

И тут раздался звериный рык.

Сердце Бретта подпрыгнуло к горлу, и он невольно попятился. Мышцы напряглись, словно перекрученные провода. Первое, что он подумал, как ребенок, внезапно попавший в сказку: *волк*, — и он в панике огляделся по сторонам. Вокруг не было ничего, кроме белесого тумана.

Из тумана вышел Куджо.

Из горла Бретта вырвался тоненький всхлип. Пес, с которым он вырос; пес, который терпеливо катал по двору визжащего от восторга пятилетнего Бретта — на ледянке с упряжью, сработанной Джо в мастерской; пес, который в течение учебного года, в любую погоду, каждый день ждал у почтового ящика, когда придет школьный автобус… этот пес был совсем не похож на всклокоченное, грязное существо, медленно возникавшее из тумана. Большие печальные глаза сенбернара теперь покраснели, сделались злобными и тупыми: будто это совсем не собачьи глаза, а свинячьи. Густая шерсть слиплась от буровато-зеленой грязи, словно он катался по земле на заболоченном краю луга. Зубы щерились в жутком оскале, от которого у Бретта все похолодело внутри. Его сердце бешено заколотилось где-то в районе горла.

Из пасти Куджо медленно падали хлопья густой белой пены.

— Куджо? — прошептал Бретт. — Куджи?

* * *

Куджо смотрел на МАЛЬЧИКА, больше не узнавая его: ни лица, ни оттенков одежды (собаки видят цвета не так, как их видят люди), ни запаха. Он видел только двуногое чудовище. Куджо болел, и все вокруг представлялось ему чудовищным. В голове тупо ворочались мысли об убийстве. Хотелось кусать, рвать и терзать. Ему смутно мерещилось, как он бросается на МАЛЬЧИКА, валит на землю, вгрызается в горло и пьет кровь, еще теплую кровь, качаемую умирающим сердцем.

Потом чудовище заговорило, и Куджо узнал голос. Это был МАЛЬЧИК, его МАЛЬЧИК, который никогда его не обижал. Когда-то Куджо любил МАЛЬЧИКА и был готов умереть за него, если будет нужно. Что-то от прежнего чувства еще оставалось, и этой малости оказалось достаточно, чтобы удержать мысль об убийстве, пока та не растаяла серым туманом и не растворилась в гремящей реке болезни.

— Куджо? Что с тобой, пес?

То последнее, что еще оставалось от пса, которым он был до того, как летучая мышь поцарапала ему нос, заставило Куджо отвернуться, как и опасного больного пса — он был побежден в последний раз.

Куджо пошел прочь, в туман. Пена из его пасти капала на землю. Он перешел на тяжелый, неуклюжий бег, надеясь перегнать болезнь, но она бежала с ним вровень, звенела в ушах, наполняя его жгучей ненавистью и жаждой крови. Он принялся кататься по высокой траве, щелкая на травинки зубами. Его глаза закатились.

Мир превратился в безумное море запахов. Он отыщет источник каждого запаха и разорвет его в клочья.

Куджо вновь зарычал. Теперь у него появилась цель. Он поднялся и ушел еще глубже в уже начавший редеть туман — огромный пес весом почти двести фунтов.

* * *

Когда Куджо скрылся в тумане, Бретт еще минут пятнадцать стоял на крыльце, не зная, что делать. Куджо заболел. Может быть, съел отравленную приманку или что-то еще. Бретт знал о бешенстве и, если бы увидел лисицу, сурка или

дикобраза с такими симптомами, наверняка распознал бы его. Но он никогда бы не подумал, что эта страшная болезнь мозга и нервной системы может быть у его пса. Скорее всего, это отравленная приманка.

Надо сказать отцу. Отец позвонит ветеринару. Или справится сам, как в тот раз два года назад, когда он взял плоскогубцы и вытащил из носа Куджо иглы дикобраза — медленно и аккуратно, чтобы их не сломать, потому что кусочки игл, оставшиеся в ранках, могли загноиться. Да, надо сказать отцу. Он обязательно что-то придумает.

А как же поездка?

Он не присутствовал при разговоре родителей, но и так было понятно, что мама выбила для них эту поездку с помощью отчаянных ухищрений, или везения, или того и другого сразу. Как многие дети, Бретт чутко улавливал настроения в доме и знал токи эмоций, перетекающих из одного дня в другой, точно так же, как опытный проводник на реке знает все ее излучины и стремнины. Все висело на волоске. Хотя отец согласился, Бретт чувствовал, что это согласие было дано неохотно и все еще может перемениться. Поездка будет считаться решенной, только когда они с мамой сядут в автобус и тот тронется с места. Если он

скажет отцу, что Куджо заболел, для него это будет хорошим предлогом оставить их дома.

Бретт неподвижно стоял на крыльце. Впервые в жизни он был настолько растерян. Чуть погодя он пошел за сарай искать Куджо. Он звал его тихо, вполголоса. Родители еще спали, а Бретт знал, как разносятся звуки в утреннем тумане. Куджо он не нашел… что, наверное, и к лучшему.

* * *

Будильник разбудил Вика без четверти пять. Он поднялся с кровати, отключил звонок и поплелся в ванную, мысленно проклиная Роджера Брекстона, который не может, как все нормальные люди, приехать в Портлендский аэропорт за двадцать минут до начала регистрации на рейс. Нет, только не Роджер. Роджеру надо учесть все возможные внештатные ситуации. А то вдруг лопнет шина, или где-нибудь будет пробка, или случится потоп или землетрясение. Инопланетяне решат приземлиться прямо на взлетно-посадочной полосе.

Он принял душ, побрился, проглотил витамины и вернулся в спальню, чтобы одеться. Увидел пустую кровать и тихонько вздохнул. У них с Донной были не самые приятные выходные… на самом деле ему не хотелось бы пережить что-то

подобное еще раз. Они старались вести себя как обычно — ради Тэда, — но Вик чувствовал себя участником маскарада. Ему не нравилось ощущать, как напрягаются мышцы лица, когда он улыбается.

Они с Донной по-прежнему спали в одной постели, но впервые в жизни широченная двуспальная кровать казалась Вику слишком тесной для них двоих. Каждый спал на краю, и пустое пространство между ними было ничейной землей. Две ночи подряд Вик мучился бессонницей, болезненно чувствительный к каждому шороху, каждому скрипу кровати под телом жены. Он пытался понять, спит она или нет на своей стороне пустоты, что пролегла между ними.

Прошлой ночью они попытались заполнить это пустое пространство посреди кровати. Секс получился сравнительно неплохим, хоть и слегка настороженным (по крайней мере, никто не расплакался, когда все закончилось; почему-то Вик был уверен, что кто-то из них непременно заплачет). Но Вик сомневался, что то, чем они занимались, можно было назвать любовью.

Он надел легкий летний костюм — бледно-серый, как утренний свет за окном, — и подхватил два чемодана. Один был значительно тяжелее

другого. В нем лежала большая часть текстовых документов по хлопьям «Шарп». Все графические раскладки были у Роджера.

Донна пекла вафли на кухне. Чайник стоял на плите и уже закипал. Донна надела старый синий халат Вика. Ее лицо было припухшим, как будто сон не принес ей отдохновения, а, наоборот, вымотал до предела.

— А самолеты летают в такую погоду? — спросила она.

— Туман скоро рассеется. Уже видно солнце. — Он указал на окно и легонько поцеловал Донну в затылок. — Не надо было так рано вставать.

— Ничего, мне не трудно. — Она подняла крышку вафельницы, переложила готовые вафли на тарелку и отдала ее Вику. — Жаль, что ты уезжаешь. — Ее голос был очень тихим. — Особенно теперь. После прошлой ночи.

— Ночь была неплохая.

— Лучше предыдущей. — Ее губы тронула горькая, почти незаметная улыбка. Она взбила венчиком тесто, залила порцию в вафельницу и опустила тяжелую крышку. *Ш-ш-ш-ш-ш-ш*. Потом заварила чай из пакетиков и поставила чашки на стол. На одной было написано «ВИК», на другой — «ДОННА». — Ешь вафли. Возьми клубничный

джем, если хочешь.

Он взял банку и сел за стол. Намазал горячую вафлю маргарином и стал смотреть, как он тает в квадратиках. Это зрелище завораживало его с детства. Джем был от фирмы «Смакерс». Вик любил их продукцию. Он выложил щедрую порцию джема на вафлю. Смотрелось весьма аппетитно. Но ему совсем не хотелось есть.

— Ты собираешься с кем-нибудь переспать в Бостоне или Нью-Йорке? — спросила она, отвернувшись к плите. — Чтобы сравнять счет? Око за око, зуб за зуб?

Он слегка вздрогнул — может быть, даже чуть покраснел. Он был рад, что она стояла к нему спиной и не видела его лица, которое наверняка выдавало гораздо больше, чем он хотел показать. Он не то чтобы разозлился; ему самому приходила мысль дать коридорному в отеле десятку вместо обычного доллара и задать парочку интересных вопросов. Он знал, что Роджер иной раз так делал.

— У меня просто не будет на это времени.

— Как там было в рекламе? «Всегда есть место для маленьких радостей».

— Ты нарочно пытаешься меня разозлить, Донна?

— Нет. Давай ешь. Тебе надо как следует заправиться.

Она села за стол со своей порцией вафель. Не стала мазать их маргарином, только капнула сверху кленовым сиропом. Как хорошо мы с ней знаем друг друга, подумал Вик.

— Во сколько ты забираешь Роджера? — спросила она.

— После жарких дебатов мы договорились на шесть.

Она опять улыбнулась, на этот раз искренне и тепло.

— Он и вправду великий перестраховщик.

— Ага. Даже странно, что он еще не звонил, чтобы убедиться, что я уже встал.

Зазвонил телефон.

Они переглянулись, секунду помедлили и рассмеялись. Это был редкий момент, еще более редкий, чем настороженное занятие любовью в темноте. Он увидел, какие у нее красивые, сияющие глаза. Серые, как туман за окном.

— Скорее бери трубку, пока он не разбудил Тэда, — сказала она.

Вик так и сделал. Это был Роджер. Вик уверил его, что уже встал, оделся и готов к бою. Он заедет за Роджером ровно в шесть. Повесив трубку, он за-

думался, стоит ли рассказывать Роджеру о Донне и Стиве Кемпе. Наверное, нет. Не потому, что Роджер плохой советчик; как раз наоборот. Он, конечно, даст слово, что ничего не расскажет Алтии, но наверняка проболтается. Вот в чем дело. Вик был уверен, что Алтия просто не сможет не поделиться с подругами такой сочной сплетней. Эта мысль снова испортила ему настроение. Как будто, пытаясь решить возникшую между ними проблему, они с Донной хоронили собственное тело под покровом ночи.

— Старина Роджер в своем репертуаре, — сказал он, снова усевшись за стол. Попытался улыбнуться, но сам почувствовал, что получается не очень. Момент счастливой спонтанности уже миновал.

— Все ваши с Роджером вещи точно поместятся в «ягуар»?

— Конечно, — сказал он. — Все равно по-другому никак. Алтии нужна их машина, а у тебя есть… ох, *черт*, я совершенно забыл позвонить Джо Камберу насчет твоего «пинто».

— Тебе было чем занять голову, — проговорила она с легкой иронией. — Ничего страшного. Сегодня я не повезу Тэда в сад. Он вчера шмыгал носом. Могу вообще не водить его в сад. Пусть будет дома все лето, если ты не возражаешь. Когда

его нет, я попадаю в переплет.

Теперь в ее голосе слышались слезы, и Вик не знал, что ответить. Он беспомощно наблюдал, как она хватает бумажный платок, сморкается и вытирает глаза.

— Как хочешь, — сказал он, и его голос чуть дрогнул. — Смотри сама, как тебе лучше. — И быстро продолжил: — Но все равно позвони Камберу. Он все время на месте, и, думается, он решит все проблемы за двадцать минут. Даже если придется менять карбюратор…

— Ты подумаешь обо всем, пока будешь в отъезде? — спросила она. — О том, что нам делать? О нас с тобой?

— Да, — сказал он.

— Хорошо. Я тоже подумаю. Еще вафлю?

— Нет, спасибо.

Разговор становился каким-то сюрреалистичным. Вику вдруг захотелось скорее уехать. Внезапно поездка на десять дней показалась ему привлекательной и совершенно необходимой. Сбежать подальше от этого дурдома. За сотни и тысячи миль. Он уже предвкушал, как авиалайнер компании «Дельта» прорезает туман и летит в синеву.

— Можно мне вафлю?

Они оба испуганно обернулись. В дверях стоял Тэд в желтых пижамных штанишках, с красным одеялом, накинутым на плечи. Он держал за ухо плюшевого койота и был похож на маленького сонного индейца.

— Сейчас испеку тебе вафлю, — удивленно сказала Донна. Тэд не любил рано вставать.

— Тебя разбудил телефон? — спросил Вик.

Тэд покачал головой.

— Я заставил себя встать пораньше, чтобы попрощаться с тобой, пап. Тебе обязательно надо ехать?

— Я поеду совсем ненадолго.

— Все равно это долго, — уныло произнес Тэд. — Я отметил кружочком на календаре день, когда ты вернешься. Мама мне показала. Я буду вычеркивать дни. И еще мама сказала, что будет читать мне Слова против чудовищ. Каждый вечер.

— Видишь, как хорошо.

— Ты будешь звонить?

— Через день, — сказал Вик.

— Каждый день, — упрямо проговорил Тэд. Он забрался к Вику на колени, положил своего койота рядом с его тарелкой и отломил кусок вафли. — Каждый *вечер*, пап.

— Вряд ли получится каждый вечер, — сказал

Вик, памятуя о непосильном графике командировки, составленном Роджером в пятницу. До того, как пришло анонимное письмо.

— Почему?

— Потому что…

— Потому что твой дядя Роджер — строгий начальник, — сказала Донна, поставив на стол тарелку с вафлей для Тэда. — Садись на свое место и ешь. Койота тоже возьми с собой. Завтра вечером папа нам позвонит из Бостона и расскажет, как у него дела.

Тэд пересел на свое место, где на столе лежала большая пластиковая салфетка с надписью «ТЭД».

— Ты привезешь мне игрушку?

— Может быть. Если будешь себя хорошо вести. И может, я позвоню прямо сегодня, чтобы вы знали, что я добрался до Бостона целым и невредимым.

— Договорились. — Вик завороженно наблюдал, как Тэд выливает на вафлю целое море сиропа. — А какую игрушку?

— Увидишь. — Вик смотрел, как малыш жует вафлю. Внезапно он вспомнил, что Тэд любит яйца. Вкрутую и всмятку, яичницу и омлет. Во всех видах. — Тэд?

— Что, пап?

— Если ты хочешь, чтобы люди покупали яйца, что ты им скажешь?

Тэд ненадолго задумался.

— Что яйца вкусные.

Вик переглянулся с женой, и во второй раз за утро у них случился момент общего смеха. На этот раз они рассмеялись телепатически.

Прощание было легким. Только Тэд с его детским чувством времени, когда несколько дней тянутся целую вечность, горько расплакался.

— Ты подумаешь обо всем? — снова спросила Донна, когда Вик уже сел в машину.

— Да.

Но по дороге в Бриджтон, где его ждал Роджер, он думал только об этих моментах почти идеальной мысленной коммуникации. Два за одно утро — очень даже неплохо. Всего-то и нужно, что пробыть вместе восемь или девять лет, примерно четверть всей прожитой жизни. Ему вдруг подумалось, что сама концепция человеческого общения устроена как-то нелепо: чтобы добиться хотя бы какого-то результата, надо прикладывать поистине титанические усилия. И если что-то получится хорошо, надо быть осторожным, чтобы ничего не испортить. Да, он подумает об их

с Донной будущем. У них было много хорошего, и хотя некоторые каналы для передачи сигналов теперь закрылись, забитые бог знает каким дерьмом (часть которого, вероятно, еще побулькивает), осталось немало открытых каналов в относительно неплохом рабочем состоянии.

Тут надо очень серьезно подумать — но по чуть-чуть зараз. Чтобы случайно не преувеличить масштабы бедствий.

Он включил радио и стал думать о бедняге профессоре Шарпе.

* * *

Джо Камбер подъехал к автовокзалу в Портленде без десяти восемь. Туман рассеялся, и цифровые часы с термометром на здании банка «Каско» уже показывали семьдесят три градуса.

Джо сидел за рулем в своей фетровой шляпе, готовый обматерить всякого, кто подрежет его на дороге. Он ненавидел кататься по улицам в больших городах. Когда они с Гэри приедут в Бостон, он бросит машину на первой же подходящей стоянке и не вспомнит о ней до возвращения домой. Ездить можно и на метро, если они разберутся со схемой. Если не разберутся, будут ходить пешком.

Черити надела свой лучший брючный костюм — светло-зеленый — и белую хлопчатобумажную блузку с оборками у ворота. Бретт удивился, увидев серьги у нее в ушах. Мама почти никогда не носила серьги, надевала их только в церковь.

Бретт застал ее в одиночестве, когда она поднялась в спальню — одеваться в дорогу, — предварительно накормив мужа овсянкой. За завтраком Джо сидел в хмуром молчании, на все вопросы отвечал односложно, а потом и вовсе прервал разговор, включив радио, где передавали результаты бейсбольных матчей. Черити с Бреттом боялись, что это молчание чревато губительным взрывом, и тогда их поездка может отмениться.

Черити была уже в брюках и как раз надевала блузку. Бретт заметил ее бюстгальтер телесного цвета и опять удивился. Он и не знал, что у мамы есть какое-то белье, кроме белого.

— Мам, — встревоженно позвал он.

Она обернулась к нему — так резко, как будто сердилась.

— Он тебе что-то сказал?

— Нет… нет. Это Куджо.

— Куджо? А что с Куджо?

— Он заболел.

— Что значит «заболел»?

Бретт рассказал, как вышел на заднее крыльцо с миской «Шоколадных мишек», как спустился в туман, затянувший весь двор, как из тумана внезапно возник Куджо с дикими красными глазами и пеной на морде.

— И он шел как-то странно, — закончил Бретт. — Как будто его шатает. Наверное, надо сказать папе.

— *Нет,* — яростно проговорила она и схватила его за плечи. Сжала так сильно, что ему стало больно. — Не надо ему говорить! — Он посмотрел на нее, испуганный и удивленный. Она чуть ослабила хватку и заговорила уже спокойнее: — Просто он тебя напугал, когда так внезапно вышел из тумана. С ним наверняка все в порядке. Да?

Бретт попытался подобрать правильные слова, чтобы она поняла, как жутко выглядел Куджо и как на мгновение ему показалось, что пес сейчас бросится на него. Нужных слов не нашлось. Может быть, он и сам не хотел их найти.

— А если что и случилось, — продолжала Черити, — то вряд ли что-то серьезное. Может быть, на него брызнул скунс…

— Скунсом не пахло…

— Или он запыхался, гоняясь за кроликом или

сурком. Или наткнулся на лося в болоте. Или просто наелся крапивы.

— Да, он может, — с сомнением проговорил Бретт.

— Твоему отцу только дай повод, — сказала она. — Я прямо слышу, как он говорит: «Заболел? Ну, так это твой пес, Бретт. Сам с ним и возись. У меня куча работы, некогда мне разбираться с твоей зверюгой».

Бретт уныло кивнул. Он тоже об этом подумал, наблюдая, как хмуро отец ест свой завтрак под громкий рев радио.

— А когда мы уедем, твой папа уж точно о нем позаботится, — сказала Черити. — Он любит Куджо почти так же сильно, как ты. Просто не подает виду. Если он заметит, что с Куджо что-то не так, он отвезет его к ветеринару в Саут-Пэрис.

— Да, наверное.

Мама вроде бы говорила все правильно, но ему все равно было тревожно.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Точно тебе говорю! Если хочешь, сегодня вечером позвоним папе. Как тебе такой вариант? Когда будешь с ним говорить, как бы невзначай спросишь: «Пап, а ты кормишь моего пса?» И все станет ясно.

— Ага, — сказал Бретт.

Он благодарно улыбнулся маме, и она улыбнулась в ответ, довольная, что все так хорошо разрешилось. Но теперь у них с Бреттом появился новый повод для беспокойства — в те бесконечно тянувшиеся минуты, когда Джо подгонял машину к крыльцу и в угрюмом молчании загружал в багажник их четыре дорожные сумки (в одну из них Черити тайком положила все свои шесть фотоальбомов). Теперь они оба переживали, что Куджо выйдет во двор прежде, чем они успеют уехать, и наведет Джо Камбера на всякие нехорошие мысли.

Но Куджо не появился.

Теперь Джо достал из багажника сумки, вручил Бретту две маленькие, а сам подхватил две большие.

— Женщина, у тебя столько вещей, словно ты едешь не в Коннектикут на неделю, а бежишь на край света. Ты, часом, не навострилась подать на развод?

Черити с Бреттом неловко заулыбались. Это была вроде как шутка, но с Джо Камбером никогда не понятно, шутит он или нет.

— Надо подумать, — сказала она.

— Все равно я тебя разыщу и притащу обратно

своим новеньким мини-краном, — проговорил он без улыбки и поправил шляпу на голове. — Ты ведь присмотришь за мамой, сынок?

Бретт кивнул.

— Да уж, присмотри. — Он смерил мальчика пристальным взглядом. — Ты, я гляжу, совсем вырос. Наверняка уже и не захочешь поцеловать своего старого папку.

— Захочу, пап, — сказал Бретт.

Он крепко обнял отца и поцеловал в небритую щеку, вдохнув запах кислого пота и водочного перегара. Он сам удивился, с какой сокрушительной силой в нем разгорелась любовь к отцу, чувство, которое все еще периодически возникало, всегда неожиданно и внезапно (но в последние два-три года все реже и реже; мама об этом не знала и ни за что не поверила бы, если ей рассказать). Эта любовь никак не зависела от повседневного поведения Джо Камбера по отношению к сыну или жене; это было глубинное, почти животное чувство, от которого не избавиться. Оно остается с тобой на всю жизнь и пробуждается от самых разных обманчивых напоминаний: запаха сигарного дыма, отражения бритвенного станка в зеркале в ванной, брюк, висящих на спинке стула. Определенных бранных словечек.

Отец тоже обнял его, а затем повернулся к Черити. Приподнял пальцем ее подбородок, пристально посмотрел на нее. За приземистым кирпичным зданием автовокзала уже слышался рокот готовящегося к отбытию автобуса. Глухой, низкий гул дизельного мотора.

— Счастливо съездить, — сказал Джо.

У нее на глаза навернулись слезы, и она поспешила их вытереть. Быстро и почти сердито.

— Спасибо, — ответила она.

Внезапно его лицо сделалось напряженным, жестким и замкнутым. Как будто упало забрало рыцарского шлема. Он снова стал прежним грубым мужланом из сельской глубинки.

— Бери вещи, сынок. Пора загружаться. Господи, Черити… у тебя там что, кирпичи?

Он оставался с ними, пока все четыре их сумки не прошли регистрацию. Внимательно рассмотрел каждую бирку, не замечая насмешливо-снисходительных взглядов работника багажной службы. Не сводил взгляда с грузчика, пока тот укладывал сумки в автобус. Потом опять повернулся к Бретту.

— Давай-ка отойдем в сторонку.

Черити проводила их взглядом. Села на жесткую скамейку, достала из сумочки носовой

платок и принялась нервно мять его в руках, то и дело поглядывая на мужа. С него бы сталось пожелать ей счастливой дороги, а потом попытаться уговорить сына вернуться домой вместе с ним.

Джо тем временем говорил Бретту:

— Дам тебе пару советов, сынок. Уж не знаю, послушаешь ты или нет. Обычно мальчишки не ценят отцовских советов, что не мешает отцам их раздавать. Вот мой первый совет: этот дятел, к которому вы сейчас едете, этот Джим — тот еще кусок дерьма. Я отпустил тебя в эту поездку в том числе и потому, что тебе уже десять, а в десять лет человеку пора отличать дерьмо от чайной розы. Вот увидишь его и поймешь. Он не делает ничего, только сидит у себя в кабинете, перекладывает бумажки. Половина всех бед в этом мире — от таких дятлов, как этот Джим, потому что руки у них отключены от мозгов. — На щеках Джо заиграл лихорадочный бледный румянец. — Кусок дерьма как он есть. В общем, сам убедишься.

— Да, пап, — сказал Бретт. Его голос был тихим, но очень серьезным.

Джо Камбер слегка улыбнулся.

— Второй совет: береги свой кошелек.

— У меня же нет де…

Камбер вручил ему смятую пятидолларовую

бумажку.

— А теперь есть. Все сразу не трать. У дураков деньги не держатся.

— Хорошо. Спасибо.

— Ну, бывай, — сказал Камбер. Он не стал просить сына поцеловать его еще раз.

— До свидания, пап.

Бретт стоял на краю тротуара и смотрел, как папа садится в машину и едет прочь. Он в последний раз видел отца живым.

* * *

Тем же утром, в четверть девятого, Гэри Первье вышел из дома в одних трусах с пятнами засохшей мочи и отлил прямо в жимолость. Он не терял надежды, что когда-нибудь его моча станет настолько едкой от всей выпитой водки, что выжжет жимолость напрочь. Этот радостный день еще не наступил.

– *Аааа… моя голова!* — прохрипел он, держась за голову свободной рукой и продолжая орошать жимолость, чьи заросли погребли под собою забор. Его глаза покраснели от полопавшихся сосудов. Сердце свистело и дребезжало, как старая водяная колонка, качавшая больше воздух, чем воду. Едва он закончил поливку, живот скрутило

от боли — в последнее время такое случалось все чаще и чаще. Он сложился пополам и выдал сквозь тощие ягодицы мощный залп очень вонючих кишечных газов.

Он уже собирался вернуться в дом и вдруг услышал рычание. Низкий, раскатистый звук доносился с той стороны, где заросшая бурьяном лужайка сбоку от дома плавно сливалась с сенокосным лугом.

Гэри резко обернулся в ту сторону, мигом забыв про свою головную боль, про свистящее сердце, про рези в животе. У него уже очень давно не случалось флешбэков о боях во Франции, но сейчас память вернулась. В голове явственно прогремело: *Немцы! Немцы! Ложись!*

Но это были не немцы. Трава расступилась, и показался Куджо.

— Эй, ты чего так рычи… — начал было Гэри и осекся.

Он видел бешеную собаку всего однажды, лет двадцать назад, но такое не забывается никогда. Он заехал на автозаправку «Амоко» к востоку от Мачайаса, на обратном пути из Истпорта. Тогда у него еще был мотоцикл, старенький «индиан», который он приобрел в середине пятидесятых. Тощий, весь запаршивевший пес прошел мимо

заправки, как призрак. Он дышал так тяжело и натужно, что бока ходили ходуном. Пена текла у него из пасти непрерывной водянистой струей. Его глаза диковато вращались. Задние лапы покрывала корка засохшего дерьма. Он шел, шатаясь, словно какая-то недобрая душа влила ему в пасть пару порций дешевого виски.

«Черт, опять эта тварь», — сказал заправщик, отшвырнул разводной ключ, который держал в руке, и помчался в крошечную офисную пристройку, примыкавшую к гаражу. Обратно он вышел с «винчестером» в грязных крепких руках. Подошел к краю дороги, встал на одно колено и открыл огонь. Первая пуля прошла низко и взорвала псу заднюю лапу в облако крови. Пес даже не дернулся, вспомнил Гэри, глядя на Куджо теперь. Просто стоял и бессмысленно озирался по сторонам, словно не понимая, что с ним происходит. Второй выстрел заправщика разорвал пса почти пополам. Кровь и кишки брызнули на единственную бензоколонку. Буквально в следующую секунду к заправке подъехал пикап «додж» 1940-го года выпуска с вашингтонскими номерами. В кабине сидели плечом к плечу трое крепких парней. Все были вооружены. Они выскочили из машины и дали еще восемь-девять

залпов по мертвому псу. Еще через час, когда заправщик заканчивал ставить новую фару на мотоцикл Гэри, прибыла сотрудница окружной службы отлова бродячих собак. На «студебеккере» без пассажирской дверцы. Она натянула длинные резиновые перчатки и отрезала то, что еще оставалось от головы пса, чтобы отправить останки на экспертизу в Департамент здравоохранения штата.

Куджо выглядел куда крепче того давнего шелудивого пса, но все остальные симптомы были вполне узнаваемы. *Еще не ослаб от болезни*, подумал Гэри. *И тем опаснее. Вот же черт, ружье в доме…*

Он начал пятиться.

— Куджо… хороший пес, хороший мальчик, хороший песик…

Куджо стоял на краю лужайки, склонив голову низко к земле. И рычал, глядя на Гэри красными затуманенными глазами.

— Хороший мальчик…

Для Куджо слова ЧЕЛОВЕКА не значили ничего. Просто звуки — бессмысленные, как ветер. Зато многое значил исходивший от ЧЕЛОВЕКА *запах*. Горячий, острый и резкий. Запах страха — невыносимый, сводящий с ума. Внезапно он

понял, что заболел по вине этого ЧЕЛОВЕКА. Он рванулся вперед, его глухое рычание превратилось в рев ярости.

* * *

Гэри увидел, что пес готов броситься на него. Он развернулся и побежал. Один укус, одна крошечная царапина могли означать верную смерть. Он бежал к крыльцу, к дому, где безопасно. Но слишком много было выпито долгими зимними днями у печки и долгими летними вечерами в шезлонге. Он слышал, что Куджо его догоняет, а потом была жуткая доля секунды, когда он не слышал вообще ничего. Когда он понял, что Куджо прыгнул.

Когда Гэри добрался до первой ступеньки крыльца, сенбернар весом две сотни фунтов налетел на него со спины, будто локомотив, повалил и выбил из легких весь воздух. Пес явно нацелился вгрызться ему в затылок. Гэри попытался подняться. Пес навалился на него сверху, чуть не задушив густой шерстью на брюхе, и снова сбил с ног. Гэри закричал.

Куджо укусил его в плечо, мощные челюсти пропороли голую кожу, перерезали сухожилия, как провода. Пес не прекращал рычать. Хлы-

нула кровь. Гэри чувствовал, как она течет по руке теплой струей. Он перевернулся на спину и принялся молотить пса кулаками. Куджо чуть отступил. Гэри встал на четвереньки и сумел подняться еще на три ступеньки. Потом Куджо набросился снова.

Гэри попытался его пнуть. Куджо легко уклонился от удара и атаковал, щелкая зубами и яростно рыча. Из его пасти летела пена, Гэри чувствовал запах его дыхания. Жуткий гнилостный запах. Гэри сжал правую руку в кулак и со всей силы ударил Куджо под нижнюю челюсть. Это было скорее везение, чем точный расчет. Удар отдался пронзительной болью в плече, горевшем огнем от глубокого укуса.

Куджо вновь отступил.

Гэри смотрел на него в упор, его тощая безволосая грудь судорожно вздымалась и опадала. Лицо стало пепельно-серым. Из раны в плече текла кровь, заливая облезлые ступеньки.

— Ну давай, сукин сын, — сказал он. — Хочешь прикончить меня, так давай. Мне насрать. — Его голос сорвался на крик: — *Слышишь меня?! Мне насрать!*

Но Куджо отступил еще дальше.

* * *

Слова по-прежнему не значили ничего, но от ЧЕЛОВЕКА больше не пахло страхом. Куджо уже не был уверен, что ему хочется атаковать. Ему было больно, ужасно больно, и мир вокруг превратился в безумную смесь ощущений…

* * *

Гэри с трудом поднялся на ноги. Пятясь, кое-как преодолел две последние ступеньки. Протянул руку за спину, вслепую нашарил ручку сетчатой двери. Плечо болело, как будто на рану плеснули бензином. В голове стучало: *Бешенство! Он заразил меня бешенством!*

Ладно, потом разберемся. Всему свое время. Его ружье — в шкафу в коридоре. Слава богу, что Черити с Бреттом уехали. Все-таки есть Божья милость.

Он нащупал ручку и открыл дверь. Он не сводил взгляда с Куджо, пока не вошел в дом и не закрыл дверь на щеколду. Все, теперь можно расслабиться. Ноги сделались ватными. Мир покачнулся и начал меркнуть. Гэри пришлось прикусить язык, чтобы прийти в чувство. Сейчас

не время валяться в обмороке. Когда пес будет мертв, вот тогда и валяйся, сколько захочешь. Если захочешь. Но, черт возьми, он и вправду чуть не отрубился.

Гэри направился к шкафу в глубине темного коридора, и как только он отвернулся от двери, Куджо ворвался в дом, пробив тонкий сетчатый экран. Пес скалил зубы, будто в ухмылке, и хрипло подлаивал.

Гэри опять закричал и успел обернуться и выставить руки перед собой, чтобы удержать летящего на него пса. Он попытался вытолкать Куджо из коридора, раскачиваясь из стороны в сторону и при этом стараясь устоять на ногах. Со стороны это было похоже на какой-то безумный вальс. Потом Гэри, который весил на пятьдесят фунтов меньше, упал. Он смутно осознавал, что Куджо ткнулся мордой ему под подбородок. Смутно осознавал, что нос у Куджо был сухим и противно горячим. Он попробовал поднять руки, чтобы вонзить пальцы Куджо в глаза, но пес уже впился зубами ему прямо в горло. Гэри закричал, и Куджо вновь сомкнул зубы. Гэри почувствовал, как в лицо брызнула горячая кровь, и подумал: *Господи, это же моя кровь!* Его руки бессмысленно стучали по шее огромного пса, не причиняя

тому никакого вреда. Потом бессильно упали.

Уже теряя сознание, Гэри вдохнул удушающе-сладкий запах жимолости.

* * *

— Что ты там видишь?

Бретт обернулся к маме. Но только вполоборота — он не хотел даже на пару секунд отрывать взгляд от окна, за которым происходило столько всего интересного. Автобус был в пути уже почти час. Они въехали в Южный Портленд по мосту «Миллион долларов» (Бретт зачарованно разглядывал два обшарпанных, насквозь проржавевших сухогруза в заливе), потом свернули на платную автомагистраль и теперь приближались к границе Нью-Хэмпшира.

— Все, — сказал Бретт. — А что видишь ты, мам?

Она подумала: *Твое отражение в стекле, очень бледное. Вот что я вижу.*

Но ответила так:

— Наверное, мир. Мир, который проносится мимо.

— Знаешь, мам, мне бы хотелось доехать на этом автобусе аж до самой Калифорнии. Увидеть все, о чем пишут в учебниках географии.

Она рассмеялась и взъерошила ему волосы.

— Тебе станет скучно смотреть, Бретт.

— Нет, не станет.

Наверное, и вправду не станет, подумала Черити. Внезапно ей стало грустно, она почувствовала себя совсем старой. В субботу утром, когда она позвонила Холли — спросить, можно ли приехать в гости, — Холли обрадовалась, и от ее радости Черити словно помолодела. Странно, что теперь радость сына, его почти ощутимый восторг, заставляют ее чувствовать себя старой. И все же…

Что с ним будет? — размышляла она, глядя на его призрачное отражение в оконном стекле. Лицо, наложенное на проплывающий мимо пейзаж, как в комбинированной съемке. Он умный мальчик, умнее ее самой и гораздо умнее Джо. Ему надо учиться в университете, но Черити знала, что когда он пойдет в старшие классы, Джо заставит его записаться на курсы автомехаников, чтобы от него было больше пользы в мастерской. Еще лет десять назад это не сошло бы ему с рук, школьные консультанты по профориентации попросту *не позволили бы* такому одаренному мальчику, как Бретт Камбер, отдать предпочтение исключительно курсам ручного труда. Однако теперь, когда приветствовался свободный

выбор факультативных программ под девизом «делай что хочешь», Черити боялась, что именно так все и будет.

Да, она очень боялась. Раньше у нее получалось себя утешать, что старшая школа — *настоящая* школа — еще далеко. В начальных и средних классах Бретт справлялся с учебой играючи. Но в старших классах начинается время бесповоротных решений. Двери возможностей закрываются навсегда, с тихим щелчком, который ты по-настоящему слышишь лишь годы спустя, в мечтах о несбывшемся.

Она зябко поежилась и обхватила ладонями локти, даже не пытаясь себя убедить, что мерзнет от слишком мощного кондиционера.

До старшей школы Бретту осталось всего каких-то четыре года.

Она снова поежилась и вдруг отчаянно пожалела, что вообще выиграла эти деньги или что не потеряла билет. Они с Джо расстались всего час назад, но это случилось впервые с тех пор, как они поженились в конце 1966-го. Она даже не думала, что внезапно открывшиеся новые горизонты будут такими ошеломляющими и горькими. Вот представьте: женщина и мальчик вырвались на свободу из мрачной крепости…

но есть подвох. В их спины вбиты невидимые крюки, к которым крепятся тоже невидимые, но прочные резинки. Чем дальше бежишь, тем сильнее натягивается резинка, а потом — *вжих!* — и тебя возвращает назад, в ту же крепость. Еще на четырнадцать лет!

Из ее горла вырвался сдавленный всхлип.

— Ты что-то сказала, мам?

— Нет, ничего. Просто откашлялась.

Она поежилась в третий раз, и теперь ее руки покрылись гусиной кожей. Ей вспомнилась строчка из стихотворения, которое она прочла в старших классах (она хотела поступить в университет, но когда сообщила об этом родителям, отец разъярился — она что, считает их *богатеями*? — а мама и вовсе над ней посмеялась, хотя беззлобно и даже с сочувствием). Стихотворение Дилана Томаса. Черити не помнила его целиком, но помнила, что там кто-то прошел «сквозь погибельный вихрь любви».

Тогда эта строчка показалась ей странной и непонятной, но теперь она, кажется, поняла. Чем еще, как не любовью, может быть эта прочная невидимая резинка? И зачем врать себе, что она якобы больше не любит этого человека, за которого вышла замуж? Что она остается с ним только

из чувства долга или ради ребенка (тут крылась горькая насмешка; если когда-нибудь она все же решится уйти от мужа, то *исключительно* ради ребенка)? Что ей никогда не было с ним хорошо в постели? Что он не способен (пусть даже изредка и всегда неожиданно, как сегодня на автовокзале) на нежность?

И все же… все же…

Бретт по-прежнему увлеченно смотрел в окно. Не оборачиваясь, он спросил:

— Мам, ты думаешь, с Куджо все в порядке?

— Я уверена, что все в порядке, — рассеянно отозвалась она.

Впервые в жизни она задумалась о разводе с практической точки зрения — что она может сделать, чтобы обеспечить себя и сына, как они будут справляться в этой немыслимой (*почти* немыслимой) ситуации. Если они с Бреттом не вернутся домой из поездки, станет ли Джо их искать, как шутливо грозился в Портленде? Или отпустит Черити с миром, но попытается отобрать у нее Бретта всеми правдами… и неправдами?

Она обдумывала все возможные варианты, вертела их в голове так и этак. Все-таки новые перспективы — это не так уж и плохо. Болезненно, да. Но наверное, полезно.

Автобус пересек границу Нью-Хэмпшира и поехал дальше на юг.

* * *

«Боинг-727» авиакомпании «Дельта» круто взмыл в небо, сделал круг над Касл-Роком (Вик всегда высматривал в иллюминатор свой дом у озера Касл и шоссе номер 117 — и всегда тщетно) и взял курс назад к побережью. Уже через двадцать минут он приземлится в аэропорту Логан.

Где-то там внизу — Донна, на расстоянии восемнадцати тысяч футов. И Тэдди. Вика внезапно накрыло волной черной тоски. Появилось дурное предчувствие, что у них ничего не получится. Даже думать о том, будто что-то получится, было безумием. Когда твой дом рухнул, надо строить новый. Развалившийся старый не склеишь уже никаким суперклеем.

Подошла стюардесса. Они с Роджером летели первым классом («Пока есть возможность, надо пользоваться, дружище, — сказал Роджер в прошлую среду, когда бронировал билеты. — Не каждый срывается в нищету с таким шиком»). Кроме них в салоне было всего четверо или пятеро пассажиров. Почти все, как и Роджер, читали газеты.

— Могу я вам что-нибудь предложить? — спросила стюардесса у Роджера с профессиональной лучезарной улыбкой, как бы сообщавшей миру, что ее обладательница была счастлива подскочить в половине шестого утра, чтобы заступить в смену на рейсе Бангор — Портленд — Бостон — Нью-Йорк — Атланта.

Роджер рассеянно покачал головой, и девушка обратила свою неземную улыбку на Вика.

— Желаете что-нибудь, сэр? Свежую выпечку? Апельсиновый сок?

— Вы не могли бы смешать мне «Отвертку»? — спросил Вик, и Роджер резко оторвался от газеты.

Лучезарная улыбка не дрогнула; стюардессы привычны к заказам спиртных напитков с утра пораньше.

— Да, сэр, — сказала она. — Но придется пить залпом. Мы уже скоро идем на посадку.

— Выпью залпом, — торжественно пообещал Вик, и стюардесса пошла в бортовую кухню, как ослепительное видение в форменном бирюзовом брючном костюме.

— Что с тобой? — спросил Роджер.

— В каком смысле?

— Сам знаешь в каком. Ты даже пиво не пьешь

до полудня. А обычно и вовсе до пяти вечера.

— Я спускаю на воду корабль, — сказал Вик.

— Какой корабль?

— «Титаник».

Роджер нахмурился.

— Ты сам-то понял, что это дурацкая шутка?

Да, и вправду дурацкая. Роджер уж точно достоин лучшего, но нынешним утром, когда Вика накрыло уныние, словно вонючее одеяло, ничего остроумнее он не придумал. Лишь улыбнулся довольно печальной улыбкой. Роджер продолжал хмуриться.

— Слушай, — сказал Вик. — У меня есть идея насчет «Колючек». Придется как следует постараться, чтобы убедить старика Шарпа с сынулей. Но может, что-то и выгорит.

У Роджера явно отлегло от сердца. Они всегда так работали в паре: Вик выдавал общую сырую идею, Роджер ее дорабатывал и запускал в производство. И знал, как представить идею заказчику.

— Что за идея?

— Дай мне чуточку времени, — сказал Вик. — Хотя бы до вечера. И тогда мы поднимем ее на флагштоке…

— …и поглядим, с кого свалятся штаны, —

с улыбкой закончил за него Роджер и вновь уткнулся в газету, открытую на финансовой странице. — Ладно. Но только до вечера. На прошлой неделе акции Шарпа поднялись еще на восемь десятых процента. Ты знал?

— Отлично, — пробормотал Вик и снова уставился в иллюминатор.

Уже никакого тумана; только чистое, ясное небо. Пляжи Кеннебанка, Оганкуита и Йорка прямо просились на живописную открытку — кобальтово-синее море, оливково-желтый песок, а дальше вглубь побережья — типичные мэнские пейзажи, низкие холмы, бескрайние поля и широкие полосы хвойных лесов, тянущихся на запад, насколько хватает глаз. Красота. От которой уныние только усилилось.

Если я все-таки разревусь, придется прятаться в туалете, угрюмо подумал он. И все это из-за каких-то шести предложений на листочке дешевой бумаги. Мир — очень хрупкая штука, такая же хрупкая, как пасхальные яйца, ярко раскрашенные снаружи и пустые внутри. Еще на прошлой неделе Вик думал взять Тэда и уйти. Теперь он гадал, застанет ли дома жену и ребенка, когда вернется. Может быть, Донна решит забрать Тэда и уехать куда-нибудь, например, к матери в горы

Поконо?

Да, такое вполне возможно. Она может решить, что десяти дней разлуки им будет мало. Что им лучше не видеть друг друга хотя бы полгода. И Тэд сейчас с ней. Закон на стороне фактического владельца, так?

И может быть, прозвучал в голове тихий, вкрадчивый голос, *может быть, она знает, где сейчас Кемп. Может быть, она захочет поехать к нему. Дать ему еще один шанс. Чтобы вместе искать их счастливое прошлое. Какие* чудесные *безумные мысли посещают тебя в понедельник с утра пораньше*, угрюмо подумал Вик.

Еще бы понять, как избавиться от этих мыслей.

Он все же успел допить свой коктейль до того, как самолет приземлился в бостонском аэропорту Логан. Теперь ему предстояло все утро мучиться изжогой — неотвязной, как мысли о Донне и Стиве Кемпе, даже если сожрать целую упаковку пастилок «Тамс», — но глухая тоска чуть развеялась. Так что, может быть, оно того стоило.

Может быть.

* * *

Джо Камбер изумленно уставился на сюрприз, поджидавший его на полу в гараже прямо под тисками. Сдвинул зеленую шляпу на лоб, еще пару секунд посмотрел на «подарочек», потом сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул.

— *Куджо! Ты где? Ко мне, Куджо!*

Он свистнул еще раз и чуть наклонился вперед, уперев руки в колени. Пес придет, можно не сомневаться. Куджо никогда не отходит далеко от дома. И что, скажите на милость, с ним делать?

Пес нагадил на пол в гараже. Куджо ни разу себе этого не позволял, даже когда был щенком. Ну да, напрудил пару луж в доме, как это свойственно всем мелким щенкам, погрыз обивку на креслах, но ни разу не гадил на пол в помещении. Ни разу. Джо даже подумал, что здесь постарался какой-нибудь другой пес, но тут же прогнал эту мысль. Куджо — самый большой пес в Касл-Роке, по крайней мере, других Джо не знал. Большие собаки много едят и срут соответственно. Никакая дворняга, никакой бигль или пудель не навалит такую кучу. Может быть, Куджо почувствовал, что Черити с Бреттом уезжают надолго, и насрал в гараже в знак протеста? Джо знал, что такое

бывает.

Он взял щенка в качестве платы за работу в 1975 году. Заказчиком был одноглазый Рэй Кроуэлл из Фрейберга. Этот Кроуэлл всю жизнь проработал на лесоповале, хоть запросто мог бы открыть «собачью ферму», как их иногда называют в Новой Англии, и обеспечить себе очень даже безбедное существование. Он хорошо ладил с собаками — умел их разводить и знал, как их правильно воспитывать. Но у него был тяжелый характер, и его вечно угрюмая рожа никак не способствовала привлечению клиентов.

— Нужно поставить на грузовик новый мотор, — сказал Кроуэлл той весной.

— Угу, — отозвался Джо.

— Мотор у меня есть, но я не смогу заплатить за работу. Я сейчас на мели.

Они стояли у входа в гараж Джо, жевали травинки. Бретт, тогда пятилетний, слонялся по двору, Черити развешивала постиранное белье.

— Да, невесело, Рэй, — сказал Джо. — Но я не работаю задарма. У меня тут не благотворительный фонд.

— Миссис Бисли только что ощенилась, — сказал Рэй. Миссис Бисли была чистопородной сукой сенбернара. — Малышня самых чистых кровей.

Предлагаю обмен: ты мне поставишь мотор, а я дам тебе выбрать щенка. Что скажешь? Я, конечно, останусь в убытке, но у меня сейчас самая рубка, без грузовика — никуда.

— Не нужна мне собака, — сказал Джо. — Тем более такая здоровая. Эти чертовы сенбернары жрут как не в себя.

— *Тебе,* может, и не нужна, — сказал Рэй, указав взглядом на Бретта, который теперь сидел на траве и наблюдал за матерью. — А твой мелкий наверняка будет рад.

Джо открыл рот и тут же закрыл. Они с Черити не предохранялись, но кроме Бретта других детей у них не было, да и сам Бретт появился далеко не сразу. Иногда, глядя на сына, Джо задавался вопросом, не одиноко ли парню совсем одному? Наверняка одиноко. И наверное, Рэй Кроуэлл был прав. День рождения Бретта уже совсем скоро. Щенок будет подарком.

— Я подумаю, — сказал он.

— Только думай быстрее, — нахмурился Рэй. — Я ведь могу обратиться и к Вину Каллахану из Норт-Конуэя. Он такой же рукастый, как ты, Камбер. Может быть, даже рукастее.

— Может быть, — невозмутимо проговорил Джо. Крутой нрав Кроуэлла его не пугал.

В конце той же недели директор местного продуктового супермаркета приехал к Джо на своем «тандерберде», чтобы наладить трансмиссию. Плевое дело, работы на пару минут, но директор, которого звали Донован, носился вокруг своей тачки, как встревоженная наседка, пока Джо сливал трансмиссионную жидкость, заново наполнял резервуар и закреплял хомуты. Машина была мировая, 1960-го года выпуска, в отличной сохранности. Пока Джо слушал вполуха, как Донован сокрушался, что его жена хочет, чтобы он продал машину, у него появилась идея.

— Я собираюсь взять сыну щенка, — сообщил он Доновану, закончив работу.

— Да? — вежливо отозвался Донован.

— Ага. Сенбернара. Он пока еще маленький, но скоро вырастет и будет жрать как не в себя. Вот я и подумал, не заключить ли нам сделку? Вы мне сделаете постоянную скидку на сухие собачьи корма, а я взамен буду бесплатно чинить вашу «птичку», если вдруг что случится.

Донован с радостью согласился, и они ударили по рукам. Джо позвонил Рэю Кроуэллу и сказал, что готов взять щенка, если предложение еще в силе. Оно было в силе, и когда наступил день рождения Бретта, Джо вручил сыну вертлявого

лохматого щенка. К несказанному изумлению и Бретта, и Черити.

— Спасибо, папа, спасибо, спасибо! — Бретт обнял отца и принялся целовать в обе щеки.

— В общем, вот, — сказал Джо. — Только ухаживай за ним сам. Это твой пес, Бретт, а не мой. Если начнет гадить в доме, я его пристрелю, так и знай.

— Да, папа, я буду ухаживать… Честное слово!

Бретт сдержал обещание, и в те редкие разы, когда он забывал убирать за щенком, за ним без слов убирала Черити, а то и сам Джо. Неожиданно для себя Джо привязался к Куджо, и когда пес подрос (вымахал в лошадь чертовски быстро и стал жрать за троих, как и предвидел Джо), то сделался как бы членом семьи, словно был с ними всегда. Куджо и вправду был славным псом.

Он быстро и безошибочно научился не пачкать в доме… а теперь вдруг такое. Джо обернулся к двери и нахмурился. Куджи так и не появился.

Он вышел из гаража и свистнул еще раз. Чертов пес наверняка побежал охладиться в ручье. Джо его понимал. Судя по ощущениям, уже было не меньше восьмидесяти пяти градусов в тени. Но Куджо скоро вернется, и когда он вернется, Джо ткнет пса носом в его безобразие. Ему самому

будет жаль применять такой метод, если Куджо наложил эту кучу от тоски по уехавшим людям, но пес должен знать свое место, и нельзя оставлять безнаказанным…

В голову пришла новая мысль. Джо хлопнул себя ладонью по лбу. Кто будет кормить Куджо, когда они с Гэри уедут?

В принципе можно насыпать сухого корма в старую свиную кормушку, что стоит за сараем — корма у них завались, целая тонна запасов в подвале, — но если пойдет дождь, все размокнет. А если поставить корыто в доме или в сарае, Куджо может снова нагадить на пол. К тому же Куджо не знает меры в еде. Он сожрет половину в первый день, во второй — все, что осталось, а потом будет ходить голодный до возвращения Джо.

— Черт, — пробормотал он.

Пес все не шел. Видимо, сообразил, что Джо нашел его кучу, и теперь ему стыдно. Куджо — очень неглупый пес и запросто понимает (или, может быть, чувствует) подобные вещи.

Джо взял лопату и убрал кучу. Полил это место промышленным чистящим средством, которое всегда держал в мастерской, протер тряпкой и смыл водой из ведра. В сарае был кран, так что ходить за водой далеко не пришлось.

Закончив с уборкой, Джо открыл блокнот, куда записывал все заказы на ближайшее время, чтобы выстроить график работы. С трактором Ричи он уже разобрался — мини-кран извлек старый мотор легко и непринужденно. Работу с трансмиссией он отложил без проблем; как Джо и предвидел, мямля-учитель не стал возмущаться. У него было еще шесть заказов, но все по мелочи.

Джо пошел в дом (он не стал проводить телефон в мастерскую; неподъемно ставить второй аппарат с дополнительной линией, говорил он жене), обзвонил всех заказчиков по списку и сообщил каждому, что ему надо уехать на несколько дней по делам. Вернется он быстро, сделает все в лучшем виде. А если кому-то неймется скорее поменять вентиляторные ремни или шланг радиатора, пусть обращаются к другим мастерам, ему глубоко плевать.

Покончив с обзвоном клиентов, он вернулся в гараж. У него оставалась одна незаконченная работа: поменять масло и заменить поршневые кольца. Заказчик пообещал забрать машину сегодня около полудня. Джо взялся за дело, размышляя о том, как тихо сделалось в доме без Черити и Бретта… и без Куджо. Обычно большой

сенбернар лежал в пятне тени на входе в гараж и наблюдал, как работает Джо. Иногда Джо разговаривал с Куджо, и у пса всегда был такой вид, словно он очень внимательно слушает.

Все меня бросили, почти с досадой подумал Джо. Все трое. Он посмотрел на то место, куда Куджо навалил кучу, и раздраженно тряхнул головой. Снова задумался, как быть с кормежкой, и опять ничего не придумал. Ладно, чуть позже он позвонит Гэри. Может, тот знает кого-то — какого-нибудь пацана, — кто согласится кормить Куджо два-три дня.

Он кивнул своим мыслям и включил радио, выкрутив звук на полную громкость. Обычно он слушал по радио только новости и результаты бейсбольных матчей, но пусть бубнит для компании. Особенно когда остаешься в одиночестве. Он опять погрузился в работу. И когда в доме зазвонил телефон, Джо не услышал звонков.

* * *

Тэд Трентон все утро играл в машинки у себя в комнате. Машинок у него было много, больше тридцати штук. Довольно обширная коллекция для четырехлетнего малыша: от пластмассовых легковушек по семьдесят пять центов, которые

иногда покупал ему папа в бриджтонской аптеке, куда заходил каждую среду за журналом «Тайм» (с такими машинками надо играть осторожно, потому что они «СДЕЛАНЫ В ТАЙВАНЕ» и имеют привычку разваливаться на части), до флагмана его игрушечного автопарка, желтого бульдозера «Тонка» высотой по колено Тэду.

В кабины машинок он сажал самых разных «водителей». Это были и круглоголовые человечки из наборов «Плейскул». И пластмассовые солдатики. И фигурки, изображавшие персонажей «Звездных войн»: Люк, Хан Соло, Темный Лорд (он же Дарт Вейдер), воин с Беспина и Гридо, абсолютный любимец Тэда. Гридо всегда доставался бульдозер «Тонка».

Иногда Тэд играл в «Придурков из Хаззарда», иногда в «Би-Джея и Медведя», иногда в «Полицейских и контрабандистов» (папа с мамой однажды взяли его с собой в автокинотеатр в Норуэе, на сдвоенный сеанс «Белой молнии» и «Лихорадки на белой полосе», и ему *очень* понравилось), иногда в игру, которую выдумал сам. Она называлась «Большая авария на десять машин».

Но чаще всего — в том числе и сегодня — он играл в игру без названия. Эта игра заключалась в том, что он вытаскивал все машинки из двух

коробок, назначал каждой «водителя» и расставлял на одной стороне комнаты — как будто они припаркованы бок о бок на воображаемой стоянке, видимой только Тэду. Потом он медленно перекатывал все машинки, одну за одной, на другую сторону комнаты, где ставил их в ряд бампер к бамперу. Так и возил их кругами туда-сюда, иногда раз по десять-пятнадцать, целый час или больше, и ему совершенно не надоедало.

Вику с Донной не нравилась эта игра. Их тревожило это неспешное, почти ритуальное повторение одних и тех же действий. Они не раз спрашивали у Тэда, в чем смысл игры, но малышу не хватало словарного запаса, чтобы объяснить. «Придурки из Хаззарда», «Полицейские и контрабандисты» и «Большая авария на десять машин» были простыми, незамысловатыми играми с шумными столкновениями лоб в лоб. Игра без названия была тихой, упорядоченной и спокойной. *Если бы* Тэд знал такие слова, он, может быть, и сказал бы родителям, что это его медитация, его путь к созерцанию и размышлению.

Сегодня, играя в свою игру, он опять размышлял о своем.

Что-то его беспокоило, что-то было не так.

Его взгляд машинально — невольно — скольз-

нул к дверце шкафа, но там все было в порядке. Дверца плотно закрыта, и с тех пор, как папа придумал Слова против чудовищ, она больше не открывалась сама собой. Нет, «что-то не так» было где-то еще.

Тэд не знал, что его беспокоит, и, наверное, не хотел знать. Но, как и Бретт Камбер, он уже научился улавливать сбои в течении незримой реки, по которой плыл вместе с родителями. В последнее время у него появилось тревожное ощущение, что под тихой поверхностью этой реки могут скрываться опасные водовороты, песчаные отмели и неровности дна. А впереди могут быть и стремнины. Водопад. Все что угодно.

Что-то произошло между мамой и папой. Что-то неправильное, нехорошее.

Это было понятно по тому, как они смотрят друг на друга. Как они разговаривают друг с другом. По тому, что написано на их лицах и что скрывается за их лицами. У них в мыслях.

Закончив выстраивать ряд бампер к бамперу, Тэд поднялся и подошел к окну. Он так долго ползал по полу, катая машинки туда-сюда, что у него разболелись коленки. Внизу, на заднем дворе, мама развешивала на веревке белье. Около получаса назад она пыталась дозвониться до

человека, который сможет починить ее «пинто», но его не было дома. Мама долго держала трубку у уха, а потом рассердилась и швырнула ее на рычаг. А ведь мама почти никогда не сердилась из-за таких пустяков.

Он наблюдал, как мама вешает простыни, одну и вторую. Она посмотрела на них… и ее плечи как будто поникли. Она отошла к яблоне за двойным рядом бельевых веревок. Тэд не видел ее лица, но по ее позе — ноги расставлены в стороны, голова низко опущена, плечи дрожат — сразу понял, что мама плачет. Он еще пару секунд постоял у окна и вернулся к своим машинкам. В животе поселилась какая-то странная пустота. Он уже очень сильно скучал по папе, а теперь ему стало еще тоскливее.

Он принялся медленно перекатывать машинки обратно на «стоянку» у противоположной стены. Когда внизу хлопнула дверь, он секунду помедлил. Он думал, что мама его позовет, но она не позвала. Ему было слышно, как мама прошла через кухню, как скрипнуло любимое мамино кресло в гостиной. Но мама не стала включать телевизор. Тэд представил, как она сидит там одна… *просто сидит*… и быстро прогнал эту мысль.

Он закончил выстраивать новый парковочный

ряд. Гридо, его лучший водитель, сидел в кабине бульдозера, бессмысленно глядя на дверцу шкафа своими круглыми черными глазами. Глаза казались широко распахнутыми от страха, как будто он видел что-то ужасное, что-то *кошмарное*, что-то, готовое выйти из…

Тэд нервно взглянул на дверцу. Она была плотно закрыта.

Ему уже надоело играть в машинки. Он сложил их обратно в коробку, нарочно стараясь сильнее шуметь, чтобы мама услышала и поняла, что он сейчас спустится в гостиную — смотреть «Дымок из ствола» на Восьмом канале. Он уже пошел к двери, но остановился, завороженно глядя на Слова против чудовищ.

Чудовища, прочь из комнаты Тэда!
Вам здесь нечего делать.

Он знал их наизусть. Ему нравилось на них смотреть, повторять их по памяти, разглядывать папин почерк.

Никто не тронет Тэда всю ночь.
Никто не обидит Тэда всю ночь.
Вам здесь нечего делать.

Повинуясь внезапному неодолимому порыву, он вытащил кнопку и снял листок со стены

— бережно, почти благоговейно. Сложил его в несколько раз и спрятал в задний карман джинсов. Настроение сразу же поднялось, и он помчался в гостиную смотреть сериал о маршале Диллоне и Фестусе.

* * *

Последний заказчик забрал машину без десяти двенадцать. Он расплатился наличными. Джо убрал деньги в свой засаленный старый бумажник и напомнил себе, что, когда они с Гэри отправятся в путь, надо будет заехать в Норуэйский сберегательный банк и снять со счета еще пять сотен.

Тут он вспомнил о Куджо и нерешенной проблеме с кормежкой. Уселся в свой «форд» и доехал до дома Гэри Первье у подножия холма. Бросил машину на подъездной дорожке и поднялся на крыльцо. Хотел окликнуть приятеля, но приветственные слова застряли в горле. Джо спустился обратно и наклонился к ступенькам.

Там была кровь.

Джо потрогал ее кончиком пальца. Уже загустела, но еще не засохла. Он распрямился, немного встревоженный, но пока без паники. Гэри, наверное, снова ужрался и грохнулся на крыльце

с бокалом в руке. Потом Джо увидел пролом в нижней части ржавой сетчатой двери — и встревожился по-настоящему.

— Гэри?

Нет ответа. Джо не знал, что и думать. Может, у старины Гэри был давний враг, который его разыскал. Или, может, какой-то турист заехал спросить дорогу и Гэри выбрал не самый удачный день, чтобы послать человека на хрен.

Он поднялся на веранду. Здесь было еще больше крови.

— Гэри? — опять позвал он и вдруг пожалел, что не взял с собой ружье. Со стволом как-то спокойнее. Хотя если кто-то и вправду расквасил Гэри нос или выбил ему пару-тройку еще оставшихся зубов, этот «кто-то» уже уехал. Во дворе перед домом кроме старого «форда» Джо стоял только белый «крайслер» Гэри, хардтоп 1966 года выпуска. А пешком сюда точно никто не ходит, дом Гэри в конце городского шоссе номер 3, в семи милях от города и двух милях от Мейпл-Шугар-роуд, что ведет к шоссе номер 117.

Скорее всего, просто порезался, подумал Джо. Будем надеяться, что он задел только руку, не горло.

Он открыл дверь. Проржавевшие петли прон-

зительно скрипнули.

— Гэри?

По-прежнему нет ответа. В доме стоял густой приторно-сладкий запах, который очень не понравился Джо. Но сперва он подумал, что это жимолость. Лестница на второй этаж располагалась слева от входа. Прямо от двери начинался узкий коридор в кухню. Примерно на полпути между прихожей и кухней, по правую руку, была дверь в гостиную.

На полу в коридоре что-то лежало, но в темноте Джо не смог разглядеть, что это такое. Что-то вроде опрокинутого приставного столика… хотя Джо точно знал, что в коридоре у Гэри никогда не было никакой мебели. Когда шел дождь, он затаскивал сюда сложенные шезлонги, но дождя не было уже две недели. К тому же все шезлонги стояли на своих обычных местах во дворе. Рядом с «крайслером» Гэри. Рядом с жимолостью.

Кстати, пахло не жимолостью. Пахло кровью. Как пахнет, когда ее много. И на полу в коридоре лежит вовсе не опрокинутый столик.

С бешено колотящимся сердцем Джо подошел к неподвижной темной фигуре. Встал на колени, наклонился ближе, и из его горла вырвался сдавленный хрип. Воздух вдруг сделался слишком

горячим и плотным. Стало нечем дышать. Он отвернулся от Гэри, зажав рот рукой. Кто-то убил Гэри. Кто-то…

Он заставил себя повернуться. Гэри лежал в луже собственной крови. Его застывшие глаза слепо таращились в потолок. Его горло было разорвано. Нет, не просто разорвано, господи боже, его как будто *драли зубами*.

На этот раз он не смог сдержаться. На этот раз его вывернуло наизнанку, и он долго трясся, давясь хриплыми стонами. Как бы дико это ни прозвучало, но он первым делом подумал о Черити. Подумал чуть ли не с детской обидой. Черити получила *свою* поездку, а его поездка накрылась. Он уже никуда не поедет, потому что какой-то чокнутый псих, возомнивший себя новым Джеком-потрошителем, прикончил беднягу Гэри, и…

…надо вызвать полицию. И не думать сейчас обо всем остальном. О том, как невидящие глаза Гэри глядят в потолок. Как медный запах его крови смешивается с муторно-сладким ароматом жимолости.

Джо поднялся на нетвердых ногах и пошел в кухню. Он продолжал тихо стонать, но сам этого не замечал. Телефон висел на стене в кухне. Надо звонить в полицию штата, шерифу Баннерману,

кому-нибудь…

Он застыл на пороге, вытаращив глаза так, что они чуть не вывалились из орбит. На полу рядом с дверью лежала куча собачьего дерьма… и размер этой кучи не оставлял ни малейших сомнений в том, кто ее навалил.

— Куджо, — прошептал Джо. — О боже, Куджо взбесился!

Ему показалось, что сзади раздался какой-то звук. Он резко развернулся, чувствуя, как шевелятся волосы на затылке. В коридоре не было никого, кроме Гэри. Гэри, который недавно сказал, что Куджо не набросится даже на черномазого психа с ножом. Гэри с горлом, разорванным до позвоночника.

Незачем рисковать. Он рванул в прихожую, поскользнулся на крови Гэри, все-таки устоял на ногах и побежал дальше, оставляя на полу смазанный красный след. Он опять застонал, но ему стало чуточку легче, когда он захлопнул тяжелую входную дверь.

Он вернулся обратно, постаравшись обойти тело Гэри так, чтобы снова не наступить в кровь, и заглянул в кухню, готовый сразу же закрыть дверь, если там будет Куджо. И опять пожалел, что у него нет ружья.

В кухне было пусто. Ничто не двигалось, лишь занавески слегка колыхались под ветерком, задувавшим в открытые окна. От пустых бутылок из-под водки несло застарелым спиртом. Запах противный, но все-таки лучше, чем… тот, другой. Солнечный свет лежал четкими пятнами на выцветшем вспученном линолеуме. Телефонный аппарат, когда-то белый, а теперь захватанный жирными пальцами и треснувший в паре мест после падения со стены, когда Гэри однажды по пьяни его уронил, висел на своем обычном месте.

Джо вошел в кухню и плотно закрыл за собой дверь. Подошел к окну, выглянул на задний двор и не увидел в высокой траве ничего, кроме насквозь проржавевших остовов двух машин, предшественниц нынешнего «крайслера» Гэри. Но Джо все равно закрыл оба окна.

Он подошел к телефону, обливаясь потом в душной, жаркой кухне. Телефонная книга висела рядом с аппаратом на куске соломенного жгута. Жгут проходил через дырку, пробивавшую книгу насквозь. В прошлом году Гэри сам проделал ее позаимствованным у Джо пробойником. Он был пьян в доску и кричал, что ему насрать.

Джо схватил книгу, но не удержал. Она глухо

ударилась о стену. Его руки налились тяжестью. Во рту стоял кислый привкус блевоты. Он снова взял книгу и открыл так резко, что чуть не оторвал обложку. Можно было бы сразу набрать 0 или 555–1212, но Джо был в таком шоке, что совершенно об этом забыл.

Из-за свиста собственного учащенного дыхания, стука сердца в ушах и шелеста книжных страниц он не услышал слабого шума у себя за спиной: тихого скрипа подвальной двери, когда Куджо толкнул ее носом.

Он спустился в подвал после того, как загрыз Гэри Первье. Свет в кухне был слишком ярким, слепящим глаза. Свет вонзался раскаленными иглами боли прямо в его разрушающийся мозг. Дверь в подвал была приоткрыта, и Куджо спустился в благодатно прохладную темноту. Там он уснул рядом со старым армейским сундучком Гэри, а подвальная дверь закрылась от сквозняка. Закрылась, но не захлопнулась.

Стоны Джо, его рвотные хрипы, беготня по коридору туда-сюда, стук закрывающихся дверей разбудили Куджо. Стоило только проснуться, и боль вернулась. Боль и тупая, беспрерывная ярость. Теперь он стоял в темном дверном проеме за спиной Джо. Низко наклонив голову. С

налитыми кровью глазами. Его густая рыжевато-коричневая шерсть свалялась от спекшейся крови и засохшей грязи. Из оскаленной пасти капала пена. Пасть уже не закрывалась, потому что язык начал распухать.

Джо наконец-то нашел Касл-Рок в телефонной книге и открыл страницу с колонкой «МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ КАСЛ-РОКА», где был рабочий номер шерифа. Уже протянул палец к наборному диску, и тут Куджо зарычал.

Внутри у Джо Камбера все оборвалось. Книга выскользнула из руки и снова глухо ударилась о стену. Джо медленно обернулся и увидел Куджо, стоящего у двери в подвал.

— Хороший пес, — хрипло прошептал Джо, пустив слюну по подбородку.

Он беспомощно обмочился в штаны, и резкий аммиачный запах ударил в нос Куджо, как пощечина. Пес прыгнул. Джо отшатнулся в сторону на ватных ногах, и Куджо врезался в стену, причем с такой силой, что пробил обои, и на пол посыпалась штукатурка. Теперь он уже не рычал и не лаял; он издавал странные хриплые звуки, которые были страшнее любого лая, любого рыка.

Джо начал пятиться к задней двери. Наткнулся на табуретку и чуть не упал. Взмахнул руками,

чтобы удержать равновесие — и наверняка удержал бы, если бы Куджо не сбил его с ног. Куджо, залитая кровью машина убийства с пеной, летящей из оскаленной пасти. От пса пахло болотной гнилью.

– *Отвали от меня!* — закричал Джо Камбер.

Он вспомнил Гэри. Одной рукой прикрыл горло, а другой попытался оттолкнуть Куджо. Пес на миг отступил, оскалив зубы, похожие на пожелтевшие колья забора. И тут же набросился снова.

В этот раз он нацелился прямо в пах Джо Камбера.

* * *

— Эй, малыш, хочешь съездить со мной в магазин? И пообедать в «Марио»?

Тэд вскочил на ноги.

— Да! Хочу!

— Значит, едем.

Она надела джинсы и голубую рубашку и уже повесила сумку на плечо. Тэд подумал, что у него очень красивая мама. Он обрадовался, не заметив никаких следов слез у нее на лице, потому что, когда она плакала, *он тоже* плакал. Он знал, что так делают только малыши, но не мог удержаться.

Мама уже уселась за руль, и Тэд тоже пошел са-

диться на свое место, но остановился, вспомнив, что «пинто» сломался.

— Мам?

— Что? Давай, забирайся в машину.

Он испуганно отступил.

— А вдруг она крякнется?

— Кряк?..

Она удивленно уставилась на него и сердито нахмурилась. Он понял, что она совершенно забыла о том, что машина сломалась. Он ей напомнил, и она снова расстроилась. На кого она сердится, на него или на «пинто»? Тэд не знал, хотя смутное чувство вины подсказало, что все-таки на него. Но потом ее хмурые морщинки разгладились, и она улыбнулась ему одним уголком рта. Он знал эту улыбку и всегда был уверен, что она предназначается лишь для него одного. У него сразу отлегло от сердца.

— Мы едем в центр, Тэдди. Это совсем недалеко. Если мамин старенький «пинто» заглохнет, мы потратим два лишних доллара и вернемся домой на такси, единственном на весь Касл-Рок. Да?

— Ага.

Он забрался в машину и захлопнул дверцу. Мама пристально наблюдала за ним, готовая сразу броситься на помощь, и Тэд догадался, что она

вспоминает прошлое Рождество, когда он прищемил ногу дверцей машины и почти целый месяц ходил с эластичным бинтом. Но он тогда был совсем маленьким, а теперь ему четыре. Он уже большой мальчик. Так ему сказал папа, и значит, так оно и есть. Он улыбнулся маме, чтобы она поняла, что с дверцей он справился без проблем, и она улыбнулась в ответ.

— Хорошо закрыл?

— Да, — сказал Тэд, но она все равно приоткрыла дверцу и захлопнула снова, потому что мамы никогда не верят твоим словам, если только ты не признаешься в чем-то плохом, например, что рассыпал пачку сахара, когда тянулся за банкой с арахисовым маслом, или разбил окно, пытаясь забросить камень на крышу гаража.

— Пристегнись, — сказала она и пристегнулась сама. — Если этот игольчатый клапан… или что там такое… снова забарахлит, машина начнет сильно дергаться.

Боязливо взглянув на маму, Тэд застегнул ремень. Он очень надеялся, что они не попадут в большую аварию на десять машин, как в придуманной им игре. Но больше всего он надеялся, что мама больше не будет плакать.

— Выпустить закрылки! — сказала она, поправ-

ляя невидимые пилотские очки.

— Есть выпустить закрылки! — ответил он, улыбаясь. Это была их обычная игра.

— Очистить взлетную полосу!

— Есть очистить полосу!

— Идем на взлет! — Она повернула ключ в замке зажигания и выехала со двора задним ходом.

Примерно через милю пути они оба расслабились. До этого Донна сидела за рулем напряженная, выпрямив спину в струнку, и Тэд сидел точно так же в своем детском кресле на пассажирском сиденье. Но «пинто» шел так гладко, будто его только вчера сняли с конвейера.

В супермаркете Донна набрала продуктов на сорок долларов, чтобы им с Тэдом хватило на десять дней до возвращения Вика. Тэд упросил ее взять новую пачку «Звездочек» и схватил бы еще «Шоколадных мишек», но Донна не разрешила. Хлопья от «Шарпа» они получали бесплатно на регулярной основе, но сейчас их запасы как раз подходили к концу. Пока Донна бродила по магазину, у нее не было времени на посторонние мысли, но, стоя в очереди у кассы (Тэд сидел на детском сиденье в тележке и беспечно болтал ногами), она погрузилась в горестные размышления о нынешней дороговизне продуктов. Сорок

долларов за три несчастных пакета. Это не просто тревожило; это пугало. К тому же была вероятность — *была велика вероятность*, подсказал внутренний голос, — что Вик с Роджером потеряют заказы от Шарпа, и агентство придется закрыть. И на что тогда жить?

Она наблюдала, как стоящая перед ней толстая тетка с необъятной задницей, втиснутой в темно-зеленые летние брюки, вынимает из сумки книжку со скидочными купонами. Она видела, как кассирша закатила глаза, обернувшись к своей коллеге за соседней кассой. Паника грызла Донну изнутри, как голодная крыса. Но ведь до этого не дойдет, правда? *Правда?* Конечно, нет. Нет, нет, нет. Они вернутся в Нью-Йорк, они…

Ей не нравился ход ее мыслей, и она решительно отогнала их прочь, пока они не обрушились на нее новой лавиной депрессии. В следующий раз можно не покупать кофе, а это минус три доллара в чеке.

Она сложила пакеты с продуктами в багажник, усадила Тэда в машину и прислушалась к хлопку дверцы, чтобы убедиться, что та плотно закрылась. Ей хотелось самой закрыть дверцу, но она понимала, что сын должен справиться самостоятельно. Как большой мальчик. В про-

шлом декабре с ней едва не случился сердечный приступ, когда Тэд прищемил ногу дверцей. *Как он кричал!* Она сама чуть не упала в обморок… а потом во двор выскочил Вик, в одном халате и босиком — прямо на мокрый снег. Она с радостью уступила инициативу ему, знающему, как справляться с бедой, чего она никогда не умела; обычно в критических ситуациях она превращалась в кисель. Вик осмотрел ногу Тэда, убедился, что нет перелома, затем быстро переоделся и отвез их обоих в травмпункт при Бриджтонской больнице.

Разобравшись с покупками и Тэдом, она уселась за руль и завела двигатель. Вот *сейчас* он заглохнет, подумала она, но «пинто» послушно довез их до «Марио», где подавали вкуснейшую пиццу. Сплошные калории, но устоять все равно невозможно. Она очень даже неплохо управилась с параллельной парковкой, поставив машину весьма близко к тротуару. Когда они с Тэдом вошли в ресторан, у нее даже слегка поднялось настроение. Может быть, Вик ошибся; может, все дело в плохом бензине или забившемся бензопроводе, а теперь все наладилось само собой. Ей совсем не хотелось ехать к Джо Камберу. Во-первых, это какая-то жуткая глушь (Вик называл эту

окраину Касл-Рока Восточной Задницей Мира — но он мог себе это позволить, ведь он *мужчина*), а во-вторых, в прошлый раз Камбер ее напугал. Классический янки из сельской глубинки, вечно угрюмый, кажется, не говорит, а рычит. И этот пес… как его звали? Такая странная кличка… Да, точно. Куджо. Псевдоним Уильяма Вулфа из Симбионистской армии освобождения, хотя Донне не верилось, что Джо Камбер назвал своего сенбернара в честь террориста-радикала, грабителя банков и похитителя юных богатых наследниц. Вряд ли Камбер вообще слышал о САО. Пес казался вполне дружелюбным, но ей все равно было тревожно, когда Тэд гладил это чудовище, — как всегда было тревожно, когда он сам закрывал дверцу машины. Такой большой пес, как Куджо, мог проглотить Тэда если не целиком, то в два приема уж точно.

Она взяла Тэду горячий сэндвич с пастромой, потому что он не любил пиццу — в этом смысле он точно пошел *не в меня*, подумалось ей, — а себе пиццу с луком, пеперони и двойной порцией сыра. Им удалось сесть за столиком у окна. Теперь от меня будет так нести луком, что свалит и лошадь, подумала Донна. И лишь потом сообразила, что это не важно. На кого ей дышать? Она

умудрилась испортить отношения и с мужем, и с приходящим любовником.

В голову снова полезли унылые мысли, и она снова прогнала их прочь… но ей уже надоело махать умозрительными руками.

Они почти добрались до дома, под Брюса Спрингстина по радио, и тут «пинто» все-таки забарахлил.

Все началось со слабого рывка. Затем последовал рывок посильнее.

Донна принялась мягко нажимать и отпускать педаль газа; иногда это помогало.

— Мам? — встревожился Тэд.

— Все хорошо, Тэд, — сказала она, хотя хорошего было мало. «Пинто» дергался так, что их обоих буквально швыряло на ремни безопасности. Мотор хрипел и ревел. Пакеты в багажнике опрокинулись, зазвенели бутылки и банки. Что-то разбилось.

– *Ах ты чертова срань!* — крикнула Донна в бессильной ярости. Впереди за холмом уже виднелся их дом, так насмешливо близко, но она сомневалась, что «пинто» дотуда дотянет.

Напуганный ее криком и судорожными рывками машины, Тэд расплакался в голос, чем лишь подогрел ее злость и растерянность.

– *Заткнись!* — рявкнула на него Донна. — *Бога ради, заткнись!*

Он расплакался еще пуще, его рука потянулась к заднему карману джинсов, где лежал сложенный листок со Словами против чудовищ. Когда он к ним прикоснулся, ему стало легче. Ненамного, но все-таки легче.

Донна решила свернуть на обочину и остановиться. А что еще делать? Она повернула руль вправо, используя остатки инерции, чтобы добраться до обочины. У Тэда есть большая тележка, на ней можно дотащить покупки до дома, а потом уже думать, как быть с машиной. Может быть…

Когда колеса «пинто» заскрипели по гравию, мотор дважды чихнул и загудел ровно, рывки прекратились, как уже бывало раньше. Считаные секунды спустя Донна подъехала к дому, остановилась в конце подъездной дорожки, подняла ручной тормоз, выключила зажигание, склонилась на руль и расплакалась.

— Мам? — тихонько позвал ее Тэд. *Только не плачь*, хотел он добавить, но голос куда-то пропал, как бывает, когда болит горло, и он сумел лишь беззвучно вылепить слова губами. Он беспомощно смотрел на маму. Ему хотелось ее утешить, но он не знал как. Обычно ее утешал папа, и на

секунду Тэд возненавидел отца, который уехал по своим делам и бросил их с мамой одних. Он сам испугался этой пронзительной ненависти, и почему-то ему вдруг представилось, как открывается дверь его шкафа и изнутри льется густая тьма, пахнущая чем-то противным и горьким.

Наконец она подняла опухшее от слез лицо. Нашла в сумке платок и вытерла глаза.

— Прости, малыш. Я кричала не на тебя, а на эту… на эту *тварь*. — Она со всей силы ударила рукой по рулю, ойкнула, приложила ладонь ко рту и рассмеялась. Но это был невеселый смех.

— Она все-таки крякнулась, — угрюмо проговорил Тэд.

— Да, похоже на то. — Ей вдруг отчаянно захотелось, чтобы рядом был Вик. — Ладно, давай занесем в дом покупки. У нас есть провизия, Циско. Живем!

— Да, Панчо, — сказал он. — Я схожу за тележкой.

Он притащил свою большую красную тележку, и Донна загрузила в нее три пакета с продуктами, предварительно собрав все, что вывалилось в багажник. Разбилась бутылка с кетчупом. Представляете, да? Полбутылки кетчупа вылилось на голубое ковровое покрытие. Как будто кто-то сде-

лал себе харакири. Теперь замучаешься убирать, и пятно точно останется. Вряд ли отмоется даже специальным шампунем для ковров.

Они докатили тележку до задней двери, ведущей в кухню. Донна тащила ее за собой, Тэд толкал сзади. Донна пыталась решить, что сделать сначала — разобрать пакеты с покупками или бежать мыть багажник, пока кетчуп совсем не засох, — когда зазвонил телефон. Тэд сорвался с места, как бегун-спринтер при звуке стартового пистолета. Он любил отвечать на звонки, и у него хорошо получалось.

— Алло! Кто говорит?

Он секунду послушал, заулыбался и протянул трубку Донне.

Ясно, подумала она. Кто-то желает болтать два часа ни о чем. Она спросила у Тэда:

— Ты знаешь, кто это?

— Да, — сказал он. — Это папа.

Ее сердце забилось быстрее. Она тут же схватила трубку.

— Алло. Вик?

— Привет, Донна.

Да, это был его голос, но такой сдержанный… такой *осторожный*. У нее сжалось сердце. Как будто ей мало всех прочих «радостей».

— У тебя все в порядке? — спросила она.

— Да, конечно.

— Просто я думала, ты позвонишь позже. Если вообще позвонишь.

— Ну, мы сразу рванули на студию. Где снимают рекламу с профессором Шарпом. И что ты думаешь? Они не могут найти мастер-копии. Роджер рвет на себе волосы.

— Да, — сказала она, кивая. — Он не любит, когда все идет не по плану.

— Это еще мягко сказано. — Вик тяжко вздохнул. — Вот я и подумал, пока они ищут…

Он замолчал, не договорив, и уныние Донны — неприятное, по-детски пассивное чувство, когда все внутри обрывается и ты словно падаешь в яму, — сменилось довольно активным страхом. Вик *никогда* не умолкал на полуслове, даже если что-то его отвлекало на том конце линии. Она вспомнила, каким измученным и напряженным было его лицо во время того разговора вечером в четверг.

— Вик, у тебя *точно* все хорошо? — Ее голос звенел от тревоги. Она сама это слышала и знала, что он тоже слышит; даже Тэд оторвался от книжки-раскраски, которую уже разложил на полу в коридоре, и испуганно сморщил лоб.

— Да, — сказал Вик. — Я говорю, что пока они заняты поисками, я решил позвонить. Вечером может и не получиться. Как там Тэд?

— Тэд в порядке.

Она улыбнулась и подмигнула Тэду. Тэд улыбнулся в ответ, тут же перестал хмуриться и вернулся к своей раскраске. *У него очень усталый голос, не надо вываливать на него еще и проблемы с машиной*, подумала она и тут же принялась рассказывать, как все плохо.

Она сама слышала, как в ее голосе начинают звучать знакомые нотки жалобного нытья, и постаралась пресечь этот скулеж. Бог ты мой, вот зачем она это рассказывает? У него такой голос, словно он еле держится, чтобы не сломаться, а она грузит его своим сломанным карбюратором и разбитой бутылкой кетчупа.

— Да, похоже, и вправду игольчатый клапан, — сказал Вик. Его голос стал чуть бодрее. Уже не таким беспросветно унылым. Может быть, потому что проблема с машиной была такой пустяковой на фоне прочих масштабных проблем, которые им теперь надо будет решать. — Ты звонила Джо Камберу? Может, он прямо сегодня все сделает.

— Я звонила, но его не было дома.

— Он наверняка дома, — сказал Вик. — У него в

гараже нет телефона. Обычно трубку берет жена или сын. Наверное, они куда-то ушли.

— Ну, он и сам может куда-то уйти…

— Да, — сказал Вик. — Но вряд ли. Если есть люди, способные пускать корни, то Джо Камбер как раз из таких.

— То есть ты предлагаешь поехать к нему без звонка? — с сомнением спросила Донна. Она подумала о пустынном отрезке пути на шоссе номер 117 и Мейпл-Шугар-роуд… и это еще *до того*, как надо будет свернуть на дорогу, ведущую к дому Камбера, причем дорогу настолько глухую, что у нее даже нет никакого названия. И если этот несчастный игольчатый клапан окончательно полетит по пути — что называется, посреди чистого поля, — что тогда делать?

— Нет, лучше не надо, — сказал Вик. — Он всегда дома… пока он тебе совершенно не нужен. А как только становится нужен, его сразу нет. Закон подлости в действии. — Его голос опять стал унылым.

— И что мне делать?

— Позвони в автосалон «Форд». Пусть приедут и заберут машину в ремонт.

— Но…

— По-другому никак. До Саут-Пэриса двадцать

две мили. Если поедешь сама, можешь и не дотянуть. А если позвонишь и заранее объяснишь ситуацию, у них, может, найдется замена. Или они сдадут тебе машину в прокат.

— В прокат… Вик, но это же дорого?

— Да, — сказал он.

Она снова подумала, что не надо грузить его этой проблемой. Он наверняка думает, будто она вообще ни на что не способна… кроме как трахаться с заезжим реставратором мебели. Зато уж в этом она мастерица. Ее глаза вновь защипало от слез — горячих, соленых слез злости и жалости к себе.

— Я все сделаю, — сказала она, отчаянно пытаясь взять себя в руки и говорить нормальным, спокойным голосом. Она уперлась локтем в стену и прикрыла глаза ладонью. — Не волнуйся.

— Хорошо… ох, черт, вот и Роджер. Он по уши в пыли, но кассеты нашлись. Дашь мне Тэда на пару секунд?

У нее в голове завертелся лихорадочный вихрь вопросов. Точно ли все хорошо? Можно ли надеяться, что у них все будет хорошо? Получится ли начать все сначала? Но поздно. Нет времени. Она потратила время на пустой разговор о машине. Глупая дура, тупая корова.

— Да, конечно, — сказала она. — Он попрощается за нас обоих. И… Вик?

— Что? — Теперь его голос звучал раздраженно. Он торопился.

— Я тебя люблю, — сказала она и добавила прежде, чем он сумел вставить хоть слово: — Тэд уже идет.

Она так резко передала трубку Тэду, что чуть не ударила его по голове, потом быстро прошла через дом, выскочила на переднее крыльцо и едва не упала, споткнувшись о пуфик. Слезы застилали глаза.

Она стояла на крыльце, нервно сжимая ладонями локти, смотрела на шоссе номер 117 и пыталась взять себя в руки. *Да, надо взять себя в руки.* Удивительно, какой сильной может быть душевная боль в отсутствие боли физической.

Она слышала у себя за спиной голос Тэда. Он рассказывал Вику, что сегодня они обедали в «Марио», и мама взяла себе толстую пиццу, и «пинто» ехал нормально и закапризничал только у самого дома. Потом он сказал Вику, что любит его. Потом трубка тихо легла на рычаг. Связь оборвалась.

Возьми себя в руки.

Наконец она более-менее успокоилась. Вернулась на кухню и принялась разбирать покупки.

* * *

Черити Камбер вышла из междугороднего автобуса в четверть четвертого. Бретт не отставал от нее ни на шаг. Она судорожно сжимала ремешок своей сумки. Ее вдруг охватил совершенно безумный, нелепый страх, что она не узнает Холли. Лицо сестры, все эти годы державшееся в голове, как фотография (младшая сестренка, удачно вышедшая замуж), внезапно и необъяснимо стерлось из памяти, и на месте, где раньше был снимок, осталось пустое слепое пятно.

— Ты ее видишь? — спросил Бретт. Он оглядел стратфордский автовокзал с интересом, но, конечно, без всякого страха.

— Дай мне пару секунд осмотреться! — несколько резче, чем нужно, проговорила Черити. — Может быть, она в кафе или…

— Черити?

Она обернулась и увидела Холли. Фотография ожила в памяти, но теперь стала полупрозрачной и наложилась на реальное лицо женщины, стоящей у игрового автомата «Космические захватчики». Первое, о чем подумала Черити: Холли носит *очки* — вот умора! Вторая мысль вызвала легкое потрясение: у Холли морщины

— пусть их немного, но они есть. Третья мысль была даже не мыслью, а вставшей перед глазами картинкой, трогательной и щемящей, как черно-белая фотография из детства. Холли, еще совсем кроха, прыгает в пруд в одних трусиках, ее два смешных хвостика торчат вверх, будто ушки, она зажимает нос пальцами левой руки — просто для смеху. *Тогда она не носила очки*, подумала Черити, и ее сердце болезненно сжалось.

Рядом с Холли, застенчиво поглядывая на них с Бреттом, стояли мальчик лет пяти и девочка, которой было, наверное, два с половиной года. Под ее оттопырившимися штанишками явно был надет подгузник. Коляска стояла в сторонке.

— Привет, Холли, — сказала Черити так тихо, что сама еле расслышала собственный голос.

Морщинки были почти незаметны. Когда Холли улыбнулась, они поднялись вверх. Их мама всегда говорила, что так поднимаются только хорошие, добрые морщинки. На Холли было синее платье, не вызывающе дорогое, но явно не из дешевых. Кулон у нее на груди был то ли очень хорошей, качественной бижутерией, то ли крошечным изумрудом.

На мгновение время как будто застыло. В этом застывшем мгновении сердце Черити напол-

нилось такой ослепительной радостью, что та окупила с лихвой все усилия, затраченные на поездку. Сейчас она *свободна*, ее сын свободен. С ней рядом сестра и племянники. Не на фотографиях. На самом деле.

Смеясь и плача, две женщины шагнули навстречу друг другу, сначала как будто стесняясь, а потом все смелее и смелее. Они обнялись. Бретт остался на месте. Девочка, может быть, испугавшись, бросилась к маме и крепко вцепилась в подол ее платья, наверное, чтобы не дать ей улететь в небо вместе с этой незнакомой тетей.

Мальчик подошел к Бретту. Он был в джинсах и футболке с надписью: «А ВОТ И ПРОБЛЕМЫ».

— Ты Бретт, мой двоюродный брат, — сказал он.

— Ага.

— Меня зовут Джим. Как папу.

— Ага.

— Ты из Мэна, — сказал Джим.

У него за спиной Черити с Холли говорили взахлеб, перебивая друг друга и смеясь над собственным нетерпением рассказать все-все-все прямо здесь, на унылом автовокзале к югу от Милфорда и к северу от Бриджпорта.

— Да, я из Мэна, — подтвердил Бретт.

— Тебе десять лет.

— Да.

— А мне пять.

— Правда?

— Ага. Но я все равно тебя вздую. *Ки-йа!* — Он со всей силы ударил Бретта в живот, так, что Бретт аж согнулся пополам.

Бретт удивленно вскрикнул. Обе женщины ахнули.

— *Джимми!* — обреченно воскликнула Холли.

Бретт медленно выпрямился и заметил, с каким напряжением на него смотрит мама.

— Ага, запросто вздуешь, — сказал он и улыбнулся.

Так было правильно. Он увидел по маминому лицу, что сделал все правильно, и обрадовался.

* * *

В половине четвертого Донна решила позвать к Тэду няню и все-таки отвезти «пинто» Камберу. Она пыталась ему дозвониться, и трубку снова никто не брал, но она рассудила, что даже если Камбера нет дома, он наверняка скоро вернется. Может быть, еще раньше, чем она доедет… *если* доедет. Вик говорил, что Камбер наверняка сможет ей одолжить какую-нибудь старую

развалюху, если окажется, что ремонт требует времени и «пинто» придется оставить до завтра. Собственно, это и стало решающим фактором. Но Тэда с собой брать не стоит. Если «пинто» заглохнет посреди чистого поля и ей придется ловить попутку, она как-нибудь справится. А Тэду лучше бы обойтись без таких приключений.

Однако у Тэда было свое мнение на этот счет.

Поговорив с папой по телефону, он поднялся к себе и улегся на кровать со стопкой «Маленьких золотых книжек». Минут через пятнадцать он задремал, и ему приснился сон, вроде бы совершенно обычный, но странно, почти пугающе яркий. В этом сне большой мальчик подкидывал перетянутый изолентой бейсбольный мяч и пытался попасть по нему битой. В первый раз он промахнулся. Во второй, в третий, в четвертый. На пятом ударе он все же попал по мячу… и бита, тоже заклеенная изолентой, переломилась пополам. Мальчик растерянно посмотрел на рукоятку, оставшуюся в руке (изолента свисала с нее черной змейкой), потом наклонился и поднял упавшую широкую половинку. Сердито тряхнул головой и зашвырнул обломки в высокую траву у подъездной дорожки. Затем обернулся, и Тэд разглядел, испытывая одновременно восторг и

ужас, что этот мальчик — он сам, только старше, лет десяти или одиннадцати. Да, точно он. Тэд был в этом уверен.

Потом мальчик исчез, и все затянул плотный серый туман. В нем слышались только два звука: скрип качелей… и едва различимое вдалеке кряканье уток. У Тэда возникло пугающее ощущение, что ему нечем дышать, что он сейчас задохнется в этой серой мгле. *Из тумана вышел человек… человек в черном блестящем дождевике, со знаком «СТОП» в одной руке. Он улыбался, его глаза блестели, как две серебряные монеты. Он поднял руку и указал пальцем на Тэда, и Тэд с ужасом понял, что это не человеческая рука, а просто голая кость, и лицо, скрытое под блестящим черным капюшоном, — совсем не лицо. Это череп. Это…*

Он резко дернулся и проснулся, весь в липком поту. Причем он вспотел вовсе не потому, что в комнате было душно и жарко, почти как в духовке. Он приподнялся, опершись на локти, и попытался восстановить сбившееся дыхание.

С-к-р-р-р.

Дверца шкафа приоткрылась сама собой. И там, в темноте, Тэд увидел кого-то страшного. Он тут же вскочил и пулей вылетел в коридор. Он смотрел только пару секунд, но успел разглядеть, что

это был не человек в блестящем черном дождевике. Не Фрэнк Додд, убивавший женщин. Это был кто-то другой. Кто-то с красными, как кровавый закат, глазами.

Но о таком не расскажешь маме. Поэтому он стал рассказывать о Дебби, которую родители приглашали с ним посидеть, когда им надо было уйти.

Он *не хотел* оставаться с Дебби. Дебби с ним не играет, вечно слушает музыку громко-громко и т. д., и т. п. Убедившись, что на маму не действуют эти доводы, он трагическим голосом сообщил, что Дебби может его застрелить. Донна не смогла удержаться от смеха при мысли, что пятнадцатилетняя близорукая Дебби Геринджер может кого-нибудь застрелить. Тэд горько расплакался и убежал в гостиную. Он и вправду боялся, что Дебби не справится с чудовищем, если оно все-таки выйдет из шкафа. Если мама не вернется до темноты, чудовище запросто может выйти. Может быть, человек в черном плаще. Может быть, зверь.

Донна пошла следом за ним, мысленно ругая себя за смех. Как можно быть такой черствой?! Малыш грустит и скучает по папе, который уехал на много дней. Он не хочет, чтобы мама тоже

куда-то уехала, пусть даже на пару часов. И…

Может быть, он почувствовал, что у нас с Виком что-то неладно? Может быть, даже что-то услышал?..

Нет, она так не думала. Так *нельзя было* думать. Он просто расстроился, что нарушен привычный домашний уклад.

Дверь в гостиную была закрыта. Донна взялась за дверную ручку, секунду помедлила и тихонечко постучала. Тэд не ответил. Она постучала еще раз и, не дождавшись ответа, все же открыла дверь и вошла в комнату. Тэд лежал лицом вниз на диване, спрятав голову под подушку. Так он вел себя только в тех случаях, когда был очень серьезно обижен.

— Тэд?

Нет ответа.

— Прости, что я засмеялась.

Он выглянул из-под подушки. Его лицо было мокрым от слез.

— Можно мне поехать с тобой? — спросил он. — Не оставляй меня с Дебби, мам.

Великий актер, подумала Донна. Великий актер и беззастенчивый манипулятор. Она знала, что это такое (или думала, будто знает), но все равно не смогла рассердиться на сына… может

быть, потому, что ей тоже хотелось заплакать. В последнее время вся жизнь превратилась в сплошной проливной дождь.

— Малыш, ты же помнишь, что было с «пинто» по дороге домой. Он может сломаться в любую минуту, на пустынной дороге, и нам придется идти пешком до ближайшего дома, где есть телефон. Может быть, очень долго идти…

— Ну и что? Я хорошо хожу пешком!

— Я знаю. Но вдруг ты испугаешься.

Тэд вспомнил чудовище, притаившееся в шкафу, и выкрикнул во весь голос:

— *Не испугаюсь!*

Его рука машинально потянулась к карману, где лежали Слова против чудовищ.

— Пожалуйста, не кричи. Это некрасиво.

Он послушно понизил голос:

— Я не испугаюсь. Я просто хочу поехать с тобой.

Она беспомощно смотрела на него, понимая, что ею бессовестно манипулирует четырехлетний малыш и ей следует проявить твердость и все-таки позвонить Дебби Геринджер. Если она уступит, это будет неправильно. Она растерянно размышляла: *Это словно цепная реакция; пока все не рухнет, ее уже не остановишь. Господи, забери*

меня на Таити.

Она уже открыла рот, чтобы твердо и недвусмысленно объявить, что она звонит Дебби, и если Тэд будет вести себя хорошо, она приготовит ему попкорн, а если он будет вести себя плохо, то сразу же после ужина отправится спать, и на этом *все*. Именно так она и собиралась сказать, но почему-то сказала совсем другое:

— Ладно, можешь поехать со мной. Но если «пинто» сломается по дороге и нам придется идти пешком до ближайшего дома, чтобы вызвать такси, не ной и не жалуйся, Тэд Трентон.

— Нет, я не буду…

— Дай мне договорить. Не ной, не жалуйся и не просись на ручки. Я тебя не понесу. Все понятно?

— Да! Да, конечно! — Тэд спрыгнул с дивана, позабыв все печали. — Едем прямо сейчас?

— Да, наверное. Или… Давай-ка сперва соберем что-нибудь перекусить нам в дорогу. И нальем в оба термоса молока.

— На случай, если придется ночевать *не дома*? — спросил Тэд, внезапно засомневавшись.

— Нет, малыш. — Она улыбнулась и приобняла его за плечи. — Просто я не могу дозвониться до мистера Камбера. Твой папа сказал, он, скорее всего, у себя в гараже, а поскольку там нет теле-

фона, он не слышит звонков. А его жена с сыном, наверное, куда-то ушли, и поэтому…

— Ему надо поставить телефон в гараже, — сказал Тэд. — *Глупо* жить без телефона.

— Только не говори это мистеру Камберу, — быстро сказала Донна, и Тэд покачал головой. — В общем, если там никого нет, мы их подождем. А пока будем ждать, перекусим в машине. Или, может быть, во дворе.

Тэд захлопал в ладоши.

— Ура! Ура! Можно взять для еды мою коробку со Снупи?

— Да, конечно, — сказала Донна, окончательно сдавшись.

Она взяла пачку инжирных батончиков и пару копченых колбасных палочек (совершенно кошмарных, с точки зрения Донны, но Тэд их обожал). Завернула в фольгу несколько зеленых оливок и кусочков свежего огурца. Налила молоко в маленький термос Тэда — по самое горлышко — и в большой термос Вика — до половины.

Почему-то при виде еды ей стало тревожно.

Она задумчиво посмотрела на телефон. Может, еще раз попробовать позвонить Джо Камберу? Хотя какой смысл звонить, раз уж она все равно туда едет? Лучше еще раз спросить у Тэда, точно

ли он хочет ехать. Да что с ней такое? Тэд *ясно сказал*, чего хочет.

Просто ей было как-то не по себе. Без всякой причины. Она обвела взглядом кухню, словно ждала, что источник ее беспокойства проявится сам. Не проявился.

— Мы едем, мам?

— Да, — рассеянно отозвалась она.

На стене у холодильника висела грифельная доска для записок. Донна написала на ней: «Уехали с Тэдом к Джо Камберу чинить машину. Скоро вернемся».

— Ты готов, Тэд?

— Ага. — Он улыбнулся. — А для кого эта записка?

— Джоани может зайти, принести нам малину, — все так же рассеянно проговорила она. — И Элисон Маккензи обещала прийти показать образцы всяких моющих средств.

— Ясно.

Донна взъерошила ему волосы, и они вместе вышли во двор. Жара обрушилась на них, словно молот, обернутый пуховыми подушками. Может быть, эта дурацкая машина и вовсе не заведется, подумала Донна.

Но она завелась.

На часах было 15:45.

* * *

Они ехали на юго-восток по шоссе номер 117, к повороту на Мейпл-Шугар-роуд в пяти милях от города. «Пинто» вел себя образцово, и если бы не сегодняшнее происшествие по дороге домой из центра, Донна и вовсе не поняла бы, с чего так всполошилась. Но поводы для беспокойства все-таки *были*, и она сидела за рулем, напряженно выпрямив спину, не разгонялась больше сорока миль в час и жалась к обочине, когда ее обгоняли другие машины. А машин было много. Массовый летний поток туристов уже начался. В «пинто» не было кондиционера, и они ехали с открытыми окнами.

«Континенталь» с нью-йоркскими номерами и гигантским жилым прицепом, к которому были прикручены два мопеда, пошел на обгон на слепом повороте. Водитель сердито просигналил. Его жена, толстуха в темных зеркальных очках, посмотрела на Донну и Тэда с надменным презрением.

— Да пошла ты! — крикнула Донна и показала ей средний палец. Толстуха быстро отвернулась. Тэд чуть испуганно взглянул на маму, и Донна

ему улыбнулась. — Не волнуйся, герой. У нас все в порядке. Это просто придурки из другого штата.

— Ага, — настороженно отозвался Тэд.

Меня послушать, так я уже прямо настоящая янки, подумала Донна. *Вик бы мною гордился.*

Ей самой стало смешно, потому что все в Мэне знают: если ты здесь чужак, то останешься чужаком до гробовой доски. А на твоей надгробной плите непременно напишут что-то вроде: «ГАРРИ ДЖОНС ИЗ КАСЛ-КОРНЕРС, ШТАТ МЭН *(родом из Омахи, штат Небраска)*».

Большинство туристов направлялись к съезду на шоссе номер 302, где кто-то свернет на восток к Нейплсу, а кто-то — на запад к Бриджтону, Фрейбергу и Норт-Конуэю уже в Нью-Хэмпшире с его альпийскими склонами, недорогими парками развлечений и беспошлинными ресторанами. Донне с Тэдом было не нужно съезжать на шоссе номер 302.

Их дом стоял относительно близко к центральному парку Касл-Рока, но уже через пять миль от их собственной входной двери начинались дремучие леса, тянувшиеся по обеим сторонам дороги. Иногда деревья чуть расступались, и в просветах виднелись обжитые участки с трейлером или домом, в основном того типа, который

отец Донны называл «ирландской хибарой». Солнце светило вовсю, до сумерек оставалось еще целых четыре часа, но пустынная дорога в лесной глуши вновь растревожила Донну. На шоссе было еще ничего, но как только они свернули с основной магистрали…

Указатель на Мейпл-Шугар-роуд выцвел так, что почти не читался. Деревянный щит был буквально изрешечен пулями. Видимо, тут развлекались подростки, палили от скуки из отцовских дробовиков. Сама дорога была двухполосной, асфальт — весь в выбоинах и буграх. Вдоль дороги стояли дома: два-три вполне симпатичных, два-три вовсе не симпатичных и один старый, обшарпанный трейлер на крошащемся бетонном фундаменте. Двор перед трейлером зарос бурьяном. В траве валялись дешевые пластмассовые игрушки. К дереву на въезде во двор была криво прибита дощечка с надписью: «КОТЯТА В ДОБРЫЕ РУКИ БЕСПЛАТНО». На подъездной дорожке стоял пузатый малыш примерно двух лет, его промокший подгузник провис почти до колен, обнажив крошечный пенис. Он стоял, открыв рот, одной рукой ковырялся в носу, а другой — в пупке. Глядя на него, Донна явственно ощутила, как ее пробирает озноб.

Прекрати! Прекрати, бога ради. Что у тебя с головой?

Лес снова сомкнулся. Им навстречу проехал единственный автомобиль, старый «форд-фэрлейн» конца шестидесятых годов, когда-то красный, а теперь весь в пятнах ржавчины. За рулем сидел голый по пояс длинноволосый мальчишка, небрежно развалившийся на сиденье. «Фэрлейн» мчался со скоростью около восьмидесяти миль в час. Донна поморщилась. Других машин на дороге не было.

Мейпл-Шугар-роуд неуклонно шла в гору, и когда лес ненадолго сменялся каким-нибудь полем или большим садом, им открывался восхитительный вид на пейзажи западного Мэна в стороне Бриджтона и Фрейберга. Озеро Лонг поблескивало вдалеке, как сапфир на груди баснословно богатой женщины.

Они поднимались по склону очередного пологого холма (теперь вдоль дороги тянулись запыленные клены, поникшие от жары), и тут «пинто» снова задергался и затрясся. У Донны перехватило дыхание, и она принялась мысленно подгонять закапризничавшую машину: *Давай вперед, сволочь. Давай же, давай!*

Тэд тревожно заерзал в своем детском кресле и

еще крепче стиснул в руках коробку со Снупи.

Донна принялась легко нажимать и отпускать педаль газа. В голове, как безмолвная молитва, крутились слова: *ну давай же, давай, давай.*

— Мам? Он опять…

— Тише, Тэд.

Машина задергалась резче. Донна в отчаянии надавила на педаль газа — «пинто» рванулся вперед и опять пошел гладко, без всяких рывков.

— Ура! — закричал Тэд так внезапно и громко, что Донна испуганно вздрогнула.

— Мы еще не доехали, Тэдди.

Еще через милю они подъехали к перекрестку, где стоял деревянный указатель со стрелкой и надписью: «ГОРОДСКОЕ ШОССЕ НОМЕР 3». Донна свернула, чувствуя себя победительницей. Она вроде бы помнила, что отсюда до дома Камбера оставалось чуть меньше полутора миль. Если «пинто» испустит дух прямо сейчас, они с Тэдом запросто дойдут пешком.

Они проехали мимо ветхого дома, рядом с которым стояли «форд»-универсал и какая-то большая ржавая белая машина. В зеркале заднего вида Донна увидела, что жимолость сбоку от дома разрослась так, что, наверное, затеняла все комнаты с той стороны. Сразу за домом откры-

лось поле, и дорога резко пошла вверх по склону крутого холма.

Где-то на середине подъема «пинто» снова задергался. Еще сильнее, чем прежде.

— Мам, а мы точно доедем?

— Да, — угрюмо ответила она.

Стрелка спидометра упала с сорока миль в час до тридцати. Донна переключилась на режим пониженной передачи в надежде, что это может улучшить компрессию или что-то вроде того. Но лучше не стало. Наоборот, только хуже. От канонады «выстрелов» в выхлопной трубе Тэд испуганно взвизгнул. Теперь «пинто» ехал со скоростью бегуна, но впереди уже показались дом Камбера и красный сарай, переоборудованный в мастерскую.

Донна опять надавила на педаль газа. Раньше это спасало. Вот и теперь мотор загудел ровно. Стрелка спидометра поднялась с пятнадцати до двадцати. Но уже через пару секунд «пинто» снова затрясся в конвульсиях. Донна еще сильнее надавила на газ, однако на этот раз мотор явно собрался замолкнуть раз и навсегда. На приборной панели замигал световой индикатор, сигнализируя, что машина вот-вот заглохнет.

Но это уже не так страшно, потому что они

дотянули до почтового ящика Камберов. Они все-таки добрались. На крышке ящика висел бандерольный пакет, и, проезжая мимо, Донна даже смогла разглядеть обратный адрес: «Дж. К. Уитни и компания».

Это была совершенно ненужная ей информация, не отложившаяся в голове. Сейчас все внимание Донны было сосредоточено только на том, чтобы въехать во двор. *И тогда пусть себе глохнет*, думала она. *Камбер быстренько приведет ее в чувство*.

Если бы подъездная дорожка шла в гору, как у дома Трентонов, «пинто» наверняка не одолел бы подъем. Но, чуть приподнявшись в начале, дорожка пошла под уклон — прямо к полуоткрытым дверям сарая. Донна переключилась на нейтраль, и дальше «пинто» катился уже по инерции. Когда Донна убрала ногу с педали газа, чтобы нажать тормоз, мотор опять закашлял… но уже совсем вяло. Огонек на приборной панели замигал в ритме слабого пульса, потом ярко вспыхнул. «Пинто» заглох.

Тэд посмотрел на Донну.

Она улыбнулась.

— Тэд, дружище. Мы добрались.

— Да. А есть ли кто-то дома?

Рядом с сараем стоял зеленый грузовой пикап Камбера. Да, именно Камбера, а не кого-то из посторонних, кто пригнал машину в ремонт. Донна помнила его по прошлому разу. Но в мастерской было темно, свет не горел. Повернув голову налево, она посмотрела на дом. Там тоже не было света. Потом она вспомнила о бандероли, висевшей на почтовом ящике. О бандероли от «Дж. К. Уитни и компании». Она знала, что это за фирма; ее брат, когда был подростком, выписывал их каталоги. Они продавали запчасти для автомобилей, автоаксессуары и оборудование для тюнинга. Неудивительно, что Джо Камбер получает бандероли от «Дж. К. Уитни». Но если бы Камбер был дома, он бы уже забрал почту.

Никого нет, уныло подумала Донна и вдруг разозлилась на Вика. *Он всегда дома. Конечно, он дома. Где ему еще быть? Он почти пустил корни у себя в гараже. Но когда он тебе очень нужен, его нет на месте.*

— Ладно, пойдем посмотрим, — вздохнула она и открыла дверь.

— Я не могу расстегнуть свой ремень, — сказал Тэд, безуспешно воюя с застежкой.

— Без паники, Тэд. Я сейчас выйду и помогу тебе.

Она выбралась из машины, захлопнула дверь и сделала два шага вперед, решив обойти «пинто» спереди, чтобы открыть пассажирскую дверцу и помочь Тэду выбраться. Если Камбер все-таки дома, он увидит, что у него гости, и выйдет к ним. Почему-то ей не хотелось ломиться к нему в гараж без предупреждения. Наверняка это глупо, но после той безобразной и пугающей сцены со Стивом Кемпом у нее в кухне она вспомнила, что значит быть беззащитной женщиной в мире, принадлежащем мужчинам. Как будто ей снова шестнадцать лет и родители только сейчас начали отпускать ее на свидания.

На нее тут же обрушилась тишина. Жаркая, почти абсолютная, даже немного пугающая тишина. Какие-то звуки, конечно, были, но за все годы в Касл-Роке слух Донны, привыкший к шуму большого города, медленно перенастроился на шумы маленького провинциального городка. Ее уши просто не воспринимали деревенские звуки как шумовой фон… а здесь была самая что ни на есть настоящая деревня.

Она слышала, как поют птицы. Как где-то в поле на склоне холма, на который они только что взобрались, хрипло каркает ворона. Как ветерок шелестит в листьях дубов, что росли вдоль подъ-

ездной дорожки и бросали на землю подвижные пятна теней. Но она не слышала ни единого автомобиля, ни единого трактора или комбайна где-нибудь вдалеке. Слух городских жителей настроен на звуки искусственного происхождения; звуки природы выпадают за тесные рамки привычного избирательного восприятия. А при полном отсутствии знакомых шумов человеку становится неуютно.

Если бы Камбер работал в гараже, я бы его услышала, подумала Донна. Но из всех окружающих звуков ее разум фиксировал только скрип гравия у нее под ногами и низкий, едва различимый гул — подсознание определило его как электрический гул трансформатора на одном из столбов у дороги.

Она уже почти обогнула капот «пинто», когда услышала новый звук. Грозное, раскатистое рычание.

Она застыла на месте и вскинула голову, пытаясь определить, откуда доносится этот звук. Получилось не сразу, и Донна вдруг испугалась — не самого звука, а его кажущейся безнаправленности. Он был везде и нигде. Но потом включился некий внутренний радар — возможно, инстинкт самосохранения, — и она поняла, что рычание

доносится из гаража.

— Мам? — Тэд высунулся из окна, насколько ему позволял застегнутый ремень. — Я не могу расстегнуть этот тухлый…

— Тише!

(рычание)

Она осторожно шагнула назад, опершись правой рукой о капот. Нервы натянулись тугими струнами, еще без паники, но в состоянии предельной бдительности. Она подумала: *Раньше он не рычал.*

Из гаража вышел Куджо. Донна уставилась на него, чувствуя, как дыхание застревает комом в горле. Да, это был тот же пес. Куджо. Но…

Но боже мой…

(Боже мой)

Пес глядел на нее в упор. Красными слезящимися глазами. Слезы были какими-то вязкими и тягучими. Словно он плакал густой смолой. Его шерсть свалялась от грязи и…

Крови? Это же…

(это кровь, Господи, это кровь)

Она не могла пошевелиться. Не могла дышать. Из легких как будто выпустили весь воздух. Она знала, что есть выражение «парализовало от страха», но не думала, что такое бывает на самом

деле. Не было никакого контакта между ногами и мозгом. Словно разом оборвались нити нервов, отвечавшие за передачу сигналов. Онемевшие руки висели как бесполезные плети. Она сама не заметила, как обмочилась. Только смутно почувствовала, как в паху разлилось влажное тепло.

Пес как будто все понял. Его ужасные, бессмысленные глаза буквально впились в голубые глаза Донны, широко распахнутые от страха. Медленно, почти лениво Куджо пошел вперед. Вот уже вышел из гаража. Вот ступил на гравийную дорожку в двадцати пяти футах от них. Он рычал не умолкая. Это был низкий, рокочущий рык, чуть ли не гипнотический. Из пасти пса капала пена. А Донна по-прежнему не могла сдвинуться с места.

Потом Тэд увидел Куджо, понял, что тот весь в крови, и закричал. Этот пронзительный крик заставил пса перевести взгляд. И вырвал Донну из оцепенения.

Она развернулась — неловко, как пьяная, — и ударилась голенью о бампер «пинто». Боль пронзила ногу до бедра. Донна рванулась обратно к водительской двери. Глухое рычание Куджо превратилось в сокрушительный рев ярости, и он бросился к ней. Она поскользнулась на россыпи гравия и с размаху оперлась локтем о капот, что-

бы не упасть. Боль от удара была такой сильной, что Донна не смогла сдержать крик.

Водительская дверца была закрыта. Донна сама же ее и захлопнула по привычке, когда выходила. Хромированная кнопка под ручкой блестела так ярко, что слепила глаза. *Я не успею открыть эту дверцу и запереться в машине*, подумала Донна и с ужасом поняла, что, возможно, умрет прямо здесь и сейчас. *Времени нет. Совсем нет.*

Она рывком распахнула дверцу. Она слышала свое хриплое дыхание, буквально рвущее горло. Тэд опять закричал, очень громко и очень пронзительно.

Она уселась, почти упала на водительское сиденье. Краем глаза увидела, что Куджо присел на задние лапы, готовясь к прыжку, чтобы обрушиться прямиком ей на колени всеми своими двумястами фунтами веса.

Она захлопнула дверцу двумя руками, протянув правую руку над рулем и при этом случайно задев клаксон. Еле успела. Через долю секунды машина содрогнулась от мощного глухого удара, словно кто-то с размаху заехал по двери тяжелым поленом. Рев разъяренного пса оборвался, и стало тихо.

Вырубился от удара, подумала Донна почти в

истерике. *Спасибо, Боже. Спасибо за эту…*

И тут за окном показалась покрытая пеной, оскаленная морда Куджо. Буквально в нескольких дюймах от Донны. Как будто чудовище из фильма ужасов вышло с экрана прямо в зрительный зал. Она видела его огромные острые зубы. У нее снова возникло жуткое, безотчетное ощущение, что пес глядит на *нее*, не на какую-то женщину, запертую в машине с маленьким сыном, а на *Донну Трентон.* Словно он именно ее и ждал.

Куджо снова залаял, оглушительно громко даже сквозь укрепленное автомобильное стекло. Внезапно до Донны дошло, что если бы она не закрыла окно, выходя из машины (отец крепко-накрепко вбил ей в голову: остановила машину, закрыла все окна, подняла ручной тормоз, взяла ключи, вышла, закрыла машину), она была бы уже трупом с разорванным горлом. Ее кровь залила бы приборную доску, и руль, и ветровое стекло. Выходит, одно простейшее действие спасло ей жизнь. Действие, доведенное до автоматизма настолько, что она даже не помнила, как его совершила.

Она закричала.

Жуткая песья морда исчезла из виду.

Донна вспомнила про Тэда и обернулась к нему. Новый страх пронзил ее сердце раскаленной иглой. Тэд был не то чтобы в обмороке, но и не совсем в сознании. Он весь обмяк в своем кресле, его глаза стали застывшими и пустыми. Лицо побелело. Уголки губ посинели.

— Тэд! — Она щелкнула пальцами у него перед носом, и он вяло моргнул. — Тэд!

— Мам, — сказал он, еле ворочая языком. — Это чудовище из моего шкафа. Как оно вышло? Это сон? Я сейчас сплю?

— Все будет хорошо, — сказала она, хотя от его слов о чудовище из шкафа ее пробрала дрожь. — Все будет…

Она увидела хвост и широкую спину Куджо за капотом «пинто». Пес направлялся на сторону Тэда…

Где открыто окно.

Она перегнулась через пассажирское сиденье и схватилась за ручку стеклоподъемника с такой силой, что пальцы свело судорогой. Она принялась крутить ручку как можно быстрее, почти задыхаясь и чувствуя, как под ней ерзает полупридавленный Тэд.

Она подняла стекло на три четверти, когда Куджо бросился на окно. Он сунул морду в щель,

и ему пришлось задрать нос к потолку под давлением поднимающегося стекла. Его хрипый рык заполнил собой всю машину. Тэд опять закричал, обхватил голову руками и попытался зарыться лицом в живот Донны, невольно мешая ей крутить ручку.

— Мама! Мамочка! Мама! *Прогони его! Пусть он уйдет!*

Что-то теплое потекло по ее рукам. С нарастающим ужасом она поняла, что это смесь слизи и крови из пасти Куджо. Напрягая все силы, она провернула ручку стеклоподъемника еще на четверть оборота… и пес убрал нос. Донна мельком увидела его морду, оскаленную в безумной карикатуре на дружелюбного, доброго сенбернара, каким Куджо был раньше. Затем пес опустился на четыре лапы, и теперь Донна видела лишь его спину.

Дальше ручка пошла легко. Донна закрыла окно и вытерла руки о джинсы, сморщившись от отвращения.

(Господи, Иисус милосердный и Дева Мария)

Тэд снова впал в полубессознательный ступор. На этот раз, когда Донна щелкнула пальцами у него перед носом, он даже не моргнул.

У него точно будет психологическая травма. О

Господи, да. Ох, Тэд, мой хороший, ну почему я не оставила тебя с Дебби?!

Она схватила его за плечи и легонько встряхнула.

— Это сон? — вновь спросил он.

— Нет, — сказала она. Он застонал, и от этого стона у нее сжалось сердце. — Но все хорошо. Слышишь, Тэд? Все хорошо. Пес сюда не заберется. Все окна закрыты. Он сюда не войдет. Он ничего нам не сделает.

Тэд услышал, и его взгляд слегка прояснился.

— Тогда поедем домой, мам. Мне здесь не нравится.

— Да. Да, мы…

Как огромный живой снаряд, Куджо запрыгнул на капот «пинто» и с лаем бросился на ветровое стекло. Тэд опять закричал, вытаращив глаза, и с такой силой схватился руками за щеки, что ногти вонзились в кожу.

— Он нас не достанет! — крикнула ему Донна. — Слышишь, Тэд? Он сюда не заберется!

Куджо с глухим стуком ударился о стекло, отскочил и принялся скрести лапами, чтобы не свалиться с капота. От когтей оставались царапины. Потом он бросился снова.

— *Я хочу домой!* — закричал Тэд.

— Обними меня крепче, Тэдди, и ничего не бойся.

Совершенно безумные слова… но что еще можно было сказать?

Тэд уткнулся лицом ей в грудь, а Куджо продолжал нападать на стекло, пытаясь пробиться сквозь эту прозрачную преграду, замазанную пеной, что летела у него из пасти. Его мутные, слезящиеся глаза смотрели прямо на Донну. Разорву тебя в клочья, говорил его взгляд. И тебя, и мальчишку. Как только сумею забраться в эту жестянку, я сожру вас обоих живьем. Буду рвать на куски и глотать, пока вы еще верещите.

Это бешенство, подумала Донна. *У него бешенство.*

С нарастающим ужасом она посмотрела на зеленый пикап Джо Камбера за спиной у Куджо. Не загрыз ли хозяина взбесившийся пес?

Она вслепую нащупала клаксон и надавила на него со всей силы. Пес отшатнулся от громкого звука и снова чуть не свалился с капота.

— Что, не нравится? — победно выкрикнула она. — Ушам больно, да? — Она опять нажала на клаксон.

Куджо спрыгнул с капота.

— Мам, поедем домой. *Пожалуйста.*

Она повернула ключ в замке зажигания. Мотор провернулся раз, другой, третий… но не завелся. Наконец она выключила зажигание.

— Малыш, мы пока никуда не поедем. Машина…

— Нет, поедем! Поедем! *Сейчас же!*

У нее разболелась голова. Боль тяжело стучала в висках в полной синхронности с ударами пульса.

— Тэд. Послушай меня. Машина не заводится. Там сломался игольчатый клапан. Надо чуть-чуть подождать, дать мотору остыть. Потом, я думаю, он заведется. И мы поедем.

Главное — выехать со двора. Обратно дорога идет под уклон. Даже если машина заглохнет, мы все равно скатимся вниз. Если я не испугаюсь и не стану давить на тормоз. Может, получится так докатиться почти до самой Мейпл-Шугар-роуд, даже с выключенным мотором… или…

Она подумала о доме у подножия холма, о доме с буйно разросшейся жимолостью во дворе. Там наверняка есть какие-то люди. Она же видела машины.

Люди!

Она принялась жать на клаксон. Три коротких гудка, три длинных и опять три коротких, раз

за разом, единственный сигнал азбуки Морзе, запомнившийся за два года в герлскаутах. Люди в доме внизу непременно услышат. Даже если они не знают, что означает этот сигнал, они все равно придут посмотреть, кто гудит во дворе у Камбера — и почему.

А где пес? Донна его больше не видела. Впрочем, это не важно. В машину ему не забраться, а помощь придет совсем скоро.

— Все будет хорошо, — сказала она Тэду. — Вот увидишь.

* * *

Студия «Зримый образ» в Кембридже размещалась в обшарпанном кирпичном здании. На четвертом этаже располагались офисные кабинеты, на пятом — два съемочных павильона, на шестом, и последнем, — крошечный смотровой зал с плохоньким кондиционером. Зал вмещал только шестнадцать зрительских кресел, расставленных по четыре в ряд.

Тем ранним вечером в понедельник Вик Трентон и Роджер Брекстон сидели в третьем ряду в смотровом зале, сняв пиджаки и распустив галстуки. Они просмотрели все ролики с профессором Шарпом по пять раз каждый. Всего

двадцать сюжетов. Три из них — со злосчастными «Малиновыми колючками».

Последний блок из шести роликов завершился полчаса назад. Киномеханик сразу же распрощался и побежал на другую работу, крутить кино на вечерних сеансах в кинотеатре «Орсон Уэллс». Через пятнадцать минут ушел и Роб Мартин, владелец студии, с хмурым видом пожелав Вику и Роджеру доброй ночи и добавив, что если он им понадобится, его двери всегда открыты для них — завтра и в среду, в любое время. При этом явно подразумевалось, что его двери будут открыты только в том случае, если Вик с Роджером придут с предложением, которое стоит обсуждать.

У Роба были все основания ходить с хмурым видом. Ветеран войны во Вьетнаме, потерявший ногу во время Тетского наступления, он открыл студию «Зримый образ» в конце 1970-х на деньги из страховой выплаты по инвалидности, к которым добавил немалую сумму, выделенную родителями жены. С тех пор его студия барахталась как могла, сражаясь за место под солнцем, но в основном подбирала жалкие крохи с роскошных банкетных столов, за которыми пировали крупные бостонские киностудии. Вик и Роджер заключили контракт с его студией, потому что

в каком-то смысле Роб Мартин напоминал их самих: тоже пытался чего-то добиться своими силами, подняться к тем пресловутым вершинам успеха, которые манят нас всех. К тому же ездить в Бостон было проще и ближе, чем в Нью-Йорк.

В последние полтора года дела у студии Роба пошли на лад. Когда потенциальные клиенты узнали, что в «Зримом образе» снимают рекламные ролики компании «Шарп», Роб получил несколько очень хороших заказов, и впервые со дня основания студии у него появилась уверенность в завтрашнем дне. В мае, буквально за несколько дней до катастрофы с «Колючками», он прислал Вику и Роджеру открытку с изображением уходящего вдаль автобуса с бостонскими номерами. Сзади на автобусе были изображены четыре юные прелестницы, наклонившиеся таким образом, чтобы явить зрителям аппетитные задницы, затянутые в дизайнерские джинсы. На обороте открытки было написано большими печатными буквами в стиле передовиц желтой прессы: «ЗАКЛЮЧАЕМ КОНТРАКТ НА ЗАДНИКИ ДЛЯ БОСТОНСКИХ АВТОБУСОВ; ТЕПЕРЬ ЗАЖИВЕМ». Тогда это было смешно. А теперь стало совсем не смешно. После истории с «Колючками» двое клиентов (в том числе производители

джинсов «Как в Каннах») отозвали контракты у «Зримого образа», и если «Эд уоркс» потеряет заказы от Шарпа, Роб лишится не только заказов от Шарпа, но многих других. Он боится за будущее и поэтому злится… и Вик прекрасно его понимал.

Они сидели и молча курили еще минут пять, а потом Роджер сказал:

— Меня тошнит, Вик. Натурально тошнит. Я смотрю на этого дятла, как он сидит у себя за столом и глядит на меня своим строгим профессорским взглядом, ест эти хлопья с едкой краской, говорит: «Да, тут все хорошо», — и меня тянет блевать. В прямом смысле слова. Хорошо, что механику надо было уйти. Если бы я посмотрел эти ролики еще раз, мне пришлось бы воспользоваться самолетным блевательным пакетом.

Он затушил сигарету в пепельнице, врезанной в подлокотник кресла. Он *действительно* выглядел нездоровым; Вику очень не нравился желтоватый оттенок его лица. Назовем это военным психозом, боевым посттравматическим расстройством, но все мы знаем, что это такое. Мы знаем, что значит бояться до тошноты, когда тебя загоняют в крысиную нору. Когда ты глядишь в темноту и видишь чудовище, пришедшее тебя сожрать.

— Я пытался себя убедить, — сказал Роджер, вынимая из пачки еще одну сигарету, — что все не так плохо, как кажется. Что там что-то есть. Понимаешь? *Хоть что-то*. Но суммарный эффект от всех этих сюжетов… это как Джимми Картер, объявляющий на всю страну: «Я никогда вам не совру». — Он закурил, сморщился и затушил сигарету в пепельнице после первой затяжки. — Неудивительно, что Джордж Карлин, Стив Мартин и вся прочая комедийная братия так за него ухватились. Теперь-то я вижу, сколько в нем *лицемерия*… — Его голос как-то подозрительно дрогнул. Он закрыл рот так резко, что щелкнули зубы.

— У меня есть идея, — тихо произнес Вик.

— Да, ты говорил в самолете. — Роджер без особой надежды посмотрел на него. — Так что за идея?

— Я думаю, нужно сделать еще один ролик с профессором Шарпом, — сказал Вик. — Надо будет уговорить старика. Не сынулю. Именно старика.

— И что наш профессор будет впаривать телезрителям на этот раз? — спросил Роджер, расстегивая еще одну пуговицу на рубашке. — Крысиный яд или агент «Оранж»?

— Да ладно, Роджер. Никто не умер.

— А ведь могли бы, — сказал Роджер с невеселым смешком. — Иногда мне начинает казаться, что ты не совсем понимаешь, что такое реклама. Делать рекламу — все равно что держать волка за хвост. Конкретно этого волка мы, похоже, уже не удержим, и теперь он нас скушает целиком.

— Роджер…

— Мы живем в стране, где все газеты становятся на уши, если какой-нибудь въедливый посетитель «Макдоналдса» взвесит котлету из их «роял-чизбургера» и выяснит, что она весит чуть меньше заявленной четверти фунта. Какой-то заштатный калифорнийский журнальчик тиснет статейку, что если врезаться сзади в «пинто», у того может рвануть бензобак, и вся компания «Форд» дрожит хвостом…

— Давай не будем о «пинто», — сказал Вик с нервным смешком. — У моей жены «пинто». Мне хватает других проблем.

— Я говорю, что в сложившейся ситуации выпустить новый ролик с профессором Шарпом — все равно что позволить Ричарду Никсону выступить на бис с президентским докладом о положении дел в стране. Он *скомпрометирован*, Вик. Он полностью сдулся! — Роджер помедлил, глядя на

Вика, который угрюмо смотрел на него. — И что он, по-твоему, должен сказать?

— Что ему очень жаль.

Роджер растерянно заморгал, а потом рассмеялся, запрокинув голову к потолку.

— Что ему очень жаль. *Очень жаль?* Боже, это прекрасно. Это и есть твоя гениальная идея?

— Погоди, Родж. Ты даже не дал мне договорить. Это совсем на тебя не похоже.

— Да, — сказал Роджер. — Совсем не похоже. Ну давай, договаривай. Но мне не верится, что ты это…

— Всерьез? Очень даже всерьез. Ты же учился рекламному делу. В чем секрет всякой успешной рекламы? Зачем вообще делать рекламу?

— Секрет всякой успешной рекламы заключается в том, чтобы заставить людей поверить, что им самим это надо.

— Да. Когда мастер по ремонту бытовой техники от «Мэйтег» говорит, что он самый одинокий человек на свете, людям хочется верить, что где-то действительно есть такой парень, которому нечем заняться, и он целыми днями слушает радио и, может быть, периодически дрочит со скуки. Людям хочется верить, что их техника от «Мэйтег» *никогда* не потребует ремонта. Когда

Джо Ди Маджо говорит, что электрические кофеварки от «Мистера Кофе» экономят и кофе, и деньги, людям *хочется* в это верить. Когда…

— Разве мы не поэтому оказались в глубокой заднице? Людям хотелось поверить профессору Шарпу, но он обманул их доверие. Точно так же, как им хотелось поверить Никсону, и *он*…

— Никсон, Никсон, Никсон! — воскликнул Вик, сам удивившись своей горячности. — Что ты зациклился на этом Никсоне? Ты его поминаешь уже в двухсотый раз и не видишь, что тут *совсем другой случай.* Их вообще нельзя сравнивать!

Роджер изумленно уставился на него.

— Никсон был тот еще прощелыга, знал, что он прощелыга, но пытался изображать из себя честного человека. Профессор Шарп утверждал, что с «Колючками» все хорошо, и сам был в этом уверен. Потом оказалось, что с ними все плохо, но он *не знал*, что так будет. — Вик наклонился вперед и легонько ткнул пальцем Роджеру в плечо, сделав особое ударение на «не знал». — Он никого не обманывал. Он должен сказать это, Родж. Должен выступить перед американскими телезрителями и сказать, что он их не обманывал. Что случилась досадная ошибка. Причем ее совершила компания, выпускающая пищевые

красители. А компания «Шарп» и сама пострадала от этой ошибки. Он должен все это сказать. И самое главное, он должен сказать, что сожалеет о произошедшем и что, хотя никто *не пострадал*, ему очень жаль, что люди так перепугались.

Роджер кивнул, секунду подумал и пожал плечами.

— Да, я понимаю, в чем суть. Но ни старик, ни сынуля не согласятся. Им хочется поскорее похоронить старого…

— Да, да, *да*! — воскликнул Вик так громко, что Роджер вздрогнул. Он вскочил на ноги и принялся расхаживать взад-вперед по короткому проходу. — И они полностью правы. Профессор Шарп умер, и его надо похоронить. Как *уже* похоронены «Колючки». Но старик и сынуля должны понять, что его нельзя хоронить *втихаря*. Вот в чем дело! Его нельзя хоронить как какого-то мелкого мафиози… или умершего от холеры беднягу, которого перепуганные родные спешат поскорее закопать.

Он наклонился так близко к Роджеру, что они почти соприкоснулись носами.

— Нам надо заставить обоих понять, что профессор Шарп никогда не упокоится с миром, если не устроить ему пышные публичные похороны.

И пусть его оплакивает вся страна.

— Ты с ума… — начал было Роджер и осекся.

В его глазах больше не было растерянности и страха. Его лицо стало твердым и собранным, во взгляде мелькнула безумная искорка. Он широко улыбнулся. Увидев эту улыбку, Вик так обрадовался, что забыл и о Донне, и о том, что она натворила, — забыл впервые с тех пор, как прочел письмо Кемпа. Работа захватила его целиком, и только потом, уже задним числом, он с изумлением осознал, что очень давно не испытывал этого чистого, пьянящего, восхитительного удовольствия от погружения в дело, которое он знает, и любит, и делает по-настоящему хорошо.

— По сути, он лишь повторит то, что не раз говорил сам старик Шарп, — продолжал Вик. — Но если те же слова скажет *профессор* Шарп…

— Круг замкнется, — пробормотал Роджер и закурил новую сигарету.

— Вот именно. Это будет финальная сцена в трагическом фарсе о «Малиновых колючках». Что было, то прошло. Мы осознали свои ошибки и сделали выводы. А теперь идем дальше…

— …проглотив горькую пилюлю. Да, старику это понравится. Публичное покаяние… прилюдное самобичевание…

— И вместо того чтобы уйти осмеянным и презренным, он уйдет достойно. Как говорил Дуглас Макартур, старые солдаты не умирают, они просто уходят вдаль. Это лежит на поверхности. А в глубине будет еще некий *тон*… некое *чувство*… — Тут он вступал на территорию Роджера. Вик знал, что если сумеет обрисовать в общих чертах ту идею, что пришла ему в голову за кофе в «Бентли», Роджер ее разовьет и оформит как надо.

— Макартур, — тихо проговорил Роджер. — Собственно, да. Тон, конечно, прощальный. Чувство — скорбь и печаль. Пусть люди прочувствуют, что с профессором обошлись несправедливо, но прозрение грянуло слишком поздно. И… — Он умолк и почти испуганно взглянул на Вика.

— Что?

— Вечерний эфир, — сказал Роджер.

— Э?

— Этот ролик. Его надо ставить в вечерний эфир. Он для родителей, не для детей. Так?

— Ага.

— Если нам дадут его снять.

Вик улыбнулся.

— Нам дадут его снять, — сказал он и добавил, используя собственное выражение Роджера для хорошей рекламы: — Это танк, Роджер. Если на-

до, попрем напролом, сметая все на своем пути. Главное, чтобы к приезду в Кливленд у нас было что-то конкретное…

Они еще целый час просидели в душном крошечном зале, а когда возвращались в отель, оба потные и уставшие, на улице уже стемнело.

* * *

— Мам, когда мы поедем домой? — спросил Тэд тусклым голосом.

— Уже скоро, милый.

Она посмотрела на ключ в замке зажигания. На брелке висели еще три ключа: от дома, от гаража и от багажника «пинто». И кожаный ярлычок с клеймом в виде гриба. Донна купила этот брелок в апреле, в бриджтонском универмаге. Тогда, в апреле, она была растеряна и напугана и знать не знала, что такое настоящий страх. Настоящий страх — это когда ты пытаешься закрыть окно у сиденья своего малыша, а у тебя по рукам течет пена из пасти бешеного пса.

Она потянулась к брелку. Дотронулась до кожаного ярлычка. И тут же отдернула руку.

Вот страшная правда: она боялась включать зажигание.

На часах — четверть восьмого. На улице было

еще светло, хотя тень «пинто» уже почти дотянулась до двери гаража. Донна не знала, что именно в эти минуты ее муж и его бизнес-партнер смотрят рекламные ролики с профессором Шарпом в крошечном зале студии «Зримый образ» в Кембридже. Она не знала, почему никто не ответил на ее сигнал SOS. В книгах кто-то всегда приходит на помощь. Это награда для героини, додумавшейся до такой гениальной идеи. Но никто не пришел.

В доме у подножия холма наверняка должны были слышать ее гудки. Может быть, там все пьяны. Или, может, владельцы тех двух машин в переднем дворе (*в палисаднике*, машинально поправила она себя, *здесь говорят «в палисаднике»*) куда-то уехали на третьей машине. Жаль, что отсюда не видно этого дома; его закрывал склон холма.

Наконец она перестала сигналить. Она боялась, что если долго жать на клаксон, можно посадить аккумулятор, который не меняли с тех пор, как они с Виком купили машину. Она очень надеялась, что «пинто» заведется, когда мотор остынет. Раньше всегда заводился.

Но ты боишься включать зажигание, потому что если машина не заведется… и что тогда

делать?

Она опять потянулась к ключу, и тут в поле зрения вновь показался Куджо. Прежде он лежал перед машиной, и его было не видно. Теперь он поднялся и поплелся к сараю, с опущенной головой и поникшим хвостом. Он шатался, как пьяный после лютой попойки. Ни разу не оглянувшись, пес вошел в темный сарай и скрылся из виду.

Донна убрала руку, так и не прикоснувшись к ключу.

— Мам? Почему мы не едем?

— Дай маме подумать, малыш, — сказала она.

Она посмотрела налево, в водительское окно. До задней двери дома Камберов — восемь беговых шагов. В старших классах Донна была лучшей бегуньей в их школьной команде по легкой атлетике и до сих пор регулярно бегала по утрам. Она ни капельки не сомневалась, что добежит до двери раньше пса. В доме есть телефон. Один звонок шерифу Баннерману — и весь этот ужас закончится. С другой стороны, если она попытается завести двигатель, не факт, что он заведется… но пес точно услышит и наверняка прибежит. Она мало что знала о бешенстве, но вроде бы где-то читала, что бешеные животные почти сверхъ-

естественно чувствительны к звукам. Громкие звуки приводят их в ярость.

— Мама?

— Тише, Тэд. Тише!

Восемь шагов. Думай, Донна.

Даже если Куджо притаился у двери в гараж и сейчас наблюдает за ней, она была уверена — она *знала*, — что успеет добежать до двери. Телефон, да. И еще… у таких, как Джо Камбер, в доме всегда есть ружье. Может быть, и не одно. С каким удовольствием она прострелит башку этому чертову псу, так, что мозги брызнут во все стороны!

Восемь шагов.

Да. Надо подумать.

А что, если дверь заперта?

Или все-таки стоит рискнуть?

Ее сердце глухо стучало в груди, пока она размышляла, взвешивая варианты. Будь она здесь одна, можно было бы долго не думать. Но допустим, что дверь заперта. Донна успела бы добежать до двери раньше пса, но до двери и обратно к машине — уже точно нет. И что будет с Тэдом? Что будет с Тэдом, когда он увидит, как бешеный пес весом две сотни фунтов нападает на маму, терзает ее, рвет на куски…

Нет. В машине они в безопасности.

Попробуй завести мотор!

Она потянулась к ключу, и внутренний голос тут же заверещал, что надо еще чуть-чуть подождать, чтобы двигатель окончательно остыл…

Окончательно? Они и так просидели здесь три часа.

Она повернула ключ в замке.

Мотор провернулся раз, второй, третий — и с ревом завелся.

— Слава богу! — воскликнула Донна.

— Мам? — спросил Тэд пронзительным, тонким голосом. — Мы уже едем? Мы едем?

— Едем, — угрюмо ответила она и включила задний ход. Куджо выскочил из сарая и… встал, наблюдая за ними.

– *Хрен тебе, пес!* — ликующе крикнула ему Донна.

Она надавила на педаль газа. «Пинто» проехал два фута — и заглох.

– *Нет!* — закричала она, когда на приборной панели снова зажегся красный огонек. Куджо сделал два шага вперед и опять замер на месте, низко склонив голову. *Наблюдает за мной*, снова подумала Донна. Его тень протянулась за ним по земле, четкая, как силуэт, вырезанный из черной бумаги.

Донна опять повернула ключ в замке зажигания. Мотор завращался, но на этот раз не завелся. Она слышала чье-то хриплое, сбивчивое дыхание и даже не сразу сообразила, что это дышит она сама — сперва ей подумалось, что это Куджо пыхтит ей в ухо. Она отчаянно терзала стартер, кривила лицо и, позабыв о присутствии Тэда, ругалась последними словами. Она даже не думала, что вообще знает такие слова. И все это время Куджо стоял, наблюдая за ней. Его тень тянулась за ним, словно некий фантасмагоричный погребальный покров.

Потом он улегся на подъездной дорожке, словно решив, что они никуда от него не сбегут. Она возненавидела его еще больше. Даже сильнее, чем в те минуты, когда он пытался просунуть морду в окно рядом с Тэдом.

— *Мама… Мамочка… Мама!*

Откуда-то издалека. Совершенно не важно. Сейчас важно только одно: завести эту треклятую машину. И она заведется. Донна *заставит* ее завестись *одной… силой… воли!*

Она совершенно не представляла, сколько времени просидела, сгорбившись над рулем, яростно и безнадежно терзая стартер. В конце концов сквозь эту ярость пробился даже не плач

Тэда — он не плакал, а лишь тихо хныкал, — а звук мотора. Который включался секунд на пять и отрубался. Снова включался и отрубался. И с каждым разом периоды отключения становились все дольше.

Она только сажала аккумулятор.

Все, хватит. Пора прекращать.

Она выходила из ступора постепенно, как из глубокого обморока. Ей вспомнилось, как еще в университете она подхватила гастроэнтерит — ее тогда жутко рвало и несло, выворачивало наизнанку, и в какой-то момент она потеряла сознание в туалете студенческого общежития. Ощущения после обморока были точно такими же. Словно некий невидимый художник добавил в мир цвета и довел их яркость до запредельных значений. Цвета резали глаз. Все казалось пластиковым и фальшивым, как экспозиция в витрине магазина: «ВСТРЕЧАЕМ ВЕСНУ» или «ГОТОВИМСЯ К ОТПУСКУ».

Тэд сидел, крепко зажмурившись и сжавшись в комок. Он отодвинулся как можно дальше от Донны и засунул в рот большой палец, а другую руку держал на кармане, где лежали Слова против чудовищ. Его дыхание было прерывистым и учащенным.

— Тэд, — сказала она. — Все хорошо, милый. Не бойся.

— Мам, с тобой все в порядке? — спросил он хриплым шепотом.

— Да, со мной все в порядке. И с тобой все в порядке. По крайней мере, здесь мы в безопасности. Мы скоро поедем. Не прямо сейчас, но поедем. Просто надо чуть-чуть подождать.

— Я подумал, ты на меня злишься.

Она обняла его и прижала к себе. От его волос пахло потом и детским шампунем. Она подумала о пузырьке с этим шампунем, стоящем на второй полке в шкафчике в верхней ванной. Как было бы здорово оказаться сейчас в этой ванной и притронуться к этому пузырьку! Но у нее был только запах. Слабый, уже исчезающий аромат.

— Нет, милый. Не на тебя, — сказала она. — Вовсе не на тебя.

Тэд тоже обнял ее покрепче.

— Он же к нам не заберется, да?

— Не заберется.

— Он не сможет… не сможет прогрызть себе путь?

— Не сможет.

— Я его ненавижу, — задумчиво проговорил Тэд. — Я хочу, чтобы он сдох.

— Да. Я тоже.

Она посмотрела в окно, увидела, что солнце уже почти село, и ее охватил странный, почти суеверный страх. Ей вспомнилось, как они в детстве играли в прятки, и игра всегда завершалась, когда вечерние тени сливались друг с другом в одну сплошную густую тень, и по улицами в тихом пригороде разносился таинственный зов, как звучащее вдали заклинание, — звонкий голос ребенка, объявлявший, что всем пора по домам, ужин уже на столе и двери скоро закроются на ночь: «*Палы-выры за всех! Палы-выры за всех!*»

Пес за ней наблюдал. Мысль совершенно безумная, но от нее просто так не отмахнешься. Вот он, глядит прямиком на нее своими дикими, бессмысленными глазами.

Нет, не выдумывай. Это просто собака, больная собака. Все и так плохо, а тебе еще чудятся всякие глупости.

Так она говорила себе. Еще через пару минут она стала говорить себе, что глаза Куджо напоминают глаза некоторых портретов — когда идешь мимо, кажется, будто изображение на портрете следит за тобой взглядом. Это просто оптическая иллюзия.

Но пес и вправду смотрел на нее. И… в нем было

что-то знакомое.

Она попыталась прогнать эту мысль, но та уже крепко засела в сознании.

Ты уже видела его раньше. Наутро после той ночи, когда Тэду впервые приснился кошмар. Одеяла лежали на стуле в шкафу, на них сидел плюшевый медвежонок, но тебе в первый миг показалось, что там сидит кто-то страшный, с красными глазами, припал к полу, готовясь к прыжку, это был он, Куджо, Тэд с самого начала был прав, только чудовище пряталось не в шкафу… оно было здесь. Оно

(прекрати)

было здесь и ждало

(! ПРЕКРАТИ, ДОННА!)

Она смотрела на пса, и ей представлялось, что она слышит его мысли. Простые мысли. Все тот же незамысловатый повторяющийся узор, пробивавшийся сквозь мутный вихрь болезни и бреда.

Убить ЖЕНЩИНУ. Убить МАЛЬЧИКА. Убить ЖЕНЩИНУ. Убить…

Прекрати, строго сказала она себе. *Собаки не мыслят, как люди. И это вовсе не чудище из детского шкафа. Это просто больной пес. И хватит выдумывать всякую ерунду. А то ты еще скажешь, что он — божья кара, посланная тебе в*

наказание за…

Куджо внезапно поднялся — как будто она его позвала — и ушел обратно в сарай.

(как будто я его позвала)

Она издала слабый, слегка истеричный смешок.

Тэд взглянул на нее:

— Мам?

— Все в порядке, малыш.

Она посмотрела на темную пасть гаража, потом — на заднюю дверь дома. *Заперта? Не заперта? Заперта? Не заперта?* Ей представилась подброшенная монетка, крутящаяся в воздухе. Ей представился прокрученный барабан револьвера: пять гнезд пустые, в одном — патрон. *Заперта? Не заперта?*

* * *

Солнце зашло окончательно, только на западном горизонте еще виднелась полоска бледного света. Узкая, как разделительная полоса на шоссе. Скоро исчезнет и она. В высокой траве справа от подъездной дорожки стрекотали сверчки, выдавая бездумно-веселые трели.

Куджо пока оставался в сарае. *Что он там делает?* — подумала Донна. *Спит? Или ест?*

Тут она вспомнила, что у них есть еда. Перегнулась назад между двумя передними сиденьями и взяла коробку для завтрака и бумажный пакет. Большой термос свалился на пол и закатился под заднее сиденье — наверное, когда «пинто» начал дергаться на дороге. Пришлось тянуться за ним, распластавшись в проеме между сиденьями. Тэд, задремавший в своем детском кресле, проснулся.

— Мама? *Мамочка?* Что ты де…

Его голос звенел от испуга, и Донна возненавидела пса еще больше.

— Просто беру еду, — успокоила она сына. — И мой термос. Видишь?

— Ага. — Он снова откинулся на спинку кресла и засунул в рот большой палец.

Она потрясла большой термос над ухом и не услышала звона разбитого стекла. Только плеск молока. Ну, хоть какая-то радость.

— Тэд? Хочешь есть?

— Я хочу спать, — сказал он, не открывая глаз.

— Надо бы залить в баки горючее, чемпион.

Он даже не улыбнулся.

— Не хочу есть. Хочу спать.

Она встревоженно посмотрела на сына и решила его не трогать. Сон был естественным оружием Тэда — возможно, его единственным

оружием, — и дома он лег бы спать еще полчаса назад. Конечно, будь они дома, он выпил бы стакан молока, съел бы пару печений, почистил бы зубы… попросил бы почитать ему перед сном, может быть, что-то из его любимого Мерсера Майера… и…

Глаза защипало от слез, и она попыталась прогнать эти мысли. Открыла термос трясущимися руками и налила себе полчашки молока. Взяла инжирный батончик, откусила кусочек и поняла, что ужасно проголодалась. Она съела еще три батончика, запила их молоком, добавила к ужину несколько зеленых оливок и допила молоко до конца. Легонько рыгнула… и прищурилась, глядя в сторону сарая.

Теперь перед входом маячила плотная тень. Только это была никакая не тень. Это был пес. Куджо.

Он за нами следит.

Нет, она в это не верила. Как не верила в то, что Куджо показался ей мельком в шкафу у сына. Не верила, нет… хотя… наверное, все-таки верила. Но не разумом, а сердцем.

Она посмотрела в зеркало заднего вида. Уже стемнело, дороги не видно, но Донна знала, что дорога там есть и что по ней никто не проедет.

Когда они приезжали сюда в прошлый раз, все втроем на «ягуаре» Вика (*тогда этот пес был вполне милым*, пробормотал внутренний голос, *Тэд с ним играл и смеялся, помнишь?*), им было весело и хорошо, и Вик сказал Донне, что еще пять лет назад в конце городского шоссе номер 3 располагалась мусорная свалка. Потом в Касл-Роке построили новый мусороперерабатывающий завод, свалку перенесли на другой конец города, и теперь в четверти мили от участка Камберов дорога просто заканчивается в том месте, где ее перегораживает тяжелая цепь с табличкой: «ВЪЕЗД ВОСПРЕЩЕН. СВАЛКА ЗАКРЫТА». За домом Камберов нет ничего.

Если кто сюда и поедет, то только тот, кому надо как следует уединиться. Но Донна сильно сомневалась, что даже самые озабоченные городские подростки захотят предаваться разврату на заброшенной мусорной свалке. В любом случае за все время, пока они тут сидят, мимо никто не проехал.

Белая линия на западном горизонте совсем побледнела… и Донна боялась, что ей просто кажется, что еще остается какой-то свет; что она выдает желаемое за действительное. Луны в небе не было.

Невероятно, но ей самой тоже хотелось спать. Может быть, сон был естественным оружием и для нее тоже. Впрочем, а что еще делать? Пес все еще здесь (по крайней мере, так думала Донна; в темноте трудно понять, где реальная фигура, а где просто тень). Аккумулятору надо дать отдохнуть. Потом можно будет попробовать завестись. Так почему бы не поспать?

Бандероль на почтовом ящике. Бандероль от «Дж. К. Уитни».

Она села прямее и озадаченно нахмурилась. Потом обернулась, пристально вглядываясь в темноту, но угол дома закрывал вид на почтовый ящик. Но она точно видела бандероль. Почему она вдруг о ней вспомнила? Это имеет какое-то значение?

Она по-прежнему держала в руках пластиковый контейнер с оливками и кусочками огурца. Вместо того чтобы еще что-нибудь съесть, она плотно закрыла контейнер и убрала его в Тэдову коробку со Снупи. Она запретила себе думать о том, почему экономит еду. Пошарила под сиденьем и нашла рычажок, опускающий спинку. Она собиралась подумать о бандероли на почтовом ящике Камберов — что-то ей подсказало, что это важно, — но ее засыпающий разум перескочил к

другой мысли, четкой, словно картинка из яркого сна наяву.

Камберы поехали в гости к родственникам. В другой город в двух или трех часах езды на машине. Может быть, в Кеннебанк. Или Холлис. Или Огасту. На большое семейное торжество.

Уже в полусне ей представилась большая компания, человек пятьдесят на зеленой лужайке, яркой и аккуратной, как в телерекламе. Над выложенной камнями ямой для барбекю вился дымок. За длинным деревянным столом сидело не меньше четырех дюжин гостей. Они передавали друг другу тарелки с вареной кукурузой, тушеной фасолью и сосисками, поджаренными на углях (на этом месте у Донны заурчало в животе). Стол был накрыт уютной клетчатой скатертью. Во главе стола восседала милейшая старушка с ослепительно-белыми волосами, собранными в аккуратный пучок на затылке. Полностью погрузившись в сновидение, Донна совершенно не удивилась, узнав в ней свою мать.

Среди гостей были и Камберы, только они оказались совсем не Камберами. Джо Камбер выглядел точь-в-точь как Вик в чистом рабочем комбинезоне. Миссис Камбер надела на праздник зеленое летнее платье Донны. Их сынишка

был точно таким же, каким станет Тэд в пятом классе…

— Мам?

Картинка дрогнула и начала распадаться на части. Донна пыталась ее удержать, потому что она была милой, прелестной и безмятежной: хрестоматийная большая и дружная семья, которой никогда не было у нее… и у них с Виком тоже не будет. Не в их тщательно распланированной жизни, с их единственным запланированным ребенком. Странно, что раньше она никогда не задумывалась об этом. Ей вдруг стало грустно.

— Мама?

Картинка дрогнула снова и канула в темноту. Этот голос снаружи, который вонзается в сновидение, как игла, пробивающая яичную скорлупу… Впрочем, не важно. Камберы поехали на семейное торжество и вернутся домой ближе к ночи — может быть, часов в десять, — сытые и довольные. Все будет хорошо. Джо Камбер с лицом Вика обо всем позаботится. Все непременно будет хорошо. Бог никогда не допустит, чтобы с ними случилось что-то плохое. Все будет…

— Мама!

Она проснулась уже окончательно и удивилась, что сидит за рулем «пинто», а не лежит

дома в постели… но удивилась лишь в первую секунду. Сон о большой дружной семье за столом на лужайке потихоньку стирался из памяти, и минут через пятнадцать она, наверное, и вовсе забудет, что ей что-то снилось.

— А? Что?

Внезапно в доме зазвонил телефон. Куджо тут же вскочил, смутная тень среди прочих теней вновь обрела очертания большого лохматого пса.

— Мам, я хочу в туалет.

Куджо взревел на звук телефона. Он не лаял и не рычал; он *ревел*. Внезапно он сорвался с места и бросился к дому. Он ударился в дверь с такой силой, что она затряслась.

Нет, как-то вяло подумала Донна. *Нет, не надо, пожалуйста. Нет…*

— Мам, я хочу…

Пес оскалился и принялся кусать дверь. Донна слышала, как трещит дерево под его зубами.

— …писать.

Телефон прозвонил шесть раз. Восемь раз. Десять. Потом замолчал.

Донна поняла, что сидит, затаив дыхание. Она выдохнула сквозь сжатые зубы, воздух вышел с тихим горячим стоном.

Куджо стоял перед дверью, задними лапами на земле, передними — на верхней ступеньке. Он продолжал глухо рычать — так кошмарно и жутко. Наконец он обернулся, посмотрел на «пинто» — Донна увидела пену, засохшую у него на груди и на морде, — отошел от двери и снова слился с тенями. В темноте было не видно, куда он пошел. Может быть, в гараж. Может быть, куда-то еще.

Тэд отчаянно дергал ее за рукав.

— Мама, я *не могу* терпеть!

Она беспомощно обернулась к нему.

* * *

Бретт Камбер медленно положил телефонную трубку на место.

— Что-то не отвечает. Наверное, его нет дома.

Черити кивнула, вовсе не удивившись. Она была рада, что Джим предложил им звонить из его кабинета внизу, который располагался рядом с «комнатой отдыха». «Комната отдыха» была звуконепроницаемой. Там хранились настольные игры — целые горы коробок на нескольких полках. Там был телевизор, широкоэкранный «Панасоник», с видеомагнитофоном и игровой приставкой «Атари». Там стоял старинный

музыкальный автомат «Вурлитцер», который действительно работал.

— Наверное, он пошел к Гэри, — понуро добавил Бретт.

— Да, скорее всего, он с Гэри, — согласилась она, и это было вовсе не то же самое, что сказать, будто муж пошел в гости к приятелю. Она помнила, каким мечтательным сделался взгляд у Джо, когда он наконец согласился отпустить их с Бреттом в Коннектикут. Она очень надеялась, что Бретт не предложит позвонить в справочную, чтобы узнать номер Гэри Первье. Она сильно сомневалась, что там возьмут трубку. У нее было стойкое подозрение, что нынче вечером два старых пса дуэтом воют на луну где-нибудь в другом месте.

— Мам, как ты думаешь, с Куджи все в порядке?

— Если бы что-то было не в порядке, твой папа вряд ли ушел бы и бросил его одного, — сказала Черити и не покривила душой. Она и вправду так думала. — Давай позвоним ему утром. Тебе пора спать. Уже одиннадцатый час. У нас был долгий, насыщенный день.

— Я не устал.

— И все равно, когда днем было столько волнений, надо как следует отдохнуть. Я уже положила

в ванной твою зубную щетку, а тетя Холли принесла полотенце и новую мочалку. Ты помнишь, в какой спальне…

— Конечно. А ты тоже сейчас пойдешь спать?

— Скоро пойду. Но сначала мы с Холли немножечко посидим. Нам с ней надо о многом поговорить.

Бретт застенчиво сказал:

— Вы с ней очень похожи.

Черити удивленно взглянула на него:

— Да? Наверное, да. Немного похожи.

— И этот мелкий. Джимми. У него четкий хук справа. Бум! — Бретт рассмеялся.

— Он очень больно тебя ударил?

— Совсем не больно. — Бретт оглядел кабинет Джима. Пишущую машинку на письменном столе, пухлый вращающийся каталог с карточками, аккуратную раскрытую папку с именами на вкладках в алфавитном порядке. Его взгляд был оценивающим и настороженным, в нем сквозила какая-то странная задумчивость, которую Черити не понимала и не знала, как к ней относиться. Потом он как будто очнулся и повторил: — Совсем не больно. Он же еще малыш. — Он посмотрел на нее, склонив голову набок. — Мой двоюродный брат, да?

— Все верно.

— Близкий родственник, — задумчиво произнес он.

— Бретт, тебе нравятся дядя Джим и тетя Холли?

— Она — да. А насчет него я не уверен. Этот его музыкальный автомат. Штука и вправду крутая. Но… — Он тряхнул головой чуть ли не с раздражением.

— Что, Бретт?

— Он так им *гордится*! Показал мне его первым делом. Носится с ним, как ребенок с игрушкой. «Правда, он замечательный» и все такое…

— Ну, он только недавно его купил, — сказала Черити. Смутный, еще не оформившийся страх засел глубоко в сердце. Страх, как-то связанный с Джо. Что он наговорил Бретту, когда отвел его в сторонку перед самой посадкой в автобус? — Каждый радуется новой вещи, о которой мечтал. Когда Джим только-только его купил, Холли мне написала, что он мечтал о таком автомате еще с ранней юности. Такие покупки… сынок, люди делают такие покупки, чтобы… наверное, чтобы доказать себе, что они преуспели в жизни. Не знаю, как объяснить. Обычно они покупают что-то такое, чего не могли купить раньше. Когда

были бедными.

— Дядя Джим был бедным?

— Если честно, не знаю, — сказала она. — Но сейчас они точно не бедствуют.

— Я просто хотел сказать, что он не имеет к нему *отношения*. Понимаешь? — Он пристально посмотрел на нее. — Он купил автомат за деньги и заплатил людям, чтобы его отремонтировали и настроили. А потом заплатил *другим* людям, чтобы они его привезли. Он говорит, это *его* автомат, но он… он не… я не знаю, как это сказать.

— Он не сделал его своими руками? — Хотя страх нарастал, ее голос звучал спокойно и мягко.

— Да! Точно! Он купил его за деньги, но не имеет к нему какого-нибудь отношения…

– *Никакого* отношения, — поправила Черити.

— Да, никакого. Но при этом… не знаю… приписывает все заслуги себе. Как будто он сам его сделал.

— Он говорил, это сложный, чувствительный механизм…

— А папа отремонтировал бы его сам, — убежденно произнес Бретт, и Черити показалось, что где-то резко захлопнулась дверь, с громким, бесповоротным и страшным стуком. Не где-то в

доме. А у нее в сердце. — Папа его починил бы, настроил, и тогда это был бы *его* автомат.

— Бретт, — сказала она и сама поразилась тому, как слабо и жалко звучал ее голос. Она как будто оправдывалась перед сыном. — Не все умеют ремонтировать технику, как твой папа.

— Да, я понимаю. — Он опять оглядел кабинет. — Но это как-то неправильно, что дядя Джим приписывает все заслуги себе лишь потому, что у него есть деньги. Понимаешь? Вот что мне… что меня беспокоит.

Она вдруг разозлилась на сына. Ей хотелось схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть; закричать во весь голос, чтобы вбить ему в голову простую истину. Деньги не падают с неба; обычно они достаются трудом и упорством, а для того, чтобы упорно трудиться, нужны твердый характер и сильная воля. Ей хотелось сказать ему, что пока его папа повышал свои навыки слесаря-самоучки и почти каждый вечер накачивался спиртным в компании таких же любителей выпить и потравить пошлые анекдоты, Джим Брукс учился на юридическом факультете — учился как проклятый, перегружая себе мозги, чтобы сдать все положенные экзамены и получить диплом. Потому что диплом — это пропуск в

достойную жизнь. Твой билет на карусель. Сам по себе диплом не означает, что ты непременно разбогатеешь и добьешься успеха, но у тебя будет шанс *попытаться* чего-то добиться.

— Иди спать, — тихо проговорила она. — Ты можешь думать о дяде Джиме все что угодно. Но… дай ему шанс, Бретт. Не суди о нем только по этому… — Они как раз проходили через «комнату отдыха», и Черити указала большим пальцем на музыкальный автомат.

— Хорошо, — сказал Бретт.

Они вошли в кухню, где Холли варила какао на всех четверых. Джим-младший и Гретхен уже давно спали.

— Дозвонилась до мужа? — спросила Холли.

— Нет. Видимо, пошел в гости к приятелю, — сказала Черити. — Позвоню завтра утром.

— Будешь какао, Бретт? — спросила Холли.

— Да, спасибо.

Черити наблюдала, как он уселся за стол. Положил на столешницу локоть и тут же убрал, вспомнив, что это невежливо. Ее сердце сжималось, переполняясь любовью, надеждой и страхом.

Время, подумала она. *Время и понимание. Дай ему время дойти до всего самому. Если будешь*

давить на него, точно его потеряешь.

Но сколько у них времени? Всего неделя, а потом он вернется домой, под влияние Джо. Присев рядом с сыном и поблагодарив Холли за чашку горячего какао, Черити снова задумалась о разводе.

* * *

Ей снилось, что пришел Вик.

Просто подошел к «пинто» и распахнул дверь. На нем был его лучший костюм, темно-серая тройка (Донна вечно поддразнивала его, что в этом костюме он похож на Джерри Форда, только без лысины). *Идем*, сказал он, улыбнувшись. *Надо скорее возвращаться домой, пока нет вампиров.*

Она пыталась его предупредить, сказать, что у пса бешенство, но голоса не было. Внезапно Куджо выскочил из темноты — голова низко опущена, в груди клокочет глухой угрожающий рык. *Берегись!* — пыталась крикнуть она. *Его укус значит смерть!* Но не сумела издать ни звука.

Однако прежде чем Куджо набросился на Вика, тот обернулся и указал на пса пальцем. Шерсть Куджо вмиг побелела. Его слезящиеся глаза укатились в глубины черепа, как две красные бусины. Нос отвалился и разбился о гравий, как

черное стекло. Теперь на подъездной дорожке лежала лишь белая шуба.

Не бойся, сказал Вик в сновидении. *Не бойся этого старого пса. Это всего лишь обычная шуба. Ты уже получила почту? Не беспокойся о псе. Скоро принесут почту. Почта важнее, да? Почта…*

Его голос отодвинулся вдаль, превратился в едва различимое гулкое эхо. И внезапно стал вовсе не голосом из ее сна, а воспоминанием о приснившемся сне — Донна проснулась, и у нее по щекам текли слезы. Она плакала прямо во сне. Она посмотрела на часы у себя на руке: четверть второго. Тэд крепко спал, так и не вынув палец изо рта.

Не беспокойся о псе. Скоро принесут почту. Почта важнее.

Она вдруг поняла, почему ее мысли вновь и вновь возвращались к той бандероли на крышке почтового ящика. Ответ, вертевшийся в глубине подсознания, наконец-то пробился наверх. Даже странно, что она не додумалась до этого раньше. Может быть, потому, что все было так очевидно, так просто. Элементарно, мой дорогой Ватсон. Вчера был понедельник, и почтальон принес Камберам почту. О чем свидетельствует бандероль от «Дж. К. Уитни».

Сегодня вторник, и почтальон придет снова.

Слезы облегчения потекли по ее еще мокрым щекам. Ей пришлось сдерживать себя изо всех сил, чтобы не разбудить Тэда и не сказать ему, что все будет хорошо, что самое позднее в два часа дня — а скорее всего, в десять-одиннадцать утра, если почтовая доставка работает здесь так же четко, как почти везде в городе, — этот кошмар наконец-то закончится.

Почтальон приедет сюда, даже если сегодня нет почты для Камберов, вот в чем вся прелесть. Почтальон в любом случае должен проверить, не поднят ли флажок, что означает исходящую почту. Он обязательно доберется до дома Камберов в конечном пункте маршрута на городском шоссе номер 3, и сегодня его встретит женщина, истерично рыдающая от облегчения.

Она посмотрела на коробку для завтраков и подумала, что у них еще есть еда. Она хотела поберечь ее на случай… просто на всякий случай. Теперь это уже не так важно, хотя Тэд наверняка проснется голодным. Она доела оставшиеся кусочки огурца. Тэд все равно не любит огурцы. Сегодня ему предстоит странный завтрак, подумала Донна с улыбкой. Инжирные батончики, оливки и копченые колбасные палочки.

Доедая последний огурец, она поняла, что в этой истории ее больше всего пугают совпадения. Череда совпадений, по отдельности совершенно случайных, но вкупе похожих на злую судьбу, решившую поиздеваться конкретно над ней. Поэтому пес и кажется ей таким ужасным… полным враждебных намерений лично против нее. Вик уехал на десять дней — это раз. Вик позвонил днем, а не вечером — это два. Если бы он позвонил позже и не застал никого дома, то позвонил бы еще раз, и еще раз, и еще — и начал бы волноваться. Все трое Камберов куда-то уехали, причем явно надолго, как минимум на одну ночь, — это три. Мать, сын и отец. Все уехали. Но оставили дома собаку. Да. Уехали и…

Внезапно ее поразила страшная догадка, так, что она даже застыла на миг, не дожевав последний кусочек огурца. Она пыталась прогнать эту мысль, но мысль настойчиво возвращалась. В ней была своя жуткая, неумолимая логика.

А вдруг они все мертвы? Лежат там, в сарае, все трое?

Перед глазами встала пугающая картина. Болезненно-яркая, как воспоминание о страшном сне в первые секунды после пробуждения. Три тела лежат на полу, будто сломанные игрушки,

опилки вокруг них пропитаны кровью, их тусклые глаза глядят в темноту, где на балках под потолком воркуют ласточки, их одежда разорвана в клочья, выдранные куски мяса…

Нет, это безумие, это…

Может быть, первым он загрыз мальчика. Родители были на кухне или наверху, в спальне, где наспех занимались любовью. Они услышали крики. Выбежали наружу…

(немедленно прекрати)

…они выбежали наружу, но мальчик был уже мертв, пес перегрыз ему горло, и пока они оба стояли столбом, пораженные гибелью сына, сенбернар выскочил из темноты, страшная машина убийства, да, кровожадное бешеное чудовище вышло из темноты, глухо рыча. Сначала он бросился на женщину, и мужчина попытался ее спасти…

(нет, он схватил бы ружье или гаечный ключ и пробил бы псу голову. И где их машина? У них же была легковая машина. Они сели в машину и поехали на семейное торжество… Слышишь меня? НА СЕМЕЙНОЕ ТОРЖЕСТВО)

Тогда почему никто не пришел покормить пса?

Вполне логичный вопрос. Собственно, тем он и страшен. Почему никто не пришел покормить

пса? Потому что если ты уезжаешь из дома на день или два, то обязательно договариваешься с соседями. Они кормят твоего пса, а потом, когда им надо будет куда-то уехать, ты кормишь их кошку, или попугайчика, или рыбок. Тогда почему…

И пес постоянно уходит в сарай.

Он там что-то ест?

Вот и ответ, подумала она с облегчением. *Они не нашли никого, кто будет кормить пса, и перед отъездом насыпали ему целый таз сухого корма.*

Но потом ей в голову пришла та же мысль, что посетила Джо Камбера еще в самом начале этого долгого-долгого дня. Такой крупный пес сожрет сразу все, что есть в миске, а потом будет ходить голодным. Если ты уезжаешь надолго, лучше с кем-нибудь договориться, чтобы он приходил кормить собаку. С другой стороны, может быть, Камберы не собирались задерживаться. Может быть, они и вправду поехали на семейное торжество и Джо Камбер выпил лишнего и отрубился. Может, то. Может, это. Какой смысл гадать?

Пес ходит в сарай, чтобы поесть?

(что он там ест? собачий корм? или мертвых людей?)

Она выплюнула на ладонь недожеванный

огурец. Тошнота подступила к горлу, желудок стремился избавиться от уже съеденного. Донна удержала приступ тошноты силой воли. Она умела быть очень решительной, когда это действительно необходимо. Камберы уехали и оставили псу сухой корм. Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы это понять. А все остальное — от нервов.

Но картина с растерзанными телами упорно стояла перед глазами. Особенно четко ей виделись опилки, пропитавшиеся темной кровью цвета копченых сосисок в натуральной оболочке.

Прекрати. Думай о почтальоне, если тебе обязательно нужно о чем-то думать. Думай о завтрашнем дне. Думай о спасении.

Откуда-то слева, с водительской стороны, донесся тихий скрежет.

Она не хотела смотреть в ту сторону, но все равно посмотрела. Голова повернулась сама собой, словно ее подтолкнули невидимые руки. Что-то хрустнуло в шее. Куджо стоял за окном и смотрел на нее. Он был совсем близко, меньше чем в шести дюймах. Их разделяло лишь автомобильное стекло. Его красные, мутные глаза глядели на Донну в упор. Белые хлопья на его морде напоми-

нали засохшую пену для бритья.

Куджо ей улыбался.

Она почувствовала, как из груди поднимается крик, подступает к горлу плотным, тяжелым комом. Ей опять показалось, что она слышит мысли Куджо: *Я до тебя доберусь, детка. Даже не сомневайся. Думай о почтальоне сколько угодно. Я убью и его тоже, если так будет нужно. Убью, как убил всех троих Камберов. Как убью тебя и твоего малыша. Привыкай к этой мысли. Привыкай…*

Крик уже рвался из горла. Крик был живым существом, что стремилось пробиться наружу, и все навалилось на нее разом: Тэд захотел писать, и она опустила стекло на несколько дюймов и подняла его так, чтобы он смог сделать свои дела за окно, и все время смотрела, не покажется ли Куджо, и Тэд очень долго не мог выжать из себя ни капли, и у нее разболелись руки; потом ей приснился какой-то бредовый сон, потом пришли мысли о мертвых Камберах, а теперь еще это…

Пес ей улыбался; он ей улыбался, его звали Куджо, и его укус означал смерть.

Ей надо было закричать,

(но Тэд)

чтобы не сойти с ума.

(спит)

Она стиснула зубы, пытаясь удержать крик, как только что удержала подступавшую к горлу тошноту. Это была непростая борьба. Наконец ее сердце забилось ровнее, и она поняла, что уже не закричит.

Она улыбнулась псу и подняла два средних пальца. Поднесла их к стеклу, слегка затуманенному снаружи от дыхания Куджо.

— Хрен тебе, — прошептала она.

Спустя целую вечность пес опустил передние лапы на землю и пошел обратно в сарай. Мысли Донны вновь потекли тем же темным путем,

(что он там ест?)

и она решительно отгородилась от них, словно захлопнула дверь в голове.

Но уже было понятно, что теперь она долго не сможет уснуть, а до рассвета еще далеко. Она сидела, пытаясь справиться с дрожью в руках, и твердила себе, что это глупо и просто смешно: думать, будто взбесившийся пес — это чудовище, сбежавшее из шкафа Тэда. Думать, будто он знает что-то такое, чего не знает она сама.

* * *

Вик дернулся и проснулся в полной темноте. Его учащенное дыхание сушило горло, как соль.

Сердце стучало в груди, как молот, и он совершенно не понимал, где находится и что с ним происходит. На секунду ему показалось, что он сейчас упадет.

Он схватился за край кровати, закрыл глаза и заставил себя собраться.

(ты сейчас)

Он открыл глаза. Увидел окно, тумбочку у кровати, настольную лампу.

(в отеле «Ритц-Карлтон» в Бостоне, штат Массачусетс)

Он сразу расслабился. Стоило определиться с отправной точкой, все сразу встало на свои места. Вик сам удивился, с чего бы вдруг так растерялся, пусть даже на миг. Наверное, просто из-за незнакомого места. И еще из-за приснившегося кошмара.

Кошмар! Боже правый, это было сильно. В последний раз ему снились кошмары, когда он был подростком, и его донимали страшные сны о падении в пропасть. На тумбочке у кровати стоял дорожный будильник. Вик взял его двумя руками и поднес поближе к глазам. Без двадцати два. На соседней кровати легонько похрапывал Роджер, и теперь, когда глаза Вика привыкли к темноте, он разглядел, что Роджер лежит на спине, сбро-

сив во сне простыню. На нем была совершенно дурацкая пижама в крошечных желтых университетских вымпелах.

Вик поднялся с кровати, тихо прошел в ванную и закрыл дверь. На столике рядом с раковиной лежали сигареты Роджера. Вик взял одну. Он в этом нуждался. Он курил, сидя на унитазе и стряхивая пепел в раковину.

Беспокойный сон, как сказала бы Донна. И видит Бог, ему есть о чем беспокоиться. Хотя сегодня он лег в постель в половине одиннадцатого в таком замечательном настроении, какого у него не было всю прошедшую неделю. Вернувшись в отель, они с Роджером еще полчаса просидели в баре, обсуждая идею с публичными извинениями, а потом Роджер порылся в своем безразмерном бумажнике и нашел карточку с номером домашнего телефона Янси Харрингтона. Актера, игравшего профессора Шарпа.

— Прежде чем все затевать, надо выяснить, согласится он или нет, — сказал Роджер, набирая номер Харрингтона, жившего в Уэстпорте, штат Коннектикут. Вик не знал, чего ожидать. Скорее всего, Харрингтона придется уламывать — все же история с «Колючками» отразилась и на нем тоже и, с его точки зрения, изрядно подпортила

ему репутацию.

Но их обоих ждал приятный сюрприз. Харрингтон сразу же согласился. Будучи реалистом, он понимал, что профессору Шарпу пришел конец («Бедняга дал дуба», — хмуро сказал Харрингтон). Но он тоже считал, что последний сюжет с объяснениями будет полезен компании. Чтобы, образно выражаясь, закрыть неприятную тему и вернуть поезд обратно на рельсы.

— Хрена лысого, — сказал Роджер, повесив трубку. — Ему просто хочется еще раз выйти к зрителям на последний поклон. Далеко не у каждого из актеров рекламы есть такая возможность. Он купил бы билет до Бостона за свой счет, если бы мы попросили.

Так что Вик лег спать довольным, уснул почти сразу, и ему приснился сон. В этом сне он стоял у закрытого шкафа в комнате Тэда и объяснял сыну, что там ничего нет. Совсем ничего. *Я тебе покажу, чтобы ты убедился раз и навсегда*, сказал он и открыл шкаф. Там не было ни вещей, ни игрушек. В шкафу Тэда рос лес — старые сосны и ели, древние лиственные деревья. Пол был усыпан душистыми иглами и прелыми листьями. Вик разгреб их ногой, но не увидел под ними крашеных досок. Нога взрыла плотную черную

землю.

Он вошел в шкаф, и дверца закрылась у него за спиной. Но это не страшно. Света было достаточно. Вик увидел тропинку и пошел по ней. Внезапно он понял, что за спиной у него — рюкзак, а на плече — сумка с провизией. Вдалеке пели птицы, ветер шумел в кронах деревьев. Семь лет назад, еще до «Эд уоркс», они все вчетвером ходили в поход по Аппалачской тропе, и там был точно такой же лес, как в его сне. Они ездили в Аппалачи всего один раз, а потом проводили все отпуска на побережье. Вик, Донна и Роджер замечательно провели время в горах, но Алтия Брекстон ненавидела туристические походы, а под конец еще и напоролась на ядовитый сумах и несколько дней люто чесалась.

Первая половина сна была довольно приятной. Сама мысль, что в шкафу Тэда скрыт целый мир, казалась по-своему заманчивой и чудесной. Потом Вик вышел на поляну и увидел… тут сон начал путаться, как обычно бывает незадолго до пробуждения.

На другой стороне поляны высились горы, отвесные серые скалы до самого неба. На высоте около двадцати футов от земли виднелась пещера — нет, не пещера, а просто ниша, углуб-

ление в скале с ровным полом. В нише сидели, съежившись, Донна и Тэд. И не просто сидели, а прятались от чудовища, что бесновалось внизу и пыталось допрыгнуть до них. Схватить. И сожрать.

Вику вспомнилась сцена из первого «Кинг-Конга», где гигантская обезьяна стряхнула в пропасть людей, пытавшихся спасти Фэй Рэй, и теперь хочет добраться до единственного уцелевшего человека, укрывшегося в пещере.

Однако чудовище в его сне было не обезьяной. Это был… кто? Дракон? Нет, не дракон. Не динозавр, не тролль. Вик никак не мог сообразить. Кем бы ни было это чудовище, добраться до Донны и Тэда оно не могло и потому поджидало внизу со смертоносным терпением кошки, караулящей мышь.

Вик побежал к ним. Он бежал изо всех сил, но не приблизился к дальнему краю поляны ни на шаг. Он слышал, как Донна зовет на помощь, и пытался кричать в ответ, но звук его голоса уносился не дальше двух футов от рта. Первым Вика заметил Тэд.

— *Они не действуют!* — крикнул он, и в его голосе было столько отчаяния и безысходности, что у Вика все похолодело внутри. — *Папа, Слова*

против чудовищ не действуют! Они не действуют! Ты меня обманул, папа! Ты меня обманул!

Вик побежал еще быстрее, но впечатление было такое, будто он бежит на месте, по «бегущей дорожке» в тренажерном зале. Присмотревшись получше к земле у подножия скал, он разглядел груду иссохших костей и оскаленных черепов, заросших пушистым зеленым мхом.

Вот тогда он и проснулся.

Так кем же было чудовище в его сне?

Он не помнил. Сон уже забывался, отодвигаясь все дальше и дальше, как пейзаж в перевернутой подзорной трубе. Вик бросил окурок в унитаз, спустил воду и открыл кран над раковиной, чтобы смыть пепел.

Он помочился, выключил свет и вернулся в постель. Лег головой на подушку, посмотрел на телефон и вдруг ощутил странное, иррациональное желание позвонить домой. Иррациональное? Это еще мягко сказано. Сейчас глубокая ночь. Без десяти два. Он не просто разбудит Донну, но и перепугает ее до смерти. Нельзя понимать сны буквально; все это знают. Когда твое дело и твой брак грозят одновременно рухнуть в тартарары, подсознание может выдать еще и не такое.

И все же просто услышать ее голос, убедиться,

что с ней все в порядке…

Он отвернулся от телефона, взбил подушку и решительно закрыл глаза.

Позвонишь ей утром, если тебе так тревожно. Сразу после завтрака.

Он успокоился и вскоре снова уснул. На этот раз ему ничего не приснилось — а если приснилось, то не отложилось в сознании. Утром во вторник он проснулся под звон будильника и напрочь забыл сон о чудовище на поляне. Лишь смутно помнил, что ночью зачем-то вставал. В тот день он вообще не звонил домой.

* * *

Утром во вторник Черити Камбер проснулась ровно в пять и тоже сперва растерялась — желтые обои вместо деревянной обшивки, зеленые узорчатые занавески вместо белого ситца, узкая односпальная кровать вместо широкой двуспальной, уже начавшей проседать посередине.

Потом она вспомнила, где находится — Стратфорд, штат Коннектикут, — и ощутила прилив радостного предвкушения. Они с сестрой проведут целый день вместе, вспомнят прежние времена и расскажут друг другу, как жили в последние годы. И Холли обещала свозить ее в

Бриджпорт — пройтись по магазинам.

Черити проснулась на полтора часа раньше обычного и, наверное, на два часа раньше, чем принято просыпаться в доме сестры. Но первые две ночи на новом месте всегда плохо спится — так говорила их мама. И это правда.

Тишина постепенно наполнилась негромкими звуками. Черити лежала, прислушиваясь и глядя на жиденький утренний свет, проникавший в окно сквозь неплотно задернутые занавески… первый свет нового дня, всегда такой белый, прозрачный и чистый. Она слышала, как скрипнула половица. Как где-то снаружи запела сойка. Как проехала первая утренняя электричка до Уэстпорта, Гринвича и Нью-Йорка.

Снова скрипнула половица.

И еще раз. И еще.

Это не звуки усадки дома. Это чьи-то шаги.

Черити села на постели. Одеяло собралось складками вокруг пояса ее скромной розовой ночной рубашки. Теперь шаги медленно спускались по лестнице. Легкая, мягкая поступь: кто-то шел босиком или в одних носках. Это был Бретт. Когда долго живешь с человеком, быстро учишься узнавать звуки его шагов. Они навсегда закрепляются в памяти, как формы доисториче-

ских листьев, отпечатавшихся на камнях.

Она откинула одеяло, встала и подошла к двери. Ее комната выходила на лестничную площадку на втором этаже, и она успела заметить макушку Бретта, спускавшегося по лестнице. Его всклокоченный хохолок на секунду мелькнул, а потом скрылся из виду.

Она пошла следом за ним.

Когда Черити подошла к лестнице, Бретт уже сворачивал в коридор, ведущий из прихожей в кухню. Она открыла рот, собираясь его окликнуть… и тут же закрыла. Они все-таки в чужом доме, где все еще спят.

К тому же что-то такое в его походке… в положении тела… хотя прошло уже несколько лет…

Она спустилась по лестнице быстро и почти бесшумно, потому что была босиком. Прошла следом за Бреттом на кухню, но не стала входить — остановилась в дверях. Он был голый по пояс, в одних голубых пижамных штанах с белыми хлопковыми завязками, свисавшими чуть ниже аккуратной мальчишеской промежности. Хотя лето еще даже не перевалило за середину, он уже загорел дочерна — Бретт был смуглым, как отец, и легко загорал.

Стоя в дверях, Черити видела его в профиль.

Прозрачный утренний свет омывал его тело, пока он что-то высматривал в кухонных шкафчиках, висевших над раковиной и плитой. Ее сердце наполнилось страхом и изумлением. *Какой он красивый*, подумала Черити. *Все, что есть или было красивого в нас, — все досталось ему*. Она не забудет эти минуты, когда увидела сына в одних пижамных штанах и почти разгадала тайну его прекрасного детства, которое так быстро проходит. Она любовалась его худым, но мускулистым телом, его крепкими ягодицами, его чистыми босыми пятками. Ее любящим материнским глазам он представлялся… подлинным совершенством.

Бретт ее не замечал, потому что спал. Он и раньше, случалось, ходил во сне; в общей сложности около дюжины раз, в возрасте от четырех до восьми лет. Ее это тревожило — даже пугало, — и она обратилась за консультацией к доктору Грешему (без ведома Джо). Она не боялась, что Бретт сходит с ума — каждому, кто его знал, сразу было ясно, что он абсолютно нормальный, смышленый мальчик, — но она опасалась, что в таком состоянии он может пораниться. Доктор Грешем сказал, что такое очень маловероятно и что почти все нелепые представления о снохождении сложились у публики под влиянием низкобюд-

жетных фильмов, чьи создатели не потрудились изучить вопрос.

— Мы мало что знаем о лунатизме, — сказал он. — Однако мы знаем, что он чаще встречается у детей, чем у взрослых. Ребенок постоянно растет, взаимодействие между сознанием и телом укрепляется из года в год, миссис Камбер, и многие специалисты считают, что снохождение — это симптом временного и весьма незначительного дисбаланса между ростом сознания и ростом тела.

— Как боли при росте? — с сомнением спросила она.

— Вот именно, — улыбнулся Грешем. Он начертил на листочке колоколообразную кривую линию и объяснил, что лунатизм Бретта достигнет пика, какое-то время продержится в верхней точке, после чего потихоньку пойдет на спад. И пройдет окончательно сам собой.

Она ушла, несколько успокоенная уверениями врача, что Бретт не выйдет во сне из окна и не забредет на середину скоростного шоссе, но она мало что поняла. Через неделю она привела к доктору Бретта. Ему тогда только-только исполнилось шесть. Грешем его осмотрел и признал абсолютно здоровым. И кстати, доктор был прав.

В последний раз Бретт ходил во сне больше двух лет назад.

До сегодняшнего утра.

Бретт открывал шкафчики один за другим, рассматривал их содержимое и аккуратно закрывал дверцы, прежде чем перейти к следующему шкафу, где хранилась посуда, дополнительные элементы для плиты, аккуратные стопки кухонных полотенец, молочник, неполный старый стеклянный сервиз. Глаза у Бретта были открыты, но взгляд оставался пустым и застывшим, и Черити почему-то не сомневалась, что он сейчас видит совсем другую посуду в совсем другом месте.

Ее охватил давний беспомощный страх, который она уже успела забыть: страх родителей маленького ребенка, когда тот болеет. Когда у него режутся зубки, или поднимается температура после прививки, или случается круп или ушная инфекция, или кровотечение от пореза долго не прекращается. *О чем он думает?* — размышляла она. *Где он сейчас? И почему теперь, если два года все было нормально?* Может быть, из-за отъезда из дома? Он же вроде бы не тосковал… по крайней мере, до этой минуты.

Бретт открыл последний шкафчик и достал розовый соусник. Поставил на разделочный стол.

Взял что-то из воздуха и как бы высыпал в соусник. Руки Черити покрылись гусиной кожей. Она поняла, где он находится и что делает. Дома он это проделывал каждый день. Бретт кормил Куджо.

Она непроизвольно шагнула к нему, но тут же остановилась. Она не верила в сказки о том, что может случиться, если разбудить человека, когда тот ходит во сне: душа навсегда отделится от тела, человек сразу лишится рассудка или даже умрет на месте, — это все ерунда, тут можно не спрашивать ни у каких докторов. Она прочла книгу о лунатизме, которую заказала по межбиблиотечному абонементу в Портлендской городской библиотеке… но и без книги все было понятно. Простой здравый смысл ей подсказывал, что если разбудишь лунатика, ничего страшного не случится — он просто проснется. Может быть, будут слезы или даже легкая истерика, но только из-за дезориентации при пробуждении.

И все же она никогда не будила Бретта во время прежних ночных хождений. И теперь тоже не стала будить. Простой здравый смысл — это одно. Беспричинный страх — совсем другое, а ей действительно вдруг стало страшно. Почему — непонятно. Что такого ужасного в том, что Бретт во сне кормит пса? Вовсе не удивительно, что ему

снится Куджо, ведь он так за него беспокоится.

Бретт наклонился, опустив соусник к самому полу. Завязки на его пижамных штанах образовали белую линию под прямым углом к красно-черной плоскости линолеума. У него на лице отразилась замедленная пантомима печали. Потом он заговорил, вернее, пробормотал, как обычно бормочут спящие, быстро, гортанно, почти неразборчиво. В самих словах не было никаких чувств, все чувства таились внутри — в коконе сновидения, настолько яркого, что оно заставило Бретта ходить во сне, чего не случалось ни разу за последние два года. В этих словах не было ничего страшного, но Черити невольно схватилась рукой за горло. Ее кожа была холодной, как лед.

— Куджо больше не голоден, — сказал Бретт и выпрямился, прижимая соусник к груди. — Больше не голоден, нет.

Он неподвижно застыл у разделочного стола, и Черити тоже застыла в дверях. По его щеке скатилась единственная слезинка. Он поставил соусник на стол и пошел к двери. Его глаза были открыты, но невидящий взгляд равнодушно скользнул по Черити, словно ее тут не было. Внезапно Бретт остановился, обернулся через плечо

и сказал кому-то невидимому:

— Ищите в траве.

Черити шагнула в сторону, освобождая ему дорогу. Она по-прежнему прижимала ладонь к горлу. Бесшумно ступая босыми ногами, Бретт прошел мимо нее и направился к лестнице в конце коридора.

Она хотела пойти за ним, но вспомнила про соусник. Тот одиноко стоял на совершенно пустом столе, как центральная точка некоего странного натюрморта. Она взяла его, и соусник чуть не выскользнул у нее из руки — она только теперь поняла, что ее пальцы мокры от пота. Она все-таки удержала его двумя руками, с ужасом представляя, как он падает и с грохотом разбивается о пол в тихом, спящем доме. Она убрала его в шкафчик, закрыла дверцу и на секунду застыла столбом, слушая тяжелый стук своего сердца и ощущая себя абсолютно чужой в этой кухне. Она и была здесь чужой. Потом она пошла следом за сыном.

Когда она заглянула к нему в комнату, он уже лежал в постели. Натянул простыню до самого подбородка и повернулся на левый бок — его обычная поза для сна. Хотя Черити знала, что все закончилось, она еще долго стояла в дверях, с

тревогой глядя на сына.

Кто-то закашлялся в комнате в дальнем конце коридора, напомнив ей еще раз, что она в чужом доме. Ей вдруг отчаянно захотелось домой; в груди все онемело, словно ее накачали стоматологической заморозкой. В этом тихом, прозрачном утреннем свете мысли о разводе показались ей по-ребячески глупыми и далекими от реальности. Здесь легко предаваться дурацким фантазиям. Это не ее дом. Не ее жизнь.

Но почему ее так напугала пантомима с кормлением Куджо? Почему ее так напугали слова, произнесенные Бреттом во сне? *Куджо больше не голоден. Больше не голоден, нет.*

Она вернулась к себе и лежала в постели, пока не взошло солнце, озарившее комнату ярким светом. За завтраком Бретт вел себя как обычно. Он не вспоминал о Куджо и, похоже, забыл о вчерашнем намерении позвонить домой прямо с утра. После долгих споров с собой Черити решила не затевать никаких разговоров. Пусть все пока остается как есть.

* * *

Было жарко.

Донна еще чуть-чуть приоткрыла свое окно

— примерно на четверть, на большее она не осмелилась, — и перегнулась через Тэда, чтобы приоткрыть и его окно тоже. Вот тогда-то она и заметила смятый желтый листок у него на коленях.

— Что это, Тэд?

Он посмотрел на нее. У него под глазами залегли темные круги.

— Слова против чудовищ, — сказал он.

— Можно мне посмотреть?

Он вцепился в листок мертвой хваткой, но потом отпустил и разрешил Донне его забрать. Его лицо сделалось настороженным и недоверчивым — он как будто боялся, что мама отберет листок насовсем, — и она ощутила укол острой ревности. Всего на секунду, но очень сильно. Она оберегает его от опасности, она делает все, чтобы с ним ничего не случилось, а он так трясется над этим листочком с дурацкой выдумкой Вика. Впрочем, ревность тут же сменилась смущением, грустью и отвращением к себе. Это из-за нее Тэд оказался в опасности. Если бы она не поддалась на его уговоры и оставила его с няней…

— Я вчера положил их в карман, — сказал он. — Когда мы поехали в магазин. Мам, чудовище нас съест?

— Это не чудовище, Тэд. Это просто *собака*. И она нас не съест! — Ее голос прозвучал резче, чем хотелось бы ей самой. — Я же сказала: когда придет почтальон, мы поедем домой.

И еще я говорила, что мотор заведется, если чуть подождать. И что помощь придет, и что Камберы скоро вернутся…

Но что толку об этом думать?

— Ты отдашь мне обратно мои Слова против чудовищ? — спросил он.

Ее вдруг охватило безумное желание разорвать этот мятый, захватанный потными пальчиками листок на мелкие кусочки и вышвырнуть их в окно, как конфетти. Она отдала листок Тэду и схватилась за голову, пристыженная и напуганная. Господи, что с ней творится? Откуда такие садистские мысли? Малышу и так плохо, а она чуть не сделала еще хуже. Почему? Из-за Вика? Из-за себя? Почему?

Было жарко — слишком жарко для размышлений. Пот стекал по лицу в три ручья, и Донна видела, что Тэд тоже весь мокрый. Его светлые волосы прилипли к голове некрасивыми клочьями и казались гораздо темнее обычного. *Надо помыть ему голову*, рассеянно подумала она и снова вспомнила о пузырьке с детским шампу-

нем, стоящем в шкафчике в ванной и ждущем, когда его кто-то возьмет и выльет в ладонь нужную порцию.

(*держи себя в руках*)

Да, конечно. У нее *нет причин* паниковать. Все будет хорошо, правда? Конечно, да. Пса не видно уже больше часа. И почтальон. Сейчас почти десять утра. Скоро придет почтальон, и тогда будет уже не важно, что машина нагрелась, как печь. «Парниковый эффект», вот как оно называется. Она читала об этом в буклете Общества по предотвращению жестокого обращения с животными. Этот буклет ей вручили на улице, и там было написано, почему нельзя оставлять собаку в машине, когда на улице жарко. Парниковый эффект. Если машина стоит на солнце с закрытыми окнами, температура в салоне может подняться до ста сорока градусов по Фаренгейту и оставленный в машине питомец погибнет в мучениях, пока вы ходите по магазинам или смотрите фильм в кинотеатре. Донна издала хриплый смешок. У них все получается наоборот. Не люди заперли пса в машине, а пес запер людей.

Но уже скоро придет почтальон. И когда он придет, все закончится. Уже будет не важно, что у них осталась всего четверть термоса молока и

что рано утром ей самой захотелось в туалет, и пришлось делать свои дела в маленький термос Тэда, и он переполнился, и теперь в «пинто» пахло мочой, и гадкий запах только усиливался от жары. Закрытый термос Донна выбросила в окно. Услышала, как он разбился, упав на гравий. И расплакалась.

Но это не важно. Стыдно и унизительно, когда не можешь терпеть и приходится ссать в маленький детский термос, но это не важно. Потому что скоро придет почтальон. Наверное, он уже сейчас загружает дневную почту в свой сине-белый пикап у заросшего плющом кирпичного здания почты на Карбин-стрит… или уже выехал на маршрут и совсем скоро появится здесь. И тогда все кончится. Она отвезет Тэда домой, они поднимутся в ванную на втором этаже и вместе встанут под душ, и она возьмет с полки пузырек с детским шампунем, откроет его, аккуратно положит крышечку на край раковины и сперва вымоет голову Тэду, а потом себе.

Тэд снова принялся читать, что написано на желтом листочке, его губы беззвучно зашевелились. На самом деле он не читал, читать он научится еще не скоро, года через два (*если мы выберемся отсюда*, добавил предательский

внутренний голос), а сейчас он просто повторял слова, которые выучил наизусть. Как неграмотные ученики автошколы зазубривают наизусть правильные ответы для письменного экзамена. Она где-то об этом читала или, может быть, видела по телевизору. Удивительно все же устроен человеческий мозг. Сколько в него помещается всякой ненужной муры. Которая лезет наружу, когда тебе больше нечем заняться. Подсознание выплевывает эту муть, как неисправный измельчитель отходов, вдруг начавший вращаться в обратную сторону.

Ей сразу вспомнился один случай в родительском доме, в те далекие времена, когда она еще там жила. Часа за два до начала очередной маминой «легендарной коктейльной вечеринки» (так называл их отец, с неприкрытым сарказмом, который ужасно бесил маму) измельчитель отходов в кухонной раковине ни с того ни с сего выплеснул содержимое в кухонную раковину, а когда мама включила его еще раз в надежде избавиться от мусора, выдал мощный фонтан зеленой жижи, ударивший в потолок. Донне было четырнадцать лет, но она до сих пор не забыла, как ее покоробила и напугала мамина яростная истерика. Покоробила потому, что мама

срывала злость на своих близких, которые ее любят, причем по такому пустячному поводу: что о ней могут подумать чужие люди, по сути — случайные знакомые, которые придут в ее дом угощаться на халяву. Донна действительно испугалась, потому что в маминой истерике не было *никакой логики*… и потому, что заметила, как папа смотрит на маму. С едва сдерживаемым брезгливым отвращением. Именно тогда она поняла — ощутила нутром, — что ей не хочется становиться такой же, как мама. Что когда вырастет, она постарается стать *лучше* мамы, которая впадает в истерику из-за таких пустяков…

Она закрыла глаза и попыталась прогнать эти мысли. Ее тревожил всплеск собственных бурных эмоций, порожденных этими воспоминаниями. Общество по предотвращению жестокого обращения с животными, парниковый эффект, измельчитель отходов, что дальше? Как я потеряла девственность? Шесть лучших мест для отдыха? *Почтальон*, вот о чем надо думать. *Где этот чертов почтальон?*

— Мам, может, машина сейчас заведется?

— Милый, я боюсь ее заводить. Аккумулятор почти разрядился.

— Но мы *просто сидим*, — капризно и даже

сердито проговорил Тэд. — Какая разница, разрядился он или нет, если мы все равно просто сидим? Ты хотя бы попробуй ее завести!

— Не указывай, что мне делать. А то получишь по попе!

Он испуганно съежился от ее резких слов, и она снова мысленно отругала себя. Малыш уже на пределе… что вполне объяснимо. Она сама вся на нервах. К тому же он прав. Наверное, поэтому она и злится. Тэд полностью прав, но он просто не понимает, что ей страшно пробовать заводить двигатель. Потому что на звук может выйти Куджо, и если он выйдет, а машина не заведется… нет, лучше и вовсе об этом не думать.

С угрюмой решимостью она повернула ключ в замке зажигания. Мотор медленно провернулся, пару раз протестующе кашлянул, но не завелся. Она выключила зажигание и нажала клаксон. Он выдал слабый, глухой гудок, который наверняка было не слышно на расстоянии пятидесяти ярдов, а уж в доме у подножия холма — и подавно.

— Ну вот, — жестко проговорила она. — Ты доволен? Прекрасно.

Тэд расплакался. Точно так же, как плакал, когда был младенцем: его губы скривились дрожащей дугой, слезы потекли по щекам еще

прежде, чем раздались первые всхлипы. Она обняла его и прижала к себе, попросила прощения, сказала, что не хотела его обидеть, просто ей тоже сейчас тяжело, но скоро все кончится, скоро придет почтальон, и они сразу поедут домой, и она вымоет ему голову, и все будет хорошо. А про себя думала: *Значит, ты не хотела становиться такой же, как мама? Ты хотела быть лучше? Ну, флаг тебе в руки. Потому что ты точно такая же, как она. Когда тебе плохо, ты тоже делаешь так, чтобы всем вокруг было плохо. Дочурка вся в маму, яблочко от яблони… ну, в общем, понятно. И может быть, когда Тэд подрастет, он начнет относиться к тебе точно так же, как ты относишься к своей ма…*

— Мам, почему здесь так жарко? — спросил Тэд тусклым голосом.

— Парниковый эффект, — рассеянно отозвалась она. Ничего у нее не получится. Она поняла, что не справится. Если сейчас проходил некий последний экзамен на материнство — или в целом на взрослость, — она безнадежно его завалила. Сколько они тут сидят? Часов пятнадцать, не больше. И она уже еле держится, чтобы не развалиться на части.

— Можно я выпью «Доктора Пеппера», когда

мы вернемся домой? — спросил Тэд. Смятый, промокший от пота листок со Словами против чудовищ лежал у него на коленях, как тряпочка.

— Конечно, можно, — сказала она и обняла его еще крепче. Его тело было пугающе твердым, словно одеревеневшим. Нельзя было кричать на него, подумала она, еще больше смутившись. Если бы я на него не кричала…

Она поклялась себе, что постарается справиться лучше. Потому что уже совсем скоро придет почтальон.

— Мне кажется, что чудови… что собачка нас съест, — сказал Тэд.

Она не стала ничего говорить. Куджо по-прежнему было не видно. Он не вышел на звук мотора. Возможно, он спит. Возможно, он уже умер. Это было бы здорово… особенно если он умирал *медленно*. В страшных мучениях. Донна опять посмотрела на заднюю дверь. Так заманчиво близко. Но дверь заперта. Теперь можно не сомневаться. Когда люди надолго уходят из дома, они запирают все двери. Будет глупо ломиться в закрытую дверь, тем более что уже совсем скоро придет почтальон. Если уж взялся играть, играй так, будто все по-настоящему, иногда говорил Вик. Значит, так и поступим. Тем более что тут у

них не игра. Тут все как раз таки *по-настоящему*. Лучше исходить из того, что пес жив и просто лежит в гараже, где тенек.

Стоило только подумать о тени, и ее рот переполнился слюной.

Уже почти одиннадцать. Еще через час, ближе к двенадцати, Донна заметила что-то в высокой траве у подъездной дорожки со стороны пассажирского сиденья. Она четверть часа разглядывала эту штуку и наконец поняла, что это старая бейсбольная бита с ручкой, обмотанной изолентой.

Спустя пару минут, почти в полдень, из сарая вышел Куджо, тупо щурясь на солнце своими красными, слезящимися глазами.

* * *

Когда они приедут уже за тобой,
Защелкнут браслеты у тебя за спиной,
Когда не дадут вернуться домой
И крепко запрут за тюремной стеной…

Приятный, но слегка вымученный голос Джерри Гарсия плыл по длинному коридору. Выкрученный на полную громкость радиоприемник искажал голос, и казалось, что он звучит

в гулкой стальной трубе. В соседней комнате кто-то стонал. Утром, когда он пошел бриться в вонючий общественный туалет, один писсуар был забит чьей-то блевотой, одна раковина — вся забрызгана засохшей кровью.

Ты все что угодно им там говори, пел Джерри Гарсия, *забудь лишь, что знаешь меня, Шугари.*

Стив Кемп стоял у окна в своей комнате на пятом этаже общежития портлендского отделения Ассоциации молодых христиан. Смотрел на Спринг-стрит и прислушивался к своим ощущениям. Ему было паршиво, а почему — непонятно. В голове было паршиво. Он постоянно думал о Донне Трентон: как он ее пялил в свое удовольствие, а потом почему-то не сделал ей ручкой, а решил задержаться. Ради чего? Что вообще произошло?

Надо было сразу ехать в Айдахо. Он давно собирался в Айдахо. Так почему он не едет? Что его держит? Он не знал, и ему это не нравилось. Ему не нравились все эти вопросы, долбящие мозг. Вопросы мешают достичь состояния безмятежности, необходимого любому художнику для успешного творчества. Утром он посмотрел на себя в грязное зеркало в общественном туалете, и ему показалось, что он постарел. По-настоящему

постарел. Вернувшись в комнату, он увидел на полу таракана, деловито спешившего по своим тараканьим делам. Сплошные дурные знамения.

Она меня бросила не потому, что я старый, подумал он. *Никакой я не старый. Она просто сучка, у которой чешется в одном месте. Я ее ублажил и стал ей не нужен. Но я в долгу не остался. Как твой красавчик-супруг воспринял мое маленькое письмецо, а, Донна? Вряд ли пришел в восторг?*

Он вообще *получил* это письмо?

Стив затушил сигарету в жестяной крышке от банки, служившей здесь пепельницей. Вот главный вопрос. Ответ на него сразу же прояснит все остальные вопросы. И поможет избавиться от этой пакостной власти, которую она получила над ним, когда бросила его раньше, чем он сам собрался ее бросить (она его просто *унизила*, черт возьми).

Внезапно он понял, что надо делать, и его сердце забилось от радостного предвкушения. Он сунул руку в карман, позвенел мелочью. Вышел из комнаты. Время только что перевалило за полдень, и касл-рокский почтальон, на которого так надеялась Донна, уже приближался к участку на Мейпл-Шугар-роуд и городском шоссе номер 3.

* * *

Все утро вторника Вик, Роджер и Роб Мартин провели в студии, потом пошли за пивом и гамбургерами. Пиво, как говорится, лилось рекой, и в какой-то момент Вик осознал, что никогда в жизни так не напивался на деловых ланчах. Обычно он позволял себе только один коктейль или бокал белого вина. Он видел, что происходило даже с очень крутыми нью-йоркскими рекламщиками, когда те не вылезали из сумрачных баров неподалеку от Мэдисон-авеню и часами рассказывали друзьям о грандиозных рекламных кампаниях, которых никогда уже не проведут… или, допившись до полной отключки мозгов, грузили барменов рассказами о гениальных романах, которых никогда не напишут.

Это был странный обед, наполовину победный пир, наполовину поминки. К их идее о последнем сюжете с профессором Шарпом Роб отнесся со сдержанным энтузиазмом, сказал, что отснимет все в лучшем виде… если съемка вообще состоится. Собственно, эта часть относилась к поминкам. Без одобрения старика Шарпа и его въедливого сынули никакого сюжета не будет. И тогда все накроется окончательно.

Вик решил, что при таком положении дел не грех и напиться.

Сейчас, в обеденный перерыв, в ресторане было полно народу, но Вик, Роджер и Роб успели занять угловую кабинку. На столе перед ними лежали недоеденные гамбургеры на развернутых бумажных обертках, весь стол был заставлен пустыми бутылками из-под пива, пепельница давно переполнилась. Вику вспомнился день, когда они с Роджером сидели в «Желтой подводной лодке» в Портленде и обсуждали эту поездку. Тогда им казалось, что все очень плохо. Невероятно, но теперь он вспоминал этот день чуть ли не с ностальгией. И на волне ностальгии подумал о Тэде и Донне. Что они сейчас делают? *Вечером им позвоню*, решил он. *Если не напьюсь до беспамятства и не забуду.*

— И что теперь? — спросил Роб. — Задержитесь в Бостоне или сразу рванете в Нью-Йорк? Если надумаете задержаться, могу достать вам билеты на серию матчей Бостон — Канзас-Сити. Может быть, немного развеселитесь, когда Джордж Бретт снова запорет подачу.

Вик посмотрел на Роджера, который пожал плечами и сказал:

— Наверное, сразу в Нью-Йорк. Спасибо, Роб, но

нам сейчас не до бейсбола.

— Здесь мы пока сделали все, что могли, — добавил Вик. — Мы заранее отвели больше времени на мозговой штурм, но, как я понимаю, мы все согласны с идеей последнего ролика.

— Там еще надо многое доработать, — заметил Роб. — Пока рано гордиться.

— Мы доработаем, — сказал Роджер. — Один день с маркетологами, и все будет готово. Да, Вик?

— Наверное, все же два дня, — сказал Вик. — Но в любом случае мы существенно опережаем собственный график.

— И что потом?

Вик сдержанно улыбнулся:

— Потом позвоним старику Шарпу и договоримся о встрече. Наверное, полетим в Кливленд прямо из Нью-Йорка. «Волшебное таинственное путешествие».

— Увидеть Кливленд и умереть, — угрюмо проговорил Роджер и вылил в бокал остатки пива из бутылки. — Уже прямо не терпится повидаться со старым хрычом.

— Не забываем о младшем хрыче, — усмехнулся Вик.

— Такого забудешь! — скривился Роджер. —

Джентльмены, я предлагаю еще по бутылочке.

Роб посмотрел на часы:

— Вообще-то мне надо…

— Давай по последней, — упорствовал Роджер. — За дружбу старую — до дна! За счастье прежних дней!

Роб пожал плечами:

— Ну ладно. Но мне сегодня еще работать, имейте в виду. Хотя без роликов хлопьев «Шарп» у меня будет время для долгих и обстоятельных обеденных перерывов. — Он поднял пустой бокал, привлекая внимание официанта.

— Скажи, что ты думаешь на самом деле, — попросил его Вик. — Честно и откровенно. Думаешь, ничего не получится?

Роб посмотрел на него, хотел что-то сказать, но лишь покачал головой.

Роджер сказал:

— Нет, давай говори. Мы все в одной лодке. Ну, или в картонке от «Малиновых колючек». Ты не веришь, что что-то получится, да?

— Мне кажется, шансы практически нулевые, — сказал Роб. — Вы подготовите отличную презентацию… вы всегда это умели. Маркетологи в Нью-Йорке тоже сработают на отлично, и мне что-то подсказывает, что вся информация, ко-

торую удастся собрать за такие короткие сроки, пойдет в вашу пользу. И Янси Харрингтон… уж он расстарается по полной программе. Его великая сцена на смертном одре. Он выдаст такой градус трагизма, что Бетт Дейвис в «Победить темноту» покажется Эли Макгроу в «Истории любви».

— Зря ты так, — сказал Роджер.

Роб пожал плечами:

— Да, наверное, я к нему несправедлив. Ладно. Пусть будет выход на бис. Его прощальный поклон. В любом случае я достаточно долго варюсь в этом бизнесе и потому знаю, что после такого сюжета все до единой американские домохозяйки обольются слезами. Такой сюжет сразит *всех* наповал. Но…

Официант принес пиво и сказал Робу:

— Мистер Мартин, мистер Джонсон просил передать, что несколько компаний ждут, пока освободится кабинка.

— Скажите мистеру Джонсону, что мы уже закругляемся, и пусть не ссыт в дорогие штаны. Да, Рокки?

Официант улыбнулся, опустошил пепельницу и кивнул.

Когда он ушел, Роб повернулся обратно к Вику и Роджеру.

— Так в чем загвоздка? Вы сами должны понимать. Вы же умные ребята. Вам не нужен накачавшийся пивом одноногий телеоператор, чтобы подсказать, где именно в поле насрал медведь.

— Шарп не захочет извиняться, — сказал Вик.

Роб салютовал ему бутылкой пива.

— Молодец. Возьми приз.

— Это не извинение, — нахмурился Роджер. — Это *объяснение*.

— Вам это видится так, — сказал Роб. — Но согласится ли он, вот вопрос. Вы сами подумайте. Я пару раз с ним встречался. Старику вряд ли захочется предстать перед публикой капитаном, который первым бежит с тонущего корабля, расталкивая женщин и детей. Или защитником Аламо, сдающим город врагу. Нет, друзья. Я скажу вам, что будет. — Он помедлил и отпил пива. — Мне кажется, выгодное, но прискорбно недолгое сотрудничество очень скоро закончится. Старый гриб Шарп выслушает ваше предложение, покачает седой головой и прогонит вас прочь. Уже навсегда. Следующих рекламных партнеров будет выбирать сын, причем выберет тех, кто, как ему кажется, будет поддерживать его бредовые идеи и прислушиваться к его ценному мнению.

— Может быть, — сказал Роджер. — А может быть, он…

— «Может быть» *ни хрена* не решает, — перебил его Вик. — Единственное различие между хорошим рекламщиком и ярмарочным шарлатаном, продающим лекарство от всех болезней, заключается в том, что хороший рекламщик работает с тем материалом, какой есть под рукой, и старается сделать работу как можно лучше… не отступая от кодекса чести. Собственно, наш ролик как раз об этом. Если он нас завернет, то тем самым откажется от всего самого лучшего и самого честного, что мы можем сделать. И тогда все, конец. — Он потянулся к пепельнице, чтобы затушить сигарету, и чуть не сбил со стола бутылку Роджера, где еще оставалось пиво. У него тряслись руки.

Роб кивнул.

— За это и выпьем. — Он поднял свой бокал. — Джентльмены, у меня тост.

Вик и Роджер тоже подняли бокалы.

Роб на секунду задумался и сказал:

— Пусть все получится, несмотря ни на что.

— Аминь, — сказал Роджер.

Они чокнулись и выпили до дна. Допивая последний глоток, Вик снова подумал о Донне и Тэде.

* * *

Почтальон Джордж Мира приподнял одну ногу в серо-синих форменных брюках и зычно перднул. В последнее время он стал частенько пускать ветры. Это его беспокоило. Причем скопление газов не зависело от того, что он ел. Вчера вечером они с женой ели тосты со сливочным рыбным паштетом, и он пердел. Сегодня утром позавтракал овсяными хлопьями со свежим бананом и снова пердел. В полдень перехватил два чизбургера с майонезом в «Поддатом тигре»… и опять двадцать пять.

Он даже не поленился заглянуть в «Большую домашнюю медицинскую энциклопедию», монументальное двенадцатитомное издание, которое его жена приобретала по тому зараз по купонам, прилагавшимся к чекам из супермаркета в Саут-Пэрисе. То, что Джордж Мира вычитал в статье под названием «ФЛАТУЛЕНЦИЯ ИЗБЫТОЧНАЯ», его совсем не обрадовало. Это мог быть симптом начинающегося гастрита. Или язвы желудка. Или целого ряда заболеваний кишечного тракта, вплоть до злокачественных новообразований. Если в ближайшее время не станет лучше, придется записываться на прием к доктору Квентину. Док-

тор Квентин скажет ему, что он много пердит, потому что стареет, а других причин нет.

Смерть тетушки Эвви Чалмерс стала для Джорджа серьезным ударом — он даже не думал, что будет так сильно переживать из-за старой болтливой калоши, — и в последнее время он старательно избегал мыслей о старости. Лучше будем считать, что приближается не старость, а Золотой век на пенсии, чудесные годы, которые он проведет вдвоем с Кэти. Не нужно будет вставать в половине седьмого. Не нужно будет таскать мешки с почтой и выслушивать этого придурка Майкла Фурнье, начальника почтового отделения Касл-Рока. Не нужно будет морозить причинное место зимой и сходить с ума летом, доставляя посылки и письма приезжим туристам в их летние домики, кемпинги и базы отдыха. Нет, у него самого будут «Экскурсии по живописным местам Новой Англии». Будут «Тихие радости домашнего садоводства». Будут «Всевозможные новые хобби». И самое главное, у него будут «Отдых и расслабон». Понятно, что в эту чудесную картину Золотого века на пенсии никак не вписывалась перспектива непрестанного пердежа, словно у тебя в заднице стоит неисправный реактивный двигатель.

Он свернул на городское шоссе номер 3 и поморщился, когда слепящие лучи солнца ударили в ветровое стекло его сине-белого почтового фургона. Лето выдалось жарким, как и предсказывала тетушка Эвви, — куда уж жарче. Он слышал сонный стрекот сверчков в высокой летней траве у дороги и представлял дивные картины из грядущего Золотого века на пенсии, например, «Джордж отдыхает в саду в гамаке».

Он остановился у дома Милликенов и запихнул в почтовый ящик рекламный буклет продуктового дискаунтера и счет за электроэнергию. Сегодня такие счета пришли всем, но Джордж очень надеялся, что ребята из энергосбыта не задохнутся, пока будут сидеть, затаив дыхание, в ожидании оплаты от Милликенов. Милликены — нищие голодранцы, как и Гэри Первье чуть дальше по дороге. Жаль, что Первье так опустился: герой войны, кавалер креста «За выдающиеся заслуги», и в кого он теперь превратился? Да и Джо Камбер немногим лучше. Даром, что они с Гэри дружки-приятели. Оба катятся по наклонной к чертям собачьим.

Джон Милликен что-то чинил у себя во дворе. Вроде бы борону. Джордж ему помахал, Милликен в ответ щелкнул пальцами и вернулся к работе.

В твою честь, голытьба на пособии, подумал Джордж Мира, приподнял ногу и выдал очередной выхлоп. Вот же адский пердеж. Надо быть осторожнее на людях.

Он доехал до дома Гэри Первье, положил в его ящик точно такой же буклет, счет за электроэнергию и «Вестник ВЗВ». Потом развернулся и собрался ехать обратно, потому что сегодня не надо тащиться к Камберам. Вчера утром, около десяти, Джо позвонил на почту и попросил отменить доставку его корреспонденции на несколько дней. Майкл Фурнье — большое почтовое начальство и балабол, каких поискать, — аккуратно заполнил бланк на отмену доставки до нового уведомления и оставил его на рабочем столе у Джорджа.

Фурнье сказал Джо Камберу, что если бы тот позвонил раньше хотя бы минут на пятнадцать, то успел бы отменить и сегодняшнюю, понедельничную доставку, а так почтальон уже выехал на маршрут.

— Ну и ладно, — сказал ему Джо. — Сегодня я еще дома.

Джордж заметил, что Гэри Первье не забрал из почтового ящика вчерашнюю корреспонденцию: журнал «Популярная механика» и письмо

с просьбой о вспомоществовании от Фонда поддержки сельских школ. Он также заметил, что старый «крайслер» Гэри стоит во дворе, а рядом с ним — ржавый универсал Джо Камбера.

— Значит, рванули куда-то вдвоем, — пробормотал он вслух. — Два старых дурня решили гульнуть.

Он приподнял ногу и снова перднул.

Джордж рассудил, что эти двое поехали пьянствовать и шататься по бабам. Видимо, укатили на грузовике Джо Камбера. Ему не пришло в голову задаться вопросом, зачем бы им ехать на грузовике, если в их распоряжении имелся более комфортабельный транспорт. Он не заметил ни крови на крыльце дома Гэри, ни здоровенной дыры в нижней части сетчатой двери.

— Два старых дурня решили гульнуть, — повторил он. — Джо Камберу хотя бы хватило ума отменить почту.

Он поехал обратно в Касл-Рок, то и дело приподнимая ногу и выдавая зычные рулады.

* * *

Стив Кемп заехал в «Дэйри куин» в Уэстбрукском торговом центре, взял парочку чизбургеров и эскимо в шоколаде. Он ел, сидя в кабине своего

микроавтобуса, и смотрел на Брайтон-авеню, почти не видя, что происходит вокруг, и не чувствуя вкуса еды.

Он позвонил на работу красавчику-муженьку. Трубку взяла секретарша. Стив назвался Адамом Свэллоу, директором службы маркетинга компании «Дом света», и спросил, можно ли поговорить с мистером Трентоном. От возбуждения у него пересохло во рту. Когда Трентон подойдет к телефону, у них будет о чем поговорить. О чем-то поинтереснее маркетинга. Скажем, о родинке маленькой женушки в пикантном месте. О том, как однажды она укусила его до крови, когда кончала. О том, как себя чувствует царица всех сук с тех пор, как муж узнал, что ему наставили развесистые рога.

Но все пошло не по плану. Секретарша сказала, что ей очень жаль, но мистера Трентона и мистера Брекстона нет на месте, они уехали по делам и вернутся только на следующей неделе, и спросила, может ли она чем-то помочь. Спросила с явной надеждой в голосе. Она и вправду хотела помочь. Это был ее шанс провернуть сделку, пока оба начальника занимались делами где-нибудь в Бостоне или Нью-Йорке, но уж точно не в Лос-Анджелесе, где никто даже не плюнет в сторону

такого мелкого паршивого агентства, как «Эд уоркс». Давай, детка, пляши, пока не задымятся подошвы.

Он поблагодарил секретаршу, сказал, что перезвонит ближе к концу месяца, и бросил трубку, пока секретарша не попросила оставить номер, поскольку офис компании «Дом света» располагался в телефонной будке на Конгресс-стрит, прямо напротив табачной лавки.

Теперь он ел чизбургеры и думал, что делать дальше. *А то ты не знаешь*, шепнул внутренний голос.

Он завел мотор и поехал в Касл-Рок. Свой обед он доел уже в Норт-Уиндеме (эскимо почти растаяло на жаре). Все обертки он бросил на пол кабины, где уже скопилась изрядная куча подобного мусора: пластиковые стаканчики, картонные коробки из-под гамбургеров, подлежащие возврату бутылки из-под пива и содовой, пустые сигаретные пачки. Стив никогда не сорил в местах общего пользования, поскольку считал загрязнение окружающей среды действием антиобщественным и некультурным.

* * *

В этот убийственно жаркий день Стив добрался до дома Трентонов в половине четвертого. Соблюдая все меры предосторожности, он, не сбавляя скорости, проехал мимо дома и припарковался в соседнем переулке в четверти мили от нужного места. Обратно вернулся пешком.

К его разочарованию и досаде, во дворе было пусто. Он ни за что не признался бы даже себе — и особенно теперь, когда стало понятно, что Донны, скорее всего, нет дома, — но он собирался одарить ее напоследок тем самым, к чему она так охотно стремилась весной. Всю дорогу от Уэстбрука до Касл-Рока он ехал с умеренно крепкой эрекцией, но теперь все его возбуждение сошло на нет.

Ее нет дома.

Нет; *машины* нет во дворе. А это совсем не одно и то же.

Стив огляделся по сторонам.

Леди и джентльмены, мы с вами находимся на тихой улочке в тихом предместье в замечательный летний денек. Почти все детишки спят после обеда, почти все верные женушки либо тоже пошли почивать, либо прилипли к своим телевизорам, смотрят какую-нибудь «Любовь к жизни»

или «В поисках завтрашнего дня». Все красавцы-мужья трудятся в поте лица, зарабатывая себе пропуск в высший налоговый класс и, возможно, отдельную койку в реанимационной палате в лучшей больнице прекрасного штата Мэн. Две мокрые от пота маленькие девочки в купальниках играли в классики на раскаленном асфальте. Какая-то лысеющая старуха катила по тротуару металлическую магазинную тележку, ступая так осторожно, словно и она сама, и тележка были сделаны из тончайшего фарфора. Играющих в классики девочек она обошла по широкой дуге.

Одним словом, ничего интересного не наблюдалось. Улица млела от зноя.

Стив вошел во двор с таким видом, словно имел на то полное право. Первым делом он заглянул в маленький одноместный гараж, хотя знал, что Донна никогда не ставит там свой «пинто». Слишком узкий проем. Если она поцарапает машину, красавчик-супруг ей устроит веселую жизнь — *веселуху*, как говорят в здешней деревне.

В гараже было пусто. Ни «пинто», ни старенького «ягуара». Красавчик-муж Донны уже вступил в фазу мужского климакса, которой свойственно неуемное пристрастие к спортивным машинам. Донне не нравилось, когда он так говорил, но

Стив еще не наблюдал более очевидного случая.

Он поднялся на крыльцо. Подергал дверь. Она оказалась не заперта. Он еще раз огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, и вошел в дом без стука. Закрыл за собой дверь и прислушался. В доме было тихо. Его сердце глухо стучало в груди, сотрясая все тело. Он опять не признался себе, в чем тут дело. Хотя и так было ясно.

— Эй! Есть кто дома? — Его голос был громким, приятным и искренним.

— Эй! — Он прошел вглубь прихожей.

Очевидно, что никого нет. Дом, жаркий и тихий, как будто застыл в ожидании. Пустые чужие дома почему-то пугают. Кажется, что они за тобой наблюдают.

— *Эй! Есть кто дома?* — В последний раз.

Значит, оставь ей на память подарочек. И делай ноги.

Он вошел в гостиную и огляделся. Рукава его рубашки были закатаны выше локтей, кожа на предплечьях стала липкой от пота. Теперь уже можно признаться себе во всем. Как ему хотелось ее убить, когда она назвала его сукиным сыном, брызжа слюной ему прямо в лицо. Как ему хотелось ее убить, когда она заставила

его почувствовать себя старым, растерянным и неспособным держать ситуацию под контролем. Письмецо мужу слегка подсластило пилюлю, но одного письмеца было мало.

Справа от двери на стеклянных полках стояли какие-то фарфоровые безделушки. Он развернулся и со всей силы пнул нижнюю полку. Хрупкая рама пошатнулась, и вся конструкция обрушилась на пол, во все стороны полетели осколки стекла и фарфоровых фигурок котят, пастушков и прочей счастливой буржуазно-мещанской хрени. У него на лбу вздулась вена, кровь застучала в висках. Его лицо исказилось в гримасе, о чем он сам даже не подозревал. Он принялся топтать уцелевшие фигурки, растирая их в порошок. Снял со стены семейный фотопортрет в застекленной рамке, с любопытством взглянул на улыбающееся лицо Вика Трентона (он обнимал Донну за талию, а Тэд сидел у него на коленях), потом швырнул рамку на пол и с размаху наступил ногой на стекло.

Он оглядел комнату, дыша тяжело, будто только что пробежал марафон. И внезапно принялся крушить ни в чем не повинную мебель, словно она его сильно обидела и теперь ее надо как следует наказать. Он опрокинул любимое крес-

ло Вика. Перевернул диван, который рухнул прямо на журнальный столик, переломив его хрупкий хребет. Он сбросил с полок все книги, ругая дурной вкус людей, которые их покупали. Он схватил стойку для журналов и швырнул ее в зеркало над камином. Осколки посыпались на пол, как кусочки зеркального пазла. Теперь он хрипел, словно бык во время гона. Его щеки стали почти багровыми.

Он пошел в кухню через маленькую столовую. Проходя мимо обеденного стола, подарка родителей Донны на новоселье, смахнул на пол все, что стояло на нем: вертящуюся подставку с набором специй, хрустальную вазу, которую Донна купила за доллар и двадцать пять центов в бриджтонской мелочной лавке прошлым летом, пивную кружку Вика — сувенир в честь окончания университета. Солонка и перечница разлетелись осколками керамической шрапнели. У него снова возникла эрекция. Бешеная эрекция. Он уже не думал об осторожности. Он словно рухнул куда-то вглубь. Скатился в черную яму.

В кухне он выдвинул ящик под плитой и разбросал по полу кастрюли и сковородки. Они жутко гремели, но одного грохота было мало. На трех стенах из четырех висели кухонные шкафы.

Он принялся их открывать и швырять на пол посуду. Тарелки, глиняные горшочки, бокалы и рюмки, в том числе — набор из восьми винных бокалов на длинных ножках, который хранился у Донны с двенадцати лет. Она прочитала в каком-то журнале о «сундуках с приданым» и решила собрать себе такой сундук. Но быстро утратила интерес, и набор винных бокалов стал единственным вкладом в ее будущее приданое (по изначальной грандиозной задумке собранного приданого должно было хватить, чтобы полностью обставить супружеский дом или квартиру). Однако они были с ней больше половины жизни и считались бесценным сокровищем.

Фарфоровый соусник полетел на пол. Большое сервировочное блюдо. Магнитофон с радиолой фирмы «Сирс» грохнулся с тяжелым хрустом. Стив Кемп сплясал на нем джигу. Его член, твердый, как камень, пульсировал, распирая штаны. Вздувшаяся на лбу вена пульсировала в контрапункте. В шкафчике под раковиной обнаружились запасы спиртного. Он выгреб все и принялся швырять бутылки в закрытую дверь кладовой, замахиваясь со всей силы; на следующий день у него так болела правая рука, что он с трудом мог поднять ее на уровень плеча. Вскоре

голубая дверь окрасилась потеками джина и виски нескольких сортов, липко-зеленым мятным ликером и амаретто, подаренным Роджером и Алтией Брекстон на Рождество. Осколки стекла мирно искрились в жарком солнечном свете, лившемся в большое окно над раковиной.

Стив ворвался в прачечную, где обнаружил несколько коробок с отбеливателем, кондиционер для белья в большой пластмассовой бутыли, всевозможные средства для чистки самых разных поверхностей и три разных сорта стирального порошка. Все это он забрал в кухню и принялся высыпать, выливать и разбрызгивать повсюду.

Он как раз высыпал на пол содержимое последней пачки стирального порошка и тут заметил записку, нацарапанную на грифельной доске безошибочным острым почерком Донны: *Уехали с Тэдом к Джо Камберу чинить машину. Скоро вернемся*.

Это сразу вернуло его к реальности. Он уже провел здесь полчаса, если не больше. Время промчалось в вихре бешеной ярости, и он совершенно за ним не следил. Давно ли уехала Донна? Кому она оставила записку? Кому-то конкретному или любому, кто может зайти? Пора выбираться отсюда… но сначала нужно кое-что сделать.

Он стер рукавом надпись с доски и написал большими печатными буквами:

ОСТАВИЛ ТЕБЕ ПОДАРОЧЕК НАВЕРХУ, ДЕТКА.

Перепрыгивая через две ступеньки, он поднялся по лестнице и вошел в спальню. Он чувствовал, что времени остается в обрез. Почти не сомневался, что сейчас кто-нибудь позвонит в дверь или попросту войдет в дом — скорее всего, еще одна счастливая женушка-домохозяйка — и крикнет, как кричал он сам: «Эй! Есть кто дома?»

Но, как ни странно, именно эта мысль довела возбуждение до предела. Он расстегнул ремень, рванул «молнию» вниз и дал джинсам упасть до колен. Трусов на нем не было; он почти никогда их не носил. Его член монументально стоял над густой порослью рыжеватых волос. Все закончилось быстро; он был буквально на взводе. Два-три быстрых рывка сжатой в кулак рукой — и грянул оргазм, взрывной и мгновенный. Сперма брызнула на покрывало.

Он натянул джинсы, застегнул «молнию» (чуть не прищемив зубчиками головку члена — вот было бы *весело*) и бросился прочь, на ходу застегивая ремень. Он обязательно встретит кого-то на выходе. Да. Непременно. Чью-то счастливую

женушку-домохозяйку, которая увидит его раскрасневшееся лицо, выпученные глаза, вздутый бугор на джинсах и заорет как резаная.

Открывая заднюю дверь, он мысленно приготовился к неизбежному. Уже теперь, задним умом, он все-таки сообразил, что поднял столько шума, что мог бы и мертвого разбудить… эти кастрюли! Зачем он гремел этими сраными кастрюлями? О чем он думал? Наверняка все соседи слышали, как он бушевал.

Но во дворе не было ни души. Ничто не нарушало мирную тишину. На другой стороне улице на зеленой лужайке безмятежно крутилась поливальная установка. Мимо промчался какой-то парнишка на роликах. Впереди возвышался забор, отделявший участок Трентонов от участка соседей. По левую руку от заднего крыльца открывался отличный вид на городские кварталы, раскинувшиеся у подножия холма. Отсюда даже был виден городской парк на пересечении Главной улицы и шоссе номер 117. Стив пару секунд постоял на крыльце, пытаясь чуть успокоиться. Постепенно дыхание выровнялось, пришло в норму. Он старательно изобразил на лице выражение, подходящее беззаботному жителю маленького городка в такой замечательный

летний денек. Все это произошло за то время, пока красный свет на светофоре у ближайшего перекрестка не сменился на желтый, зеленый и снова на красный.

А вдруг она прямо сейчас подъезжает к дому?

Пора двигать отсюда подобру-поздорову. Он оставил визитную карточку; и лучше сейчас не встречаться с хозяйкой дома. Конечно, она ему ничего не сделает, если только не обратится в полицию. А ей вряд ли захочется обращаться в полицию. Он может много всего рассказать: Интимная жизнь счастливой американской домохозяйки в ее естественной среде обитания. Но он тут устроил такое, что лучше как можно скорее уехать подальше от славного городка Касл-Рока. Может быть, позже он ей позвонит. Спросит, как ей понравился его подарочек. Это будет забавно.

Он вышел на улицу, свернул налево и пошел к своему микроавтобусу. Его никто не окликнул, не остановил. Никто не обратил на него внимания. Парнишка на роликах снова промчался мимо и крикнул Стиву: «Привет!» Стив тоже крикнул ему: «Привет!»

Он уселся за руль, завел двигатель, доехал до съезда на шоссе номер 302 и дальше мчался по прямой до Портленда, где свернул на федераль-

ную автостраду номер 95. Заплатил пошлину у турникетов и поехал на юг. В голову лезли всякие беспокойные мысли о том, что он сделал — не застав дома хозяйку, в ярости разгромил дом. Не слишком ли круто возмездие для такого, по сути, пустячного преступления? Да, она его больше не хочет, и что с того? Это явно не повод крушить обстановку и бить посуду. Тут поневоле задумаешься, точно ли у него все хорошо с головой.

Он прорабатывал эти вопросы понемногу зараз, прогонял объективные факты через умозрительный куб с самыми разными реактивами, которые в совокупности составляют сложный комплексный механизм человеческого восприятия под названием «субъективный подход». Как старательный школьник, рисующий карандашом, стирает ластиком все недочеты и снова рисует исправленную картинку, Стив разбирал случившееся на отдельные фрагменты и собирал заново — рисовал мысленную картинку, — пока объективные факты и его субъективное восприятие этих фактов не соединились в приемлемое объяснение.

Он свернул на шоссе номер 495 и поехал на запад к Нью-Йорку и дальше — к тихим просторам Айдахо, куда в свое время уехал сам Папа

Хемингуэй, когда состарился и смертельно устал от всего. Настроение стремительно улучшалось, как бывало всегда, когда он рвал старые связи и мчался дальше, — восхитительное, совершенно волшебное состояние, которое Гекльберри Финн называл весенней лихорадкой, когда хочется бросить все и уехать, чтобы увидеть что-нибудь новенькое. В такие минуты он чувствовал себя заново рожденным, чувствовал себя человеком, обладающим величайшей в мире свободой — свободой создать себя заново. Он бы искренне удивился, если бы ему сказали, что и в Мэне, и в Айдахо он все равно будет в ярости швырять ракетку на землю, когда проиграет гейм в теннисном матче; что он откажется пожать руку сопернику, если вдруг проиграет весь матч. Стив Кемп пожимает соперникам руки, только когда побеждает.

На ночь он остановился в маленьком городке под названием Туикенем. Уснул быстро и без труда. Он убедил себя, что разгром дома Трентонов — не буйство отвергнутого, обезумевшего от ревности любовника, а продуманный шаг революционного анархиста, чтобы растормошить парочку сытых, жирных свиней из среднего класса, которые исправно оплачивают налоги

и телефонные счета, тем самым поддерживая правительство, где сплошные фашисты. Это был смелый поступок, обусловленный чистым, праведным гневом. Его способ сказать «власть народу», о чем он старается заявить во всех своих стихотворениях.

И все же, засыпая на узкой кровати в мотеле, он размышлял, что подумала Донна, когда вернулась домой. Это были приятные мысли, и он уснул улыбаясь.

* * *

В половине четвертого Донна окончательно поняла, что почтальон не придет.

Она сидела, приобняв разморенного, впавшего в тяжелую дрему Тэда. Его губы распухли от жары, лицо покраснело, как в лихорадке. У них еще оставалось чуть-чуть молока, и скоро она предложит Тэду его допить. Последние три с половиной часа — дома они бы сейчас отдыхали после обеда — солнце палило нещадно. Даже с двумя приоткрытыми окнами температура в машине была не меньше ста градусов. Машина всегда нагревается, если оставить ее на солнце. Только в нормальных условиях, если машина нагрелась, ты открываешь все окна, включаешь

вентилятор и мчишь с ветерком. *Помчим с ветерком* — какие чудесные слова!

Она облизнула губы.

Она периодически открывала оба окна до конца, чтобы создать небольшой сквознячок, но всегда ненадолго. Она боялась оставлять окна открытыми. Боялась, что ее сморит сон. Ее пугала эта кошмарная жа- ра — больше всего из-за Тэда: как бы с ним не случился тепловой удар, — но еще больше ее пугал Куджо, его слюнявая морда в хлопьях пены, его хмурые красные глаза, глядящие на нее в упор.

В последний раз она открывала окна до конца, когда Куджо уходил в сарай. Но теперь он вернулся. Сидел в тени, протянувшейся от сарая, и глядел на «пинто», низко опустив голову. Земля под его передними лапами была влажной от накапавшей слюны. Периодически пес рычал и хватал воздух зубами, словно ему что-то мерещилось.

Сколько нам еще ждать? Сколько нам ждать, пока он не сдохнет?

Она была женщиной рациональной. Она не верила в чудовищ из шкафа; она верила только в то, что можно увидеть глазами и потрогать руками. Слюнявый сенбернар, сидящий в тени сарая, не был каким-то потусторонним чудовищем; это

просто больное животное, укушенное бешеным скунсом или лисицей. Он не явился преследовать лично ее, Донну Трентон. Это не пастор Диммесдейл из «Алой буквы», не Моби Дик в облике пса. Не четвероногая кара судьбы.

И все же… она уже почти решилась добежать до двери на заднем крыльце Камберов, но тут Куджо вышел наружу, пошатываясь на ходу.

Тэд. Все завязано только на нем. Его надо спасать. Пора прекращать жевать сопли и хоть что-нибудь сделать. Он уже стал заговариваться и путаться в словах. Он как будто терял связь с реальностью. Его глаза совершенно остекленели, точно у боксера, которого лупят, как грушу, и он уже потерял всякую координацию вместе с выбитой капой и ждет только последней серии ударов, чтобы без чувств рухнуть на ринг. Все это пугало Донну и обостряло ее материнский инстинкт до предела. Все завязано только на Тэде. Будь Донна одна, она бы уже давно побежала к двери. Ее удерживает только Тэд, потому что ей страшно представить, что будет, если пес бросится на нее и Тэд останется в машине совсем один.

И все же, пока Куджо не вернулся пятнадцать минут назад, она морально готовилась бежать к двери. Бесконечно проигрывала в голове, как

все будет, пока ей не стало казаться, что все уже произошло. Она разбудит Тэда. Если придется, то шлепнет его по щеке, чтобы он точно проснулся. Она строго-настрого запретит ему выходить из машины и идти следом за ней — *ни в коем случае, что бы ни случилось.* Потом побежит к двери. Подергает ручку. Если дверь не заперта, значит, ей повезло. Но надо заранее быть готовой к тому, что дверь заперта. Донна уже сняла рубашку и теперь сидела в одном белом хлопковом лифчике. Прежде чем бежать к двери, она обернет руку рубашкой. Не самая лучшая защита, но все-таки лучше, чем ничего. Она разобьет ближайшее к двери стекло на застекленной веранде и откроет дверь изнутри. Если внутренняя дверь заперта, Донна как-нибудь разберется и с ней. Как-нибудь.

Но Куджо вышел наружу, и все ее планы накрылись.

Ничего. Скоро он уйдет обратно в сарай. Как уже было не раз.

Но точно ли он уйдет? — пронеслось у нее в голове. *Все одно к одному, как по заказу. Камберы уехали и как примерные граждане не забыли отменить доставку почты. Вик тоже уехал и, скорее всего, позвонит только завтра вече-*

ром, потому что нам не по карману звонить по межгороду каждый день. И вряд ли он будет звонить поздно вечером. Он позвонит пораньше, никто не возьмет трубку, и он решит, что мы поехали ужинать в «Марио» или в «Тейсти фриз» за мороженым. Он не перезвонит позже, потому что решит, что мы уже спим. Решит, что лучше позвонит завтра. Такой внимательный и заботливый Вик. Да, все одно к одному. Вроде бы у Харона, перевозчика душ в царстве мертвых, был пес? Плавал с ним в лодке туда-сюда. Зовите меня Куджо. Мы отправляемся в Долину смерти.

Уходи, мысленно подгоняла она пса. *Возвращайся в сарай, чтоб тебя.*

Куджо не сдвинулся с места.

Она облизнула губы, судя по ощущениям, распухшие не меньше, чем у Тэда.

Убрала волосы с его мокрого лба и тихонько спросила:

— Ты как, Тэдди?

— Тише, — рассеянно пробормотал Тэд. — Утки…

Она легонько встряхнула его за плечо.

— Тэд? Милый? Ты в порядке? Поговори со мной!

Он приоткрыл глаза и озадаченно огляделся по

сторонам. Растерянный, смертельно уставший, измученный жарой малыш.

— Мам? Мы поедем домой? Мне так *жарко*…

— Мы поедем домой, — успокоила его Донна.

— Когда, мама? *Когда?* — Он беспомощно расплакался.

Побереги влагу, Тэд, подумала она. *Не трать ее зря*. Совершенно безумные мысли. Но и сама ситуация совершенно безумная, разве нет? Маленький мальчик умирает от обезвоживания

(прекрати, никто НЕ умирает)

в каких-то несчастных семи милях от города.

Но так и есть, резко напомнила она себе. Не надо обманывать себя, сестренка. Тут как на войне: все, что раньше казалось маленьким и пустяковым, вдруг становится очень большим. Слабое дуновение воздуха в приоткрытое на четверть окно — благодатный ветерок. Восемь шагов до крыльца — полмили земли между окопами. Если тебе хочется верить, что пес — посланник суровой судьбы, или призрак непрощенных грехов, или даже реинкарнация Элвиса Пресли, то верь на здоровье. На этой войне, когда речь идет о жизни и смерти, даже просто сходить в туалет — уже целое дело.

Но мы справимся, мы обязательно справимся.

Никакой пес не отнимет у меня сына.

— Когда, мам? — Тэд смотрел на нее мокрыми от слез глазами, его лицо было творожисто-белым.

— Скоро, — угрюмо проговорила она. — Уже очень скоро.

Она вновь убрала волосы с его лба и прижала его к себе. Мельком глянула в окно с пассажирской стороны, и ее взгляд снова наткнулся на старую, обмотанную изолентой бейсбольную биту, лежащую в высокой траве.

Вот бы взять эту биту и разбить псу башку.

В доме зазвонил телефон.

Донна вскинула голову, вдруг преисполнившись отчаянной надежды.

— Это нам звонят, мам? Это нам?

Она ничего не ответила. Она не знала, кому звонят. Но если им повезет — должно же им хоть когда-нибудь повезти! — звонящий заподозрит неладное, когда никто из Камберов не возьмет трубку. И решит съездить сюда и проверить, все ли в порядке.

Куджо тоже поднял голову и склонил ее набок. На мгновение он стал до безумия похож на Ниппера, пса с картины «Голос его хозяина», ставшей рекламой для граммофонов. Он поднялся и, шатаясь, направился к дому, где звонил телефон.

— Может быть, собачка возьмет трубку, — сказал Тэд. — Может быть…

С пугающей прытью Куджо развернулся и бросился к машине. От его неуклюжей, шаткой походки не осталось и следа, словно все это время он лишь притворялся больным. Он не лаял и не рычал — он ревел. Его красные глаза горели огнем. Он с глухим треском ударился о машину и отскочил. Донна потрясенно уставилась на дверь, которая чуть вмялась внутрь. *Он наверняка умер*, подумала она, потихоньку впадая в истерику, *расшиб себе голову насмерть. Или хотя бы свалился в контузии… наверняка… НАВЕРНЯКА…*

Куджо поднялся. Его разбитая морда была вся в крови. Глаза — совершенно бессмысленные и пустые. Телефон в доме все звонил и звонил. Пес вроде бы собрался идти прочь, но вдруг щелкнул зубами на свой собственный бок, словно его кто-то ужалил, и бросился на окно Донны. С глухим стуком ударился о стекло прямо напротив ее лица. На стекло брызнула кровь, и на нем появилась длинная серебристая трещина. Тэд пронзительно закричал, схватился руками за щеки и потянул их вниз, оставляя на коже царапины от ногтей.

Пес бросился снова. Из окровавленной оскаленной пасти падали хлопья пены. Донна видела

его зубы, желтые, как старая слоновая кость. Его когти скребли по стеклу. Из рваной раны на лбу текла кровь. Пес смотрел прямо на Донну своими пустыми, тусклыми глазами, но в них было — она могла бы поклясться — в них было какое-то страшное знание. Злобное знание.

— *Уходи!* — закричала она.

Куджо вновь бросился на машину, ударившись в дверь под ее окном. И еще раз. И еще. Дверь все сильнее вминалась внутрь. Каждый раз, когда пес весом две сотни фунтов бился об автомобиль, тот содрогался. Каждый раз, слыша тяжелый, глухой удар, Донна была уверена, что уж теперь-то Куджо наверняка расшибется насмерть или хотя бы свалится без сознания. Но каждый раз он вставал, чуть отступал для разбега и снова бросался на «пинто». Его морда превратилась в кровавую маску из свалявшейся шерсти, его глаза — когда-то добрые, умные собачьи глаза — теперь горели слепой, тупой яростью.

Донна посмотрела на Тэда и увидела, что тот в шоке. Свернулся калачиком в своем детском кресле, подтянув колени к груди, сжался в тугой комок и сцепил руки в замок на затылке.

Может, так даже лучше. Может быть…

Телефон в доме умолк. Куджо, который уже

приготовился к очередному броску, застыл неподвижно. Опять склонил голову набок, словно к чему-то прислушивался или пытался что-то вспомнить. Донна затаила дыхание. Тишина казалась оглушительной. Куджо сел, запрокинул израненную морду к небу и завыл — так пронзительно и тоскливо, что Донну пробрал озноб. Ей действительно стало холодно, несмотря на жару. Потому что в это мгновение она поняла — не подумала, не ощутила, а именно *поняла*, — что это не просто пес.

А уже в следующую секунду Куджо поднялся, очень медленно и устало, обошел «пинто» спереди и скрылся из виду. Видимо, лег на подъездной дорожке прямо перед машиной — Донна больше не видела его хвоста. Но она все равно сидела в напряжении, морально готовясь к тому, что сейчас он запрыгнет на капот, как уже делал прежде. Однако он не запрыгнул. Все было тихо.

Она взяла Тэда на руки и принялась успокаивать.

* * *

Когда Бретт наконец сдался и вышел из телефонной будки, Черити взяла его за руку и повела в кафетерий на втором этаже универмага «Кал-

дор». Они пришли в «Калдор», потому что Холли хотела купить новые скатерти и подходящие к ним занавески.

Холли ждала их за столиком, уже допивая коктейль из лимонада с мороженым.

— Все в порядке? — спросила она.

— Все в порядке, — сказала Черити и взъерошила сыну волосы. — Просто он беспокоится за своего пса. Да, Бретт?

Бретт пожал плечами и уныло кивнул.

— Ты иди смотри, что тебе нужно, — сказала Черити сестре. — Мы догоним.

— Хорошо. Я буду внизу. — Холли допила лимонад и поднялась из-за стола. — Я уверена, что с твоим песиком все хорошо, Бретт.

Бретт вымученно улыбнулся и ничего не сказал. Они с Черити наблюдали, как Холли выходит из кафетерия, такая красивая и элегантная в летнем бордовом платье и босоножках на пробковой подошве. Черити знала, что ей самой никогда в жизни не стать такой элегантной. Раньше — может быть. Но теперь уже нет. Холли пригласила няню к своим малышам, а сама повезла Черити с Бреттом в Бриджпорт. Угостила их очень хорошим обедом, расплатившись карточкой «Дайнерс клаб», а затем они все вместе отправились по

магазинам. Но Бретт весь день ходил замкнутым и подавленным. Беспокоился о Куджо. Черити и сама была не в настроении бегать по магазинам; день выдался жарким, и ее растревожил утренний случай с возобновившимся снохождением Бретта. В конце концов она сама предложила Бретту позвонить домой из телефонной будки в универмаге… и результат оказался именно таким, какого она и боялась.

Подошла официантка. Черити заказала кофе, молоко и две сладкие слойки.

— Бретт, — начала она. — Когда я сказала твоему отцу, что хочу поехать с тобой в Коннектикут, он был против…

— Да, я догадался.

— …но потом передумал. Как-то сразу и вдруг. Мне кажется, он увидел возможность… отдохнуть самому. Мужчинам иногда нужно побыть в одиночестве, заняться мужскими делами…

— Сходить на охоту?

(или по бабам, или по барам, чтобы напиться до чертиков, и бог знает чего еще и почему)

— Да, вроде того.

— И в кино, — сказал Бретт.

Официантка принесла заказ, и Бретт принялся за слойку.

(ну да, в порнокинотеатрах на Вашингтон-стрит, в квартале, который зовется Горячей Точкой)

— Может быть. В общем, я думаю, что твой папа вполне мог уехать на пару дней в Бостон…

— Это вряд ли, — убежденно проговорил Бретт. — У него много работы. *Очень* много работы. Он мне говорил.

— Может, ее оказалось не так уж и много. — Черити очень старалась, чтобы в ее голосе не прозвучало даже намека на циничный сарказм. — И раз он уже второй день не отвечает на наши звонки, то, скорее всего, и вправду куда-то уехал. Пей молоко, Бретт. Оно полезно для костей.

Он выпил половину стакана, и у него под носом «выросли» белые усы.

— Может быть, и уехал. И может быть, взял с собой Гэри. Ему нравится Гэри.

— Кстати, да. Он мог взять с собой Гэри, — сказала Черити так, словно эта идея никогда не приходила ей в голову. На самом деле она звонила Гэри сегодня утром, когда Бретт играл во дворе с Джимом-младшим. Никто не взял трубку. Черити даже не сомневалась, что так и будет. Джо с Гэри рванули куда-то вдвоем. — Ты чего не

ешь слойку?

Бретт откусил кусочек и положил слойку обратно на блюдце.

— Мам, по-моему, Куджо заболел. Вчера утром он выглядел нездоровым. Честное слово.

— Бретт…

– *Честное слово*, мам. Ты его не видела, а я видел. Он выглядел… как-то паршиво.

— Если ты будешь знать, что с Куджо все в порядке, тебе станет спокойнее?

Бретт кивнул.

— Тогда давай вечером позвоним Элве Торнтону, — сказала она. — Попросим его сходить к нам и проверить, как там Куджо. Скорее всего, твой отец уже с ним связался и попросил кормить Куджо, пока он сам будет в отъезде.

— Ты правда так думаешь?

— Да, конечно.

Элве или кому-то другому; не то чтобы друзьям — Джо ни с кем не дружил, кроме Гэри, — а просто знакомым, которые согласятся сделать ему одолжение взамен на какое-нибудь одолжение в будущем.

Хмурое лицо Бретта просияло, словно по волшебству. Мама снова ему подсказала правильное решение. Взрослые это умеют. Они всегда знают,

что делать. Черити это совсем не обрадовало. Наоборот, растревожило. Что она ему скажет, если позвонит Элве и тот сообщит, что не видел Джо с ранней весны? Ладно, с этой проблемой она как-нибудь разберется, если проблема возникнет. Она была твердо уверена, что Джо не уехал бы, не позаботившись о Куджо. Это было бы совсем на него не похоже.

— Ну что, пойдем искать твою тетю?

— Да, сейчас только доем.

Она с изумлением наблюдала, как он в три укуса прикончил слойку, залпом допил молоко и вскочил на ноги.

Черити оплатила счет, и они с Бреттом направились к эскалатору, идущему вниз.

— Черт, какой большой магазин, — с восхищением проговорил Бретт. — Это большой город, да, мам?

— По сравнению с Нью-Йорком он все равно что Касл-Рок, — сказала она. — И не говори «черт», Бретт. Это нехорошее слово.

— Ладно. — Он держался за поручень, глядя по сторонам. Справа стояли клетки с щебечущими попугаями. Слева располагался отдел бытовой техники, где все сверкало хромированными деталями и имелась посудомоечная машина с

полностью стеклянной дверцей, чтобы можно было смотреть, как внутри бурлит пена. Когда они сошли с эскалатора, Бретт вдруг спросил: — Вы с тетей Холли выросли вместе?

— Ну, мы же сестры, — улыбнулась Черити.

— Она очень хорошая, — сказал Бретт.

— Я рада, что она тебе нравится. Я тоже ее люблю.

— А как она разбогатела?

Черити даже запнулась.

— Ты считаешь, что они с Джимом *богатые*?

— Дом у них недешевый, — сказал он, и ей вновь показалось, что в его детских чертах явственно проглядывает отец, Джо Камбер в помятой зеленой шляпе, сдвинутой на затылок. Его глаза, слишком вдумчивые и взрослые, уставились в пол. — И этот их музыкальный автомат. Тоже стоит неподъемных денег. И у нее полный кошелек кредитных карточек, а у нас только одна, от «Тексако»...

Она резко обернулась к нему.

— Ты считаешь, что это красиво — заглядывать в кошельки людям, когда они угощают тебя обедом?

На секунду его лицо стало обиженным и удивленным, но тут же закрылось и сделалось

абсолютно пустым. Тоже коронный приемчик Джо Камбера.

— Я просто заметил. Трудно было не заметить. Она так ими хвалится…

— Она ими *не* хвалится! — сердито воскликнула Черити. Она снова остановилась. Они уже подходили к отделу домашнего текстиля.

— Хвалится, — сказал Бретт. — Если бы это был аккордеон, она бы выдала целый концерт.

Черити вдруг разозлилась на сына — наверное, потому, что он был в чем-то прав.

— Она хотела, чтобы ты их увидела, — сказал Бретт. — Я так думаю.

— Мне совершенно неинтересно, что ты там себе думаешь, Бретт Камбер. — Ее щеки горели. Руки чесались его ударить. Еще минут пять назад, в кафетерии, ее сердце сжималось от нежности к сыну… и она себя чувствовала его другом. И где теперь эти добрые чувства?

— Просто мне интересно, откуда у нее столько бабла.

— Тебе не кажется, что это грубое слово?

Он пожал плечами, уже в открытую выражая свое несогласие. Черити даже подумала, что он нарочно ее провоцирует. И дело вовсе не в том, что ему не понравилось, как тетя Холли

хвалилась своими кредитками за обедом. Тут все гораздо глубже. Бретт наблюдал, размышлял, сравнивал свой образ жизни, перенятый от отца, с образом жизни других людей. Разве ему обязательно должна понравиться жизнь его тети и ее мужа лишь потому, что она нравится Черити, эта «сладкая жизнь», в которой было отказано ей самой, то ли по невезению, то ли по ее собственной глупости? Разве он не имеет права критиковать… или оценивать?

Конечно, имеет. Просто Черити не ожидала, что его оценка будет такой проницательной (пусть даже чисто интуитивно), такой точной и такой удручающе негативной.

— Деньги, как я понимаю, зарабатывает Джим, — сказала она. — Ты же знаешь, чем он занимается…

— Да, перекладывает бумажки.

На этот раз Черити не поддалась на провокацию.

— С твоей точки зрения — может быть. Холли вышла за него замуж, когда он учился в юридическом колледже Мэнского университета в Портленде. Когда он поступил на юридический факультет в Денвере, она работала сразу на нескольких работах, чтобы он смог доучиться

и получить диплом. Так часто бывает. Жены работают, чтобы мужья получили хорошее образование по хорошей специальности…

Она высматривала Холли и наконец разглядела ее макушку в дальнем конце отдела.

— Когда Джим отучился, они с Холли вернулись на восток, и он устроился на работу в большой юридической фирме в Бриджпорте. Он тогда зарабатывал совсем мало. Они жили в крошечной квартирке на третьем этаже, без кондиционера и почти без отопления. Но Джим много работал и пробился наверх. Теперь он не просто сотрудник, а младший партнер. И действительно зарабатывает много денег, по нашим меркам.

— Может быть, она хвалится своими кредитными картами, потому что в глубине души все еще чувствует себя бедной, — сказал Бретт.

Ее вновь поразила его почти сверхъестественная проницательность. Она легонько взъерошила ему волосы, уже не сердясь.

— Ты говорил, что она тебе нравится.

— Нравится, да. А вот и она.

— Да, я вижу.

Они подошли к Холли, которая уже набрала целую охапку занавесок и теперь выбирала скатерти.

* * *

Солнце наконец скрылось за домом.

Мало-помалу раскаленная духовка, в которую превратился «пинто», начала остывать. Поднялся более-менее устойчивый ветерок, и Тэд благодарно подставил ему лицо. Ему стало чуть легче, чем было весь день. На самом деле весь день казался сплошным страшным сном, который Тэд помнил только обрывками. Иногда он уходил; просто выбирался из жаркой машины и уходил. Это он помнил. Он уезжал на лошадке. Лошадка мчалась по полю, где играли кролики, как в том мультфильме, который он видел в Бриджтоне, когда мама с папой водили его в кинотеатр «Волшебный фонарь». За полем был пруд, а в пруду — утки. Славные, дружелюбные утки. Тэд с ними играл. У пруда было лучше, чем рядом с мамой, потому что в том месте, где мама, к ним пришло злое чудовище, выбравшееся из шкафа. В том месте, где утки, чудовища не было. Тэду там нравилось, хотя он смутно осознавал, что если задержится там дольше положенного, то забудет дорогу обратно к машине.

Потом солнце скрылось за домом. Прохладные тени сгустились и стали почти осязаемыми,

как мягкий бархат. Чудовище уже не пыталось пробиться в машину. Почтальон не пришел, но теперь можно было хотя бы слегка отдохнуть. Хуже всего была жажда. Еще никогда в жизни ему так сильно не хотелось пить. Вот почему ему нравилось в том месте с утками: там было много воды и зеленой тени.

— Что ты сказал, милый? — Над ним склонилось мамино лицо.

— Пить, — хрипло выдавил он. — Мне хочется пить.

Он помнил, что раньше говорил «хотится» вместо «хочется». Но ребята в детском саду смеялись над ним и называли его малявкой, точно так же, как смеялись над Рэнди Хофнейджером, когда он говорил «завтак» вместо «завтрак». Поэтому Тэд старался говорить правильно, а если вдруг ошибался, то сразу же мысленно себя ругал.

— Да, милый, я знаю. Маме тоже хочется пить.

— Там в доме наверняка есть вода.

— Мы сейчас не войдем в дом. Злой пес лежит перед машиной.

— Где? — Тэд встал на колени и сам удивился, какой легкой сделалась его голова, словно в ней прокатилась медленная, ленивая волна. Он оперся рукой о приборную доску, чтобы не упасть,

и рука показалась ему длиной в милю. — Я не вижу. — Даже его собственный голос звучал как далекое эхо.

— Тэд, сядь на место. Ты…

Она все еще говорила, и он чувствовал, как она усаживает его в кресло, но все это происходило как будто не с ним. Ее слова пробивались к нему через плотный серый туман, вдруг протянувшийся между ними, точно такой же туман, как сегодня утром… или вчера утром… в общем, тем утром, когда папа уехал в командировку. Но впереди было яркое место, и он опять бросил маму в машине и помчался туда. В то место, где утки. Утки, пруд и кувшинки. Мамин голос превратился в далекий гул. Ее большое красивое лицо, такое родное, такое спокойное, как луна, что заглядывает иногда в его окно, когда он просыпается среди ночи, чтобы сходить в туалет… ее лицо расплылось. Растворилось в сером тумане. Ее голос превратился в тихое жужжание пчел — добрых пчел, которые никогда не ужалят, — и плеск воды.

Тэд играл с утками.

Донна задремала, а когда проснулась, вечерние тени уже слились друг с другом и свет уходящего дня сделался пепельно-серым. Во дворе Камберов

сгущались сумерки. Как же так? Снова сгущаются сумерки, а они с Тэдом — невероятно! — все еще здесь. Солнце садилось за горизонт, круглое и оранжево-красное. Как баскетбольный мяч, испачканный кровью. Донна пошевелила языком, чтобы хоть как-то разжижить слюну, скопившуюся во рту плотным комком. Горло было каким-то ватным. Она подумала, как было бы здорово лечь на траву под садовым краном, открыть его до предела, и пусть ледяная струя льется ей прямо в рот. Картинка была такой яркой, что Донне действительно стало зябко, и у нее разболелась голова.

Пес по-прежнему сторожит перед машиной?

Она посмотрела вперед, но, конечно же, было невозможно разглядеть что-то наверняка. Единственное, в чем Донна могла быть уверена: у входа в сарай Куджо нет.

Она нажала клаксон, но вместо гудка послышался лишь слабый хрип. Ничего не изменилось. Пес мог быть где угодно. Она провела пальцем по трещине в окне и подумала, выдержит ли стекло, если Куджо ударит по нему еще пару раз? Еще вчера она не поверила бы, что стекло может разбиться, но теперь у нее появились сомнения.

Она опять посмотрела на дверь, ведущую в

дом. Расстояние до двери почему-то казалось больше, чем прежде. Донне вспомнился семинар по психологии в университете. Они обсуждали навязчивые идеи, или идеи фикс. Преподаватель, жеманный мелкий сморчок с усами щеточкой, говорил, что такие идеи связаны, в частности, с нашим привычным чувственным восприятием. *Если приходится спускаться по неработающему эскалатору, ноги буквально отказываются идти.* Эта мысль показалась ей очень смешной, и она даже специально нашла неработающий эскалатор на спуск в универмаге «Блумингдейлс» и пошла по нему вниз. Как оказалось, жеманный профессор был прав: ноги и вправду отказывались идти. Донна попыталась представить, что будет, если лестница у тебя дома вдруг начнет двигаться, как эскалатор, когда ты спускаешься по ступенькам. Тогда это было смешно.

Но теперь стало совсем не смешно.

Расстояние до двери действительно казалось больше.

Это все из-за пса. Он психологически на меня давит.

Она попыталась прогнать эту мысль, но решила, что лучше не надо. В таком отчаянном положении нельзя позволять себе роскошь са-

мообмана. Может быть, и не нарочно, но Куджо давил на нее психологически. Возможно, используя ее собственную идею фикс о том, каким должен быть нормальный мир. Но все изменилось. Эскалатор больше не едет. И нельзя просто стоять на застывших ступеньках вместе с маленьким сыном и ждать, когда кто-то придет и запустит мотор. Вот правда как она есть: бешеный пес взял их с Тэдом в осаду.

Тэд крепко спал. Если Куджо в сарае, то можно попробовать прямо сейчас добежать до двери.

А если он все еще перед машиной? Или под машиной?

Ей вспомнилась фраза, которую часто выкрикивал папа, когда смотрел по телевизору американский футбол. Обычно он смотрел воскресные матчи, хорошо накачавшись пивом, которое закусывал холодными бобами, оставшимися с субботнего ужина. В результате к началу четвертого тайма гостиная, где стоял телевизор, становилась совершенно непригодной для жизни; даже собака сбегала из комнаты с видом смущенного дезертира.

Во время особо удачных перехватов пасов и отборов мяча папа кричал во весь голос: «А он как выскочит! Как напрыгнет!» Это ужасно бесило

маму… но к подростковому возрасту Донна уже поняла, что маму бесит в папе практически все.

Она представила, как Куджо лежит перед машиной. Но не спит, а настороженно выжидает. Сосредоточенно глядит в одну точку своими налитыми кровью глазами — в ту самую точку, где появится Донна, если выйдет из машины с водительской стороны. Он ждет и надеется, что ей хватит дурости выйти. И тогда он как выскочит, как напрыгнет!

Она нервно растерла ладонями щеки. В темнеющем небе показалась Венера. Солнце уже опустилось за горизонт, но поля все еще заливал бледно-желтый, почему-то казавшийся совершенно безумным свет. Где-то запела птица, ненадолго умолкла и снова запела.

Донна вдруг поняла, что ей очень не хочется выходить из машины и бежать к двери. Отчасти из-за того, что она задремала, упустила пса из виду и не знала, где он теперь. Отчасти из-за того, что убийственная жара потихонечку отступала — собственно, эта жара с ее жутким воздействием на Тэда и была главной причиной, по которой Донна собиралась прорываться в дом. Сейчас в машине вполне комфортно, и полуобморочное состояние Тэда перешло в настоящий глубокий

сон. Сейчас малыш спал спокойно.

Но она опасалась, что это лишь отговорки и настоящая причина ее нерешительности заключается совсем в другом. В том, что она уже миновала некую психологическую точку готовности к действию. Она вспомнила занятия по прыжкам в воду в детском лагере «Тапавинго». Поначалу все весело и легко, но потом наступает момент, когда ты в первый раз поднимаешься на самую высокую вышку и либо бесстрашно прыгаешь в воду, либо с позором пятишься к лестнице, уступив место девчонке, которая поднялась вслед за тобой. При обучении в автошколе всегда настает день, когда завершается практика на тихих проселочных дорогах и приходится выезжать в город. Потому что так надо. Потому что пришло твое время. Время прыгать с высокой вышки, время водить машину в любых условиях, время бежать к задней двери.

Рано или поздно пес появится. Ситуация, конечно, паршивая, но еще не отчаянная. Подходящий момент наступает не единожды, а многократно. Этому их не учили на психологии, она просто знала интуитивно. Если в понедельник ты побоялась спрыгнуть с самой высокой вышки, никто не запрещает вернуться в бассейн во вторник и

попробовать еще раз. Всегда можно…

Разум подсказывал, что это неправильный ход рассуждений.

Сегодня она слабее, чем была вчера. Завтра утром, обессилев от обезвоживания, она станет слабее, чем сейчас. И это еще не самое страшное. Она просидела в машине почти без движения — сколько уже? — невероятно, но двадцать восемь часов. У нее наверняка все затекло. А вдруг она пробежит половину пути до крыльца и беспомощно рухнет на землю с судорогами в ногах?

В вопросах жизни и смерти, сказал безжалостный внутренний голос, *подходящий момент наступает только однажды, а потом проходит — и все.*

Ее дыхание участилось, сердце бешено колотилось в груди. Ее тело знало, что она все-таки попытается добежать до двери, еще прежде, чем Донна приняла осознанное решение. Она поплотнее обернула рубашку вокруг правой руки, взялась левой за ручку дверцы и только тогда осознала, что делает. На самом деле не было никакого осознанного решения. Она уже не размышляла, она просто действовала. Прямо сейчас. Пока Тэд крепко спит и можно не опасаться, что он выскочит из машины следом за ней.

Она потянула за ручку. Ее рука стала мокрой и скользкой от пота.

Донна затаила дыхание и прислушалась, не изменилось ли что-то снаружи.

Где-то снова запела птица. И больше ничего.

Если он помял дверь слишком сильно, она может и не открыться, подумала Донна. Это стало бы облегчением, пусть и горьким. Тогда можно будет спокойно откинуться на спинку кресла, еще раз обдумать все варианты, понять, что она упустила… остаться в машине… мучиться от жажды… с каждой секундой теряя силы…

Она надавила на дверцу левым плечом, потихоньку усиливая давление. Правая рука, обмотанная рубашкой, тоже вспотела. Она так крепко сжимала кулак, что у нее заболели пальцы. Она смутно осознавала, что ногти врезаются в ладонь. Снова и снова она проигрывала в голове, как поднимается на крыльцо, разбивает ближайшее к дверной ручке стекло, осколки со звоном падают на дощатый пол с внутренней стороны и она тянется к ручке, запустив руку в пробитую брешь…

Но дверца машины не открывалась. Донна изо всех сил давила на нее плечом, вены у нее на шее вздулись и напряглись. Но дверца не открыва-

лась. Она…

Дверца все же открылась. Распахнулась с кошмарным пронзительным лязгом, причем так внезапно, что Донна едва не вывалилась из машины. Она попыталась схватиться за ручку, в первый раз промахнулась, но потом все же сумела в нее вцепиться. Ее вдруг охватила паническая уверенность — холодная, вызывающая полное онемение в голове, как, наверное, бывает, когда врач сообщает больному, что у него неоперабельный рак. Она смогла открыть дверцу, но теперь дверца уже не закроется. Пес проникнет в машину и убьет их обоих. Тэд, возможно, успеет проснуться, но судьба все же сжалится над малышом, и он не поймет, что происходит; он подумает, что это просто кошмарный сон, а затем Куджо перегрызет ему горло.

Ее дыхание сделалось частым и хриплым. В горле было сухо и горячо. Ей казалось, что она различает каждый камушек на гравийной подъездной дорожке, но было трудно сосредоточиться, трудно думать. Мысли путались и кружились в безумном вихре. Сцены из прошлого мелькали перед глазами, словно запущенные на ускоренной перемотке кадры с городским парадом, когда кажется, будто марширующие оркестры,

всадники на лошадях и гимнастки с булавами спешат убежать с места какого-то жуткого преступления.

Зеленая жижа, бьющая в потолок из испорченного измельчителя отходов в кухонной раковине.

Вот она, пятилетняя, падает с крыльца и ломает запястье.

Вот она сидит на уроке алгебры в девятом классе и вдруг видит — с ужасом и стыдом, — что ее голубая льняная юбка испачкана кровью. У нее начались месячные, и что теперь делать? Что делать, когда прозвенит звонок? Как ей встать из-за парты, чтобы никто ничего не заметил, чтобы никто не узнал, что у Донны Роуз «праздники»?

Первый парень, с которым она целовалась. Дуайт Сэмпсон.

Вот она прижимает к себе новорожденного Тэда, и медсестра забирает его, и ей хочется возразить: *Верните его мне, я еще с ним не закончила.* Она помнит, что именно эти слова первыми пришли на ум, но она не могла говорить из-за слабости, а потом с жутким хлюпающим звуком из нее вышел послед, она успела подумать: *Я исторгаю его систему жизнеобеспечения*, — и потеряла сознание.

Папа плачет на ее свадьбе в церкви, а потом напивается на банкете.

Лица. Голоса. Комнаты. Сцены. Книги. Ужас нынешнего мгновения, когда в голове бьется мысль: *СЕЙЧАС Я УМРУ*…

Неимоверным усилием воли она заставила себя успокоиться. Взялась за ручку двумя руками и резко дернула на себя. Дверца захлопнулась с тем же пронзительным, протестующим скрежетом. Тэд вздрогнул во сне и что-то пробормотал.

Донна беспомощно откинулась на спинку кресла, дрожа как осиновый лист и беззвучно рыдая. Горячие слезы текли по щекам и заливались в уши. Она никогда в жизни так не боялась, даже у себя в комнате по ночам, когда была маленькой и ей казалось, что повсюду кишат пауки. Сейчас не стоит бежать, думала она. Потому что она не готова. Она совершенно измучена. Нервы совсем расшатались. Надо чуть-чуть подождать, подождать лучшей возможности…

Нет, нельзя, чтобы эта идея становилась *идеей фикс*.

Лучшей возможности уже не будет. Тэд крепко спит, пес так и не показался. Логично было бы заключить, что его нет поблизости. Если бы он лежал перед машиной, то уже выскочил бы на

скрежет дверцы, когда Донна ее открывала и закрывала. Может быть, он затаился в сарае, но там он точно услышал бы грохот и лязг. Скорее всего, он куда-то ушел со двора. Лучшей возможности, чем теперь, просто не будет. И если ей страшно бежать ради собственного спасения, значит, она побежит ради Тэда.

Да, это правильно и благородно. Но окончательно ее убедила мысленная картина, как она входит в темный дом Камберов и первым делом бежит к телефону. Звонит в полицейский участок, говорит с кем-то из подчиненных шерифа Баннермана, ее голос звучит спокойно и благоразумно. Потом она кладет трубку, идет на кухню и наливает стакан холодной воды.

Донна снова открыла дверцу. На этот раз она была готова к громкому скрежету, но все равно невольно поморщилась. Мысленно она проклинала Куджо и очень надеялась, что тот уже сдох в страшных судорогах.

Она опустила ноги на гравий, скривившись от боли в затекших мышцах. И потихонечку выпрямилась в полный рост под темнеющим небом.

Где-то поблизости запела птица: три коротеньких трели — и вновь стало тихо.

* * *

Куджо услышал, как дверца машины открылась снова. Инстинкт ему подсказал, что так и будет. Когда дверца открылась в первый раз, он чуть было не выскочил из-за машины, где лежал в полубеспамятстве на подъездной дорожке. Он чуть было не бросился на эту ЖЕНЩИНУ, из-за которой в его голове поселилась такая ужасная боль. Но инстинкт подсказал подождать. ЖЕНЩИНА просто пытается его выманить, уверял инстинкт, и это оказалось правдой.

Болезнь, проникавшая все глубже и глубже в его нервную систему, разрушала ее, как ненасытный степной пожар — сплошной сизый дым и огонь, стелющийся по земле, — путала мысли, ломала привычный шаблон поведения, но, как ни странно, при этом она обострила его хитроумие. Он был уверен, что доберется до ЖЕНЩИНЫ и до МАЛЬЧИКА. Это все из-за них. Из-за них у него все болит и трещит голова, жутко разбитая после бросков на машину.

Сегодня он дважды забывал о ЖЕНЩИНЕ и МАЛЬЧИКЕ и выходил из сарая через собачий лаз, который Джо Камбер прорезал в двери задней комнаты, где у него был вроде как офис при

мастерской. Куджо ходил на болото на границе участка Камберов и оба раза пробегал совсем близко от входа в крошечную известняковую пещерку, где обитали летучие мыши. На болоте была вода, Куджо ужасно хотелось пить, но почему-то при виде воды он впадал в ярость. Он хотел выпить воду; хотел убить воду; плескаться в воде; ссать и гадить прямо в воду; забросать ее грязью; растерзать, искусать до крови. Оба раза эти противоречивые чувства приводили его в замешательство и гнали прочь. Он весь дрожал и скулил, как щенок. ЖЕНЩИНА с МАЛЬЧИКОМ, это все из-за них. Он больше их не оставит. Куджо — добросовестный, верный пес, он никогда не отступит от заданной цели. Он будет ждать, пока не сумеет добраться до них обоих. Если потребуется, он будет ждать до конца света. Он будет ждать. Будет стоять на страже.

ЖЕНЩИНА виновата сильнее. Как она на него смотрела! Ее взгляд говорил: *Да, это я. Я заставила тебя заболеть. Я запустила в тебя эту боль. Я придумала эту боль специально для тебя, и теперь она всегда будет с тобой.*

Убить ее, убить, убить!

Раздался звук. Очень тихий, но Куджо его услышал; сейчас его слух стал почти сверхъ-

естественно чутким. Ему открылся невероятно разнообразный мир звуков. Он слышал пение ангелов на небесах и вопли грешников в аду. В своем безумии он слышал реальное и нереальное.

Это был звук мелких камушков, трущихся друг о друга.

Куджо припал к земле и напряг задние лапы, готовясь к прыжку в ожидании ЖЕНЩИНЫ. Он даже не чувствовал, как из него вытекает струйка болезненной теплой мочи. Он ждал, когда покажется ЖЕНЩИНА. И тогда он ее убьет.

* * *

В разгромленном доме Трентонов зазвонил телефон.

Он прозвонил шесть раз, восемь, десять. Потом замолчал. Чуть позже на крыльцо Трентонов упал свежий номер «Голоса Касл-Рока», и Билли Фримен с холщовой сумкой через плечо покатил дальше по улице на своем верном велосипеде, беззаботно насвистывая.

Шкаф в комнате Тэда стоял распахнутым настежь, в воздухе висел запах дикого зверя — тяжелый, сухой и свирепый.

* * *

Бостонская телефонистка спросила у Вика Трентона, хочет ли он, чтобы она продолжала попытки дозвона.

— Спасибо, не надо, — сказал он и повесил трубку.

Роджер нашел на Тридцать восьмом канале матч «Ред сокс» с «Канзас-Сити» и устроился в одних трусах смотреть разминку с горячим сэндвичем с копченой говядиной и стаканом молока.

— Из всех твоих привычек, — сказал Вик, — большинство из которых варьируются в диапазоне от активно отвратных до умеренно противных, самой мерзкой мне кажется привычка есть в одном исподнем.

— Нет, вы послушайте этого мужика, — сказал Роджер, обращаясь к невидимым зрителям. — Ему тридцать два года, а он до сих пор называет трусы «исподним».

— А чем это плохо?

— Ничем… для пацана младшего школьного возраста.

— Сегодня ночью я перережу тебе горло, Родж, — улыбнулся Вик. — Ты проснешься в луже собственной крови. Ты пожалеешь о своих

обидных словах, но… *будет поздно*! — Он схватил недоеденный сэндвич Роджера и сделал вид, что сейчас будет его убивать.

— Не трогай мой сэндвич, это негигиенично. — Роджер стряхнул крошки с голой волосатой груди. — Донны нет дома, как я понимаю?

— Ага. Они с Тэдом, наверное, поехали в «Тейсти фриз» за мороженым. Жаль, что я сейчас не в Касл-Роке, а в Бостоне.

— Зато ты представь, — ухмыльнулся Роджер, — уже завтра вечером мы будем в Нью-Йорке. Примем по паре коктейлей под часами в «Билтморе»…

— Да хрен с ними, с часами и «Билтмором», — сказал Вик. — Надо быть сумасшедшим, чтобы летом уехать из Мэна в Бостон и Нью-Йорк на неделю.

— Соглашусь, — кивнул Роджер. На телеэкране Боб Стэнли отлично начал игру, бросив мастерский крученый мяч. — Все как-то паршиво, — пробормотал он с набитым ртом.

— Вкусный у тебя сэндвич, — улыбнулся Вик.

Роджер схватил тарелку и прижал к груди.

— Закажи себе тоже с доставкой в номер. А то ишь, повадился на халяву.

— Как им позвонить?

— Вроде бы шесть-восемь-один. Там написано на телефоне.

— Взять тебе пива? — спросил Вик.

Роджер покачал головой.

— Я и так перебрал за обедом. Башка болит, в животе как-то странно, завтра утром наверняка пропоносит. Я стремительно осознаю горькую правду, дружище. Я уже не мальчишка.

Вик позвонил в гостиничную доставку еды в номера, заказал горячий сэндвич с копченой говядиной на ржаном хлебе и две бутылки «Туборга». Повесил трубку и повернулся обратно к Роджеру. Роджер сидел, уставившись в телевизор. Тарелка с недоеденным сэндвичем покачивалась на его объемистом животе, а сам он плакал. Сперва Вик подумал, что ему показалось. Наверняка показалось. Но нет, Роджер действительно плакал. Отблески цветного экрана отражались в его слезах яркими бликами.

Вик на секунду застыл в нерешительности, не зная, что делать: подойти к Роджеру или сесть на другом конце комнаты и уткнуться в газету, притворившись, что он ничего не заметил. Но тут Роджер повернулся к нему, и Вик увидел его лицо — открытое, растерянное, беззащитное, точь-в-точь как у Тэда, когда тот падал с качелей

или разбивал коленки, споткнувшись на улице.

— Что мне делать, Вик? — хрипло спросил он.

— Родж, ты о чем…

— Ты знаешь о чем.

Трибуны бостонского стадиона взорвались ликующим ревом. «Ред сокс» выиграли первый иннинг.

— Не раскисай, Роджер. Ты…

— Все рушится, и ты сам это знаешь, — сказал Роджер. — Рушится и воняет, как тухлые яйца, пролежавшие неделю на солнце. Мы, конечно, еще трепыхаемся и пытаемся что-то изобразить. За нас Роб Мартин. И этот беглец из дома престарелых актеров. И ребята из «Саммерс маркетинг», раз мы им платим. Все за нас, кроме тех, кто действительно что-то решает.

— Еще ничего не решилось, Родж.

— Алтия не понимает, как все серьезно, — сказал Роджер. — Да, я сам виноват. Побоялся сказать ей правду. Но ей нравится в Бриджтоне, Вик. *Очень* нравится. И девчонки… у них школа, подружки… и озеро летом… они *совершенно* не представляют, что их теперь ждет.

— Да, это страшно. Я даже спорить не буду, Родж.

— А Донна знает, как все паршиво?

— По-моему, сначала она решила, что это просто большой прикол. Но теперь начала понимать.

— И все же она никогда не любила Мэн, как любим его мы.

— Поначалу, наверное, да. Но теперь она придет в ужас, если я ей скажу, что нам придется вернуться обратно в Нью-Йорк.

— Что мне делать? — повторил Роджер. — Я уже не мальчишка. Тебе тридцать два, Вик, а мне через месяц исполнится сорок один. И что мне делать? Рассылать резюме? Думаешь, Уолтер Томпсон примет меня назад с распростертыми объятиями? «Роджер, мой мальчик. Я сохранил за тобой место. Не брал никого, ждал тебя. Можешь прямо сейчас приступать к работе». Прямо так вот и скажет?

Вик в ответ лишь покачал головой, но Роджер уже начал его раздражать.

— Раньше я просто злился. Я по-прежнему злюсь, но теперь еще и боюсь. Очень сильно боюсь. По ночам я не сплю и пытаюсь представить, как все будет… потом. И *будет ли* что-то вообще. Я не знаю. Ты, наверное, думаешь: «Роджер сгущает краски». Ты…

— Никогда так не думал, — быстро проговорил Вик, очень стараясь, чтобы его голос не прозвучал

виновато.

— Не скажу, что ты врешь, — произнес Роджер, — но мы с тобой долго работаем вместе, и я знаю ход твоих мыслей. Даже лучше, чем ты себе представляешь. В любом случае я тебя не виню. Но есть колоссальная разница между тридцатью двумя годами и сорок одним годом, Вик. В промежутке между этими двумя датами из тебя выжимают все соки.

— Слушай, еще не все потеряно. У нас есть хорошие шансы…

— Знаешь, было бы здорово взять с собой в Кливленд пару дюжин коробок этих самых «Малиновых колючек», — перебил его Роджер. — И когда нам объявят, что мы им больше не нужны, можно будет нагнуть их обоих и засунуть им эти чертовы хлопья… сам знаешь куда.

Вик хлопнул Роджера по плечу.

— Я понял, да.

— А что *ты* будешь делать, если мы лишимся контракта? — спросил Роджер.

Вик уже думал об этом. Рассмотрел все варианты, со всех возможных сторон. Вполне можно сказать, что он все обдумал еще до того, как Роджер нашел в себе силы задать этот вопрос.

— Если мы лишимся контракта, я буду работать

как проклятый, — сказал Вик. — По тридцать часов в сутки, если потребуется. Если надо будет набрать шестьдесят мелких заказов взамен большого заказа от Шарпа, я их наберу.

— И убьешься в процессе.

— Может быть, — сказал Вик. — Но ты сам говорил, помирать — так с музыкой.

— Я тут прикинул, — неуверенно сказал Роджер. — Если Алтия устроится на работу, мы сможем выплачивать ипотеку за дом еще год. Может быть, за год удастся найти на него покупателя. А при такой ставке лучше бы найти раньше.

Вик внезапно почувствовал, что еле сдерживает себя. Ему очень хотелось рассказать Роджеру обо всем, что случилось. Об этой пакостной черной мути, в которую вляпалась Донна из-за своей странной потребности притворяться, будто ей по-прежнему девятнадцать. Он даже слегка разозлился на Роджера, счастливо и беспрекословно женатого пятнадцать лет. На Роджера, у которого есть прелестная, тихая, верная Алтия (Вик удивился бы, если бы узнал, что Алтия Брекстон хотя бы задумывается об измене), на Роджера, который совершенно не представляет, что это такое, когда вокруг рушится все и сразу.

— Слушай, — сказал он. — В четверг я получил письмо с дневной почтой…

Раздался легкий стук в дверь.

— Принесли твой заказ, — сказал Роджер. Взял валявшуюся на диване рубашку, вытер слезы… и как только не стало слез, у Вика тут же пропало желание рассказывать Роджеру о своих бедах. Может быть, потому, что Роджер был прав. Разница в девять лет между тридцатью двумя годами и сорок одним годом — это действительно очень много.

Вик подошел к двери, забрал свое пиво и сэндвич. Он не успел договорить до прихода официанта службы доставки, а Роджер не стал переспрашивать. Он вернулся к бейсболу и собственным проблемам.

Вик уселся за стол, чтобы съесть сэндвич. Аппетит вдруг пропал, что в общем-то было и неудивительно. Взгляд упал на телефон, и, продолжая жевать, Вик опять попытался позвонить домой. Послушал дюжину длинных гудков и положил трубку на место. Он слегка хмурился. Уже начало девятого. Обычно Тэд отправляется спать ровно в восемь. Может быть, Донна встретила кого-нибудь из знакомых или им с Тэдом сделалось неуютно вечером в пустом доме и они пошли в го-

сти. Нет такого закона, чтобы Тэд ровно в восемь ложился в постель, особенно летом, когда поздно темнеет и стоит жуткая жара. Да, наверное, они у кого-то в гостях. Или пошли в городской парк, подышать свежим воздухом и дождаться, когда жара немного спадет и можно будет спокойно уснуть. Скорее всего, так и есть.

(или она сбежала с Кемпом)

Совершенно безумная мысль. Донна сказала, что между ними все кончено, и Вик ей поверил. И вправду поверил. Донна никогда не врет.

(и никогда не заводит любовников, да, чемпион?)

Он попытался прогнать эту мысль, но она накрепко засела в голове. И теперь будет грызть ему мозг, как настырная крыса. А вдруг Донне стукнуло в голову сбежать с Кемпом и забрать с собой Тэда? Может быть, они прямо сейчас заселились в мотель все втроем где-нибудь между Касл-Роком и Балтимором? Не будь идиотом, Трентон. Они…

Пошли на концерт. Ну конечно. По вторникам в городском парке проходят вечерние концерты. Иногда играет школьный оркестр, иногда камерный музыкальный ансамбль, иногда местная регтайм-группа под названием «Рваный край». Донна с Тэдом наверняка сейчас в парке — на-

слаждаются вечерней прохладой и слушают «Рваный край», их перепевки хитов прошлых лет, «Продавца леденцов» Джона Херта или «Обетованной земли».

(если она не сбежала с Кемпом)

Он допил пиво и открыл вторую бутылку.

* * *

Секунд тридцать Донна просто стояла рядом с машиной, тихонько переступая с ноги на ногу, чтобы разогнать кровь в затекших мышцах. Она смотрела на дверь гаража, все еще уверенная, что если Куджо появится, то именно с той стороны — может быть, выйдет из самого гаража, или из-за угла, или выскочит из-под пикапа, который в бледном сиянии звезд и сам походил на огромного черного спящего пса.

Она стояла на месте, пока не решаясь бежать к двери. Ночь дышала душистой прохладой, летние запахи напоминали о детстве, когда окружающие ароматы раскрываются перед тобою во всей полноте и ты уверена, что по-другому и не бывает. Запахи сена и клевера, доносящиеся от подножия холма, сладкое благоухание жимолости.

И еще она слышала музыку. Очень тихую, почти иллюзорную, но ее обострившийся слух

явственно различал мелодию. *У кого-то играет радио*, подумала Донна сначала и только потом поняла, что слышит концерт в городском парке. Диксиленд-джаз. Она даже узнала, что это за песня: «Побредем в Буффало». *Семь миль*, подумала она. *Я никогда бы не поверила, что ночь может быть такой тихой! Такой спокойной!*

Она ощущала себя предельно живой.

Сердце было как маленький мощный мотор, ровно стучащий в груди. Кровь как будто бурлила в венах. Глаза больше не резало от сухости. Почки казались тяжеловатыми, но это была приятная тяжесть. Вот ее *жизнь* — ее единственная *настоящая жизнь*. Сейчас на карту поставлено все, и эта мысль отозвалась в ее сердце странным тягостным упоением, словно лежащая на плечах непосильная ноша достигла угла предельного равновесия и сейчас упадет. Она решительно захлопнула дверцу машины.

Донна ждала, принюхиваясь, как зверь. Ничего не происходило. Вход в гараж оставался таким же безмолвным и темным. Хромированный бампер «пинто» тускло поблескивал в темноте. Вдалеке играл быстрый и радостный джаз. Она наклонилась, почти уверенная, что колени не выдержат и подогнутся, но нет. Все обошлось. Она взяла

горстку камушков с гравийной дорожки и принялась бросать их по одному через капот «пинто» в темноту за пределами поля зрения.

* * *

Первый маленький камушек упал перед носом Куджо, отскочил от других камушков на дорожке и застыл неподвижно. Куджо чуть шевельнулся. Вывалил из пасти язык. Он как будто ухмылялся. Второй камушек тоже упал на дорожку. Третий ударил его в плечо. Куджо не сдвинулся с места. ЖЕНЩИНА все еще пыталась его выманить.

* * *

Донна стояла рядом с машиной, озадаченно хмурясь. Она слышала, как первый камушек упал на гравий. Второй тоже упал на гравий. Но третий… Он как будто вообще никуда не упал. Она не слышала стука. Что это значит?

Она вдруг поняла, что ей совершенно не хочется бежать к двери в дом, пока она не убедится, что Куджо не прячется за капотом. Потом — да. Но сперва… надо бы удостовериться. На всякий случай.

Она сделала шаг. Второй. Третий.

* * *

Куджо приготовился. Его глаза горели в темноте.

* * *

Четыре шага от дверцы машины. Сердце Донны стучало, как барабан.

Теперь Куджо видел ноги ЖЕНЩИНЫ. Сейчас она тоже его увидит. Хорошо. Именно этого ему и хотелось.

* * *

Пять шагов от машины.

* * *

Донна повернула голову. Шея скрипнула, как ржавая дверная пружина. У нее было предчувствие, почти уверенность. Она повернула голову, высматривая Куджо. И Куджо был здесь. Он все время был здесь, совсем рядом. Сидел, прижавшись к земле, прятался от нее, ждал и готовился выскочить и напрыгнуть.

На мгновение их глаза встретились — широко

распахнутые от страха голубые глаза Донны и мутные красные глаза Куджо. В это мгновение ей показалось, что она смотрит его глазами, видит себя, видит ЖЕНЩИНУ — а что Куджо? Тоже видит себя глазами Донны?

Потом он бросился на нее.

На этот раз ступора не было. Донна отскочила назад и, протянув руку за спину, попыталась нашарить дверную ручку. Куджо скалился и рычал, из его пасти свисали тягучие нити слюны. Он приземлился в том месте, где только что стояла Донна, и поскользнулся на гравии, подарив ей драгоценную дополнительную секунду.

Она нашла кнопку под ручкой и надавила на нее большим пальцем. Рванула дверцу на себя, но дверца не открылась. Ее заклинило. Куджо бросился на нее снова.

В грудь как будто ударили тяжеленным, набитым песком мячом. Груди буквально расплющились о ребра — было *больно*, — а потом пес уже тянулся зубами к ее горлу. Она вцепилась в его густую жесткую шерсть и попыталась его удержать. Она слышала свое собственное сбивчивое дыхание. Звездный свет отражался в безумных глазах Куджо тусклыми полукружиями. Его зубы бешено щелкали в нескольких

дюймах от ее лица, она ощущала его дыхание, пахнущее мертвечиной, неизлечимой болезнью, бессмысленным убийством. Почему-то ей снова вспомнился неисправный измельчитель отходов и зеленая жижа, забрызгавшая потолок за пару часов до прихода гостей.

Каким-то чудом ей удалось оттолкнуть от себя пса, когда его задние лапы оторвались от земли в очередном рывке к ее горлу. Она нашарила дверную ручку, но не успела нажать кнопку. Куджо бросился на нее снова. Она пнула его, и подошва ее босоножки угодила ему прямо в морду, уже порядком израненную после неистовых бросков на машину. Взвыв от боли и ярости, пес отступил.

Донна нажала кнопку под дверной ручкой, прекрасно осознавая, что это точно последний шанс. Для нее и для Тэда. Она нажала кнопку и со всей силы рванула дверцу на себя, а пес уже снова готовился атаковать, как настырная адская тварь, которая не отступится от своей жертвы, пока кто-то из них двоих не умрет. Руку, тянувшую за дверцу под неудобным углом, сводило от боли, напряженные мышцы горели огнем. Кажется, она вывихнула плечо. Но дверца открылась. Донна едва успела упасть на сиденье, и пес набросился на нее снова.

Тэд проснулся. Увидел маму, вжавшуюся в сиденье; у нее на коленях ворочалось что-то лохматое и страшное с красными глазами, и он сразу понял, что это такое, конечно, он понял. Чудовище из его шкафа. Чудовище, которое грозилось подбираться к его кроватке все ближе и ближе, пока не окажется *совсем рядом*. Да, это оно. Прямо здесь. Слова против чудовищ не помогли; чудовище вышло из шкафа, и теперь оно здесь, убивает маму. Тэд закричал, закрывая глаза руками.

Зубы Куджо щелкали в нескольких дюймах от голого живота Донны. Она старалась его оттолкнуть, очень смутно осознавая, что у нее за спиной кричит сын. Пес смотрел на нее в упор, смотрел прямо в глаза. И почему-то вилял хвостом. Его задние лапы скребли по гравию, пытаясь найти опору для рывка еще глубже в машину, но никак не могли удержаться на россыпи мелких камней.

Пес рванулся вперед, руки Донны соскользнули, и вдруг оказалось, что он кусает ее в живот прямо под белым хлопковым лифчиком, рвет кожу зубами, пытаясь добраться до внутренностей…

Донна закричала от боли и оттолкнула пса двумя руками. Ей удалось сесть прямее, кровь из раны текла ей на джинсы. Она удерживала

Куджо левой рукой, а правой пыталась вслепую нащупать дверную ручку. У нее получилось, и она принялась лупить дверцей по ребрам Куджо. При каждом ударе раздавался гулкий, тяжелый звук, похожий на стук выбивалки по висящему на веревке ковру. При каждом ударе Куджо глухо рычал, обдавая лицо Донны своим жарким, влажным дыханием.

Он немного подался назад, набирая разгон для прыжка. Донна рассчитала все до секунды и рванула дверцу на себя со всей силы, которой уже почти не осталось. На этот раз дверца ударила Куджо по голове. Раздался громкий хруст. Пес взвыл от боли, и Донна подумала: *Вот теперь он отступит, наверняка, НАВЕРНЯКА*, — но Куджо ринулся вперед, вцепился зубами ей в ногу чуть выше колена и вырвал клок мяса. Донна пронзительно закричала.

Она продолжала бить Куджо дверцей по голове, ее крики сливались с криками Тэда, весь мир затянула сплошная серая пелена боли, а пес все терзал ее ногу, превращая ее в кусок мяса — красный, изжеванный, грязный. Шерсть на голове Куджо слиплась от густой, клейкой крови, казавшейся черной, как кровь насекомых, в зыбком свете вечерних звезд. Мало-помалу он продвигал-

ся все дальше и дальше в машину; силы Донны были уже на пределе.

Она дернула на себя дверцу в последний раз, ее голова запрокинулась, губы дрожали, в лице не осталось ни кровинки. Это действительно будет последний раз; у нее больше нет сил.

Но Куджо вдруг решил, что с него хватит.

Тихо поскуливая и шатаясь, он пошел прочь и внезапно упал на гравий. Его била дрожь, задние лапы слабо подергивались, царапая пустоту. Он принялся тереть разбитую голову правой передней лапой.

Донна захлопнула дверцу и откинулась на спинку сиденья, бессильно рыдая.

— Мама… Мамочка… Мама…

— Тэд… все хорошо…

— *Мама!*

— …все хорошо.

Руки: его руки порхают по ее плечам, как встревоженные пташки. Ее руки тянутся к его лицу, прикасаются, стараются успокоить, потом падают словно плети.

— Мама… домой… домой к папе… к папе домой…

— Да, Тэд, мы поедем… клянусь Богом, поедем… я тебя отвезу…

Совершенно бессмысленные слова. Но это нестрашно. Она проваливалась в пустоту, растворялась в сером мареве боли, растворялась в туманных глубинах себя, о которых даже не подозревала до этой минуты. Голос Тэда превратился в далекое гулкое эхо. Это тоже нестрашно… Все хорошо…

Нет, все очень плохо.

Потому что пес ее укусил…

…ее укусил бешеный пес.

* * *

Холли сказала сестре, что можно не маяться дурью, а звонить напрямую, но Черити все равно позвонила телефонистке и попросила выставить счет на ее домашний номер в Касл-Роке. Она никогда не принимала подачки, даже мелочи вроде оплаты междугороднего телефонного разговора после шести часов вечера.

Телефонистка переключила звонок на справочную службу Мэна, и Черити попросила соединить ее с номером Элвы Торнтона в Касл-Роке. Уже через пару секунд в доме Элвы зазвонил телефон.

— Алло, птицеферма Торнтонов.

— Алло. Бесси?

— Да, это я. Кто говорит?

— Это Черити Камбер. Я звоню из Коннектикута. Можешь дать трубку Элве?

Бретт сидел на диване и делал вид, что читает книжку.

— Нет, Черити, Элвы нет дома. Он сейчас в Бриджтоне, в кегельбане. А чего ты звонишь? Что-то случилось?

Черити тщательно подготовилась к разговору и заранее продумала, что она скажет. Ситуация была деликатной. Как почти все замужние женщины Касл-Рока (да и незамужние тоже), Бесси любила посплетничать, и если она узнает, что Джо Камбер без ведома жены умчался из дома сразу, как только Черити с Бреттом уехали в Коннектикут… городским кумушкам будет что обсудить вечером по телефону.

— Ничего не случилось, просто мы с Бреттом немного волнуемся из-за пса.

— Вашего сенбернара?

— Да, из-за Куджо. Мы с Бреттом гостим у моей сестры, а Джо поехал в Портсмут по делам. — Это была откровенная, но безопасная ложь. Джо частенько наведывался в Портсмут, где закупался деталями (там не взимали налог с продаж) и посещал автомобильные аукционы. — Я просто хочу убедиться, что он с кем-нибудь договорился

кормить Куджо. А то вдруг он забыл. Ты же знаешь мужчин.

— Ну, Джо заезжал вчера или позавчера, — неуверенно проговорила Бесси. На самом деле Джо заезжал к Торнтонам в прошлый четверг. Бесси Торнтон не отличалась большим умом (ее двоюродная бабка, покойная Эвви Чалмерс, громогласно сообщала всем, кто готов слушать, что у Бесси дырявая голова, зато доброе сердце), она много работала на птицеферме мужа и жила полной жизнью только перед телевизором, за просмотром своих «милых историй», мыльных опер «Как вращается мир», «Доктора» и «Все мои дети» (она пыталась смотреть «Молодых и дерзких», но решила, что они для нее «слишком скабрезные»). Она имела весьма туманное представление о тех аспектах реального мира, которые не были связаны с уходом за курами, подбором фоновой музыки для курятника, сортировкой и овоскопированием яиц, мытьем полов и посуды, стиркой и глажкой, продажей яиц и работой в саду. И конечно, зимой она всегда знала точную дату следующего собрания касл-рокских «Снежных чертей», клуба любителей катания на мотосанях, в котором она состояла вместе с Элвой.

В прошлый четверг Джо привез Элве отремонтированную покрышку для трактора. Джо не взял за работу ни цента, потому что Торнтоны снабжают Камберов яйцами за полцены. К тому же каждой весной Элва Торнтон приезжает боронить маленький огородик Камберов, а Джо взамен ремонтирует по мелочи его технику. В деревне так принято между соседями: ты — мне, я — тебе.

Черити прекрасно знала, что Джо был у Торнтонов в четверг. Она также знала, что Бесси частенько путает дни. Таким образом, перед нею вставала дилемма. Можно спросить у Бесси, не привез ли Джо Элве покрышку для трактора, когда заезжал «вчера или позавчера», и если Бесси ответит «да», тогда сразу будет понятно, что Джо не виделся с Элвой с прошлого четверга и не просил его кормить пса; а значит, нет смысла расспрашивать Элву о здоровье и благополучии Куджо, потому что он все равно ничего не знает.

А можно не спрашивать. Можно просто оставить все как есть, успокоить Бретта и не портить себе удовольствие от поездки, постоянно тревожась о том, что сейчас происходит дома. К тому же… она злилась на Куджо и ревновала к нему сына. Давай, Черити, скажи всю правду. Куджо

отвлекает внимание Бретта от очень важного путешествия. Может быть, самого важного в его жизни. Она хотела, чтобы мальчик увидел совершенно новую жизнь, новый набор *возможностей*, чтобы, когда придет время решать — а это время придет очень скоро, уже через несколько лет, — какие двери открыть, а каким дать захлопнуться, он сумел сделать правильный выбор. Может, она ошибалась, считая, что ей удастся его подтолкнуть, но пусть он хотя бы поймет, из чего можно выбрать.

Это же несправедливо, что беспокойство за чертова пса мешает мальчику сосредоточиться на действительно важных вещах?

— Черити? Ты еще тут? Я сказала, что…

— Да, я слышала, Бесси. Наверное, он попросил Элву кормить Куджо.

— Ну, я спрошу, когда он вернется домой. И сразу дам тебе знать.

— Буду очень признательна. Спасибо, Бесси.

— Да пока не за что.

— Хорошо. До свидания.

Черити повесила трубку и только потом сообразила, что Бесси забыла спросить номер домашнего телефона Джима и Холли. Ну и ладно. Так даже лучше. Она повернулась к Бретту, ста-

рательно контролируя выражение лица. Она не будет врать сыну. Ни в коем случае.

— Бесси сказала, твой папа заезжал к Элве вечером в воскресенье. Тогда же, наверное, и попросил позаботиться о Куджо.

— Ага. — Бретт пристально посмотрел на нее, и от этого взгляда ей стало не по себе. — Но с самим Элвой ты не говорила.

— Его нет дома, он сейчас в кегельбане. Но Бесси сказала, что сразу нам сообщит…

— Она же не знает наш здешний номер.

Кажется, его голос звучал обвиняюще? Или в Черити заговорила ее не совсем чистая совесть?

— Значит, я позвоню ей сама завтра утром, — сказала Черити, надеясь закрыть эту тему и заодно облегчить свою совесть.

— Папа отвез им покрышку для трактора на прошлой неделе, — задумчиво проговорил Бретт. — Может быть, миссис Торнтон перепутала дни.

— Бесси Торнтон все-таки не настолько рассеянная, — пробормотала Черити, сама в это не веря. — К тому же она ничего не сказала о покрышке для трактора.

— Да, но ты не спросила.

— Тогда сам ей звони! — рассердилась Черити.

Внезапно ее охватила беспомощная злость, как в тот раз, когда Бретт высказал очень точное — и неприятное — замечание насчет Холли и ее колоды банковских карт. И тогда, и сейчас в его голосе явственно слышались отцовские интонации, и Черити уже начала сомневаться, что у нее что-то получится. Бретт как был, так и останется сыном своего отца — целиком и полностью.

— Мам…

— Нет, давай позвони. Номер записан в блокноте. Только скажи телефонистке, пусть выставит счет на наш телефон в Касл-Роке, чтобы Холли не платила за наши звонки. Позвони Бесси сам, спроси все, что хочешь спросить. Я просто делала, что могла.

Ну вот, с горечью подумала она, *еще пару минут назад я говорила себе, что не буду врать сыну.*

Сегодня днем Бретт разозлился, когда она стала сердиться. Сейчас он лишь тихо проговорил:

— Да нет, все нормально.

— Если хочешь, можем еще кому-нибудь позвонить. Попросим их сходить к нам и проверить, как там Куджо, — сказала Черити. Ей было неловко, что она на него сорвалась.

— Кому мы позвоним? — спросил Бретт.

— Может, кому-то из братьев Милликенов?

Бретт только молча уставился на нее.

— Да, лучше не надо, — согласилась Черити.

Прошлой зимой Джо Камбер и Джон Милликен крупно поссорились из-за платы за ремонт старого «шевроле» Милликенов. С тех пор Камберы и Милликены почти не общались друг с другом. Когда Черити в последний раз ходила в фермерский клуб играть в лото, она попыталась приветливо заговорить с Ким Милликен, дочерью Фредди, но Ким не стала с ней разговаривать и ушла, задрав нос, — будто она тут принцесса, а не мелкая шлюшка, которая переспала с половиной парней в старшей школе Касл-Рока.

Черити вдруг подумалось, что они живут в совершеннейшей изоляции, на отшибе в конце городского шоссе номер 3. От этой мысли ей сделалось одиноко и даже чуть боязно. Ей было некому позвонить с просьбой подъехать к их дому, выйти с фонариком в темноту, разыскать Куджо и убедиться, что с ним все в порядке.

— Да ладно, — тускло проговорил Бретт. — Может, я просто глупый. Может, он попросту съел репей или вроде того.

— Послушай, Бретт, — сказала Черити, приобняв сына за плечи. — Ты вовсе не глупый. Завтра

утром я позвоню Элве, когда он будет дома, и попрошу сходить к нам и проверить. Позвоню сразу, как только проснемся.

— Правда, мам? Ты ему позвонишь?

— Да.

— Было бы здорово. Ты прости, что я тебе надоедаю с Куджо, но я никак не могу перестать о нем думать.

В комнату заглянул Джим.

— Кто пойдет играть в «Скрэббл»?

— Я пойду. — Бретт поднялся с дивана. — Только вы объясните мне правила.

— А ты, Черити?

Черити улыбнулась:

— Может быть, позже. Или просто приду поболеть.

Бретт ушел с дядей. Черити уселась на диван, посмотрела на телефон и задумалась о ночных хождениях Бретта, когда тот кормил иллюзорную собаку иллюзорной собачьей едой на современной кухне ее сестры.

Куджо больше не голоден. Больше не голоден, нет.

Ей вдруг стало зябко, по рукам пробежал холодок. Завтра утром мы обязательно что-то решим, пообещала она себе. Так или иначе. Если не

получится по телефону, тогда вернемся домой пораньше и будем разбираться сами. Честное слово, Бретт.

* * *

В десять вечера Вик позвонил домой снова. Никто не взял трубку. В одиннадцать он позвонил еще раз и опять не дождался ответа, хотя выслушал две дюжины длинных гудков. В десять часов он слегка испугался. В одиннадцать испугался уже всерьез, сам не зная чего.

Роджер спал. Вик набирал номер в темноте, слушал длинные гудки в темноте и в темноте же клал трубку на место. Он себя чувствовал одиноким и по-детски растерянным. Он не знал, что ему делать. Не знал, что думать. В голове неотвязно вертелась простая мысль: *Донна сбежала с Кемпом, сбежала с Кемпом, сбежала с Кемпом.*

Это противоречило всякой логике, всякому здравому смыслу. Вик вспоминал все, что они с Донной сказали друг другу, — раз за разом проигрывал в голове каждое слово, каждый интонационный нюанс. У них с Кемпом все кончено. Она велела ему убираться ко всем чертям. Он оскорбился, решил отомстить, отправил Вику *billet doux. Все это совершенно не вписывалось в*

романтичный сценарий, когда двое безумно влюбленных решают сбежать и тайно обвенчаться.

Разрыв отношений вовсе не исключает последующего примирения, произнес внутренний голос, угрюмый и беспощадно спокойный.

А как же Тэд? Она не стала бы брать с собой Тэда, так? Если судить по ее описанию Кемпа, тот был человеком несдержанным, агрессивным, и хотя Донна ничего не сказала Вику, он почему-то не сомневался, что в тот день, когда она указала Кемпу на дверь, между ними чуть было не произошло что-то очень нехорошее.

Влюбленные часто ведут себя странно.

Его внутренний ревнивец — до прошлого четверга Вик даже не подозревал, что в нем есть столько ревности, — знал ответы на все вопросы, и сейчас, в темноте, эти ответы отнюдь не казались дурацкими и нелогичными.

Его мысли как будто раскачивались на качелях от одной высшей точки к другой: от Кемпа (У *ТЕБЯ* ЕСТЬ ВОПРОСЫ?) до телефона, звонящего в их пустом доме в Касл-Роке. Может быть, Донна попала в аварию. Может быть, они с Тэдом сейчас в больнице. Или грабитель забрался в дом. И убил их обоих. Хотя если бы Донна попала в аварию, ему бы уже сообщили. Донна знает, и в «Эд уо-

ркс» тоже знают, в каком отеле Вик с Роджером остановились в Бостоне. Но в темноте эта мысль — в принципе утешительная, потому что никто не звонил, — почему-то не утешала, а, наоборот, направляла его размышления в сторону вероятного убийства.

Ограбление и убийство, шептал внутренний голос, пока его мысленные качели не вернулись в свою изначальную высшую точку: *Сбежала с Кемпом.*

Между этими крайними точками нашлось и другое, более разумное объяснение, которое страшно его разозлило. Может быть, Донна с Тэдом пошли к кому-нибудь в гости и решили остаться там на ночь, а Донна просто забыла ему позвонить, чтобы предупредить. Сейчас уже поздно обзванивать всех знакомых, не рискуя встревожить полгорода. Хотя, наверное, можно позвонить в полицейский участок и попросить их проверить дом. Но стоит ли паниковать?

Нет, сказал внутренний голос.

Да, сказал внутренний голос, *безусловно*.

Они оба мертвы, лежат с перерезанным горлом, продолжал внутренний голос. *Ты постоянно читаешь о чем-то подобном в газетах. Такое случалось и в Касл-Роке, как раз перед тем, как мы*

там поселились. Этот психопат-полицейский. Этот Фрэнк Додд.

Сбежала с Кемпом, настойчиво повторил внутренний голос.

В полночь он снова позвонил домой, трубку по- прежнему никто не брал, и на этот раз его накрыло уже несомненным предчувствием беды. Кемп, грабители, убийцы, да что угодно. Беда. Дома случилась беда.

Он положил трубку на место и включил лампу на тумбочке у кровати.

— Роджер, — сказал он. — Проснись.

— А… что… — Роджер прикрыл глаза рукой, пытаясь заслониться от света. Он был в своей дурацкой пижаме в желтых университетских вымпелах.

— Роджер. Роджер!

Роджер открыл глаза, заморгал, посмотрел на часы.

— Вик, ты чего подскочил посреди ночи?

— Роджер… — Вик судорожно сглотнул, что-то щелкнуло в горле. — Уже полночь, а Тэда с Донной все еще нет дома. Мне страшно.

Роджер сел, взял будильник и поднес поближе к глазам. Действительно полночь. Даже четыре минуты первого.

— Ну, может, им стало боязно дома одним. Алтия с девчонками иногда остаются с ночевкой у Салли Петри, когда меня нет. Алтия говорит, что ей как-то не по себе, когда с озера по ночам дует ветер.

— Она бы мне позвонила.

Теперь, когда горел свет, а Роджер проснулся и разговаривал с Виком, сама мысль, что Донна могла сбежать с Кемпом, показалась нелепой — Вику даже не верилось, что он всерьез размышлял над таким вариантом. Абсолютно дурацким и нелогичным. Она же сказала, что с Кемпом покончено, и он ей поверил. И сейчас тоже верил.

— Позвонила? — переспросил Роджер. Он еще окончательно не проснулся и туго соображал.

— Она знает, что я каждый вечер звоню домой. Если бы она собралась в гости с ночевкой, то позвонила бы в отель и попросила бы передать мне, что ее сегодня не будет дома. Разве Алтия тебе не звонит в таких случаях?

Роджер кивнул:

— Звонит.

— Вот. Она бы тебе позвонила, чтобы ты не волновался. Как я волнуюсь сейчас.

— Да. Но она могла просто забыть, — сказал Роджер, однако в его карих глазах поселилась

тревога.

— Могла, — сказал Вик. — Но вдруг с ними что-то случилось?

— У нее же наверняка есть с собой документы. Если бы они с Тэдом, не дай бог, попали в аварию, полиция позвонила бы сначала домой, потом в контору. На автоответчике есть сообщение…

— Я думал не об аварии, — сказал Вик. — Я думал… — его голос дрогнул, — что они с Тэдом совсем одни, и… черт, даже не знаю… просто я испугался.

— Позвони в полицейский участок, — твердо сказал Роджер.

— Да, но…

— Никаких «но». Донну ты точно не напугаешь, ее нет дома. Но хоть сам успокоишься. Не надо сирен и мигалок. Просто спроси, нельзя ли отправить кого-нибудь из полицейских к тебе домой. Чтобы убедиться, что там все в порядке. Она может быть где угодно. Возможно, соседка устроила чумовую рекламную вечеринку с продажей кухонной утвари.

— Донна ненавидит рекламные вечеринки.

— Или девчонки заигрались в покер и потеряли счет времени, а Тэд сладко спит в чьей-нибудь гостевой спальне.

Вик помнил, как Донна ему говорила, что не стремится общаться с «девчонками». *Не хочу превращаться в унылую кумушку на очередной ярмарке домашней выпечки.* Но ему не хотелось обсуждать это с Роджером. Тема слишком опасная, слишком близкая к Кемпу.

— Да, может быть, — сказал он.

— Вы где-нибудь прячете запасной ключ?

— На крючке под козырьком входной двери. На переднем крыльце.

— Скажи полицейским. Пусть войдут в дом и хорошенько осмотрятся… Если только ты там не прячешь траву, или кокс, или еще что-нибудь, о чем им лучше не знать.

— Не прячу.

— Тогда звони, — сказал Роджер серьезным голосом. — Может, пока они там проверяют, она сама тебе позвонит и ты почувствуешь себя идиотом. Но иногда лучше почувствовать себя идиотом. Понимаешь, о чем я?

— Да. — Вик вымученно улыбнулся. — Понимаю.

Он снова взял трубку, секунду помедлил и сначала позвонил домой. Нет ответа. За разговором с Роджером Вик чуть успокоился, но теперь опять разволновался. Он позвонил в справочную Мэна

и попросил соединить его с полицейским участком в Касл-Роке. На часах было почти пятнадцать минут первого. В ночь со вторника на среду.

* * *

Донна Трентон сидела, положив руки на руль. Тэд наконец снова уснул, но спал беспокойно; ворочался, вздрагивал, временами стонал. Она боялась, что ему снится только что пережитый ужас.

Она потрогала его лоб; Тэд что-то пробормотал и отстранился от ее руки. Его веки затрепетали, глаза приоткрылись и снова закрылись. Малыша лихорадило — почти наверняка из-за постоянного напряжения и страха. Ее тоже знобило, у нее все болело. Болели раны на животе, но они были поверхностными, чуть пострашнее царапин. Тут ей повезло. С ногой было хуже. Рваные раны на левой ноге (*укусы*, настойчиво поправлял ее внутренний голос, словно смакуя весь ужас произошедшего) были глубокими и смотрелись кошмарно. Пока кровь не свернулась, ее вылилось целое море, но Донна не стала бинтовать раны сразу, хотя в бардачке «пинто» лежала аптечка. Видимо, она надеялась, что вместе с кровью вытечет вся инфекция… но точно ли вытечет

или это просто такое народное поверье? Донна не знала. Она очень многого не знала.

Когда кровотечение наконец прекратилось, все бедро Донны и все водительское сиденье сделались липкими от крови. Чтобы перебинтовать раны, она извела все три марлевые салфетки, оставшиеся в аптечке. *Надо будет пополнить запасы*, подумала она и истерически захихикала.

В темноте раны казались черными и напоминали вспаханную землю. Боль в ноге не унималась ни на секунду. В аптечке был аспирин, но две таблетки, проглоченные всухую, совершенно не помогли. Голова тоже болела почти нестерпимо, словно ее сжимало железным обручем.

Каждый раз, когда Донна пыталась чуть разогнуть ногу, тупая пульсация боли превращалась в острую жгучую резь. Она не знала, сможет ли теперь наступить на больную ногу и уж тем более — добежать до двери. Да и куда ей бежать? Пес сидел на дорожке между машиной и домом, вяло свесив разбитую голову… но все равно не сводил взгляда с машины. Не сводил взгляда с *нее*.

Донна почему-то была уверена, что он больше не нападет. По крайней мере, сегодня ночью. А завтра солнце загонит его в сарай, если будет так же жарко, как было вчера.

— Ему нужна я, — прошептала она пересохшими губами. Да, это правда. По какой-то неведомой прихоти судьбы — или по его собственным непостижимым причинам — псу была нужна именно Донна.

Когда он рухнул на землю, она была уверена, что он умирает. Ни одно живое существо не выдержало бы такого жестокого избиения дверцей машины. Даже плотная шерсть не гасила удары. Одно его ухо висело на клочке кожи.

Но мало-помалу пес оклемался и сел. Донна не верила своим глазам… *не желала* верить своим глазам.

– *Нет!* — закричала она, совершенно утратив контроль над собой. — *Нет, ложись. Ты уже должен был сдохнуть. Ложись, я сказала. Ложись и подыхай, гадский пес!*

— Мама, не надо, — пробормотал Тэд, зажав уши руками. — Мне больно… мне больно…

С тех пор ситуация не изменилась. Время опять потянулось мучительно медленно. Донна несколько раз подносила к уху часы, чтобы убедиться, что они еще тикают. Ей казалось, что стрелки не двигаются вообще.

Двадцать минут первого.

Что мы знаем о бешенстве, дети?

Почти ничего. Какие-то смутные фрагменты из газетных статей. Из рекламного проспекта, который она рассеянно пролистала, когда однажды, еще в Нью-Йорке, носила к ветеринару их кошку Дину на прививки от чумки. Маленькое уточнение: от чумки и *бешенства*.

Бешенство поражает центральную нервную систему. И постепенно ее разрушает… как именно? Донна не знала, и врачи, кажется, тоже не знают. Иначе болезнь не считалась бы такой опасной. Конечно, размышляла она с надеждой, я даже не знаю наверняка, точно ли у пса бешенство. Я никогда в жизни не видела бешеных собак, только в кино. В «Убить пересмешника» с Грегори Пеком. К тому же тот пес, которого Пек пристрелил из ружья, не был бешеным *по-настоящему*. Это просто такая роль. Киношники взяли в местном приюте какую-нибудь шелудивую дворнягу и намазали ей морду пеной для бритья…

Так, давай-ка не отвлекайся. Сейчас надо думать о главном. Рассматривать наихудший из вариантов, как называл это Вик. Тем более что в душе она знала: у Куджо бешенство. Иначе с чего бы он так *бесновался*? Он же безумен, как шляпник.

И он ее покусал. Очень сильно. Что это значит?

Она знала, что люди могут заразиться бешенством и умереть. Это страшная смерть. Может быть, самая страшная из всех. Существует вакцина. Бешенство вроде бы лечится серией уколов. На ранней стадии. Уколы очень болезненные, хотя, наверное, боль от инъекций — ничто по сравнению с болями от самого бешенства. Но…

Она, кажется, где-то читала, что науке известно всего два случая, когда люди выжили после бешенства в запущенной стадии, когда болезнь диагностировали очень поздно. У больных уже начали проявляться симптомы. Один из выживших, маленький мальчик, выздоровел полностью. Второй, взрослый мужчина, ученый-зоолог, получил необратимое повреждение мозга. Его центральная нервная система просто рассыпалась.

Главное — не тянуть слишком долго. Чем позже начнется лечение, тем меньше шансов на полное выздоровление. Донна потерла лоб. Он был холодным и мокрым от пота.

Слишком долго — это сколько? Несколько часов? Дней? Недель? Может быть, месяц? Она не знала.

Внезапно машина как будто начала сжиматься. Вот она стала размером с «хонду», затем

— размером с эти крошечные трехколесные автомобильчики, на которых в Англии ездят инвалиды, затем — размером с мотоциклетную коляску и наконец — размером с гроб. Двойной гроб для нее и для Тэда. Им нужно выбраться, нужно выбраться, *выбраться*…

Ее рука потянулась к дверной ручке, но она вовремя остановилась. Сердце стучало как сумасшедшее, отчего голова разболелась еще сильнее. *Не надо*, подумала Донна. *Все и так очень плохо. Не надо клаустрофобии… не надо…*

Ей невыносимо хотелось пить.

Она посмотрела на Куджо, который неумолимо смотрел на нее. Из-за трещины в стекле он казался расколотым надвое.

Кто-нибудь, помогите, подумала Донна. *Спасите нас. Пожалуйста.*

* * *

Когда поступил вызов по рации, Роско Фишер сидел в патрульной машине, припаркованной у въезда на автозаправку. Формально он следил за дорогой, ловил лихачей, а на деле клевал носом. В половине первого ночи на шоссе номер 117 не было ни единой машины. Его внутренний будильник, которому он доверял, должен был раз-

будить его около часа ночи, когда в норуэйском автокинотеатре закончится последний сеанс и дорога, возможно, слегка оживится.

— Третий, ответьте диспетчеру. Третий, прием.

Роско дернулся и проснулся, опрокинув бумажный стаканчик с остывшим кофе прямо себе на промежность.

– *Черт*, — уныло проговорил он. — Вот и радость.

— Третий, прием.

Он схватил микрофон и нажал кнопку.

— Третий на связи. Прием.

Он хотел бы добавить, что лучше бы вызов был строго по делу, чтобы он не зря сидел в луже холодного кофе по самые яйца, но мало ли кто из местных радиолюбителей решит развлечься, подслушивая полицейские переговоры по рации… даже в половине первого ночи.

— Надо съездить на адрес Ларч-стрит, дом восемьдесят три, — сказал Билли. — Дом мистера и миссис Трентон. Проверить и доложить обстановку. Прием.

— Что именно надо проверить? Прием.

— Трентон в Бостоне, звонит домой. Он уверен, что кто-то должен быть дома. Но никто не берет трубку. Прием.

Ну вот, замечательно, кисло подумал Роско Фишер. *Ради чего столько страданий? Четыре доллара за химчистку, и если я остановлю какого-нибудь лихача, он решит, будто я обоссался от счастья выписать штраф.*

— Принято. Выполняю, — сказал Роско, заводя двигатель. — Прием.

— Сейчас ноль часов тридцать четыре минуты, — сказал Билли. — Ключ на гвозде под козырьком входной двери. Мистер Трентон просил войти в дом и проверить, есть там кто-нибудь или нет. Прием.

— Вас понял. Отбой.

— Отбой.

Роско включил фары и поехал по пустой главной улице Касл-Рока, мимо городского парка и летней эстрады с ее конической зеленой крышей. Поднялся на холм и повернул направо, на Ларч-стрит. Дом Трентонов был вторым от угла, и Роско подумал, что при свете дня из окон открывается изумительный вид на город. Он поставил машину у тротуара на въезде во двор, выбрался наружу и тихо прикрыл дверцу. Вокруг все спят, на улице темно.

Он секунду помедлил, оттянул мокрые штаны от промежности (скривившись в процессе) и по-

дошел к дому по подъездной дорожке. Машин во дворе не было, в маленьком одноместном гараже — тоже. Там стоял только детский трехколесный велосипед. Точно такой же, как у его сына.

Он закрыл гаражную дверь и поднялся на крыльцо дома. На верхней ступеньке лежал свежий номер «Голоса Касл-Рока». Роско поднял газету и толкнул дверь. Она была не заперта. Он вошел на веранду, чувствуя себя непрошеным гостем, без разрешения вторгшимся в чужой дом. Бросил газету на диван-качалку и нажал кнопку звонка у внутренней двери. В доме раздался заливистый перезвон, но никто не пришел открывать. Он позвонил еще дважды и выждал примерно минуты три, чтобы дать хозяйке время проснуться, надеть халат и спуститься в прихожую… если хозяйка дома.

Так и не дождавшись ответа, Роско подергал дверь. На этот раз заперто.

Только муж за порог, жена сразу к подружкам, подумал он. И все же ему показалось странным, что она не уведомила супруга.

Он пошарил под козырьком над входной дверью, нашел запасной ключ, который Вик повесил там почти сразу после того, как Трентоны въехали в этот дом, и отпер дверь. Если бы он входил

через кухню — как Стив Кемп днем, — ему не понадобился бы ключ. Как и большинство жителей Касл-Рока, Донна не запирала все двери, когда уходила ненадолго.

Роско вошел в дом. У него был фонарик, но он не стал его включать, чтобы не чувствовать себя совсем уж преступником, незаконно вторгшимся в чужой дом. Ночным грабителем с мокрым пятном от пролитого кофе на причинном месте. Он нащупал на стене выключатель с двумя рычажками. Верхний рычажок зажег свет на веранде, и Роско поспешил его выключить. Нижний рычажок зажег свет в гостиной.

Роско растерянно огляделся, не веря своим глазам, — поначалу он даже подумал, что это какой-то обман зрения. Глаза еще не привыкли к свету или вроде того. Но шли секунды, все оставалось как есть, и его сердце бешено заколотилось в груди.

Не надо ничего трогать, подумал он. *Нельзя ничего трогать*. Он забыл о пятне на штанах, забыл о своем ощущении незваного гостя. Он был напуган и взбудоражен.

Здесь определенно что-то произошло. Вся гостиная была перевернута вверх дном. Пол усыпали осколки разбитых фарфоровых фигурок. Мебель

повалена, книги сброшены с полок. Большое зеркало над камином разбито. *Кому-то семь лет не видать удачи*, подумал Роско и почему-то вдруг вспомнил Фрэнка Додда, своего бывшего напарника по патрулированию. Фрэнка Додда, добродушного полицейского из маленького городка. Отличного парня, оказавшегося психопатом, убивавшим детей и женщин. Руки Роско покрылись гусиной кожей. Сейчас явно не самое подходящее время для воспоминаний о Фрэнке.

Он прошел в кухню через маленькую столовую, где все было сброшено со стола, внимательно глядя под ноги, чтобы ни на что не наступить. В кухне было еще хуже, чем в комнатах. У него по спине пробежал холодок. Кто-то устроил тут настоящий погром. Дверцы навесных шкафчиков распахнуты настежь, пол завален осколками битой посуды. Повсюду кастрюли и сковородки, и все засыпано белым стиральным порошком, похожим на снег.

На грифельной доске на стене было написано большими печатными буквами:

ОСТАВИЛ ТЕБЕ ПОДАРОЧЕК НАВЕРХУ, ДЕТКА.

Роско Фишеру не хотелось идти наверх. Совсем не хотелось. Он помогал вывозить трупы трех

жертв Фрэнка Додда, включая тело Мэри Кейт Хендрасен, которую Фрэнк изнасиловал и убил прямо на летней эстраде в городском парке. Ему не хотелось увидеть что-то подобное снова… а вдруг эта женщина, хозяйка дома, лежит наверху застреленная, или задушенная, или зарезанная ножом? Роско видел немало погибших в дорожно-транспортных происшествиях и даже как-то привык к этому жуткому зрелищу. Два года назад они с Билли и шерифом Баннерманом вытащили человека из картофелесортировочной машины. Вытащили по кускам — в прямом смысле слова. Это был *незабываемый* опыт. Есть о чем рассказать внукам. Но после той девочки Хендрасен Роско больше не доводилось видеть жертв преднамеренного убийства, и лучше бы не довелось никогда.

То, что он обнаружил на постели в спальне Трентонов, вызвало у него странные чувства. Он сам не знал, что это было: облегчение или отвращение.

Он вернулся в машину и вызвал диспетчера.

* * *

Когда зазвонил телефон, Вик с Роджером не спали. Сидели перед включенным телевизором,

почти не разговаривали друг с другом и беспрестанно курили. По телевизору шел «Франкенштейн», самый первый. На часах было двадцать минут второго.

Вик схватил трубку на первом звонке:

— Алло? Донна? Это ты…

— Мистер Трентон? — Мужской голос.

— Да.

— Это шериф Баннерман, мистер Трентон. Боюсь, у меня для вас не слишком хорошие новости. Мне очень жа…

— Они мертвы? — спросил Вик. Он вдруг почувствовал себя нереальным и плоским — двухмерным, как лица статистов массовки в старом черно-белом фильме вроде того, что сейчас идет по телевизору. Он задал свой вопрос совершенно спокойным голосом. Краем глаза он видел, как дернулась тень Роджера, когда тот резко поднялся с дивана. Но это было не важно. Сейчас все было не важно. За эти несколько секунд у него перед глазами пронеслась вся его жизнь, и он успел разглядеть, что она сплошь состояла из декораций и фальшивых фасадов.

— Мистер Трентон, патрульный Фишер был направлен…

— Давайте без этого идиотского официоза. Про-

сто ответьте на мой вопрос. Они мертвы? — Он повернулся к Роджеру, чье лицо было серым и не на шутку встревоженным. На телеэкране у него за спиной фальшивая мельница крутилась на фоне фальшивого не- ба. — Родж, дай сигарету.

Роджер протянул ему сигарету.

— Мистер Трентон, вы слушаете?

— Да. Они мертвы?

— Нам пока неизвестно, где находятся ваша жена и сын, — сказал Баннерман, и у Вика отлегло от сердца. Черно-белый мир вновь обрел цвет. Вик весь дрожал. Незажженная сигарета дергалась в уголке его рта.

— Что происходит? Что вам известно? Вы сказали, ваша фамилия Баннерман?

— Да, я шериф округа Касл. Дайте мне пару минут, я попытаюсь ввести вас в курс дела.

— Да, хорошо.

Теперь ему стало по-настоящему страшно; все происходило как-то уж слишком быстро.

— В ноль часов тридцать четыре минуты патрульный Фишер был направлен по вашей просьбе к вашему дому номер восемьдесят три на Ларч-стрит. Приехав на место, он обнаружил, что ни во дворе, ни в гараже нет машины. Он неоднократно звонил в дверной звонок, не дождался

ответа и вошел в дом, отперев дверь запасным ключом. Внутри обнаружилось, что дом разгромлен. Мебель перевернута, бутылки со спиртным разбиты, пол и все бытовые приборы на кухне засыпаны стиральным порошком…

— Господи, это Кемп, — прошептал Вик. Его мысли сразу же завертелись вокруг записки: У *ТЕБЯ* ЕСТЬ ВОПРОСЫ? Еще тогда, в прошлый четверг он подумал, что эта записка, помимо прочего, кое-что говорит о характере человека, ее написавшего. Человека, способного на подлую месть бросившей его женщине. Что Кемп сделал теперь? Помимо того, что разгромил их дом, как взбешенная гарпия?

— Мистер Трентон?

— Да, я вас слушаю.

Баннерман откашлялся, словно ему было трудно приступить к следующей части рассказа.

— Патрульный Фишер поднялся на второй этаж. Наверху все осталось нетронутым, но он обнаружил… э… некую белесую жидкость, скорее всего, сперму… на покрывале двуспальной кровати в хозяйской спальне. — Он помолчал и добавил с неуместным, но явно нечаянным юмором: — На кровати, по всей видимости, не спали.

— Где моя жена? — крикнул Вик в трубку. — Где

мой сын? У вас есть какие-то соображения?

— Не паникуй, — сказал Роджер и положил руку ему на плечо. Роджеру легко говорить «не паникуй». Его жена дома в постели. И дочери тоже. Вик стряхнул его руку.

— Мистер Трентон, сейчас я могу сказать только одно. Детективы полиции штата уже на месте, мои ребята им помогают. В хозяйской спальне и в комнате вашего сына все в полном порядке.

— Если не считать чьей-то спермы на нашей постели, — яростно проговорил Вик. Роджер дернулся, как от удара, и уставился на него, открыв рот.

— Ну да, — смущенно ответил Баннерман. — Но я имею в виду, что нет никаких признаков… э… насилия против личности или личностей. Похоже, что это простой вандализм.

— Тогда где Донна и Тэд? — Его ярость сменилась бессильной растерянностью, ему показалось, что он сейчас разревется, как маленький мальчик.

— На данный момент неизвестно.

Кемп… о боже, вдруг Кемп их увез?

На долю секунды ему смутно вспомнился вчерашний сон: Донна с Тэдом прячутся в пещере от какого-то страшного зверя. Картинка мелькнула

перед глазами и тут же пропала.

— Мистер Трентон, если у вас есть подозрения, кто мог это сделать…

— Я сейчас же поеду в аэропорт, — сказал Вик. — Возьму машину в прокате. Буду дома около пяти утра.

Баннерман терпеливо проговорил:

— Да, мистер Трентон. Но если исчезновение вашей жены и ребенка как-то связано с разгромом дома, тогда на счету каждая минута. Если у вас есть хоть малейшее подозрение, что кто-то мог затаить злобу на вас или вашу жену, причем это может быть даже воображаемая обида…

— Кемп, — хрипло выдавил Вик. Он уже не мог сдерживать слезы. Почувствовал, как они потекли по щекам. — Я уверен, что это Кемп. Господи боже, а вдруг он их увез?

— Кто такой Кемп? — спросил Баннерман. В его голосе больше не было смущения; теперь он звучал деловито и требовательно.

Вик держал трубку в правой руке. Он прикрыл глаза левой рукой, чтобы отгородиться от Роджера, от гостиничного номера, от звуков телевизора, от всего. Теперь он был в темноте, наедине с собственным дрожащим голосом и горячими слезами.

— Стив Кемп, — сказал он. — Стивен Кемп. У него в Касл-Роке была мастерская по реставрации мебели. Но теперь он уехал. Жена говорила, что он уехал. У них с Донной… с моей женой… у них был… у них… был роман. Она с ним спала. Но недолго. Она его бросила. Сказала ему, что между ними все кончено. Я об этом узнал, потому что он написал мне письмо. Нехорошее письмо… очень грубое. Наверное, он хотел ей отомстить. Видимо, он не привык, чтобы женщины сами его бросали. То, что произошло у нас дома… похоже на продолжение того письма.

Он так сильно надавил рукой на глаза, что под веками замельтешили красные искры.

— Может, ему не понравилось, что наш брак не распался. Или он просто… взбесился. Донна говорила, что он всегда бесится, когда проигрывает в теннис. Даже не пожимает руку победителю матча. Вопрос в том… — У Вика вдруг пропал голос. Пришлось откашляться, чтобы прочистить горло. Грудь как будто сдавило железным обручем, чуть отпустило и сдавило снова. — Вопрос в том, как далеко он намерен зайти. Он мог увезти их с собой, Баннерман. Исходя из того, что я о нем знаю, он вполне на такое способен.

В трубке была тишина; нет, не совсем тишина.

Скрип карандаша по бумаге. Роджер снова положил руку на плечо Вика, и на этот раз Вик не стал ее стряхивать, благодарный за дружеское тепло. Ему было холодно, очень холодно.

— Мистер Трентон, у вас сохранилось письмо от Кемпа?

— Нет. Я его порвал и выбросил. Прошу прощения, но в тогдашнем моем состоянии…

— Оно было написано печатными буквами?

— Да. А как вы…

— Патрульный Фишер обнаружил записку на грифельной доске в кухне. Большими печатными буквами. «Оставил тебе подарочек наверху, детка».

Вик тихо охнул. Пропала последняя надежда, что это был кто-то другой — грабитель или просто детишки, решившие похулиганить. Поднимись в спальню, детка, и посмотри, что я оставил тебе на кровати. Да, это Кемп. Строка на грифельной доске отлично вписалась бы в гаденькое письмецо Кемпа.

— Само наличие записки свидетельствует о том, что вашей жены не было дома, когда он это писал, — сказал Баннерман, но даже в своем шоковом состоянии Вик уловил в его голосе фальшивые нотки.

— Она могла вернуться, когда он еще был у нас дома, — тускло проговорил Вик. — Вернуться из магазина или из мастерской, где ей чинили машину. Да откуда угодно.

— Вам известно, какая у Кемпа машина?

— У него микроавтобус.

— Цвет?

— Я не знаю.

— Мистер Трентон, вам, конечно же, надо как можно скорее вернуться домой. Но если вы собираетесь ехать из Бостона прямо сейчас, на арендованном автомобиле, я вас очень прошу, не гоните. Чтобы не получилось, что с вашими близкими все хорошо, а вы разобьетесь на трассе по дороге сюда.

— Да, я понимаю.

Ему не хотелось никуда ехать. Хотелось спрятаться и забыться. А больше всего ему хотелось, чтобы эти последние шесть дней оказались просто дурным сном.

— И еще одно, сэр.

— Что еще?

— По дороге попробуйте вспомнить и составить мысленный список всех подруг и приятельниц вашей жены. Мы по-прежнему не исключаем возможности, что она просто заночевала у ко-

го-то из них.

— Да, конечно.

— И самое главное, помните: в доме не обнаружено никаких признаков насилия.

— Весь первый этаж разворочен к чертям, — сказал Вик. — По-вашему, это не признак насилия?

— Да. — Баннерман, кажется, снова смутился. — Ну…

— Я еду домой, — сказал Вик и повесил трубку.

— Вик, мне очень жаль, — пробормотал Роджер.

Вик не мог посмотреть в глаза своему старому другу. *Я рогоносец,* подумал он. *И теперь Роджер знает, что я рогоносец.*

— Все нормально, — сказал Вик и начал одеваться.

— С таким грузом на сердце… и ты не стал отменять эту поездку?

— А какой смысл сидеть дома? — спросил Вик. — То, что случилось, уже случилось. Я… я узнал только в четверг. Я подумал… что если уехать… дать себе время подумать… слегка успокоиться… Не знаю, каких еще чертовых глупостей я себе напридумывал. А теперь видишь, что получилось.

— Ты ни в чем не виноват, — искренне проговорил Роджер.

— Родж, я уже и не знаю, в чем я виноват, а в чем нет. Я беспокоюсь за Донну. Схожу с ума из-за Тэда. Сейчас я хочу только скорее добраться до дома. И найти этого ублюдка Кемпа. Я бы… — Его голос становился все громче, а теперь вдруг сорвался. Его плечи поникли. На мгновение его лицо сделалось старым, беспомощным, опустошенным. Потом он открыл чемодан и достал чистую одежду. — Будь другом, позвони в «Эйвис» в аэропорту, закажи мне машину. Мой бумажник — на тумбочке. Они спросят номер банковской карты.

— Я закажу на двоих. Я еду с тобой.

— Нет.

— Но…

— Никаких «но».

Вик надел синюю рубашку. Застегнул ее почти до конца и только тогда сообразил, что застегивает неправильно, не на те пуговицы; одна пола оказалась короче другой. Пришлось расстегнуть и начать заново. Он что-то делал, он двигался, и от движения ему стало легче, но ощущение нереальности мира никуда не ушло. Все вокруг оставалось киношными декорациями. Полы из

итальянского мрамора — просто клеящаяся пленка. Гостиничный номер обрывается за пределами обзора камер. За кадром стоит человек с хлопушкой. Сцена номер 41. Вик уговаривает Роджера продолжать бой в одиночку. Дубль один. Он был актером в каком-то безумном абсурдистском фильме. Но когда совершаешь какие-то движения, определенно становится легче.

— Слушай, дружище…

— Роджер, мои личные проблемы никак не касаются ситуации между «Эд уоркс» и компанией Шарпа. Я решил ехать, когда узнал о похождениях Донны, потому что мне не хотелось, чтобы об этом знал кто-то еще… Когда тебе изменяет жена, как-то не хочется объявлять эту новость на весь свет. Но я решил ехать прежде всего потому, что люди, которые от нас зависят, не должны голодать из-за того, что моя жена с кем-то спит на стороне.

— Не терзай себя, Вик. Тебе-то уж точно не надо себя истязать.

— Кажется, я не могу перестать. Даже теперь не могу.

— А я не могу лететь в Нью-Йорк, как будто ничего не случилось!

— Так ничего вроде бы и не случилось, насколь-

ко мы знаем. Тот полицейский постоянно об этом твердил. Ты *можешь* лететь в Нью-Йорк. Надо довести начатое до конца. Может быть, ничего не получится, но… надо хотя бы *попытаться*, Роджер. Ничего другого не остается. К тому же ты мне ничем не поможешь в Мэне. Кроме моральной поддержки — ничем.

— Но так нельзя. Просто нельзя.

— Можно. Я позвоню тебе в «Билтмор» сразу, как что-то будет понятно. — Вик застегнул «молнию» на брюках и сунул ноги в мокасины. — Позвони в «Эйвис», закажи мне машину. До аэропорта я доберусь на такси. Вызову его снизу. Давай я тебе запишу номер карты.

Он записал номер. Роджер молча смотрел, как Вик берет пиджак и идет к двери.

— Вик, — позвал он.

Вик обернулся, и Роджер его обнял — неуклюже, но на удивление крепко. Вик обнял его в ответ и на секунду прижался щекой к плечу друга.

— Я буду молиться, чтобы все было хорошо, — хрипло проговорил Роджер.

— Хорошо, — сказал Вик и вышел.

* * *

Лифт тихонько гудел, спускаясь на первый этаж. *На самом деле никуда он не едет*, подумал Вик. *Это звуковой спецэффект*. Выходя из лифта, он столкнулся с двумя пьяными, еле стоявшими на ногах. *Статисты из массовки*, подумал он.

Он попросил портье — еще одного статиста — вызвать такси, и минут через пять машина подъехала к входу в отель.

Чернокожий таксист был сосредоточен и молчалив. В машине играло радио, настроенное на соул-волну. Почти всю дорогу до аэропорта звучала бесконечная «Сила» группы «The Temptations». На улицах не было ни души. *Шикарные декорации*, думал Вик. Когда песня все-таки завершилась, включился бодрый остряк-диджей с прогнозом погоды. Вчера было жарко, объявил он, но это *ничто* по сравнению с тем, что ждет нас сегодня, братья и сестры. Сегодняшний день обещает быть самым жарким за все лето, может быть, рекордно жарким. Синоптики предрекают сто градусов по Фаренгейту на территории, удаленной от моря, и лишь немногим прохладней на побережье. Горячие воздушные массы, пришедшие с юга, остаются над Новой Англией из-за высокого атмо-

сферного давления. «Так что давайте все к морю, уважаемые радиослушатели, — закончил свое выступление диджей. — В городе будет несладко. А пока что мы с вами послушаем Майкла Джексона, который живет “Не как все”».

Для Вика этот прогноз погоды не значил вообще ничего, но если бы его слышала Донна, она пришла бы в еще больший ужас. Хотя казалось бы — куда больше?

* * *

Черити снова проснулась ни свет ни заря. Она лежала, прислушиваясь, и поначалу даже не понимала, с чего бы вдруг стала прислушиваться. Потом вспомнила. Скрип половиц. Легкие шаги. Может, Бретт снова ходит во сне, как вчера.

Но в доме было тихо.

Она встала с постели, подошла к двери и выглянула в коридор. Никого. Секунду помедлив, вышла из спальни и заглянула в комнату сына. Бретт лежал на кровати, укрывшись простыней с головой, так что наружу торчал только вихор на макушке. Если он и ходил во сне, это было еще до того, как проснулась Черити. Сейчас он крепко спал.

Черити вернулась к себе, села на кровать и

уставилась в окно на бледную полосу на горизонте. Она понимала, что решение принято. Втайне от нее самой, ночью, во сне. И теперь, при первых лучах нового дня, она может взвесить и оценить свои намерения.

Ей пришло в голову, что она так и не излила душу сестре, о чем мечтала всю дорогу сюда. Может, она бы и завела разговор о своих бедах, если бы не вчерашняя демонстрация кредитных карт. К тому же вчера вечером Холли принялась рассказывать Черити, сколько стоит все это роскошество: четырехдверный «бьюик», цветной телевизор «Сони», паркет в коридоре. Как будто в сознании Холли на каждой из этих вещей так и остались невидимые ценники — и останутся навсегда.

Черити по-прежнему любила сестру. Холли была доброй и великодушной, ласковой, чуткой, отзывчивой. Но при ее нынешнем образе жизни ей, конечно, не хочется вспоминать жестокую правду об их непростом детстве в бедной семье в глухой мэнской деревне, ту самую правду, которая отчасти заставила Черити выйти замуж за Джо Камбера, в то время как Холли крупно повезло — точно так же, как Черити повезло с лотерейным билетом, — она встретила Джима

и сумела сбежать от жизни, что была уготована им судьбой.

Она боялась рассказывать Холли, что *годами* добивалась у мужа разрешения поехать к ней в гости, что она выбила эту поездку с огромным трудом, да и то Джо грозил ей ремнем и едва не пустил его в ход… Она боялась, что если Холли об этом узнает, то придет в ужас. Не посочувствует Черити, не станет ее утешать, а придет в ужас. И может быть, разозлится. Почему? Наверное, потому, что в глубине души — где четырехдверные «бьюики», цветные телевизоры «Сони» и паркетные полы в коридорах все-таки не принесли окончательного успокоения — Холли всегда знала, что сама едва избежала подобной участи, подобного брака, подобной *жизни*.

Черити не стала рассказывать Холли о своих бедах, потому что Холли укрепилась в своей новой жизни домохозяйки из верхов среднего класса, как недремлющий солдат в окопе. Потому что злость и ужас сестры не решат ее проблем. Потому что никому не хочется предстать перед близкими этакой безропотной мямлей, живущей с мужчиной, который ее унижает, а временами и вовсе пугает. Черити поняла для себя, что есть вещи, о которых не стоит рассказывать никому. И

дело даже не в том, что ей стыдно. Просто иногда лучше — милосерднее — сохранять видимость, что все хорошо.

Она не стала ничего рассказывать прежде всего потому, что это были ее проблемы. Что будет с Бреттом — ее проблема. И за последние два дня она все больше склонялась к мысли, что Бретт сам разберется, что ему делать с собственной жизнью. Независимо от стараний родителей.

Никакого развода не будет. Она просто продолжит свою неустанную партизанскую войну с Джо за душу их сына… пусть даже эта война ничего не дает. В своих тревогах за Бретта, который, как ей казалось, стремится во всем подражать отцу, она совершенно забыла — или, может быть, упустила из виду, — что дети растут, учатся рассуждать самостоятельно, занимают судейское место, и родителям приходится сесть на скамью подсудимых. Бретт заметил, как Холли хвалилась своими кредитными картами. Оставалось надеяться, что когда-нибудь он заметит, что его отец садится за обеденный стол, не сняв шляпу… в числе прочего.

За окном занимался рассвет. Черити надела халат. Ей хотелось принять душ, но надо было дождаться, когда проснутся хозяева дома. Чужие

люди. На самом деле чужие. Даже лицо Холли теперь казалось чужим и почти незнакомым, лишь отдаленно похожим на лицо с фотографий в семейных альбомах, которые Черити притащила с собой… даже сама Холли рассматривала эти снимки слегка озадаченно.

Они с Бреттом вернутся в Касл-Рок, в дом в конце городского шоссе номер 3, обратно к Джо. Она подхватит нити своей жизни, и пусть все остается по-прежнему. Так будет лучше.

Она напомнила себе позвонить Элве где-нибудь без пяти семь утра, когда он будет завтракать.

* * *

В шесть утра, когда уже совсем рассвело, у Тэда начались судороги.

Он проснулся в пятнадцать минут шестого и разбудил Донну, жалуясь на голод и жажду. Впервые за долгое время Донна вспомнила, что она тоже голодна. Пить ей хотелось почти постоянно, но она ни разу не думала о еде со вчерашнего утра. А теперь вдруг поняла, что умирает от голода.

Она, как могла, успокоила Тэда пустыми, бессмысленными словами, не имеющими никакой связи с реальностью: что скоро кто-то придет к ним на помощь, что плохую собаку прогонят, что

их непременно спасут.

Реальными были лишь мысли о еде.

Например, завтрак. Яичница из двух яиц на сливочном масле, и проследите, пожалуйста, официант, чтобы желток остался почти совсем жидким. Горячие гренки. Большой стакан свежевыжатого апельсинового сока, такого холодного, что стекло запотевает. Канадский бекон. Картофель по-домашнему. Хлопья из отрубей с жирными сливками и свежей черникой — чернушкой, как всегда называл ее папа, что тоже жутко бесило маму.

У нее громко заурчало в животе, и Тэд рассмеялся. Донна даже испуганно вздрогнула — таким неожиданным был этот смех. Неожиданным и приятным. Как будто находишь прекрасную розу, растущую посреди мусорной свалки. Она улыбнулась. От улыбки губам стало больно.

— Ты слышал, да?

— Ты тоже голодная.

— Если бы мне сейчас бросили макмаффин с яйцом, я бы съела его на лету.

Тэд тяжко вздохнул, и они оба опять рассмеялись. Куджо, сидевший неподалеку, навострил уши и зарычал на звук смеха. Он даже привстал, словно готовясь броситься на машину, но тут же

устало уселся обратно и свесил голову.

Как ни странно, но Донна заметно приободрилась. Наступило новое утро, а по утрам у нее часто бывало приподнятое настроение. Конечно же, скоро все кончится. Конечно же, самое худшее позади. Пока что им не везло, но когда-то должно повезти.

Тэд стал похож на себя прежнего. Да, слишком бледный, осунувшийся, усталый, несмотря на ночной сон, но все равно это он, ее Тэдди. Почти такой же, каким был всегда. Она обняла его, и он обнял ее в ответ. Боль в животе немного утихла, хотя кожа вокруг царапин припухла и воспалилась. С ногой было хуже. Донна сумела ее разогнуть, но лучше бы не разгибала — нога разболелась сильнее, и раны опять начали кровоточить. Наверняка останутся шрамы.

Минут сорок они разговаривали. Чтобы как-то развлечь Тэда и убить время, Донна предложила сыграть в «Двадцать вопросов». Тэд с радостью согласился. Он обожал эту игру, но у родителей никогда не было времени поиграть с ним подольше. Они отыграли три раунда и пошли на четвертый, и вот тут-то все и началось.

Донна еще пять вопросов назад догадалась, что Тэд загадал Фреда Реддинга, мальчика из его груп-

пы в детском саду, но решила продлить игру.

— У него рыжие волосы? — спросила она.

— Нет, у него… у него…

Тэд вдруг захрипел, словно ему стало нечем дышать. Он отчаянно пытался вдохнуть, и, глядя на сына, Донна сама чуть не задохнулась от страха, вставшего комом в горле. Во рту появился кислый медный привкус.

— Тэд? *Тэд?!*

Тэд задыхался. Царапал горло ногтями, оставляя на коже красные полосы. Его глаза закатились, так что остались видны только белки и нижние краешки радужной оболочки.

— Тэд!

Она схватила его за плечи и хорошенько встряхнула. Его кадык ходил ходуном вверх-вниз, как заводная игрушка. Его руки упали, судорожно зашарили по сиденью и снова взметнулись к горлу. Он хрипел, словно раненый зверь.

На секунду Донна забыла, где находится. Она схватилась за ручку, рванула ее вверх и распахнула дверцу «пинто», словно машина стояла у супермаркета на людной улице и помощь была где-то рядом.

Куджо мгновенно вскочил. Он бросился к машине, когда дверца была открыта наполовину,

и только это спасло Донну от верной смерти. Пес ударился о край дверцы, отскочил и бросился снова. На гравийную дорожку потекли жидкие экскременты.

Донна успела захлопнуть дверцу. Куджо налетел на нее, и вмятина стала еще заметнее. Он отступил для разбега и бросился на окно. Раздался глухой треск. Серебристая трещина на стекле внезапно выпустила с полдюжины ответвлений. Пес снова бросился на окно, и укрепленное стекло хоть и сдержало напор, но прогнулось, покрывшись мелкими трещинками. Мир за окном превратился в белесое мутное пятно.

Если он бросится снова...

Но Куджо решил выждать и посмотреть, что Донна сделает дальше.

Она повернулась к сыну.

Тэд бился в конвульсиях, как эпилептик. Его спина выгибалась дугой. Он приподнялся над сиденьем, упал обратно, снова приподнялся и упал. Его лицо стало лиловым. На висках вздулись венки. Донна три года работала волонтером в больнице — два года в старших классах и летом после первого курса университета, — а потому знала, что происходит. Он не проглотит язык; такое бывает только в дешевых бульварных

детективах. Но завалившийся в горло язык перекрывает трахею. Ее сын задыхается у нее на глазах.

Она схватила его за подбородок и резким рывком раскрыла ему рот. Она сейчас паниковала и поэтому действовала жестко и грубо. Услышала, как хрустнула его челюсть. Ее пальцы нащупали кончик его языка — далеко в глубине, там, где когда-нибудь вырастут зубы мудрости. Она попыталась его ухватить и не смогла; он был мокрым и скользким, как крошечный угорь. Наверное, придется удерживать его ногтями. Ее сердце бешено колотилось в груди. *Кажется, он умирает*, подумала Донна. *Господи боже, мой сын умирает.*

Его зубы внезапно сомкнулись. Он до крови прокусил ее пальцы и свою собственную потрескавшуюся, распухшую губу. Кровь потекла по его подбородку. Донна не обращала внимания на боль. Ноги Тэда судорожно задергались. Донна все-таки ухватила кончик его языка… но он выскользнул снова.

(*чертов пес, это все из-за него, чертова тварь, Я УБЬЮ ТЕБЯ, КЛЯНУСЬ БОГОМ*)

Тэд опять укусил ее до крови, но она снова схватила его язык и на этот раз, не раздумывая, впилась в него ногтями и резко потянула на себя;

другой рукой она взяла Тэда под подбородок и запрокинула ему голову, чтобы воздух свободнее входил в дыхательные пути. Тэд опять захрипел, как старик с эмфиземой. Потом надсадно закашлялся.

Она шлепнула его по щеке. Просто не знала, что еще можно сделать.

Тэд шумно втянул в себя воздух и задышал — часто и тяжело. Донна тоже дышала часто и тяжело. У нее кружилась голова, волнами накатывала дурнота. Она сама не заметила, как сбила повязку на больной ноге, раны открылись и опять кровоточили.

— Тэд! — Она проглотила комок, вставший в горле. — Тэд, ты меня слышишь?

Он кивнул. Еле заметно. Его глаза оставались закрытыми.

— Попытайся расслабиться. Успокойся.

— …я хочу домой… мама… чудовище…

— Тише, Тэдди. Не разговаривай и не думай о чудовищах. Вот, держи. — Она подняла с пола упавший листок со Словами против чудовищ и вложила его в руку сына. Тэд крепко стиснул листок в кулаке. — Лучше сосредоточься на своем дыхании. Дыши ровно и медленно. Это верный способ попасть домой. Дышать ровно и

медленно.

Ее блуждающий взгляд упал за окно с пассажирской стороны, и она снова увидела старую, обмотанную изолентой бейсбольную биту, лежащую в высокой траве у подъездной дорожки.

— Главное, успокойся, Тэдди. Ты же сможешь, да?

Тэд слабо кивнул, не открывая глаз.

— Еще немного, малыш. Честное слово. Честное слово.

Снаружи день разгорался все ярче. Уже было тепло. Температура в салоне маленького «пинто» начала повышаться.

* * *

Вик приехал домой в двадцать минут шестого. В те минуты, когда его жена пыталась вытащить завалившийся в горло язык его сына, Вик ходил из угла в угол в гостиной — медленно, будто во сне — и ставил на место уцелевшие вещи. Шериф Баннерман, детектив из полиции штата и следователь Генеральной прокуратуры штата сидели на диване и пили растворимый кофе.

— Я рассказал все, что знаю, — сказал Вик. — Вы уже связались со всеми ее подругами. Если ее нет у них, тогда я не знаю, где она может

быть. — Чуть раньше он принес из кухни метлу, совок для мусора и несколько крепких пакетов. Теперь он ссыпал в пакет полный совок стеклянных осколков. Раздался резкий, немелодичный звон. — Если только ее не увез Кемп.

Ответом была неловкая тишина. Вик никогда в жизни не чувствовал себя настолько уставшим, но сомневался, что сможет уснуть без успокоительного укола. Мысли путались, в голове все плыло. Минут через десять после того, как он вошел в дом, зазвонил телефон. Вик рванулся к нему как ужаленный, не обращая внимания на слова следователя Генеральной прокуратуры, что, скорее всего, это звонят ему. Нет, не ему; это был Роджер, который хотел убедиться, что Вик добрался до дома, и спросить, есть ли какие-то новости.

Новости *были*, но все какие-то раздражающе неопределенные. По всему дому обнаружились отпечатки пальцев, и команда экспертов, тоже из Огасты, уже «сняла пальчики» в жилом помещении, примыкавшем к мастерской, которую до недавнего времени снимал Стивен Кемп. Скоро взятые образцы сверят на соответствие, и полиция получит неопровержимые доказательства, что дом разгромил именно Кемп. Хотя Вик и так

это знал; он нутром чуял, что это Кемп.

Детектив из полиции штата пробил по базе данных автомобиль Кемпа. «Форд-эконолайн» 1971 года выпуска, номерной знак 641–644, выданный в штате Мэн. Светло-серый микроавтобус, расписанный по бокам пустынными пейзажами с песчаными дюнами и одиноко стоящими скалами, — это им сообщил поднятый с постели в четыре утра домовладелец, у которого Кемп снимал мастерскую. На заднем бампере две наклейки: «РАСЩЕПЛЯЙТЕ ЖИРЫ, А НЕ АТОМЫ» и «В ДЖЕЯ АРА СТРЕЛЯЛ РОНАЛЬД РЕЙГАН». Смешной парень Стив Кемп, с такими приметными росписями и наклейками этот микроавтобус отыщут в два счета, если, конечно, он не бросил его где-нибудь по дороге. Его уже объявили в розыск по всей Новой Англии вплоть до штата Нью-Йорк. Отделения ФБР в Портленде и Бостоне получили предупреждение о вероятном похищении людей, тамошние сотрудники проверили Стивена Кемпа по своим архивам в Вашингтоне и обнаружили три привода в полицию за участие в акциях протеста против войны во Вьетнаме в 1968–1970 годах.

— Во всей этой истории меня беспокоит один вопрос, — задумчиво проговорил следователь из

Генеральной прокуратуры. Он держал на коленях открытый блокнот, хотя Вик уже рассказал все, что мог. Человек из Огасты просто рисовал на листочке. — Сказать по правде, он беспокоит меня не на шутку.

— Какой вопрос? — спросил Вик. Он поднял с пола семейный портрет, посмотрел на него и наклонил над пакетом с мусором. Осколки разбитого стекла посыпались вниз с неприятным зловещим звоном.

— Машина. Где машина вашей жены?

Его звали Мейсен — не Мейсон, а Мейсен со вторым «е», что он особенно подчеркнул, когда они с Виком знакомились и пожимали друг другу руки. Сейчас он встал и подошел к окну, рассеянно похлопывая себя по ноге закрытым блокнотом. На подъездной дорожке у дома стояли патрульный автомобиль Баннермана и «ягуар» Вика. Вик забрал его в Портлендском аэропорту и там же сдал в «Эйвис» арендованную машину, на которой ехал из Бостона.

— При чем здесь машина моей жены? — спросил Вик.

Мейсен пожал плечами.

— Может, и ни при чем. А может, очень даже при чем. Скорее всего, нет. Но мне это не нра-

вится. Кемп приезжает сюда, так? Похищает вашу жену и ребенка. Почему? Потому что он псих. Вполне достаточная причина. Не умеет проигрывать. Может быть, у него просто такой извращенный юмор.

Он почти слово в слово повторил все, что уже говорил ему Вик.

— Что он делает дальше? Сажает их силой в свой разрисованный с двух боков микроавтобус. И либо везет их куда-то подальше отсюда, либо где-нибудь прячется. Так?

— Да, именно этого я и боюсь…

Мейсен повернулся к нему:

— Тогда где машина вашей жены?

— Ну… — Вик попытался собраться с мыслями. Это было непросто. Он ужасно устал. — Может быть…

— Может быть, у него был сообщник, который ее забрал, — сказал Мейсен. — Что, скорее всего, означает похищение с целью выкупа. Если он увез их один, это мог быть спонтанный поступок в помутнении сознания. Если это похищение ради денег, зачем вообще брать машину? Чтобы по дороге в нее пересесть? Полный бред. Этот «пинто», конечно, не такой приметный, как разрисованный с двух боков микроавтобус, но его

все равно быстро найдут. И повторю: если сообщника не было, если он действовал в одиночку, тогда кто вел машину?

— Может быть, он вернулся за ней, — пробормотал детектив из полиции штата. — Спрятал где-нибудь женщину с мальчиком и вернулся за ее машиной.

— Без сообщника это было бы проблематично, — сказал Мейсен. — Но допустим, что он так и сделал. Спрятал их где-то поблизости и вернулся пешком за машиной миссис Трентон. Или отвез их куда-нибудь далеко и вернулся в Касл-Рок на попутках. Но зачем?

Баннерман впервые заговорил:

— Она могла сама сесть за руль.

Мейсен обернулся к нему и вопросительно поднял брови.

— Если он забрал мальчика… — Баннерман посмотрел на Вика и слегка кивнул. — Прошу прощения, мистер Трентон, но если Кемп забрал мальчика, затащил в микроавтобус, приставил ему к голове пистолет, велел вашей жене ехать следом за ним, пригрозил, что парнишке не поздоровится, если она попытается как-то схитрить, свернет не туда или станет сигналить фарами…

Вик молча кивнул. Он представил себе эту кар-

тину, и ему стало дурно.

Мейсен, кажется, разозлился на Баннермана. Может быть, потому, что не додумался до этого сам.

— Я повторю: с какой целью?

Баннерман покачал головой. Вик тоже не понимал, зачем Кемпу могла понадобиться машина Донны.

Мейсен закурил «Пэлл-Мэлл», закашлялся и огляделся в поисках пепельницы.

— Прошу прощения, — сказал Вик, снова чувствуя себя актером, произносящим заученные реплики, сочиненные кем-то другим. — Здесь были две пепельницы, но они разбились. В кухне есть целая, я сейчас принесу.

Мейсен пошел в кухню следом за ним, взял пепельницу и сказал:

— Может, выйдем на крыльцо? Сегодня будет адская жарища. Хоть подышим, пока не началось пекло.

— Хорошо, — равнодушно отозвался Вик.

Когда они вышли, он взглянул на термометр-барометр, висевший на внешней стене дома… подарок от Донны на прошлое Рождество. Температура уже поднялась до семидесяти трех градусов. Стрелка барометра замерла в секторе

«ЯСНО».

— Давайте рассмотрим вопрос поподробнее, — сказал Мейсен. — Все же хотелось бы разобраться. Муж уезжает в командировку, женщина с маленьким сыном остается дома одна. Ей, безусловно, нужна машина, если она не собирается безвылазно сидеть дома. До центра города всего полмили, но обратная дорога все время идет в гору. Если предположить, что Кемп похитил вашу жену из дома, ее машина должна была остаться во дворе. Есть другой вариант. Кемп приезжает сюда, не застает никого, громит дом, но ему этого мало. Он видит вашу жену и сынишку где-нибудь в городе и похищает их там. В этом случае ее машина должна остаться в том месте, где он их похитил. Где-нибудь в центре. Может быть, на стоянке у торгового центра.

— Ночью ее бы заметили на стоянке, — сказал Вик.

— Да, наверное, — сказал Мейсен. — А ваша жена не могла где-то оставить машину сама, мистер Трентон?

И тут Вик вспомнил. Игольчатый клапан.

— Похоже, у вас в голове что-то щелкнуло, — сказал Мейсен.

— Даже не щелкнуло, а громыхнуло. Маши-

ны здесь нет, потому что она в Саут-Пэрисе, в автосалоне «Форд». У нее барахлит карбюратор. Западает игольчатый клапан. В понедельник мы с ней говорили об этом по телефону. Она жутко расстроилась. И жутко злилась. Я обещал договориться с одним местным мастером, но забыл ему позвонить, потому что…

Он замолчал, задумавшись о причинах своей забывчивости.

— Вы забыли договориться о ремонте машины здесь, в городе, и ваша жена повезла ее в Саут-Пэрис?

— Да, наверное.

Он не мог вспомнить, о чем именно они с Донной договорились в понедельник. Помнил только, что Донна боялась ехать в ремонт, потому что «пинто» мог заглохнуть по дороге.

Мейсен взглянул на часы и поднялся на ноги. Вик тоже привстал.

— Нет, вы сидите. Мне нужно быстренько позвонить. Я скоро вернусь.

Вик сел на место. Сетчатая дверь на веранде захлопнулась за Мейсеном. Стук двери напомнил Вику о Тэде. Он поморщился и стиснул зубы, чтобы не расплакаться. Где сейчас Тэд? Где Донна? Отсутствие машины вроде бы вселяло надежду,

но слабую.

Солнце уже поднялось высоко в небо, заливая своим ярким светом дома и улицы на холме Касл-Хилл. Вик смотрел на качели на заднем дворе. Сколько раз он качал Тэда на этих качелях… больше всего на свете ему хотелось качать сына снова, и чтобы рядом стояла жена. Он будет качать Тэда, пока у него не отвалятся руки, если Тэду захочется качаться подольше.

Еще выше, пап! Еще выше!

От этого голоса, прозвучавшего в голове, ему стало зябко. Словно это был голос призрака.

Открылась сетчатая дверь на веранде. Мейсен сел рядом с Виком и закурил новую сигарету.

— Автосалон «Твин-Сити» в Саут-Пэрисе, — сказал он. — Верно?

— Да. Мы купили там «пинто».

— Я им позвонил. Мне повезло, сотрудник сервисной службы уже был на месте. Вашего «пинто» там нет и не было. А кто этот местный мастер?

— Джо Камбер, — сказал Вик. — Может быть, она все-таки отвезла «пинто» к нему. Она не хотела ехать к Камберу, потому что его мастерская стоит на отшибе, на дальней окраине города, и никто не брал трубку, когда она пробовала звонить. Я ей сказал, что он, скорее всего, на месте,

просто работает в гараже и не слышит звонка. Гараж оборудован в старом амбаре, там нет телефона. Во всяком случае, не было в прошлом году, когда я к нему приезжал.

— Мы, конечно, проверим, — сказал Мейсен. — Но вашей машины там нет, мистер Трентон. Можете не сомневаться.

— Почему нет?

— Потому что это было бы нелогично, — ответил Мейсен. — Я был на девяносто девять процентов уверен, что в Саут-Пэрисе ее тоже нет. Вот смотрите. Мы уже говорили. Молодой женщине с ребенком нужна машина. Допустим, она отвезла ее в Саут-Пэрис и там ей сказали, что ремонт займет пару дней. Как ей вернуться домой?

— Ну… взять машину в прокате… или, может, в самом «Твин-Сити» ей предложили бы одну из прокатных машин. У них есть такая услуга.

— Все верно! Отлично! И где эта машина?

Вик посмотрел на подъездную дорожку, словно ждал, что машина появится там как по волшебству.

— Кемпу было незачем забирать арендованную машину. Точно так же, как ему было незачем забирать «пинто» вашей жены, — сказал Мейсен. — Вот почему можно было заранее

исключить автосалон. Теперь предположим, что она отвезла «пинто» в мастерскую этого Камбера. Если он дал ей какую-то старую развалюху, чтобы ездить, пока он будет чинить «пинто», мы опять возвращаемся к исходной точке: где эта старая развалюха? Логичнее было бы предположить, что если вашей жене пришлось бы оставить машину у Камбера, она позвонила бы кому-нибудь из знакомых, чтобы за ней приехали и забрали. Вы следите за ходом моих рассуждений?

— Да, конечно.

— Тогда кому именно она позвонила? Вы дали нам список ее подруг и приятельниц, и мы всех подняли с постели. Нам еще повезло, что никто не уехал из города в самый сезон отпусков. Никто из них не подвозил домой вашу жену и ребенка. Никто не видел их обоих с утра понедельника.

— Так чего мы гадаем? — спросил Вик. — Давайте позвоним Камберу и выясним.

— Подождем до семи, — сказал Мейсен. — Ждать осталось всего пятнадцать минут. Пусть человек спокойно проснется и умоется. Сотрудникам сервисной службы надо быть на работе к определенному часу. Этот Камбер, как я понимаю, вольный частник.

Вик пожал плечами. С его точки зрения, это был

очередной бессмысленный тупик. Кемп забрал Донну и Тэда. Вик это знал. Точно так же, как знал, что именно Кемп разгромил дом и полил спермой их с Донной постель.

— Конечно, это необязательно мог быть кто-то из близких друзей, — сказал Мейсен, мечтательно глядя на дым от своей сигареты. — Есть масса возможностей. Она привозит машину к Камберу, встречает у него в мастерской кого-то из дальних знакомых, и они предлагают отвезти их с сыном обратно в город. Или Камбер сам их отвозит. Или его жена. Он женат?

— Да. У него очень приятная жена.

— Камбер, его жена, да кто угодно. Люди всегда рады помочь женщине в беде.

— Да, — сказал Вик и тоже закурил.

— Но это не важно, потому что вопрос остается: где эта чертова машина? Ситуацию мы уже разобрали. Женщина с маленьким ребенком одна дома. Ей нужно ходить в магазины, в химчистку, на почту и еще в дюжину мест. Если мужа нет дома несколько дней, даже неделю, она еще может справиться без машины. Но десять дней? Две недели? Многовато для городка, где одно такси на весь город. В такой ситуации служба проката автомобилей с радостью обеспечит доставку. Ва-

ша жена могла позвонить в «Герц», «Эйвис» или «Националь», и ей бы пригнали машину сюда или к мастерской Камбера. И *где* эта прокатная машина? Вот что меня беспокоит. У вас во дворе должна быть хоть какая-то машина. Понимаете?

— Мне кажется, это не важно, — сказал Вик.

— Может быть. Мы найдем простое объяснение и скажем: *Вот мы болваны! Как же мы не додумались сразу?!* И все-таки что-то меня беспокоит… Вы говорили, игольчатый клапан? Вы уверены?

— Совершенно уверен.

Мейсен покачал головой.

— Тогда зачем ей вообще этот цирк с прокатными автомобилями? Знающему человеку там работы минут на пятнадцать. Приехал, быстренько починил и уехал. Но тогда где…

— …эта чертова машина? — устало закончил за него Вик. У него все плыло перед глазами. Мир то накатывал, то отступал.

— Вам, наверное, надо прилечь отдохнуть, — сказал Мейсен. — Вид у вас совершенно измотанный.

— Нет, мне нельзя засыпать. Если вдруг что-то станет известно…

— Если что-то станет известно, вас сразу разбудят. Сюда едут ребята из ФБР, ставить на телефон

оборудование для отслеживания звонков. Обычно они так шумят, что разбудят и мертвого. Так что не переживайте.

Вик так устал, что не чувствовал ничего, кроме вялого страха.

— Оно действительно необходимо, это оборудование?

— Лучше пусть стоит и не понадобится, чем вдруг понадобится, а его нет, — сказал Мейсен и затушил в пепельнице окурок. — Вы отдохнете, и вам станет легче справляться, Вик. Идите.

— Хорошо.

Он медленно поднялся по лестнице. На кровати лежал только голый матрас. Вик сам снял все белье. Сейчас он положил на матрас две подушки, сбросил туфли и лег. Яркое солнце светило в окно. *Я не усну*, подумал он. *Просто чуть отдохну. Попытаюсь. Пятнадцать минут… может быть, полчаса…*

Но когда он проснулся от телефонного звонка, был уже полдень. Полыхающий полдень рекордно жаркого дня.

* * *

Черити выпила свой утренний кофе и позвонила в Касл-Рок Элве Торнтону. На этот раз трубку

взял сам Элва. Он уже знал, что вчера Черити говорила с Бесси.

— Нет, — сказал он. — Я не видел Джо с прошлого четверга, когда он привез мне покрышку для трактора. Он не просил меня кормить Куджо, хотя я бы с радостью согласился.

— Элва, ты можешь заехать к нам и проверить, как там Куджо? Бретт его видел утром в понедельник, как раз перед нашим отъездом, и ему показалось, что Куджо не очень здоров. И я не знаю, с кем Джо договорился насчет кормежки. — Как это принято у сельских жителей, она добавила: — Спешки нет.

— Да, я смогу, — сказал Элва. — Покормлю этих чертовых кур и сразу поеду.

— Было бы замечательно, Элва. — Черити продиктовала ему домашний номер сестры. — Большое спасибо.

Они еще немного поговорили, в основном о погоде. Из-за непрестанной жары Элва беспокоился за своих кур. Потом Черити повесила трубку.

Когда она вошла в кухню, Бретт поднял голову от тарелки с сухими хлопьями. Джим-младший сосредоточенно возил по столу свой стакан с апельсиновым соком и болтал без умолку. В какой-то момент за последние сорок восемь часов

он решил, что Бретт Камбер — близкий родственник Иисуса Христа.

— Ну что? — спросил Бретт.

— Ты был прав. Папа не просил Элву кормить Куджо. — Лицо Бретта стало встревоженным и огорченным, и Черити поспешила добавить: — Но Элва сказал, что сегодня заедет к нам и проверит, как там Куджо. Сразу, как только покормит кур. На этот раз я оставила номер. Элва обещал позвонить, когда что-то выяснится.

— Спасибо, мам.

Холли крикнула сверху, чтобы Джим шел одеваться. Он тут же выскочил из-за стола.

— Пойдешь со мной, Бретт?

Бретт улыбнулся:

— Я тебя подожду, чемпион.

— Ладно. — Джим побежал к лестнице с криками: — Мам! Бретт сказал, он меня подождет! Бретт подождет, пока я оденусь!

По ступенькам то ли прогрохотал гром, то ли промчалось стадо слонов.

— Хороший парень, — небрежно заметил Бретт.

— Я тут подумала… — сказала Черити. — Может, вернемся домой пораньше? Если ты не против.

Бретт весь просиял, и хотя Черити сама приня-

ла решение, радость сына немного ее огорчила.

— Когда? — спросил он.

— Как насчет завтра? — Изначально она собиралась предложить пятницу.

— Отлично! Но… — Он пристально посмотрел на нее. — Ты сама хочешь ехать домой? В смысле, мы тут пробыли совсем недолго, а она все-таки твоя сестра.

Черити подумала о кредитных картах, о старинном музыкальном автомате, который муж Холли смог приобрести, но не смог починить и настроить. Все это неприятно задело Бретта, и ее саму тоже задело в какой-то мере. Может быть, она увидела Холли и Джима глазами Бретта… глазами Джо. В общем, как говорится, хорошенького понемножку.

— Да, — сказала она. — Я хочу домой. Скажу Холли сегодня утром, что мы уезжаем.

— Хорошо, мам. — Бретт смущенно посмотрел на нее. — Знаешь, я бы приехал сюда еще раз. Мне они нравятся. Мелкий Джим очень славный. Может, он как-нибудь тоже приедет к нам в Мэн.

— Да, — сказала она, удивленная и благодарная. Вряд ли Джо будет против. — Да, думаю, это можно устроить.

— Ага. И расскажи мне, что скажет мистер

Торнтон.

— Конечно.

* * *

Но Элва так и не перезвонил. Когда он кормил кур, в курятнике отрубился кондиционер, и началась отчаянная борьба за спасение птиц от убийственной — в прямом смысле слова — жары. Донна Трентон назвала бы эту беду очередным ударом судьбы. Той самой судьбы, что отражалась в мутных, одержимых убийством глазах Куджо. Кондиционер удалось починить только в четыре часа пополудни (в тот день Элва Торнтон потерял шестьдесят двух кур и считал, что еще легко отделался), и противоборство, начавшееся в понедельник на выжженном солнцем дворе Камберов, уже завершилось.

* * *

В Генеральной прокуратуре штата Мэн Энди Мейсен считался вундеркиндом, и кое-кто из коллег был уверен, что в скором будущем — *очень* скором — он возглавит следственный отдел ГП. Сам Энди Мейсен метил выше. Он надеялся получить должность генерального прокурора в 1984

году, а в 1987-м баллотироваться на пост губернатора штата. Восемь лет на посту губернатора, а дальше… кто знает?

Он вырос в большой бедной семье. У него было три брата и две сестры. Они жили в запущенном старом доме на дальней окраине крошечного городка под названием Лисбон. Типичная белая голытьба. Никто не ждал от детишек Мейсенов великих свершений, и на то были все основания. Только сам Энди и его младший брат Марти сумели окончить старшую школу. Сестра Роберта тоже могла бы получить аттестат и выбиться в люди. Но в выпускном классе она залетела, бросила школу и вышла замуж за парня, который и теперь, в двадцать девять, ходит с рожей в прыщах, пьет «Наррагансетт» прямо из банки и периодически избивает ее и ребенка. Марти погиб в автомобильной аварии на шоссе номер 9 в Дареме. Он с друзьями по пьяни попытался вписаться в крутой поворот на вершине холма Сиройс-Хилл на скорости семьдесят миль. Их «камаро» дважды перевернулся и сгорел.

Энди был звездой в их семье, но мать его не любила. Даже немного побаивалась. Подругам она говорила: «Мой Энди бесчувственный и холодный, как рыба». То, что она принимала за

холодность и отчужденность, было сдержанностью и умением держать себя в руках. С пятого класса он знал, что поступит в университет и станет юристом. Юристы зарабатывают много денег. Юристы работают с логикой. Для Энди Мейсена логика была богом.

Любое событие он рассматривал как точку, из которой расходятся линии вероятностей, причем число этих линий всегда ограниченно. На конце каждой линии стоит еще одна событийная точка, дающая новый набор вероятностей. И так далее. Такой «чертеж» жизни от точки к точке всегда служил ему верой и правдой. Он с отличием окончил школу, получил стипендию для наиболее одаренных учащихся и мог выбрать почти любой вуз в стране. Он поступил в Мэнский университет, отказавшись от Гарварда, потому что уже решил для себя, что карьеру надо начинать в Огасте, и ему не хотелось, чтобы какой-нибудь лесоруб в резиновых сапожищах и замызганной куртке обозвал его гарвардским задротом.

В это жаркое июльское утро все шло точно по плану.

Он положил телефонную трубку на место. Номер Камберов не отвечает. Детектив из полиции штата и шериф Баннерман все еще здесь, ждут

команды, как хорошо обученные собаки. Энди Мейсену уже доводилось работать с Таунсендом из полиции штата, и с ним ему было вполне комфортно. Даешь команду «апорт», и Таунсенд послушно приносит палку. С Баннерманом Мейсен раньше не сталкивался, и он ему не нравился. Слишком уж пристальный у него взгляд, и это внезапное озарение, что Кемп мог принудить женщину ехать следом за ним, угрожая жизни ее ребенка… мысль дельная, да. Но все дельные мысли должны приходить в голову только ему самому, Энди Мейсену. Сейчас они втроем сидели в гостиной у Трентонов, не разговаривали друг с другом, просто пили кофе и ждали прибытия фэбээровцев с их оборудованием для отслеживания звонков.

Энди размышлял над делом. Может быть, это буря в стакане. А может быть, что-то серьезное. Муж убежден, что это похищение, и не придает никакого значения пропавшей машине. Он буквально зациклился на идее, что его жену и ребенка увез Стивен Кемп.

В чем сам Энди Мейсен был совсем не уверен.

Камбера нет дома; дома нет вообще никого. Возможно, они все уехали в отпуск. Да, весьма вероятно. Июль — самый сезон отпусков. Кто-

нибудь обязательно окажется в отъезде. Стал бы Камбер брать машину в ремонт, если бы собирался уехать из города? Вряд ли. И вряд ли «пинто» стоит у него в гараже. Но все равно надо проверить. Потому что есть еще одна версия, о которой Мейсен не стал говорить Вику.

Допустим, его жена действительно отвезла «пинто» к Камберу. Допустим, кто-то предложил подвезти ее до дома. Не друг, не дальний знакомый, не Камбер или его супруга, а совершенно чужой человек, случайно оказавшийся рядом. Энди прямо слышал, как Трентон говорит: «Не может быть. Моя жена никогда не сядет в машину с посторонним мужчиной». С другой стороны, Трентон наверняка был уверен, что его жена никогда не ляжет в постель с посторонним мужчиной вроде Стивена Кемпа. Если этот гипотетический незнакомец вел себя дружелюбно и если ей не терпелось скорее отвезти сына домой, она могла принять предложение. А этот милый, улыбчивый незнакомец оказался законченным психопатом. Здесь в Касл-Роке уже был такой психопат, Фрэнк Додд. Может быть, этот милый, улыбчивый незнакомец перерезал обоим горло, спрятал тела в кустах и преспокойно поехал дальше. В этом случае «пинто» должен остаться

у Камбера.

Конечно, это *маловероятно*, но все же *не исключено*. Энди в любом случае отправил бы к Камберу человека с проверкой — так положено по протоколу, — но ему нравилось понимать подоплеку каждого своего действия. Он был уверен, что гараж Камбера можно легко исключить из логического построения, которое складывалось у него в голове. Допустим, она приехала к Камберу, никого там не застала, и *вот тут* «пинто» заглох. Но городское шоссе номер 3 в Касл-Роке — все-таки не Антарктида. Они с сынишкой запросто дошли бы пешком до ближайшего дома, где есть телефон. Однако ничего подобного не произошло.

— Мистер Таунсенд, — произнес Мейсен своим мягким голосом. — Сейчас вам с шерифом Баннерманом надо будет поехать в мастерскую Джо Камбера и прояснить три момента. Нет ли там синего «пинто» с номером двести восемнадцать — восемьсот шестьдесят четыре. Нет ли там Донны и Теодора Трентон. И нет ли там самих Камберов. Все ясно?

— Все ясно, — сказал Таунсенд. — Вы хотите…

— Я хочу прояснить ситуацию только по этим трем пунктам, — тихо проговорил Энди. Ему не

понравилось, как на него смотрит Баннерман. С этаким усталым презрением. Его это бесило. — *Если* там обнаружится машина или кто-то из перечисленных людей, сразу звоните мне. Я буду здесь. Если меня здесь не будет, я оставлю номер. Понятно?

Зазвонил телефон. Баннерман взял трубку, послушал и передал ее Энди Мейсену:

— Это вас. Что-то срочное.

Их взгляды сцепились над трубкой. Мейсен думал, что Баннерман отведет взгляд, но нет. Не отвел. Энди взял трубку. Звонили из полицейского управления Скарборо. Стив Кемп задержан. Его микроавтобус обнаружили на стоянке мотеля в городке Туикенем в Массачусетсе. Женщины с ребенком с ним нет. При задержании Кемпу были зачитаны его права, он назвал свое имя и не сказал больше ни слова, ссылаясь на право хранить молчание.

Энди Мейсен подумал, что эти новости не предвещают ничего хорошего.

— Таунсенд, вы поедете со мной, — сказал он. — Вы же справитесь без помощников, да, шериф Баннерман?

— Это мой город, — сказал Баннерман.

Энди Мейсен закурил сигарету и посмотрел на

него сквозь облако дыма.

— Вам что-то не нравится, шериф?

Баннерман улыбнулся:

— Ничего, как-нибудь перетерплю.

Господи, как же я ненавижу всю эту дремучую деревенщину, подумал Мейсен, глядя вслед Баннерману. *Но сейчас он на время выбыл из игры. Спасибо, Боже, за малые милости.*

Баннерман сел за руль своей патрульной машины, завел мотор и выехал со двора Трентонов. Было двадцать минут восьмого. Его почти восхитило, как ловко Мейсен отодвинул его на обочину. Они с Таунсендом едут в самую гущу событий, а он направляется к черту на рога. С другой стороны, Хэнку Таунсенду придется все утро выслушивать бредни Мейсена, так что еще неизвестно, кому повезло.

Джордж Баннерман выехал на шоссе номер 117 и поехал в сторону Мейпл-Шугар-роуд, без сирен и мигалок. Куда торопиться в такой прекрасный день? Он и вправду не видел причин для спешки.

* * *

Донна и Тэд Трентон спали.

В почти одинаковых неловких позах, в каких

спят пассажиры междугородних автобусов на длительных рейсах. Оба сидели, скрючившись в три погибели и свесив головы на плечо, Донна — на левое, Тэд — на правое. Руки Тэда лежали у него на коленях, как рыбки, выброшенные на берег. Иногда они слабо подергивались. Он дышал хрипло и сбивчиво. Его губы потрескались, веки сделались бледно-лиловыми. Струйка слюны, стекавшей из уголка рта, уже начала засыхать.

Донна спала беспокойно. Она жутко устала, но не могла крепко заснуть из-за неудобной позы и болей в ноге, животе, а теперь и в искусанных пальцах (во время припадка Тэд прокусил их до кости). Ее волосы слиплись сальными сосульками. Марлевая повязка на левой ноге снова промокла от крови, кожа на животе вокруг ран воспалилась еще сильнее. Ее дыхание тоже было хриплым, но не таким сбивчивым, как у Тэда.

Тэд Трентон был уже на пределе. Обезвоживание достигло критической точки. Вместе с потом он терял минеральные соли, которые не восполнялись извне. Внутренние защитные механизмы начали отключаться, и он стремительно терял силы. В нем еще теплилась жизнь, но еле-еле. Ей просто не за что было держаться.

В лихорадочных снах папа качал его на каче-

лях, все выше и выше, но не у них во дворе, а рядом с утиным прудом, и прохладный ветерок обдувал его обгоревший на солнце лоб, его зудящие глаза, его пересохшие губы.

* * *

Куджо тоже спал.

Он лежал на траве у крыльца, положив разбитую морду на передние лапы. Ему снились плохие, безумные сны. В этих снах были сумерки, и по небу метались красноглазые летучие мыши. Он прыгал на них и хватал их зубами за трепещущие кожистые крылья. Крылья с хрустом ломались. Но летучие мыши кусали его в ответ своими мелкими крысиными зубками — прямо в нежный, чувствительный нос. Вот откуда бралась эта боль. Но он их убьет. Убьет их всех…

Он внезапно проснулся, вскинул голову и прислушался.

Приближалась машина.

Его болезненно обострившийся слух превращал шум мотора в кошмарный, невыносимый рев; или в жужжание гигантского ядовитого насекомого, которое прилетело его ужалить.

Он резко вскочил и жалобно заскулил. Казалось, все его суставы наполнены битым стеклом. Он

посмотрел на заглохшую машину. Внутри смутно виднелась неподвижная голова ЖЕНЩИНЫ. Раньше Куджо хорошо видел ее сквозь стекло, но ЖЕНЩИНА что-то сделала со своим окном, и теперь ее стало почти не видно. Но это не важно. Все равно ей не выйти наружу. И МАЛЬЧИКУ тоже не выйти.

Жужжащий рев сделался громче. Машина приближалась к вершине холма, но… *точно ли* это машина? Или огромная злая пчела — или, может, оса — прилетела жалить его и терзать, чтобы ему стало еще больнее?

Надо дождаться и посмотреть.

Куджо нырнул под крыльцо, где раньше частенько прятался от жары в знойные летние дни. Там накопилась немалая куча прелых осенних листьев с прошлых лет. Куджо всегда нравился их терпкий, чуть сладковатый запах. Но теперь этот запах казался слишком плотным и приторным, удушающим и почти невыносимым. Куджо зарычал, из пасти вновь пошла пена. Если бы запах можно было убить, Куджо уже растерзал бы его в клочья.

Жужжащий рев был совсем близко. Во двор въехала машина. Машина с синими боками и белой крышей, на которой стояла мигалка.

* * *

Подъезжая к дому Джо Камбера, Джордж Баннерман совершенно не ожидал, что во дворе будет стоять «пинто», принадлежащий пропавшей женщине. Он был человеком очень даже неглупым, и хотя его раздражали стройные логические построения Энди Мейсена (он имел дело с кошмаром по имени Фрэнк Додд и знал, что логика действует *далеко не всегда*), он сам пришел к тем же выводам, пусть и другими путями, больше на подсознательном уровне. Он был согласен с Мейсеном, что жены и сына Трентона здесь нет. Однако машина стояла тут.

Баннерман потянулся к рации под приборной доской, но решил сначала проверить «пинто». С того места, где он поставил свою машину — прямо позади «пинто», — ему не было видно, есть ли кто-то внутри. Спинки передних сидений были высокими, а Донна с Тэдом обмякли во сне и сползли на сиденьях.

Баннерман вышел из патрульной машины и захлопнул дверцу. Прошел два шага вперед и увидел, что стекло водительской дверцы сплошь покрыто мелкими трещинами. Сердце Баннермана забилось сильнее, рука потянулась к кобуре с

табельным револьвером.

* * *

С нарастающей ненавистью Куджо глядел на ЧЕЛОВЕКА из сине-белой машины. Это он виноват, что ему, Куджо, так больно. Это из-за него у Куджо разрывает суставы от боли, а в голове так противно звенит. Это из-за него прошлогодние листья, скопившиеся под крыльцом, теперь пахнут гнилью. Это из-за него Куджо боится воды, хочет ее убить и бежит от нее, подвывая, хотя его мучает страшная жажда.

Из глубин его мощной груди поднялся глухой рык, его лапы напряглись, готовясь к прыжку. Он чуял запах этого ЧЕЛОВЕКА, запах пота и возбуждения, запах плотного мяса на грузных костях. Рык нарастал, превращаясь в раскатистый яростный рев. Куджо выскочил из-под крыльца и бросился на жуткого ЧЕЛОВЕКА, причинившего ему столько боли.

* * *

В первый, решающий миг Баннерман даже не услышал глухого рычания Куджо. Он подошел к «пинто» достаточно близко и разглядел копну

спутанных волос за водительским окном. Первое, что он подумал: женщину застрелили. Но где дырка от пули? Похоже, стекло растрескалось от ударов тупым предметом. Оно не пробито насквозь.

Потом голова шевельнулась. Очень слабо, но шевельнулась. Женщина была жива. Баннерман сделал еще шаг вперед… и в ту же секунду раздался рев Куджо, за которым последовал залп рычащего лая. Первым делом Баннерман вспомнил

(Рыжик?)

своего ирландского сеттера. Но Рыжика пришлось усыпить четыре года назад, вскоре после истории с Фрэнком Доддом. И Рыжик никогда так не рычал. Баннерман замер на месте, охваченный диким, первобытным ужасом. Эта секундная заминка тоже стала решающей.

Он все-таки обернулся, вытащил из кобуры револьвер и увидел мчащегося к нему пса — невероятно огромного пса, взлетевшего в мощном прыжке. Пес ударил его прямо в грудь и вдавил в заднюю дверцу «пинто». Баннерман сдавленно вскрикнул. Его правая рука отлетела назад и вверх и ударилась запястьем о хромированную трубку. Револьвер выпал, перелетел через крышу

и упал в траву у подъездной дорожки с другой стороны.

Пес *вгрызался* в него зубами, и, глядя на первые пятна крови, растекавшиеся по голубой форменной рубашке, Баннерман понял, что произошло. Внезапно он понял все. Они приехали сюда, их машина заглохла и больше не завелась… а здесь был этот пес. Которого не было в стройной логической схеме Мейсена.

Баннерман попытался схватить пса под морду и оттолкнуть от своего живота. Живот пронзила внезапная жгучая боль. Нижняя часть рубашки превратилась в рваные лохмотья. Кровь ручьями текла на штаны. Баннерман рванулся вперед, но пес, обладавший какой-то пугающей силой, вновь отбросил его на «пинто», так что маленький автомобиль содрогнулся всем корпусом.

Он вдруг понял, что пытается вспомнить, занимались ли они любовью с женой прошлой ночью.

Совершенно безумная мысль. Совершенно безу…

Пес набросился снова. Баннерман попытался увернуться, но пес как будто предвидел его движение, пес ухмылялся, и внезапно живот пронзила такая адская боль, какой шериф не

испытывал никогда в жизни. Боль буквально взорвала его изнутри. Он закричал, схватил пса под морду двумя руками и оторвал его от себя. На мгновение их взгляды встретились, и, глядя в темные, безумные глаза зверя, Баннерман подумал, обмирая от липкого обморочного ужаса: *Привет, Фрэнк. Это ты? Что, в аду для тебя жарковато?*

Куджо кусал его пальцы, рвал их в клочья, заставляя разжать руки. Баннерман забыл о Фрэнке Додде. Он забыл обо всем, кроме спасения собственной жизни. Он попытался поднять колено, чтобы заслониться от пса, но не смог. Когда он попробовал согнуть ногу, боль внизу живота вспыхнула слепящей агонией.

Что он со мной сделал? Господи, что у меня с животом? Викки, Викки…

Дверца «пинто» неожиданно распахнулась. Появилась женщина. Та самая женщина. Баннерман видел ее на семейном портрете, который Стив Кемп сорвал со стены в гостиной. На снимке она была очень красивой, ухоженной, яркой — на таких женщин мужчины оглядываются на улице и с завистью думают: а ведь какой-то счастливчик с ней спит.

Теперь на нее было страшно смотреть. Ей тоже крепко досталось от пса. Живот испачкан

запекшейся кровью. Одна штанина на джинсах разодрана в клочья, повязка чуть выше колена промокла от крови. Но хуже всего было ее лицо: сморщенное, как печеное яблоко. Кожа на лбу шелушилась. Губы потрескались и загноились. Под запавшими глазами набухли темно-лиловые мешки.

Пес тут же оставил Баннермана и с грозным рычанием бросился к женщине. Она быстро нырнула обратно в машину и захлопнула дверцу.

(рация в патрульной машине надо вызвать подмогу срочно вызвать подмогу)

Он развернулся и побежал к своей машине. Пес погнался за ним, но Баннерман оказался быстрее. Он забрался в машину, захлопнул дверцу, схватил рацию и вызвал подкрепление. Код три, полицейский при исполнении срочно нуждается в помощи. Помощь пришла. Пса застрелили. Их всех спасли.

Все это произошло ровно за три секунды — и лишь в голове у Джорджа Баннермана. Когда он развернулся, готовясь бежать, ноги подкосились, и он рухнул на гравий.

(Ох, Викки, что он со мной сделал?)

Мир превратился в сплошное слепящее солнце. Ничего толком и не разглядишь. Слепо шаря

руками по гравию, Баннерман кое-как поднялся на колени. Наклонил голову, посмотрел на себя и увидел собственные кишки, вывалившиеся из разодранного живота. Его штаны до колен пропитались кровью.

Да уж, пес постарался на славу.

Держись, Баннерман. Если ты подыхаешь, то подыхай. Но не раньше, чем доберешься до рации и вызовешь помощь. Держись и вставай, черт возьми…

(ребенок Господи ее ребенок он там с ней в машине?)

Он подумал о собственной дочери, Катрине, которая в этом году пойдет в седьмой класс. У нее уже растет грудь. Девочка превращается в барышню. Учится играть на пианино. Мечтает о лошади. Если бы в тот страшный день она пошла в библиотеку одна, Додд убил бы ее вместо Мэри Кейт Хендрасен. Если бы…

(шевелись)

Баннерман поднялся на ноги. Яркий свет резал глаза. Все его внутренности стремились выскользнуть сквозь дыру, которую прогрыз пес. Ему надо в машину. В машину, где рация. У него за спиной пес рычал, скалил зубы и бился в закрытую водительскую дверцу «пинто».

Шатаясь и еле держась на ногах, Баннерман пошел к своей патрульной машине. Его лицо было белым как мел. Губы посинели. Он в жизни не видел такого огромного пса, и этот пес выпустил ему кишки. Господи боже, пес *выпустил ему кишки*, и почему все вокруг так блестит? Почему внутри так горячо?

Его кишки скользили сквозь пальцы.

Он добрался до двери патрульной машины. Услышал, как трещит рация под приборной доской. Кто-то передавал сообщение. *Надо было сразу связаться с диспетчером. Так положено по протоколу. Протокол следует соблюдать, хотя если бы я всегда строго следовал правилам, то не стал бы звонить Смиту и привлекать его к делу Додда. Викки, Катрина, простите меня…*

Мальчик. Мальчика надо спасать. Надо вызвать подмогу.

Он пошатнулся и схватился за край приоткрытой дверцы, чтобы не упасть.

Потом он услышал, что пес несется к нему, и опять закричал. Надо поторопиться. Если получится закрыть дверцу… Господи боже, если получится закрыть дверцу, прежде чем пес снова бросится на него… *о боже…*

(о БОЖЕ)

* * *

Когда Куджо начал биться о дверцу, сотрясая машину, Тэд опять закричал. Он кричал и царапал себе щеки, его голова болталась из стороны в сторону.

— Тэд, не надо! Не надо… милый, пожалуйста…

— *Хочу к папе… хочу к папе… хочу к папе…*

Внезапно все прекратилось.

Донна прижала Тэда к груди, повернула голову и увидела, как Куджо бросается на человека, пытавшегося сесть в машину. От силы удара рука мужчины соскользнула с дверцы.

Смотреть дальше Донна не смогла. Еще надо было бы заткнуть уши, чтобы не слышать, как Куджо приканчивает этого человека, кем бы он ни был.

Он спрятался, подумала она в истерике. *Услышал, как подъезжает машина, и спрятался.*

Дверь на крыльце. Сейчас самое время бежать к двери, пока Куджо… занят.

Она взялась за дверную ручку, резко дернула на себя и толкнула дверцу «пинто», но та не открылась. Куджо все-таки покорежил машину настолько, что дверь заклинило.

— Тэд, — лихорадочно прошептала она. — Да-

вай меняться местами. *Быстрее*. Тэд? *Тэд?*

Тэд весь дрожал. Его глаза вновь закатились.

— Утки, — хрипло пробормотал он. — Я иду к уткам. Слова против чудовищ. Папа. А-а… а-а-а-а… *а-а-а-а-а-а-а-а-а*…

У него опять начались судороги. Его руки болтались, как плети. Донна принялась его трясти, беспрестанно выкрикивая его имя, пытаясь не дать ему закрыть рот, чтобы не перекрыть приток воздуха. У нее жутко звенело в ушах, и она испугалась, что сейчас хлопнется в обморок. Это был ад, они с Тэдом оказались в аду. Лучи солнца лились в машину, создавая парниковый эффект, неотвратимый и беспощадный.

Наконец Тэд затих. Его глаза снова закрылись. Его дыхание было поверхностным и учащенным. Донна нащупала пульс у него на запястье — слабый, прерывистый, нитевидный.

Она посмотрела в окно. Куджо впился зубами в руку лежащего на земле человека и тряс ее, как щенок — тряпичную игрушку. Периодически он бросался на безвольно обмякшее тело. Кровь… как много крови…

Словно почувствовав, что за ним наблюдают, Куджо поднял морду, испачканную в крови. Посмотрел прямо на Донну с выражением (*быва-*

ет ли у собак выражение морды? — мелькнула у нее в голове дикая мысль) злобы, к которой как будто примешивалась жалость… и у Донны снова возникло странное ощущение, что теперь они с Куджо накрепко связаны и никто из них не успокоится и не отступится, пока эта жуткая связь так или иначе не завершится.

Куджо снова накинулся на человека в залитой кровью голубой рубашке и брюках цвета хаки. Голова мертвеца безвольно болталась на шее. Донна отвернулась, пустой желудок словно обожгло кислотой. Левая нога жутко болела. Рана снова открылась.

Тэд… как он теперь?

Ему плохо, ответил неумолимый внутренний голос. *Ему совсем плохо. Что ты теперь будешь делать? Ты его мать, что ты будешь делать?*

А что она *могла* сделать? Вряд ли Тэду поможет, если она выскочит из машины на верную смерть.

Полицейский. Кто-то отправил сюда полицейского. И когда он не вернется…

— Пожалуйста, — прохрипела она. — Пожалуйста, быстрее.

Сейчас, в восемь утра, на улице было относительно прохладно, семьдесят семь градусов.

К полудню термометр на Портлендской метеостанции покажет сто два градуса, новый температурный рекорд для сегодняшней даты.

* * *

Таунсенд и Энди Мейсен прибыли в полицейский участок в Скарборо в половине девятого. Мейсен передал инициативу Таунсенду. Это его епархия, вот пусть и старается. А Мейсен для начала послушает, слух у него хороший.

Дежурный сказал, что Стивена Кемпа уже везут в Мэн. С транспортировкой проблем не возникло, но Кемп по-прежнему ничего не говорит. Массачусетские криминалисты тщательно осмотрели его микроавтобус и не нашли никаких подтверждений, что женщина с мальчиком могли какое-то время находиться в салоне. Зато в нише одного из колес обнаружилась симпатичная маленькая аптечка: марихуана, кокаин в пузырьке из-под анацина, три ампулы с амилнитритом и две капсулы амфетаминовой смеси, известной как «Черный красавчик». Отличный повод, чтобы заключить мистера Кемпа под стражу.

— Но где же «пинто»? — спросил Энди у Таунсенда, когда принес им обоим по чашке кофе. — Где этот чертов «пинто»?

Таунсенд покачал головой.

— Баннерман еще не звонил?

— Нет.

— Тогда сами ему позвоните. Скажите, пусть едет сюда. Скоро привезут Кемпа, и Баннерман нужен мне здесь. Это его юрисдикция, и он должен вести допрос. Чтобы все как положено.

Таунсенд вернулся через пять минут, озадаченно хмурясь.

— Я не могу до него дозвониться, мистер Мейсен. Диспетчер пытается с ним связаться, но рация не отвечает. Наверное, его нет в машине.

— Небось сидит где-нибудь в «Кози Корнер» и дует кофе. Ладно, хрен с ним. Как-нибудь обойдемся. — Он закурил очередную «Пэлл-Мэлл», закашлялся и улыбнулся Таунсенду: — Мы же справимся с Кемпом без Баннермана?

Таунсенд улыбнулся в ответ:

— Думаю, да.

Мейсен кивнул.

— Мне все больше и больше не нравится это дело, мистер Таунсенд.

— Согласен.

— Я уже начинаю всерьез опасаться, не прикопал ли их этот Кемп где-нибудь в придорожной канаве между Касл-Роком и Туикенемом. — Мей-

сен вновь улыбнулся. — Но мы расколем его, мистер Таунсенд. У меня и не такие кололись.

— Да, сэр, — уважительно произнес Таунсенд. Он ни капельки в этом не сомневался.

— Расколем как миленького, даже если придется мурыжить его двое суток.

Каждые пятнадцать минут Таунсенд бегал в диспетчерскую и пытался связаться с Джорджем Баннерманом. Он не особенно хорошо знал Баннермана, но был о нем более высокого мнения, чем Мейсен, и считал своим долгом предупредить шерифа, что Энди Мейсен фактически отстраняет его от расследования. В десять утра, так и не дозвонившись до Баннермана, он забеспокоился уже всерьез. Он не знал, что ему делать: сказать Мейсену, что шериф по-прежнему не выходит на связь, или не говорить ничего.

* * *

Роджер Брекстон прибыл в Нью-Йорк в 08:49, взял такси в аэропорту и приехал в отель «Билтмор» около половины десятого.

— Бронь была на двоих? — спросил портье.

— Моего партнера срочно вызвали домой.

— Жаль, — равнодушно проговорил портье и выдал Роджеру бланк заселения. Пока Роджер его

заполнял, портье болтал с кассиром, хвастаясь, что добыл билеты на ближайший матч «Нью-Йорк янкис».

Поднявшись к себе в номер, Роджер прилег и попытался уснуть, но сон не шел, несмотря на усталость и недосып с прошлой ночи. Донна изменяла Вику, и Вик как-то с этим справлялся — пытался справляться — вдобавок к вонючей истории с красными сладкими хлопьями. Теперь Донна с Тэдом пропали. Вик умчался домой. Все вокруг рушится, особенно в эту последнюю неделю. Отличный фокус, одно движение руки — и все превращается в огромную кучу дерьма. У него разболелась голова. Боль накатывала непрестанными сокрушительными волнами.

Наконец он встал, не желая оставаться наедине со своей мрачной головной болью и мрачными мыслями. Лучше пойти к маркетологам в «Сammерс маркетинг» и посеять уныние в их рядах — не зря же «Эд уоркс» платит им деньги!

В холле отеля Роджер купил аспирин и вышел на улицу. Прогулка не помогла голове, зато освежила его лютую ненависть к Нью-Йорку.

Что угодно, только не возвращаться сюда, думал он. *Лучше уж разгружать фуры с «Пепси», чем вернуться сюда вместе с Алтией и девчонками.*

Офис «Саммерс» располагался на четырнадцатом этаже совершенно дурацкого, уродливого небоскреба. Секретарша улыбнулась и кивнула, когда Роджер назвал себя.

— Мистер Хьюитт вышел на пару минут. А где мистер Трентон?

— Его срочно вызвали домой.

— Тут вам пришла телеграмма. Сегодня утром.

Она вручила Роджеру желтый конверт, адресованный В.ТРЕНТОНУ/Р.БРЕКСТОНУ/ЭД УОРКС/ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ЧЕРЕЗ СТУДИЮ «ЗРИМЫЙ ОБРАЗ». Роб переслал его в «Саммерс маркетинг» вчера вечером.

Роджер достал телеграмму и сразу увидел, что она была длинной и что ее прислал старик Шарп.

Вот оно, извещение об увольнении, подумал Роджер и начал читать.

* * *

Телефонный звонок разбудил Вика за пару минут до полудня; иначе он бы проспал весь день до вечера. Он спал тяжело, беспокойно и проснулся с ощущением полной дезориентации. Ему снова приснился тот сон. Донна с Тэдом прячутся в нише в скале, спасаясь от жуткого мифического

чудовища. Когда он потянулся к телефону, комната поплыла перед глазами.

Донна и Тэд, подумал он. *Они нашлись. С ними все хорошо.*

— Алло!

— Вик, это Роджер.

— Роджер? — Вик сел на кровати. Его рубашка прилипла к телу. Он еще не до конца проснулся и пытался удержать ускользающее сновидение. Свет был слишком ярким. Жара… когда он ложился, было относительно прохладно. Теперь комната превратилась в раскаленную духовку. Сколько сейчас времени? Сколько времени он проспал? В доме было *так тихо.*

— Роджер, который час?

— Который час? — Роджер секунду помедлил. — Уже почти полдень. Что…

— Полдень? О господи… Роджер, я спал.

— Что там у тебя? Они нашлись?

— Когда я заснул, еще нет. Этот придурок Мейсен обещал…

— Кто такой Мейсен?

— Он ведет следствие. Роджер, мне надо идти. Надо узнать…

— Погоди две минутки. Я звоню из «Саммерс». Ты должен это услышать. Из Кливленда от Шарпа

пришла телеграмма. Нам продлевают контракт.

— Что? Что?

Все происходило слишком быстро. Донна… контракт… голос Роджера, радостный до абсурда.

— Я пришел к маркетологам. Тут ждала телеграмма. Старик с сынулей отправили ее Робу на адрес студии, а Роб переслал нам сюда. Давай я тебе прочитаю.

— Лучше перескажи вкратце.

— Старик Шарп и сынуля, очевидно, пришли к тем же выводам, но другими путями. Старику эта история с «Колючками» видится как повторение Аламо. Мы, хорошие парни, держим оборону. Отражаем атаки захватчиков. Плечом к плечу, один за всех и все за одного.

— Да, он такой, — сказал Вик, растирая ладонью затылок. — Старая гвардия, верность и честь. Поэтому он от нас не отказался, когда мы уехали из Нью-Йорка.

— Сынуля по-прежнему хочет с нами распрощаться, но считает, что сейчас неподходящее время. Конкуренты воспримут наше увольнение как признак слабости, возможно, даже как признание вины. *Нормально*, да?

— Для такого придурочного параноика очень даже нормально.

— Они хотят, чтобы мы прилетели в Кливленд и заключили новый контракт на два года. Два года — это, конечно, не пять лет. К концу этого срока сынуля почти наверняка возглавит компанию, и нас, без сомнения, пошлют известным маршрутом, но даже два года… Нам хватит времени, Вик! За два года мы точно поднимемся! И еще скажем сынуле и старику…

— Роджер, мне надо идти…

— …чтобы они засунули себе в задницы свои паршивые торты! Они хотят обсудить новую рекламную кампанию, и мне кажется, они примут идею с лебединой песней профессора Шарпа.

— Это здорово, Роджер, но мне надо выяснить, есть ли какие-то новости о Донне и Тэде.

— Да. Я выбрал не лучший момент. Но я должен был позвонить и сказать. Меня так распирает, что я бы взорвался, если бы не позвонил.

— Для добрых вестей нет плохого момента, — сказал Вик, но все равно испытал острую зависть к Роджеру, способному искренне радоваться этим добрым вестям. Зависть и горечь, что он сам не мог разделить эту радость. Но может быть, это был добрый знак.

— Вик, позвони мне, когда что-то станет известно.

— Да, Родж. Спасибо, что позвонил.

Он положил трубку, надел туфли и спустился на первый этаж. В кухне по-прежнему царил разгром — ему было больно на это смотреть. Но на столе лежала записка от Мейсена, придавленная солонкой.

> Мистер Трентон,
>
> Стива Кемпа задержали в Туикенеме, на западе Массачусетса. Вашей жены и сына с ним нет. Повторяю: их обоих с ним нет. Я не стал вас будить, потому что Кемп ничего не говорит, ссылаясь на свое право хранить молчание. Его уже везут в полицейский участок в Скарборо, где ему будут предъявлены обвинения в вандализме и хранении запрещенных наркотиков. Мы ожидаем его прибытия около 11:30. Как только появится новая информация, я сразу же вам позвоню.
>
> ***Энди Мейсен***

– *Хрен ему*, а не право хранить молчание, — прорычал Вик. Он пошел в гостиную, нашел в телефонной книге номер полицейского участка в Скарборо и позвонил прямо туда.

— Мистер Кемп уже здесь, — сказал ему дежур-

ный. — Прибыл минут пятнадцать назад. Сейчас с ним мистер Мейсен. Кемп требует адвоката. Думаю, мистер Мейсен не сможет подойти к телефону…

— Не надо думать, — перебил его Вик. — Просто скажите ему, что это муж Донны Трентон и мне надо, чтобы он подтащил свою задницу к телефону и поговорил со мной.

Через пару секунд Мейсен взял трубку.

— Мистер Трентон, я понимаю ваше беспокойство, но адвокат уже едет к Кемпу, и пока он не приехал, надо пользоваться моментом…

— Он что-то сказал?

Мейсен на секунду замялся, но все же ответил:

— Он признался в вандализме. По-моему, до него начало доходить, что тут все гораздо серьезнее, чем его маленький тайничок с запрещенными веществами. Он признался в вандализме полицейскому из Массачусетса, который сопровождал его в Скарборо. Но он утверждает, что никого не было дома, когда он там буйствовал и когда уходил.

— Вы же сами не верите в это дерьмо?

Мейсен осторожно произнес:

— Вроде бы он говорит убедительно. Я пока не возьмусь утверждать, верю я или не верю. Надо

задать ему еще пару вопросов…

— Есть какие-то новости из мастерской Камбера?

— Нет. Я отправил туда для проверки шерифа Баннермана и дал указания сразу же мне позвонить, если миссис Трентон приезжала туда или если там обнаружится ее машина. И поскольку он не позвонил…

— Вряд ли это о чем-нибудь говорит, — перебил его Вик.

— Мистер Трентон, мне действительно надо идти. Если мы что-то узнаем…

Вик бросил трубку и еще долго стоял, тяжело дыша, в жаркой тишине. Потом медленно поднялся по лестнице. Замер на верхней площадке и вошел в комнату сына. Машинки Тэда стояли у стены, как на парковке. При одном взгляде на эти машинки у Вика защемило сердце. Желтый дождевик Тэда висел на крючке у кровати, на столе лежала аккуратная стопка книжек-раскрасок. Дверца шкафа была распахнута настежь. Вик рассеянно закрыл ее и придвинул к ней стул, даже не задумываясь о том, что он делает.

Он сел на кровать Тэда, свесил руки между колен и уставился в одну точку.

Тупик. Куда ни глянь — везде тупик. Но *где* они

могут быть?

(тупик)

Совершенно дурацкое слово. *Тупик*. Мама рассказывала Вику, что в раннем детстве, как раз в возрасте Тэда, его буквально завораживали дороги, ведущие в тупик. Интересно, передаются ли по наследству такие вещи? Может быть, Тэда тоже притягивают дороги, ведущие в тупик? Жив ли еще его сын?

Ему вдруг пришло в голову, что городское шоссе номер 3, где стоит дом Камберов, тоже ведет в тупик.

Он оглядел комнату и увидел, что на стене над кроватью ничего нет. Слова против чудовищ исчезли. Зачем Тэду понадобилось их снимать? Или их забрал Кемп по каким-то своим непонятным причинам? Но если Кемп побывал в комнате Тэда, то почему не устроил погром, как внизу?

(тупики и Слова против чудовищ)

Может быть, Донна все-таки отвезла «пинто» к Камберу? Вик плохо помнил их разговор о неисправном игольчатом клапане. Вроде бы Донна сказала, что побаивается Джо Камбера?

Нет. Не Камбера. Ей просто не понравилось, как Камбер раздевал ее глазами. Она побаивалась *собаки*. Того огромного сенбернара. Как его звали?

Они с Донной еще шутили по этому поводу. Тэд. Тэд звал собачку.

И снова Вик явственно услышал призрачный голос Тэда, такой растерянный и беззащитный в пустой, внезапно сделавшейся жуткой комнате: *Куджо… ко мне, Куджо… Ку-у-у-у-джо…*

А потом произошло что-то странное, о чем Вик никогда никому не рассказывал до конца своих дней. Он слышал голос Тэда не у себя в голове, а действительно *слышал ушами* — тоненький, одинокий, испуганный голос, *который доносился из шкафа.*

Вик издал сдавленный крик, вскочил на ноги и уставился на шкаф Тэда, вытаращив глаза. Дверца шкафа открылась сама собой, отодвинув стул, и его сын закричал:

– *Ку-у-у-у-у-у…*

Тут он все-таки сообразил, что это вовсе не голос Тэда; его измученный, переутомленный мозг принял за голос сына скрип ножек стула по крашеному дощатому полу. Всего лишь скрип ножек стула и…

…в шкафу были чьи-то глаза, он увидел глаза, запавшие, красные, страшные…

Вик снова вскрикнул. Стул опрокинулся и упал. Вик увидел в шкафу плюшевого медвежонка,

сидящего на стопке простынь и одеял. Это были всего лишь стеклянные глаза медвежонка. И ничего больше.

С бешено колотящимся сердцем Вик подошел к шкафу. Изнутри шел густой, неприятный запах. Может быть, нафталиновых шариков — в этом запахе точно присутствовал нафталин, — но было в нем что-то… свирепое, дикое.

Что за бред? Это просто шкаф. Не пещера. Не берлога чудовища.

Он уставился на плюшевого медвежонка. Медвежонок смотрел на него не мигая. У него за спиной, за одеждой, висевшей на вешалках, была лишь темнота. Там могло быть что угодно. Вообще *что угодно*. Но конечно, там не было ничего.

Ты меня напугал, медвежонок, сказал Вик.

Чудовища, прочь из комнаты Тэда, отозвался медвежонок. Его глаза заблестели. Это были стеклянные, неживые глаза, но они заблестели.

Наверное, дверь покоробилась, вот и все, сказал Вик. Он весь вспотел; соленые капли текли по лицу, будто слезы.

Вам здесь нечего делать, сказал медвежонок.

Что со мной? — спросил Вик. *Я схожу с ума? Именно так и сходят с ума?*

На что медвежонок ответил: *Чудовища, оставь-*

те Тэда в покое.

Вик закрыл дверцу шкафа и застыл, широко распахнув глаза, как ребенок. Защелка приподнялась и выскочила из желобка. Дверца вновь приоткрылась.

Я этого не видел. Просто не видел.

Он опять закрыл дверь и подпер ее стулом. Перенес на стул стопку книжек-раскрасок, чтобы его утяжелить. На этот раз дверь не открылась. Вик стоял и смотрел на нее, думая о дорогах, ведущих в тупик. По этим дорогам почти никто и не ездит. Всем чудовищам положено жить под мостами, в шкафах или в конце ведущих в тупик дорог. Это должно быть прописано в федеральном законе.

Ему стало очень тревожно.

Он вышел из комнаты Тэда, спустился по лестнице и сел на ступеньку на заднем крыльце. Закурил, еле удерживая сигарету в дрожащих пальцах. Посмотрел на тяжелое латунное небо. Его тревога росла. Что-то произошло в комнате Тэда. Он не знал, что это было. Но что-то определенно произошло. Да. Что-то странное.

Чудовища и собаки, шкафы, гаражи и дороги, ведущие в тупик.

Их надо сложить, учитель? Разделить? Вычесть? Умножить?

Он выбросил сигарету.

Он был так уверен, что это Кемп. Кемп во всем виноват. Кемп разгромил его дом. Кемп едва не разрушил их с Донной брак. Кемп поднялся в их спальню и полил своей спермой кровать, на которой Вик спал с женой последние три года. Кемп проделал изрядную дыру в ткани уютной и комфортабельной жизни Вика Трентона.

Кемп. Кемп. Во всем виноват только Стив Кемп. Давайте свалим на Кемпа вину за холодную войну, ситуацию с заложниками в Иране и истощение озонового слоя.

Но это же бред. Потому что не все в этом мире происходит по вине Кемпа. Например, эта история с «Колючками»; Кемп тут вообще *ни при чем*. И Кемп уж точно не виноват, что в «пинто» Донны сломался игольчатый клапан.

Вик посмотрел на свой старый «ягуар». Надо куда-нибудь съездить. Здесь ему оставаться нельзя; иначе он просто сойдет с ума. Надо ехать в Скарборо. Схватить Кемпа за грудки и трясти до тех пор, пока этот гад не расколется и не скажет, что он сделал с Донной и Тэдом. Только его адвокат наверняка уже прибыл на место, и, как бы невероятно это ни звучало, адвокат даже может добиться, чтобы Кемпа освободили из заключе-

ния. Вик приедет туда, а Кемп уже выскочил, как пружина.

Пружина. Пружина держит игольчатый клапан. Если пружина сломается, клапан заклинит и поступление бензина в карбюратор будет перекрыто.

Вик сел за руль и поморщился. Кожаное сиденье нагрелось на солнце. Надо ехать быстрее. Открыть все окна и мчать с ветерком, чтобы чуть охладиться.

Мчать куда?

В мастерскую Камбера, сразу же подсказал внутренний голос.

Но это же глупо. Мейсен отправил туда шерифа Баннермана с указанием немедленно сообщить, если там что-нибудь обнаружится. Баннерман ничего не сообщил, а это значит…

(что его схватило чудовище)

В любом случае съездить проверить будет нелишним. Просто чтобы хоть чем-то заняться.

Он завел двигатель и поехал к шоссе номер 117, еще не зная, свернет ли налево, в сторону Скарборо, или направо — в сторону городского шоссе номер 3.

Он остановился у знака «Стоп» на выезде на шоссе и стоял до тех пор, пока ему не посигнали-

ли сзади. Не задумываясь, он свернул направо. Съездить к Камберу действительно не помешает. Он будет там через пятнадцать минут. Вик посмотрел на часы. Было двадцать минут первого.

* * *

Донна знала, что время пришло.

Может быть, пришло и ушло, но тут уже ничего не поделаешь. Ей придется как-то с этим жить — и, возможно, умереть. Никто не придет к ним на помощь. Рыцарь на белом коне не примчится сюда по городскому шоссе номер 3 — очевидно, у Тревиса Макги есть другие дела в другом месте.

Тэд умирает.

Она заставила себя повторить это вслух хриплым, сдавленным шепотом:

— Тэд умирает.

Сегодня утром ей не удалось создать в машине сквозняк. Ее окно уже не открывалось, а в окно Тэда веяло только жаром. В тот единственный раз, когда она попыталась открыть окно больше чем на четверть, Куджо сорвался со своего места в тени у сарая и со свирепым рычанием подбежал к машине со стороны Тэда.

Пот больше не тек по лицу Тэда. Ему уже нечем было потеть. Его кожа стала сухой и горячей. Изо

рта торчал кончик распухшего, вялого языка. Дыхание сделалось таким слабым, что Донна его почти не слышала. Дважды она прижималась ухом к груди сына, чтобы убедиться, что он еще дышит.

Ей самой было плохо. Машина превратилась в раскаленную печь. Все металлические детали и даже пластиковый руль нагрелись так, что к ним было не прикоснуться. Нога непрестанно болела, и Донна больше не сомневалась, что пес занес ей инфекцию. Может быть, для бешенства еще рано — она молила об этом Бога, — но раны от укусов воспалились и покраснели.

Куджо было немногим лучше. Огромный пес словно усох под оболочкой из свалявшейся, слипшейся от крови шерсти. Его глаза стали мутными, почти пустыми, словно старческие глаза, пораженные катарактой. Как выходящая из строя машина погибели, уже издыхающая, но все еще страшно опасная, он был начеку. Он уже не пускал пену; его разбитая морда в корке запекшейся пены и крови являла собой настоящий кошмар. Она походила на выщербленный кусок горной породы, выброшенной из жерла старого вулкана.

Старое издыхающее чудовище, бессвязно поду-

мала Донна, *все еще начеку.*

Сколько длилась эта кошмарная вахта — несколько дней или всю ее жизнь? Все, что было до встречи с Куджо, — наверняка просто сон. Мимолетное ожидание за кулисами. Вечно всем недовольная мама, которую раздражало вообще все на свете. Добрый, но совершенно беспомощный папа. Школа, подруги, свидания с мальчиками, дискотеки — теперь все это казалось сном. Как ушедшая юность кажется сном старикам. Все утратило смысл, ничего *не было*, кроме этого тихого, раскаленного под солнцем двора, где смерть уже собрала свою жатву и ждет нового урожая. Чудовище все еще начеку, а ее сын ускользает, уходит…

Бейсбольная бита. Ничего другого у нее нет.

Бейсбольная бита и, может быть, что-то в машине убитого полицейского, если Донна сумеет до нее добраться. Пистолет или винтовка.

Кряхтя и отдуваясь, она попыталась переложить Тэда назад. Ей приходилось бороться с волнами слабости, когда все меркло перед глазами. Наконец Тэд улегся на заднем сиденье, тихий и неподвижный, как куль с зерном.

Донна выглянула в окно, нашла взглядом биту в высокой траве и открыла дверцу.

В темном дверном проеме сарая Куджо поднялся и медленно пошел к ней, угрожающе наклонив голову.

Ровно в половине первого Донна Трентон вышла из «пинто» в последний раз.

* * *

Вик свернул с Мейпл-Шугар-роуд на городское шоссе номер 3 как раз в ту минуту, когда его жена наклонилась поднять с земли старую бейсбольную биту Бретта Камбера. Вик ехал быстро, чтобы скорее добраться до дома Камберов, развернуться и помчаться в Скарборо в пятидесяти милях от Касл-Рока. Что характерно, как только он принял решение сначала заехать сюда, в голову тут же полезли мысли, что он только напрасно тратит время. Он никогда в жизни не чувствовал себя таким растерянным и беспомощным.

Он ехал со скоростью больше шестидесяти миль в час и так напряженно смотрел на дорогу, что, лишь просвистев мимо дома Гэри Первье, запоздало сообразил, что там во дворе стоит универсал Джо Камбера. Вик резко ударил по тормозам. «Ягуар» чуть не уткнулся носом в дорогу и остановился, оставив за собой двадцатифутовый след жженой резины. Наверное, шериф приехал к

Камберу и не застал его дома, потому что Камбер сейчас тут.

Вик посмотрел в зеркало заднего вида, убедился, что дорога пуста, и вернулся назад задним ходом. Заехал во двор Первье и вышел из машины.

Он испытал те же самые чувства, что и Джо Камбер двумя днями раньше, когда обнаружил кровь на крыльце (только теперь она высохла и стала темно-бордовой) и пролом в нижней части сетчатой двери. Во рту появился противный металлический привкус. Это все неспроста. Каким-то образом это связано с исчезновением Донны и Тэда.

Вик вошел в дом, и в ноздри тут же ударил запах — густой, удушливо-сладкий запах тления. Последние два дня выдались жаркими. На полу в коридоре лежало что-то похожее на опрокинутый столик, но Вик сразу понял, что это не столик. Понял из-за запаха. Он подошел ближе, и… да, это был не опрокинутый столик. Это был человек. С разодранным горлом, как будто искромсанным очень тупым ножом.

Вик попятился, с трудом сдерживая тошноту. Телефон. Надо найти телефон. Сообщить куда следует.

Он пошел в кухню, но остановился на полдороге. В голове внезапно сложилась картинка. Это было сокрушительное откровение; словно две плоские половинки вдруг сошлись в целое трехмерное изображение.

Пес. Это все сотворил пес.

«Пинто» стоит у Камбера. И стоял там все время. «Пинто» и…

— О господи, Донна…

Вик развернулся и бросился к своей машине.

* * *

Донна чуть не упала; ноги совсем ее не держали. Но она кое-как устояла и схватила бейсбольную биту, не решаясь оглянуться на Куджо, пока крепко не сожмет ее в руках. Она боялась опять потерять равновесие. Если бы у нее были лишние две-три секунды, чтобы оглядеться, она бы увидела в высокой траве табельный револьвер Баннермана. Но у нее не было этих секунд.

Она обернулась, и Куджо уже мчался к ней.

Она замахнулась на него битой и с замиранием сердца ощутила, как неустойчиво рукоять «ходит» в руках — похоже, бита была расколота, и ее обмотали изолентой вовсе не для того, чтобы она не скользила. Сенбернар отшатнулся и за-

рычал. Грудь Донны часто-часто вздымалась и опадала под белыми чашечками бюстгальтера в кровавых пятнах; она вытерла о них руки, когда Тэд ее покусал.

Они с Куджо смотрели друг на друга в упор, оценивая друг друга в тишине жаркого летнего дня. Было слышно лишь быстрое, сбивчивое дыхание Донны, глухое рычание в груди у Куджо и веселое чириканье воробья где-то поблизости. Короткие тени лежали у них под ногами мутными бесформенными кляксами.

Куджо сдвинулся влево. Донна сдвинулась вправо. Они кружили, не сводя глаз друг с друга. Донна держала биту в том месте, где, как ей казалось, трещина в дереве была глубже всего. Держала, буквально стиснув в руках рукоять, обмотанную шершавой изолентой.

Куджо припал к земле.

— Ну, давай! — крикнула Донна, и Куджо прыгнул.

Она замахнулась, как Микки Мэнтл, готовящийся отбить быструю высокую подачу. Она метила в голову Куджо, но промахнулась и удар пришелся по ребрам. Раздался глухой стук и хруст ломающейся кости. Куджо издал звук, похожий на человеческий крик, и рухнул на гравий. Донна

почувствовала, как бита надломилась под изолентой — но пока что не развалилась пополам.

С тонким, пронзительным криком Донна обрушила биту на задние лапы Куджо. Снова треснула кость. Она явственно слышала треск. Пес взвыл и попытался отползти прочь, но Донна продолжала охаживать его битой, не прекращая кричать. У нее в голове все плыло, как у пьяной. Мир плясал и кружился. Она была гарпией, ведьмой из «Макбета», всеми тремя ведьмами сразу, живым воплощением мести — не за себя, а за то, что сотворили с ее ребенком. Треснувшая рукоятка, обмотанная изолентой, билась в ее руках, словно бешено колотящееся сердце.

Теперь вся бита была в крови. Куджо еще пытался сбежать, но его движения замедлились. Он сумел увернуться от одного из ударов — бита чиркнула по гравию, — но уже следующий удар пришелся точно в середину спины. Куджо дернулся и на секунду застыл.

Донна подумала, что он больше не встанет, и даже отошла на пару шагов. Воздух, которым она дышала, вдруг превратился в горячую жидкость. Куджо яростно зарычал, вскочил и снова набросился на нее… но после удара, отбросившего пса на гравий, старая бита все же не выдержала и

сломалась. Верхняя широкая часть отлетела к «пинто» и стукнулась о колпак ступицы с мелодичным звоном. В руках у Донны осталась только расщепленная рукоять длиной около восемнадцати дюймов.

Куджо снова поднялся… *заставил* себя подняться. Кровь текла у него по бокам. Его глаза сверкали, как мигающие огоньки на неисправной пинбольной машине.

Ей опять показалось, что он ухмыляется.

– *Ну, давай!* — закричала она.

В последний раз умирающее чудовище, когда-то бывшее добрым, хорошим псом Бретта Камбера — славным псом по имени Куджо, — набросилось на ЖЕНЩИНУ, виноватую во всех его бедах. Донна рванулась к нему, выставив перед собой обломок бейсбольной биты, и длинная острая щепка вонзилась в правый глаз Куджо, глубоко-глубоко, до самого мозга. Раздался тихий, какой-то несерьезный хлопок — так лопается виноградина, если резко раздавить ее между пальцами. Инерция от прыжка потащила его вперед, пес врезался в Донну, сбил ее с ног и сам упал сверху. Теперь его зубы щелкали в нескольких дюймах от ее шеи. Донна вскинула руку, пытаясь защитить горло. Пробитый глаз Куджо вытек. Из

пасти несло гнилью. Донна старалась оттолкнуть от себя его морду, и он впился зубами ей в руку.

— *Хватит!* — закричала она. — *Когда ты уже сдохнешь?! Давай, подыхай! Ну, пожалуйста!*

Кровь текла ей на лицо липкими струйками: ее собственная кровь и кровь пса. Боль в руке была пламенем, охватившим весь мир… и рука постепенно слабела под натиском Куджо. Рукоять биты, словно растущая у него из головы в том месте, где раньше был глаз, дергалась и тряслась.

Пес тянулся к ее шее.

Донна уже чувствовала его зубы у самого горла. С последним сдавленным криком она отпихнула его от себя двумя руками. Пес тяжело повалился на землю.

Его задние лапы скребли по гравию. Все медленней… медленней… замерли окончательно. Его уцелевший глаз вперился в жаркое летнее небо. Его хвост лежал поперек ног Донны, тяжелый, как свернутая в рулон ковровая дорожка. Он втянул в себя воздух и выдохнул. Снова вдохнул. Тихо всхрапнул, и у него изо рта потекла струйка крови. Потом он умер.

Донна Трентон издала торжествующий вопль. Попыталась подняться, упала, но со второй попытки все-таки поднялась. Сделала два нетвер-

дых шага, споткнулась о мертвого пса и грохнулась на четвереньки, расцарапав колени о гравий. Подползла к тому месту, где лежала отломившаяся часть биты, перепачканная в крови. Подняла ее и кое-как встала на ноги, опираясь о капот «пинто». Затем вернулась к уже бездыханному Куджо и принялась колотить его битой. Каждый удар сопровождался глухим мясным стуком. В горячем воздухе развевались полоски размотавшейся изоленты. Острые щепки вонзались в ладони, по рукам текла кровь. Донна продолжала кричать, но сорвала голос еще на первом победном вопле, и теперь вместо криков получались только рычащие хрипы — вроде тех хрипов, что издавал Куджо перед самым концом. Бита не останавливалась ни на миг. Донна отчаянно избивала мертвого пса. У нее за спиной во двор Камберов въехал «ягуар» Вика.

* * *

Он сам не знал, чего ожидал, но уж точно не этого. Он и так был напуган, но при виде жены — неужели это *и вправду* Донна? — стоящей над окровавленной грудой меха и лупящей ее чем-то вроде дубины пещерного человека… его страх превратился в безумную панику, почти отклю-

чившую мысли. На одну бесконечную секунду, о которой он будет стараться не вспоминать до конца своих дней, ему захотелось включить задний ход и уехать куда-нибудь далеко-далеко… навсегда. То, что сейчас происходило на этом тихом, залитом солнцем дворе, было чудовищно.

Он заглушил двигатель и выскочил из машины.

— Донна! *Донна!*

Она как будто его не слышала и даже не осознавала, что он рядом. Ее щеки и лоб обгорели на солнце до волдырей. Ее левая штанина была разодрана в клочья и пропитана кровью. Ее голый живот… *весь изранен.*

Бейсбольная бита все поднималась и падала, вновь и вновь. Донна глухо хрипела. Мертвый пес истекал кровью.

— Донна!

Он перехватил биту на замахе и вырвал из рук Донны. Бросил биту на землю и положил руки на голые плечи жены. Она обернулась к нему. Ее затуманенные глаза были совершенно пустыми, волосы — всклокоченными, как у ведьмы. Она посмотрела на Вика… покачала головой… и попятилась.

— Донна, милая… — прошептал он. — О гос-

поди.

* * *

Это был Вик, но Вика здесь быть не могло. Это мираж. Пес заразил ее бешенством, и у нее уже начались галлюцинации. Она попятилась… протерла глаза… но он никуда не исчез. Она протянула к нему дрожащую руку, и мираж взял ее в свои большие, сильные ладони. Это было приятно. Ее руки жутко болели.

— Вых? — прохрипела она еле слышно. — Вых… Вых… Вик?

— Да, милая. Это я. Где Тэд?

Нет, все-таки не мираж. Это действительно Вик. Ей хотелось заплакать, но у нее уже не было слез. Ее глаза просто вращались в глазницах, как шарики в перегретых подшипниках.

— Вик? Вик?

Он обнял ее одной рукой.

— Где *Тэд*, Донна?

— В машине. Ему плохо. Надо в больницу. — Она не могла говорить, только шептать, и даже шепот давался с трудом. Скоро голос совсем пропадет, и она сможет только беззвучно вылеплять слова губами. Но это не важно, совсем не важно. Вик приехал, он здесь. Они с Тэдом спасены.

Он оставил ее и побежал к машине. Донна так и стояла на месте, глядя на изувеченное тело пса. В общем-то все не так уж и плохо. Когда борешься за выживание, все остальное теряет значение: ты либо выживешь, либо умрешь. И это нормально. Так и должно быть. Ее уже не пугали ни кровь, ни мозги, вытекающие из расколотой головы Куджо. Страх прошел. С ними Вик, и они спасены.

– *Господи*. — В тишине голос Вика прозвучал неожиданно громко и тонко.

Она обернулась и увидела, как он что-то вытаскивает с заднего сиденья «пинто». Какой-то мешок. С апельсинами? С картошкой? С чем? Разве она ездила по магазинам до того, как все произошло? Да, она накупила продуктов. Но занесла все покупки в дом. Они с Тэдом вместе их занесли. Завезли на тележке. Тогда что же…

Тэд! — попыталась крикнуть она и побежала к нему.

Вик перенес Тэда в тонкую полоску тени под домом и уложил на землю. Лицо малыша было белым как мел. Волосы облепили его хрупкий череп, как прелая солома. Его руки лежали ладонями вверх на траве и, кажется, даже не приминали травинки.

Вик прижал ухо к груди Тэда. Потом поднял

глаза на Донну. Его лицо было бледным, но спокойным.

— Давно он умер, Донна?

Умер?! Она пыталась кричать, но голоса не было вовсе. Ее губы шевелились, как губы диктора в телевизоре с отключенным звуком. *Он не умер, он был жив, когда я его переложила на заднее сиденье. Он не мог умереть. Что ты говоришь, скотина?! Как у тебя только язык повернулся такое сказать?!*

Она пыталась все это произнести своим безголосым голосом. Неужели Тэд умер в тот самый миг, когда пес испустил дух? Нет, не может такого быть. Никакой бог, никакая судьба не бывают настолько чудовищно жестокими.

Она подбежала к мужу и оттолкнула его со всей силы. Не ожидавший этого Вик упал на пятую точку. Донна склонилась над Тэдом. Положила руки ему на голову. Открыла ему рот, зажала пальцами нос и принялась вдыхать воздух в легкие сына.

На гравийной дорожке сонные летние мухи уже облепили тела Куджо и шерифа Баннермана, мужа Виктории, отца Катрины. Они не делали различия между псом и человеком. Это были демократичные мухи. Солнце жарило во всю

мощь. Было без десяти час. Над полями дрожало жаркое марево. Небо сделалось цвета выцветших голубых джинсов. Предсказание тетушки Эвви сбылось.

Донна дышала за своего сына. Дышала. Дышала. Ее сын не умер; она прошла через ад вовсе не для того, чтобы он умер. А значит, он просто не мог умереть.

Он не мог умереть.

Она дышала. Дышала. Дышала за своего сына.

* * *

Она продолжала дышать и двадцать минут спустя, когда во двор въехала «Скорая». Она не подпускала Вика к сыну. Когда он пытался подойти ближе, она скалила зубы и беззвучно на него рычала.

Оглушенный горем почти до полного отупения, в глубине души твердо уверенный: то, что сейчас происходит, просто не может происходить на самом де- ле, — Вик вошел в дом Камберов через дверь, на которую так долго и пристально смотрела Донна. Внутренняя дверь на веранде была не заперта. Вик нашел телефон и позвонил куда следует.

Когда он вышел обратно во двор, Донна по-

прежнему делала искусственное дыхание их мертвому сыну. Он шагнуло было к ней, но передумал и подошел к «пинто». Открыл дверцу багажника и заглянул внутрь. Волна жара ударила ему в лицо. Неужели они просидели внутри вторую половину понедельника, весь вторник и первую половину среды? Невозможно в такое поверить.

Под полом багажника, в углублении для запаски, лежал старый плед. Вик развернул его и накрыл изувеченное тело Баннермана. Потом сел на траву и стал смотреть на городское шоссе номер 3 и запыленные сосны на другой стороне дороги. Его мысли безмятежно уплыли вдаль.

* * *

Водитель «Скорой» и двое санитаров погрузили тело Баннермана в машину. Затем подошли к Донне. Донна оскалила зубы. Ее пересохшие губы беззвучно вылепили слова: *Он жив! Жив!* Один из санитаров попытался поднять ее на ноги и увести. Донна его укусила. Позже ему самому был назначен курс уколов от бешенства. Второй санитар бросился ему на помощь. Донна отбивалась, как дикая кошка.

Санитары настороженно отступили. Вик сидел

на лужайке, подперев подбородок руками, и смотрел на дорогу.

Водитель «Скорой» принес шприц. Последовала отчаянная борьба. Шприц разбился. Тэд, по-прежнему мертвый, лежал на траве. Полоска тени у дома стала чуть шире.

Подъехали две патрульные машины. Среди прибывших полицейских был Роско Фишер. Когда ему сообщили о гибели Джорджа Баннермана, он расплакался. Двое других полицейских подошли к Донне. Снова последовала отчаянная борьба, и наконец четверо мужчин, потных и запыхавшихся, оттащили Донну Трентон от сына. Она чуть было не вырвалась, и Роско Фишер, глотая слезы, бросился на помощь коллегам. Донна беззвучно кричала и трясла головой. Принесли еще один шприц, и на этот раз санитарам удалось сделать укол.

Из машины вытащили каталку и подкатили ее к тому месту, где лежал на траве Тэд. Тэда, по-прежнему мертвого, перенесли на каталку. Санитары накрыли его простыней. Донна увидела, что происходит, и принялась вырываться с удвоенной силой. Высвободив одну руку, она била вслепую, куда попадет. А потом все-таки вырвалась.

— Донна, — сказал Вик, поднимаясь на ноги. — Милая, все кончено. Ты ему не поможешь.

Но она бросилась не к каталке, где лежал ее сын. Она подняла упавшую бейсбольную биту и принялась избивать мертвого пса. Мухи взвились над ним переливчатым черно-зеленым облаком. Жуткие звуки ударов напоминали стук мясницкого топора. При каждом ударе тело Куджо слегка вздрагивало.

Полицейские двинулись к Донне.

— Не надо, — тихо проговорил санитар, и через пару секунд Донна просто упала. Бейсбольная бита Бретта Камбера выскользнула из ее обмякшей руки.

* * *

«Скорая» уехала минут через пять, завывая сиреной. Перед самым отъездом санитар предложил Вику укол — «для успокоения нервов, мистер Трентон», — и хотя Вик уже был совершенно спокоен, он из вежливости согласился. Он поднял целлофановую упаковку от шприца, где было написано название фирмы. «АПДЖОН».

— Мы делали для них рекламу, — сказал он санитару.

— Правда? — с опаской отозвался санитар, со-

всем молодой парень, который боялся, что его скоро стошнит. Он никогда в жизни не видел такого кошмара.

Одна из полицейских машин ждала Вика, чтобы отвезти его в больницу в Бриджтоне.

— Мы можем задержаться еще на минутку? — спросил Вик.

Полицейские кивнули. Они тоже смотрели на Вика Трентона с опаской, словно он был заразным.

Он открыл обе дверцы «пинто». Ему пришлось поднапрячься, чтобы открыть водительскую дверцу; пес погнул ее так, что Вик никогда не поверил бы, что такое возможно. В салоне лежала сумочка Донны. Ее рубашка, порванная в одном месте, словно ее подрал пес. На приборной панели валялись обертки от копченых колбасных палочек и стоял термос, пахнущий прокисшим молоком. Вик увидел коробку со Снупи, и у него сжалось сердце. Он запретил себе думать о том, что это значит применительно к будущему — если после сегодняшнего жуткого дня есть хоть какое-то будущее. На полу под сиденьем он нашел одну кроссовку Тэда.

Тэдди, подумал он. *Тэдди*.

У него подкосились ноги, он тяжело опустился

на пассажирское сиденье и уставился на хромированную полоску, идущую по низу дверной рамы. Почему? Почему это произошло? Подобные вещи вообще не должны происходить, никогда и нигде. Как получилось, что столько разных случайностей так фатально совпали?

Голова взорвалась болью. В носу защипало, на глаза навернулись слезы. Он шмыгнул носом и провел рукой по лицу. Ему вдруг подумалось, что, если считать вместе с Тэдом, Куджо убил как минимум троих. Может быть, больше. Может, еще и Камберов. Были ли у того полицейского, которого он накрыл пледом, жена и дети? Наверняка.

Если бы я приехал сюда хоть на час раньше. Если бы я не заснул…

Внутренний голос кричал*: Я был так уверен, что это Кемп! Я был так уверен!*

Если бы я приехал сюда на четверть часа раньше, хватило бы этих несчастных пятнадцати минут? Если бы я не болтал с Роджером по телефону так долго, сейчас Тэд был бы жив? Когда он умер? Он действительно умер? На самом деле? И как мне теперь с этим справляться? Как мне жить дальше и не сойти с ума? Что будет с Донной?

Подъехала еще одна патрульная машина.

Вышедший из нее полицейский что-то сказал сотрудникам, которые ждали Вика. Один из них подошел к нему и сказал:

— Думаю, нам пора ехать, мистер Трентон. Квентин говорит, что сюда уже мчится толпа репортеров. Вряд ли вам хочется с ними общаться.

— Да, — сказал Вик и поднялся. И когда поднимался, краем глаза заметил какое-то желтое пятно почти за пределами поля зрения. Лист бумаги, торчащий из-под сиденья Тэда. Вик его вытащил и увидел, что это Слова против чудовищ, которые он сочинил для спокойствия Тэда. Лист, весь в пятнах пота, был сильно помят и надорван в двух местах; на сгибах бумага сделалась почти прозрачной.

Чудовища, прочь из комнаты Тэда!
Вам здесь нечего делать.
Никаких чудищ под кроватью у Тэда!
Вы там не поместитесь.
Никаких чудищ у Тэда в шкафу!
Там для вас мало места.
Никаких чудищ у Тэда за окном!
Вам там не за что уцепиться.
Никаких оборотней и вампиров,

Никаких кусачих страшилищ.
Вам здесь нечего делать.
Никто не тронет Тэда всю ночь.
Никто не обидит Тэда всю…

Вик не смог читать дальше. Он смял листок и швырнул его в тело мертвого пса. Эти слова — сентиментальная ложь, такая же ненадежная, как красный краситель в этих дурацких малиновых хлопьях. Все ложь. В мире полно чудовищ, которым позволено кусать беззащитных и неосторожных.

Он позволил увести себя к полицейской машине. Его увезли прочь, как уже увезли Джорджа Баннермана, Тэда Трентона и Донну Трентон. Чуть позже приехала ветеринар. Она посмотрела на мертвого пса, надела длинные резиновые перчатки и принесла из машины медицинскую пилу. Полицейские поняли, что сейчас будет, и отвернулись.

Ветеринар отпилила голову сенбернара и положила ее в большой белый полиэтиленовый пакет. В тот же день голову передали в лабораторию при Департаменте защиты животных для проверки мозга на бешенство.

Так что от Куджо уже ничего не осталось.

* * *

Во второй половине дня, без четверти четыре, Холли позвала Черити к телефону. Холли выглядела встревоженной.

— Какой-то строгий официальный голос, — сказала она.

Около часа назад Бретт все же поддался на бесконечные уговоры Джима-младшего и пошел вместе с ним на детскую площадку в Стратфордском общественном центре.

С тех пор в доме была тишина, слышались только негромкие голоса двух сестер, вспоминающих добрые старые времена — именно *добрые*, думала про себя Черити. Они вспоминали, как папа однажды свалился с кузова с сеном прямо в свежую коровью лепешку на дальнем поле (но не как он лупил их ремнем за любую реальную или воображаемую провинность, так что они потом долго не могли сидеть); как они тайком бегали в кинотеатр в Лисбон-Фоллс смотреть на Элвиса в «Люби меня нежно» (но не как маму лишили кредита в «Красном и белом» и она убежала из магазина в слезах, бросив у кассы корзину с продуктами, на глазах у других покупателей); как Рэд Тимминс из соседнего квартала всегда пытался поцеловать

Холли, когда она возвращалась из школы (но не как Рэд лишился руки в августе 1962-го, когда опрокинулся его трактор). Они обнаружили, что в шкафах прошлого вполне можно рыться… главное, не забираться слишком глубоко. Потому что там все еще могут скрываться чудовища, готовые укусить.

Черити дважды пыталась сказать сестре, что они с Бреттом завтра уедут домой, но пока ничего не сказала, потому что не знала, какие подобрать слова, чтобы Холли не обиделась и не решила, что им здесь не нравится.

Теперь эта проблема мгновенно забылась. Черити взяла трубку и поставила на столик, где стоял телефон, свою чашку со свежезаваренным чаем. Ей было тревожно. Каждому будет тревожно, если во время отпуска ему неожиданно позвонит кто-то со строгим официальным голосом.

— Алло, — сказала она.

* * *

Холли видела, как побелело лицо сестры. Слышала, как сестра говорит:

— Что? *Что?* Нет… нет! Это какая-то ошибка. Я говорю, это какая-то…

Она замолчала и стала слушать, прижав трубку к уху. Звонят из Мэна с какими-то жуткими новостями, подумала Холли. Это было понятно по застывшему, напряженному лицу сестры, хотя Холли не слышала ничего, кроме бессмысленного клекота в трубке.

Плохие новости из Мэна. Собственно, это и неудивительно. Им с Черити хорошо было сидеть в залитой солнцем кухне, пить чай, есть апельсиновые дольки и вспоминать, как они бегали в кинотеатр. Но приятные воспоминания не отменяли всего плохого, что произошло с ними в детстве: что-то плохое происходило всегда, каждый день, и эти кусочки мозаики складывались в картину настолько ужасную, что Холли, наверное, была бы только рада никогда больше не видеть старшую сестру. Не видеть и не вспоминать свои рваные хлопчатобумажные трусы, над которыми смеялись все одноклассницы. Сбор картошки на поле, когда нещадно болит скрюченная спина, а если выпрямиться слишком резко, кровь отливает от головы и ты чуть не падаешь в обморок. Рэд Тимминс — как тщательно они с Черити избегали упоминаний о его раздробленной руке, которую пришлось ампутировать, — но когда Холли об этом узнала,

она была рада. Да, *рада*. Потому что не забыла, как плакала, когда Рэд однажды швырнул в нее яблоком и разбил ей нос до крови. Она не забыла, как Рэд делал ей «крапивку» и смеялся. Она не забыла, что временами им было нечего есть и весь их обед состоял из куска хлеба с арахисовым маслом и овсяных хлопьев. Она не забыла, как пахло в уличном туалете за домом в жаркие летние дни. Если вам интересно, там пахло *дерьмом*, а это не самый приятный запах.

Плохие новости из Мэна. И по какой-то безумной причине, которую они с Черити никогда не станут обсуждать — даже если доживут до ста лет и проведут последние двадцать лет вместе как две престарелых вдовы, — по какой-то безумной причине Черити решила держаться за эту дерьмовую жизнь. Когда-то она была настоящей красоткой, а теперь подурнела. Вокруг глаз появились морщины. Грудь обвисла, и даже в бюстгальтере это заметно. У них разница в возрасте всего-то шесть лет, а кажется, будто шестнадцать. И что хуже всего, ее как будто совсем не волнует, что она обрекает на точно такую же тухлую жизнь своего славного, умного сынишку… если, конечно, он сам не сбежит от такой жизни. *Для туристов*, размышляла Холли

с яростной горечью, не унявшейся за все хорошие годы, *для туристов штат Мэн — это рай. Но для тех, кто родился и вырос в бедняцкой глуши, — это сплошные плохие новости, день за днем. А потом ты однажды посмотришься в зеркало, и оттуда на тебя глянет лицо Черити Камбер. И теперь — вот, получите и распишитесь, еще больше плохих новостей из Мэна, этой родины всех плохих новостей.* Черити положила трубку на место и застыла, вперив взгляд в телефон. Ее чай остался нетронутым.

— Джо умер, — вдруг объявила она.

Холли резко втянула в себя воздух. Зубам стало холодно. Ей хотелось крикнуть: *Зачем ты приехала? Я знала, что ты притащишь с собой этот ужас, и все так и вышло.*

— Ох, милая… — пробормотала она. — Как же так?!

— Это звонил человек из Огасты. Какой-то Мейсен из следственного отдела Генеральной прокуратуры.

— А как… Это была автомобильная авария?

Черити обернулась и посмотрела прямо на Холли, и та замерла в оторопи и ужасе, потому что ее сестра вовсе не походила на человека, которому только что сообщили плохую новость. Она похо-

дила на человека, которому только что сообщили хорошую новость. Морщины у нее на лице заметно разгладились. Ее взгляд был пустым… Но что скрывалось за пустотой: потрясение женщины, убитой горем, или мечтательное осознание новых возможностей?

Если бы Холли видела лицо Черити в те минуты, когда та убедилась, что выиграла в лотерею, ей бы все стало ясно.

— Черити?

— Это был пес, — сказала Черити. — Это был Куджо.

— Пес? — озадаченно переспросила Холли. Поначалу она не увидела никакой связи между смертью мужа сестры и домашним псом Камберов. Но потом поняла. Вспомнила искалеченную руку Рэда Тимминса, все поняла и повторила пронзительным, тонким голосом: — *Ваш пес?*

Прежде чем Черити успела ответить — если вообще собиралась ответить, — во дворе раздались радостные голоса. Звонкий, звенящий голос Джима-младшего и более низкий, но такой же веселый голос Бретта. И вот теперь лицо Черити изменилось. Стало жалким, растерянным и несчастным. Холли помнила такие лица и ненавидела их всей душой — в прошлом точно такое

же выражение почти не сходило с ее собственного лица.

— Бретт, — прошептала Черити. — Господи боже. Холли… как я скажу Бретту, что его отец умер?

Холли не знала, что на это ответить. Она беспомощно смотрела на сестру и думала, что лучше бы та не приезжала.

* * *

«БЕШЕНЫЙ ПЕС УБИЛ ЧЕТЫРЕХ ЧЕЛОВЕК ЗА ТРИ ДНЯ НЕПРЕСТАННОГО КОШМАРА», — гласил заголовок передовицы портлендской «Ивнинг экспресс», вышедшей в тот же вечер. Подзаголовок был набран шрифтом помельче: «Единственная выжившая женщина доставлена в Бриджтонскую городскую больницу. Врачи борются за ее жизнь». На следующий день в «Пресс-Геральд» на первой полосе: «ОТЕЦ РАССКАЗЫВАЕТ О ТЩЕТНОЙ БОРЬБЕ МАТЕРИ ЗА СПАСЕНИЕ СЫНА». В вечерних газетах история опустилась в самый низ первой страницы: «ВРАЧИ ГОВОРЯТ, ЧТО МИССИС ТРЕНТОН ХОРОШО РЕАГИРУЕТ НА ЛЕЧЕНИЕ ОТ БЕШЕНСТВА». На боковой врезке одним предложением: «ПО СООБЩЕНИЮ МЕСТНОГО ВЕТЕРИНАРА, У ПСА

НЕ БЫЛО ПРИВИВОК». Еще через день репортажи переместились уже на четвертую страницу: «В УПРАВЛЕНИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ШТАТА СЧИТАЮТ, ЧТО ВЗБЕСИВШИЙСЯ ПЕС В КАСЛ-РОКЕ ЗАРАЗИЛСЯ ОТ БОЛЬНОЙ ЛИСИЦЫ ИЛИ ЕНОТА». В последней на этой неделе статье говорилось, что Виктор Трентон не собирается подавать в суд на уцелевших членов семьи Камберов, которые «до сих пор пребывают в глубоком шоке». Статья была небольшой, но содержала краткое изложение всей истории. На следующей неделе в местной воскресной газете вышел большой тематический репортаж. Еще через неделю в одном из федеральных таблоидов напечатали сенсационный обзор под названием: «ТРАГЕДИЯ В ШТАТЕ МЭН: МАТЬ БЬЕТСЯ ЗА СЫНА С СЕНБЕРНАРОМ-УБИЙЦЕЙ». И больше об этом нигде ничего не писали.

* * *

Этой осенью в центральной части штата Мэн была паника. Все ждали вспышки бешенства. Что объяснялось, по мнению экспертов, «досужими слухами и жутким, но единичным случаем в Касл-Роке».

* * *

Донна Трентон пролежала в больнице почти месяц. Курс лечения после укусов бешеной собаки оказался болезненным, но эффективным. Однако болезнь была очень серьезной, а сама Донна впала в глубокую депрессию, и потому ее долго держали под наблюдением.

В конце августа Вик привез ее домой.

Этот тихий дождливый день они провели дома. Вечером, когда они сидели перед телевизором, не особо вникая в происходящее на экране, Донна спросила Вика про «Эд уоркс».

— Там все отлично, — сказал он. — Роджер сам запустил в производство последний ролик с профессором Шарпом… при участии Роба Мартина, конечно. Сейчас мы работаем над новой рекламной кампанией для всей линейки продукции Шарпа. — Это была не совсем правда. Над новой кампанией работал Роджер. Вик приезжал в офис три-четыре раза в неделю и либо гонял по столу карандаш, либо тупо таращился на свою пишущую машинку. — Но маркетологи «Шарпа» зорко следят, чтобы все, что мы делаем, не выходило за рамки контракта, подписанного на два года. Роджер был прав. Нас, скорее всего, турнут в шею.

Однако за эти два года мы сумеем подняться.

— Хорошо, — сказала она. У нее уже случались периоды просветления, когда она становилась похожей на себя прежнюю, но за исключением этих коротких периодов она все время ходила вялая и подавленная. Она похудела на двадцать фунтов и казалась болезненно тощей. Ее лицо было землистым и тусклым. Ее ногти слоились.

Она уставилась на экран, потом опять повернулась к Вику. У нее по щекам текли слезы.

— Донна, — сказал он. — Малышка.

Он обнял ее и прижал к себе. В его объятиях она была мягкой, но неподатливой. Ладонями он ощущал выпирающие кости.

— Мы сможем здесь жить? — выдавила она дрожащим голосом. — Вик, мы сможем здесь жить?

— Я не знаю, — сказал он. — Но придется попробовать.

— Наверное, надо было спросить, сможешь ли ты жить со мной. Если ты не захочешь… если ты скажешь «нет», я пойму. Правда пойму.

— Больше всего на свете я хочу жить с тобой. Кажется, я всегда это знал. Может быть, был один час — сразу после того, как я прочел ту записку от Кемпа, — когда я сомневался. Но это было один-единственный раз. Я люблю тебя, Донна.

Всегда любил.

Теперь она тоже его обняла и прижалась к нему еще крепче. В окна стучал летний дождь, на полу лежали узоры из пятен теней.

— Я не сумела его спасти, — сказала Донна. — Вот что меня убивает. Я постоянно об этом думаю… постоянно. Если бы я добежала до двери… если бы взяла эту биту чуть раньше… — Она судорожно сглотнула. — А когда я все-таки набралась смелости, все… все закончилось. Он уже умер.

Он мог бы сказать, что все это время она думала только о Тэде, позабыв о себе. Она не помчалась в дом лишь потому, что хорошо представляла, что будет с Тэдом, если пес бросится на нее прежде, чем она успеет проникнуть внутрь. Он мог бы сказать, что долгая осада ослабила Куджо точно так же, как и саму Донну, и если бы она попыталась выйти на него с битой чуть раньше, все могло бы закончиться по-другому; он и так чуть было не загрыз ее в самом конце. Но Вик понимал, что Донна сама это знает, и никакие логические рассуждения не заглушат боли в сердце, когда взгляд натыкается на стопку детских книжек-раскрасок, на пустые, застывшие качели на заднем дворе. Никакие логические рассуждения не избавят от страшного чувства вины и ощущения собствен-

ной несостоятельности. Такие раны лечит лишь время, да и то не до конца.

Он сказал:

— Я тоже не сумел его спасти.

— Ты…

— Я был так уверен, что это Кемп. Если бы я приехал чуть раньше, если бы я не заснул, если бы не болтал с Роджером по телефону…

— Нет, — мягко сказала она. — Не надо.

— Мне надо. И наверное, тебе тоже надо. Нам нужно просто жить дальше. Так всегда и бывает. Люди просто живут. И пытаются как-то помочь друг другу.

— Мне все время кажется, что он здесь… повсюду, за каждым углом.

— Да. Мне тоже.

Две недели назад, в субботу, Вик с Роджером отвезли все игрушки Тэда в Армию спасения. Потом вернулись домой, почти в полном молчании выпили пива под бейсбольный матч по телевизору. Когда Роджер уехал, Вик поднялся в комнату Тэда, сел на кровать и расплакался. Он рыдал так, что внутри все рвалось. Он рыдал и хотел умереть, но, конечно, не умер. И на следующий день вернулся к работе.

— Сделай нам кофе, — сказал он, легонько

шлепнув ее по заднице. — Я пока разожгу камин. А то как-то здесь зябко.

— Хорошо. — Она поднялась с дивана. — Вик?

— Что?

Она проглотила комок, вставший в горле.

— Я тоже тебя люблю.

— Спасибо, — сказал он. — Ты даже не представляешь, как мне это нужно.

Она улыбнулась слабой улыбкой и пошла варить кофе. Они пережили этот вечер, хотя Тэд по-прежнему был мертв. Они пережили следующий день. И еще много дней. Это было непросто. Так прошли весь август и сентябрь, но уже поздней осенью, когда начался листопад, стало чуточку легче. Совсем чуть-чуть.

* * *

Она сидела как на иголках, но старалась не выдавать своего волнения.

Когда Бретт вернулся из сарая, стряхнул снег с ботинок и вошел в кухню, Черити сидела за столом и пила чай. Сначала Бретт ничего не сказал, просто молча смотрел на нее. За последние полгода он похудел и заметно вытянулся. Раньше он был невысоким, но крепко сбитым, а теперь стал нескладным и долговязым. Его оценки за

первую четверть вышли не очень хорошими, и он дважды подрался на школьном дворе — видимо, из-за этой истории прошлым летом. Но во второй четверти его оценки были гораздо лучше.

— Мама? Мам? Это…

— Его принес Элва, — сказала она и аккуратно поставила чашку на блюдце. Чашка даже не звякнула. — Если не хочешь его оставлять, не надо. Элва его заберет.

— Ему сделали прививки? — спросил Бретт, и ее сердце болезненно сжалось. У детей вообще не должно быть подобных вопросов, а Бретт задал его первым делом.

— Кстати, да. Сделали, — сказала она. — Элва пытался свалить все на меня, но я заставила его показать мне счет от ветеринара. За все про все девять долларов. Прививки от чумки и бешенства. И тюбик мази от ушного клеща. Если ты не захочешь его оставлять, Элва вернет мои девять долларов.

С деньгами у них было туго. Поначалу Черити даже не была уверена, что им удастся сохранить дом и участок — и стоит ли пытаться их сохранить. Она поговорила с Бреттом и была с ним предельно честной. Они получили небольшую страховку. Мистер Шупер из банка «Каско» в Бри-

джтоне объяснил Черити, что можно положить эти деньги — вкупе с выигрышем в лотерею — на специальный счет доверительного управления, и этих средств хватит на выплаты по ипотеке в течение пяти лет. Черити устроилась на работу в упаковочный цех единственного в Касл-Роке промышленного предприятия «Трейс Оптикал». На продаже всего оборудования из мастерской Джо — включая новый мини-кран — удалось выручить еще три тысячи долларов. У них *есть* возможность сохранить дом и участок, сказала она Бретту, но тогда им придется считать каждый цент. Или можно продать ферму и снять квартиру в городе. Бретт думал всю ночь, а потом оказалось, что он хочет того же, чего хочет Черити: сохранить дом. Поэтому они остались.

— Как его зовут? — спросил Бретт.

— Пока никак. Его только-только отняли от мамки.

— Он породистый?

— Да, — рассмеялась она. — Чистокровный двортерьер, помесь пятидесяти семи пород.

Он улыбнулся, и это была вымученная улыбка. Однако Черити рассудила, что даже вымученная улыбка лучше, чем вообще никакой.

— Можно взять его в дом? Там опять пошел

снег.

— Только постели на пол газеты. Если он напрудит лужу, убирать будешь сам.

— Хорошо, — сказал он и открыл дверь, чтобы выйти.

— Как ты его назовешь, Бретт?

— Я не знаю. — Он долго молчал. — Пока не знаю. Надо подумать.

Ей показалось, он плачет, но она сдержалась и не бросилась к нему. К тому же он стоял к ней спиной, и она могла ошибиться. Он уже почти взрослый, и, как бы ни было больно это осознавать, она понимала, что взрослые сыновья очень не любят, когда матери видят их слезы.

Бретт вышел во двор и принес щенка в дом, держа его на руках, как младенца. Пес оставался без имени до весны, а потом они оба стали звать его Уилли. Это вышло само собой. Он был маленьким, жизнерадостным, короткошерстным, как говорится, по большей части терьером. В общем, вылитым Уилли. Кличка быстро прижилась.

Гораздо позже, в конце весны, Черити немного повысили зарплату. Она стала откладывать по десять долларов в неделю. Бретту на университет.

* * *

Вскоре после ужасных событий во дворе у Камберов останки Куджо были кремированы. Пепел отправили с партией мусора на мусороперерабатывающий завод в Огасте. Наверное, все-таки стоит сказать, что Куджо старался быть хорошим псом. Он всегда делал все, чего от него ожидали и требовали ХОЗЯИН, ХОЗЯЙКА и МАЛЬЧИК. Он бы умер за них, если нужно. Он не хотел никого убивать. Он сам стал жертвой судьбы, злого рока или просто болезни под названием «бешенство». Свободная воля тут ни при чем.

* * *

Маленькая пещера, куда Куджо загнал кролика, не обнаружена до сих пор. Со временем, по каким-то своим непонятным причинам, летучие мыши перебрались оттуда в другое место. Кролик не сумел выбраться и умер от голода тихой, медленной смертью. Его кости, насколько я знаю, так и лежат вперемешку с костями других мелких животных, которым не посчастливилось туда забраться.

Вот я, значится, и говорю,

Вот я, значится, и говорю,
Вот я, значится, и говорю,
Мой старый пес нынче в собачьем раю.

Народная песня

Сентябрь 1977 — март 1981